Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Штурвал тьмы

Линкольн Чайлд — дочери Веронике

Дуглас Престон — Нэту и Равиде, Эмили, Эндрю и Саре

Глава 1

Единственными движущимися объектами на всем протяжении глубокой и узкой долины Лльолунг были две черные точки. Вряд ли крупнее расколотых морозом валунов, усеявших дно ущелья, они медленно двигались по едва заметной тропе. Сама долина представляла собой пустынное, унылое место без единого деревца, где лишь ветер свистел да эхом отражались от утесов крики черных орлов. Всадники приближались к гранитной скале высотой две тысячи футов, с которой пенистым шлейфом вился поток воды — исток священной реки Цангпо[1]. Тропа исчезала в глубине узкого туннеля в толще каменной стены, затем появлялась уже выше, в виде расселины, под углом выходящей из отвесной скалы, достигала длинного гребня горы и вновь скрывалась среди зубчатых камней и изломов. А фоном и обрамлением этой картины служили величественные заснеженные громады трех гималайских гор — Дхаулагири, Аннапурны и Манаслу, над которыми вздымалось море грозовых туч.

Двое продвигались вверх по долине, кутаясь от пронизывающего ледяного ветра в плащи с капюшонами. Это был последний этап долгого путешествия, и, несмотря на близкую грозу, ускорить шаг не удавалось, потому что лошади балансировали на грани истощения. Приблизившись к туннелю, всадники дважды пересекли неширокий, но стремительный поток, затем так же медленно въехали в узкое ущелье и скрылись из виду.

Внутри теснины путники продолжали следовать по едва заметной тропинке над ревущим потоком. В затененных местах, там, где сходились каменная стена и усеянное булыжниками дно туннеля, яму и провалы заполнял голубоватый лед. Темные тучи неслись по небу, гонимые крепчающим ветром, который стонал и завывал в верхних пределах теснины.

У подножия огромной каменной стены тропа внезапно начала забирать вверх по крутой и пугающей расселине. Некогда построенный на выступающем языке скалы древний сторожевой пост лежал в руинах — четыре разрушенных каменных стен ныне служили пристанищем лишь стае дроздов. У самого начала расселины стоял громадный камень-мани[2], с вырезанной на нем тибетской молитвой, стертый и

отполированный руками тысяч путников, желавших получить благословение перед опасным путешествием на вершину. У сторожевого поста всадники спешились. Отсюда они, были вынуждены продолжать путь вверх по узкой тропке пешком, ведя лошадей в поводу, поскольку низко нависающая скала не позволяла ехать верхом. Местами оползни и обвалы точно скребком прошлись по крутому каменному склону, сметая и тропу. Провалы забрали грубыми досками, образовавшими что-то вроде узких скрипучих мостов без перил. Во всех остальных местах тропа пролегала так круто, что путешественники и лошади были вынуждены взбираться по высеченным в скале ступеням, скользким и неровным, стертым ногами бесчисленных паломников и животных.

Ветер изменился; теперь он проносился по ущелью с громким воем, неся снежные хлопья. На скалы упала грозовая тень, погружая все во мрак, темный как ночь. Тем не менее двое продолжали двигаться вверх по обледенелым ступеням и каменным выемкам. Рев бурлящего рядом водопада диким эхом метался между скалами, перекликаясь с завыванием ветра, — словно таинственные существа говорили на каком-то непонятном наречии.

Когда же путешественники взобрались наконец на вершину кряжа, ветер почти преградил им путь, трепля плащи и жаля плоть. Сгибаясь навстречу ураганным порывам, люди тащили вперед упирающихся лошадей и медленно двигались вдоль хребта, пока не достигли полуразрушенной деревни. Это было мрачное, безлюдное место; дома повалены каким-то давним катаклизмом, бревна раскиданы и переломаны, а глиняные кирпичи вновь обратились в прах, из которого были когда-то слеплены.

В центре деревни возвышался сложенный из камней алтарь, увенчанный шестом, на котором громко хлопали на ветру десятки изодранных флагов, усеянных молитвенными надписями. Чуть дальше лежало кладбище с остатками разрушенной стены; эрозия обнажила могилы, раскидав кости и черепа по длинному осыпающемуся щебенистому откосу. Когда двое приблизились, стая ворон шумно вспорхнула с обломков стены, хлопаньем крыльев выражая свой протест, и хриплое карканье понеслось ввысь, к свинцовым тучам.

У груды камней один из путников остановился, жестом призывая спутника подождать. Наклонился, поднял с земли старый камень и добавил его к остальной груде. Ненадолго застыл в медитации под порывами ветра, рвущими длинный плащ, а затем вновь взялся за поводья. Путешественники продолжили путь.

За покинутой деревней тропа резко сузилась и пошла вдоль неровной, словно изрезанной кромки обрыва. Борясь с неистовством ветра, двое медленно двигались по тропинке, которая постепенно заворачивала

вокруг выступа горы. И вот наконец на фоне темного неба стали различимы зубчатые стены и остроконечные башни внушительной крепости.

Это был монастырь, известный под названием Гзалриг Чонгг, которое переводилось примерно как «Сокровище постижения пустоты». По мере того как тропинка бежала дальше вокруг горы, монастырь делался все отчетливее: рыжие стены с контрфорсами, поднятые на граните утеса, башни под островерхими крышами тут и там посверкивающими заплатками листового золота.

Монастырь Гзалриг Чонгг был одной из немногих обителей в Тибете, избежавших опустошительных последствий китайского вторжения, когда военные выдворили из страны далай-ламу, убили тысячи монахов и разрушили бессчетное количество монастырей и религиозных сооружений. Гзалриг Чонгг был пощажен отчасти из-за своей крайней удаленности и близости к спорной границе с Непалом. Но также и благодаря простому бюрократическому недосмотру: само его существование каким-то образом ускользнуло от внимания властей. Даже сегодня на картах так называемого Тибетского автономного района этот монастырь не обозначен, и монахи приложили все усилия, чтобы так оно и оставалось.

Тропа пошла мимо отвесной каменистой осыпи, где стайка грифов выуживала из-под камней раскиданные тут и там кости.

— Похоже, совсем недавно здесь побывала смерть, — пробормотал один из путников, кивая в сторону стервятников, которые деловито перепрыгивали с места на место, начисто лишенные страха.

— Почему?

— Когда монах умирает, его тело разрубают на куски и выбрасывают диким зверям. Считается высшей честью скормить свои бренные останки другим живым существам и тем самым поддержать их существование.

— Странный обычай.

— Напротив, логика безупречна. Это наши обычаи странные.

Тропа закончилась у маленьких ворот в массивной, опоясывающей монастырь стене. Ворота были открыты, и в них стоял монах, закутанный в длинное одеяние алого и желтооранжевого цветов. Он держал зажженный факел, словно поджидая гостей.

Путешественники, горбясь от холода, прошли в ворота, ведя лошадей в поводу. Появился второй монах, молча принял у них поводья и повел

животных в сторону, к конюшням, находящимся там же, в пределах крепостной стены.

В сгущающихся сумерках новоприбывшие остановились перед первым монахом. Тот ничего не говорил, а просто ждал.

Один из путников сбросил капюшон, открыв бледное вытянутое лицо, с чертами, будто высеченными из мрамора, светлыми волосами и ясными, серо-стального цвета глазами. Столь характерная внешность явственно указывала, что это не кто иной, как специальный агент ФБР Алоиз Пендергаст.

Монах повернулся ко второму путнику, и тот нерешительным движением откинул свой капюшон. Каштановые волосы тут же растрепались на ветру, осыпанные взвихренными снежными хлопьями. Она стояла, слегка наклонив голову, молодая женщина, на вид чуть старше двадцати, с тонким лицом, высокими скулами и красиво очерченными губами — воспитанница Пендергаста Констанс Грин. Стремительно обвела все вокруг пронзительным взглядом фиалковых глаз и опять опустила взгляд.

Несколько секунд монах смотрел на нее, затем, не говоря ни слова, повернулся и сделал знак следовать за ним.

Пендергаст и его подопечная в молчании последовали за монахом по каменной дорожке к главному комплексу. Провожатый миновал вторые, внутренние, ворота и ступил в темные пределы самого монастыря, где воздух полнился запахами сандала и воска. Громадные, окованные железом двери с глухим звуком закрылись за путниками, заглушая вой ветра до неясного шепота. Все трое пошли по длинному коридору, одна сторона которого была уставлена молитвенными мельницами[3] — медными цилиндрами, которые, скрипя, вращались вокруг вертикальной оси, приводимые в движение каким-то скрытым механизмом. Коридор раздваивался, уходя все глубже в недра монастыря. Впереди появился еще один монах он нес в медных подсвечниках большие свечи, мерцающее пламя которых выхватывало из тьмы древние фрески на обеих стенах.

Коридор, сделав несколько поворотов, придававших ему сходство с лабиринтом, привел наконец в большую комнату. Один ее конец занимала статуя Падмасамбхавы[4], тантрического Будды, подсвеченная сотнями свечей. В отличие от большинства изображений Будды — созерцательного, с полузакрытыми глазами — глаза тантрического Будды были широко раскрыты, в них играла жизнь, что символизировало обостренное восприятие, результат постижения сакральных истин Дзогчен[5] и Чонгг Ран.

Монастырь Гзалриг Чонгг был одним из двух храмов в мире, культивирующих древнюю буддийскую практику Чонгг Ран — тайное учение, известное немногим посвященным под названием «Сокровище изменчивого ума».

У входа во внутреннее святилище путешественники остановились. В дальнем его конце на каменных скамьях, размещенных ярусами, сидели в молчании несколько монахов, как будто бы ожидая кого-то.

Самый верхний ярус занимал настоятель монастыря, человек примечательной внешности. Его древнее морщинистое лицо отметила печать смешливости, даже почти веселья. Рядом сидел монах помоложе, также известный Пендергасту, исключительно хорошо сохранившийся человек лет шестидесяти — Цзеринг. Он был одним из очень немногих монахов, говоривших по-английски, и выступал в роли администратора монастыря. Ниже в ряд располагались двадцать монахов: несколько подростков, а остальные — древние и сморщенные от старости.

Цзеринг поднялся и бегло заговорил по-английски со странной тибетской напевностью:

— Друг Пендергаст, милости просим вновь в монастырь Гзалриг Чонгг. Мы также приветствуем твоего гостя. Пожалуйста, присядьте и выпейте с нами чаю.

Он повел рукой в сторону каменной скамьи с двумя расшитыми шелком подушками — единственными подушками в комнате. Гости сели, и через несколько мгновений появились несколько монахов с медными подносами, уставленными чашками дымящегося чая с маслом и цзампой[6]. Некоторое время в молчании пили сладкий чай, и лишь когда закончили, Цзеринг заговорил:

— Что вновь привело друга Пендергаста в Гзалриг Чонгг?

Спецагент встал.

— Благодарю тебя, Цзеринг, за гостеприимство, — негромко произнес он. — Рад, что снова нахожусь тут. Я вернулся к тебе для того, чтобы продолжить путь медитации и просветления. Позволь представить мисс Констанс Грин, которая пришла в надежде поучиться. — С этими словами он взял спутницу за руку, и девушка встала.

Наступило долгое молчание. Наконец Цзеринг поднялся с места, подошел к Констанс и встал перед ней, спокойно глядя ей в лицо. Затем поднял руку и легонько дотронулся пальцами до ее волос, так же мягко коснулся грудей — сначала одной, потом другой. Грин продолжала стоять не шелохнувшись.

— Ты женщина? — спросил монах.

— Уверена, вы и раньше видели женщин, — сухо ответила она.

— Нет, — ответил Цзеринг. — Я не видел женщин с тех пор, как пришел сюда. Мне было тогда два года.

Констанс покраснела.

— Извините. Да, я женщина.

Цзеринг повернулся к Пендергасту:

— Это первая женщина, явившаяся в Гзалриг Чонгг. Мы никогда прежде не принимали женщин учиться. Я сожалею, но это недопустимо. Особенно теперь, в разгар погребальных церемоний по преподобному Ралангу Ринпоче.

— Так Ринпоче умер? — спросил Пендергаст.

Цзеринг поклонился.

— Мне жаль слышать о смерти высочайшего ламы.

При этих словах монах улыбнулся:

— Не беда. Мы найдем его перевоплощение, девятнадцатого Ринпоче, и он опять будет с нами. Это мне жаль отвергать твою просьбу.

— Женщина нуждается в вашей помощи. Мы оба... устали от мира и прошли долгий путь, чтобы обрести покой. Покой и исцеление.

— Я знаю, какое трудное путешествие вы совершили. Знаю, как сильно вы надеетесь. Но Гзалриг Чонгг существует тысячу лет без женского присутствия, и это нельзя изменить. Она должна уйти.

Опять наступило долгое молчание. Наконец Пендергаст поднял глаза к древней неподвижной фигуре, занимающей наивысшее место.

— Это также и решение настоятеля?

Поначалу не было никаких признаков движения. Сторонний наблюдатель даже мог принять иссохшего, дряхлого старца с бессмысленной улыбкой за идиота, впавшего в детство. Но вот последовало легчайшее касание костлявым пальцем, и один из молодых монахов, поднявшись к настоятелю, в поклоне приблизил ухо вплотную к беззубому рту старика. Через мгновение он выпрямился, сказал что-то Цзерингу, и тот перевел:

— Настоятель просит женщину назвать свое имя.

— Я Констанс Грин, — послышался негромкий, но твердый голос.

Цзеринг повторил это для настоятеля, испытывая некоторое затруднение при толковании имени.

Последовало еще одно касание пальцем — и вновь патриарх пробормотал что-то на ухо молодому монаху, который громко озвучил речь старика.

— Настоятель спрашивает, настоящее ли это имя, — перевел Цзеринг.

— Да, это мое настоящее имя, — кивнула девушка.

Старый лама медленно поднял руку, похожую на палку, и длинным ногтем указал на потускневшую стену. Все глаза обратились к храмовой росписи, скрытой за одной из многих драпировок.

Цзеринг подошел и, приподняв ткань, поднес к стене свечу. Пламя осветило богатое и многосложное изображение: ярко-зеленое женское божество с восемью руками, сидящее на белом лунном диске, а вокруг, словно подхваченные бурей, — кружащиеся боги, демоны, облака, горы и вьющаяся золотая вязь.

Старый лама долго бормотал что-то беззубым ртом на ухо молодому монаху. Затем откинулся назад и вновь расплылся в улыбке.

— Его святейшество просит обратить внимание на тханку[7] — живописное изображение Зеленой Тары, — перевел Цзеринг.

Среди монахов послышались шорох и перешептывания — они поднялись со своих мест и почтительно выстроились полукругом вокруг росписи, как студенты в ожидании лекции.

Старый лама махнул костлявой рукой в сторону Констанс Грин, призывая ее присоединиться к этому кружку, что она торопливо и сделала. Монахи, шурша одеждами, расступились, освобождая ей место.

— Это изображение Зеленой Тары, — продолжал Цзеринг, чуть запаздывая переводить едва слышные слова старого монаха. Мать всех Будд. Она обладает неизменностью, а также мудростью и живостью ума, сообразительностью, щедростью и бесстрашием. Его святейшество приглашает женщину подойти поближе рассмотреть мандалу[8] Зеленой Тары.

Констанс неуверенно шагнула вперед.

— Его святейшество спрашивает, почему ученику дано имя Зеленой Тары[9].

Девушка оглянулась.

— Я вас не понимаю.

— Констанс Грин. Это имя содержит два важных атрибута Зеленой Тары. Его святейшество спрашивает, как вы получили свое имя.

— Грин — моя фамилия. Это распространенная английская фамилия, но я понятия не имею о ее происхождении. А имя Констанс было мне дано матерью. Оно было популярно в… словом, в те времена, когда я родилась. Всякое совпадение моего имени с Зеленой Тарой, очевидно… просто совпадение.

Теперь настоятель принялся смеяться, сотрясаясь всем телом. Потом, при содействии двух монахов, с усилием поднялся на ноги. Через несколько мгновений он уже стоял, но будто тростинка на ветру, словно даже легчайший толчок заставил бы его безвольно повалиться. Все еще продолжая дробно и беззвучно смеяться и, казалось, громыхая костями, он заговорил тихим, хриплым от одышки голосом, обнажая розовые десны.

— Простое совпадение? Такого не существует. Ученик сказал смешную шутку, — перевел Цзеринг. — Настоятель любит хорошую шутку.

Констанс переводила взгляд с Цзеринга на патриарха и обратно.

— Означает ли это, что мне разрешат здесь учиться?

— Это означает, что твое учение уже началось, — ответил. Цзеринг, теперь уже сам улыбнувшись.

Глава 2

В одном из отдаленных залов монастыря Гзалриг Чонгг бок о бок сидели на скамье двое: Алоиз Пендергаст и Констанс Грин. Солнце клонилось к горизонту. За обрамленными камнем окнами открывался вид на долину Лльолунг, а за ней высились вершины Гималайских гор, омытые розовым отблеском заката. Снизу доносился отдаленный рокот водопада из верховий долины. Над всем этим прозвучал глубокий голос трубы-дзунг, эхом разносясь по горам и ущельям.

Прошло два месяца со времени приезда путешественников в монастырь. Настал июль, а вместе с ним в высокие предгорья Гималаев пришла весна. Зеленели долины, усеянные полевыми цветами, а на склонах розовели дикие розы — цветы дрока.

Двое сидели в молчании. Оставалось две недели до окончания их пребывания здесь.

Снова послышался напев трубы, и в этот самый момент огненно-красный свет погас на царственных пиках Дхаулагири,

Аннапурны и Манаслу — трех из десяти величайших вершин мира. Тут же стремительно спустились сумерки, заливая долину подобно темному половодью.

Пендергаст пробудился от молчания.

— Твое обучение идет успешно. Исключительно успешно. Настоятель доволен.

— Да. — Голос Констанс прозвучал негромко, почти отрешенно.

Алоиз накрыл ее руку своей. Прикосновение вышло легким и невесомым, как прикосновение упавшего листа.

— Мы не говорили об этом раньше, но я хотел спросить… Все ли прошло гладко в февершемской клинике? Не было ли каких осложнений в ходе… э… процедуры? — Пендергаст говорил с несвойственной ему неловкостью, с трудом подбирая слова.

Констанс не отвела взгляд от гряды заснеженных гор.

Пендергаст неловко помялся.

— Жаль, что ты не допускаешь меня в свой мир.

Грин склонила голову, по-прежнему пребывая в молчании.

— Констанс, я очень тебя люблю и беспокоюсь о тебе. Быть может, я недостаточно энергично высказывался на этот счет прежде. Если так, прошу меня простить.

Констанс ниже опустила голову, залившись краской.

— Спасибо.

Отрешенность улетучилась из ее голоса, сменившись чуть заметным эмоциональным трепетом. Она резко встала, глядя в сторону.

Пендергаст поднялся следом.

— Прости, Алоиз, но мне нужно немного побыть одной.

— Конечно.

Спецагент смотрел, как девушка удаляется, пока ее стройная фигурка не растворилась как привидение в каменных коридорах монастыря. Тогда Пендергаст обратил взгляд к горному пейзажу за окном, погрузившись в глубокую задумчивость.

Когда тьма наполнила помещение, звучание дзунга оборвалось и последняя нота на несколько секунд повисла в воздухе угасающим среди гор эхом. Кругом царило безмолвие, как если бы наступление ночи

принесло с собой состояние полного, застывшего покоя. А затем из чернильных теней в дальнем конце зала материализовалась фигура — старый монах в шафранного цвета балахоне. Высохшей рукой он сделал Пендергасту знак приблизиться, используя характерное тибетское потряхивание запястьем.

Алоиз медленно двинулся в сторону монаха. Человек повернулся и, шаркая ногами, скрылся в темноте.

Спецагент последовал за ним, весьма заинтригованный. Провожатый уводил его по полутемным коридорам туда, где пребывал легендарный затворник — монах, добровольно позволивший замуровать себя в келье, где места хватало лишь для медитации сидя. Отрезанный от мира, он только раз в день получал пищу в виде хлеба и воды, которые передавались сквозь единственное отверстие размером с кирпич.

Старый монах остановился перед кельей — вернее, перед ничем не примечательной на первый взгляд темной стеной. Но ее старые камни были отполированы руками тысяч приходивших попросить у отшельника мудрости. Говорили, что его замуровали в возрасте двенадцати лет. Сейчас он достиг почти столетнего возраста— оракул, прославившийся уникальным даром пророчества.

Монах дважды постучал ногтем по камню. Через минуту незакрепленный кирпич в лицевой стене начал потихоньку отодвигаться, медленно выходя из паза. Появилась высохшая, сморщенная рука, белая как снег, с просвечивающими венами. Она повернула сдвинутый камень боком, открывая маленькое пространство.

Монах наклонился к отверстию и что-то тихо пробормотал. Затем поднес для ответа ухо. Шли минуты, и до Пендергаста доносился только легчайший шепот. Монах выпрямился, видимо удовлетворенный, и сделал знак приблизиться. Пендергаст повиновался, наблюдая, как камень вернулся в прежнее положение.

Внезапно скалистая стена рядом с каменной кельей изошла глубокой трещиной, которая стала расширяться, точно раскрываясь, и наконец каменная дверь с резким скрипучим звуком отворилась, подчиняясь какому-то невидимому механизму. Пахнуло неведомым ароматным веществом. Монах вытянул руку, приглашая Пендергаста войти, и когда специальный агент переступил порог, стена за его спиной сдвинулась, возвращаясь в прежнее положение. Провожатый не последовал за ним — Пендергаст был один.

Из мрака появился монах, держа в руке оплывшую свечу. В последние семь недель в Гзалриг Чонгг, как и в свои предыдущие визиты, Пендергаст научился распознавать в лицо всех здешних обитателей — и тем не менее это лицо было ему незнакомо. Он понял, что находится во

внутреннем, сокровенном монастыре, о котором только шептались, но никогда открыто не признавали его существования. Доступ сюда, в некую скрытую от глаз святая святых — который, как он понимал, посторонним был абсолютно запрещен, — очевидно, и охранялся заточенным в камне стражем. Это был монастырь внутри монастыря, в котором с полдюжины полностью изолированных от внешнего мира монахов проводили жизнь в уединении, глубочайшей медитации и неустанных ментальных упражнениях. Никогда не видя белого света, они не общались напрямую с монахами внешнего монастыря, охраняемые невидимым отшельником. Однажды Пендергаст слышал, будто полдюжины избранных настолько отошли от мира, что свет солнца, попади он на их кожу, убил бы затворников.

Алоиз последовал за незнакомым монахом по узкому коридору, ведущему в самые глубокие и отдаленные части монастырского комплекса. Стены переходов делались все более грубыми и шероховатыми, и Пендергаст догадался, что они представляют собой туннели, вырубленные прямо в скале. Туннели оштукатурили и расписали фресками тысячу лет назад, а ныне роспись почти стерлась, разрушилась под воздействием дыма, влаги и времени. Коридор повернул, потом еще раз, минуя маленькие каменные кельи с живописными изображениями Будды или росписи тханка, подсвеченные свечами и окуриваемые фимиамом. Никто не встретился по пути — только череда ниш без окон да безлюдные туннели, сырые и гулкие в своей пустоте.

Наконец, когда путешествие начало казаться бесконечным, монах и Алоиз подошли к другой двери; эта была стянута полосами из промасленного железа, скрепившими толстые железные пластины. Взмах ключа — и с некоторым усилием дверь отворилась.

Комната за ней оказался маленькой и тусклой, освещенной одинокой масляной лампой. Стены были обшиты старым деревом, искусно инкрустированным резьбой, теперь почти стертой. Вился дым от благовоний, пряный и смолистый. Пендергасту потребовалось некоторое время, чтобы оглядеться и осмыслить то примечательное обстоятельство, что комната наполнена сокровищами. У дальней стены стояли десятки украшенных барельефами ларцов из тяжелого золота с плотно закрытыми крышками. Рядом штабелями высились кожаные мешки, некоторые уже полуистлевшие, из которых частично про сыпалось содержимое в виде золотых монет — от старых английских соверенов и греческих статиров до массивных моголов. Вокруг мешков теснились маленькие деревянные бочонки; их доски вспучились и тоже наполовину сгнили, «роняя» как необработанные, так и ограненные рубины, изумруды, сапфиры, алмазы, бирюзу, турмалины и оливины.

Другие, как показалось Пендергасту, были наполнены маленькими золотыми слитками и овальными японскими кобанами[10].

У стены справа лежали шалмеи[11] и рожки-канглинг[12] из черного эбенового дерева, слоновой кости, золота и инкрустированные драгоценными камнями. Были здесь и колокольчики от дорже[13] из серебра и сплава серебра с золотом, а также человеческие черепа с отделанными драгоценными металлами, бирюзой и кораллами сводами. В другом месте теснились золотые и серебряные статуи, причем одну из них украшали сотни звездчатых сапфиров; там же, неподалеку, уютно устроенные в деревянных упаковочных клетях с соломой, виднелись прозрачные чаши, фигурки и декоративные тарелки из прекраснейшего нефрита.

А налево, только руку протяни — величайшее сокровище из всех: сотни полок, заполненных пыльными свитками, свернутыми тханками и кипами пергаментов, перевязанных шелковыми шнурками.

Настолько поразительна была эта выставка сокровищ, что Пендергаст не сразу понял, что в ближнем углу на подушке сидит, скрестив ноги, человек.

Монах, который привел его, поклонился, молитвенно сложив руки, и удалился. Железная дверь лязгнула за ним — это повернулся запорный механизм. Монах, сидевший в позе лотоса, жестом указал на подушку рядом с собой и произнес по-английски:

— Пожалуйста, садитесь.

Пендергаст поклонился и сел.

— Крайне необычная комната, — проговорил Алоиз и, выждав небольшую паузу, добавил: — И крайне необычное благовоние.

— Мы хранители монастырских сокровищ: золота, серебра и других эфемерных вещей, которые мир считает богатством, — услышал спецагент в ответ. Человек говорил на размеренном, отточенном английском, с оксфордским акцентом. — Мы также распорядители библиотеки и собрания религиозной живописи. «Благовоние», которое вы упомянули, — это смола дерева доржан-цин. Мы жжем его здесь непрестанно, чтобы не дать прожорливым гималайским червям-древоточцам погубить все деревянные, бумажные или шелковые реликвии.

Пендергаст кивнул, пользуясь возможностью изучить монаха более пристально. Тот оказался стар, но крепок и жилист, на удивление в хорошей физической форме. Его красно-оранжевые одежды плотно облегали тело, голова была выбрита. Ноги босы и почти черны от грязи.

На гладком лице «без возраста» сияли глаза, излучая ум, тревогу и печальное, заботливое участие.

— Вы, без сомнения, задаетесь вопросом, кто я такой и почему попросил вас прийти, — продолжал монах. — Я Тубтен. Добро пожаловать, мистер Пендергаст.

— Лама Тубтен?

— Здесь, во внутреннем монастыре, у нас нет отличительных титулов. — Монах чуть подался вперед, пристально вглядываясь в лицо собеседника. — Я знаю, что ваше жизненное занятие состоит в том, чтобы… не знаю, как это точно выразить… в том, чтобы совать свой нос в чужие дела и приводить в порядок то, что было испорчено, не так ли? Разгадывать загадки, проливать свет на тайны и разгонять тьму.

— Никогда не слышал, чтобы мои задачи формулировались таким образом. Но в принципе вы правы.

Монах опять откинулся назад; на лице его явственно читалось облегчение.

— Это хорошо. Я боялся, что ошибаюсь. — Тут его голос понизился почти до шепота. — Здесь имеется загадка.

Наступило долгое молчание. Потом Пендергаст сказал:

— Продолжайте.

— Настоятель не может говорить об этом деле напрямую. Вот почему попросили меня. Тем не менее, хотя ситуация сложилась чрезвычайная, я нахожу… трудным говорить об этом.

— Все вы были добры к моей подопечной, — ответил Пендергаст. — Я рад возможности сделать что-то для вас — если смогу.

— Спасибо. История, которую я собираюсь вам рассказать, содержит некоторые подробности секретного характера.

— Вы можете положиться на мое благоразумие.

— Во-первых, немного расскажу о себе. Я родился в отдаленной горной местности, у озера Маносавар на западе Тибета. Мне не исполнилось и года, когда моих родители убила в горах снежная лавина. Чета английских натуралистов, которые проводили обширные исследования в Маньчжурии, Непале и Тибете, сжалилась над столь юным сиротой и неофициально меня усыновила. В течение десяти лет я жил с ними, пока они путешествовали по диким местам, наблюдая, делая записи и зарисовки. Однажды ночью на нашу палатку наткнулась банда

солдат-дезертиров. Они застрелили обоих, а потом сожгли вместе со всем их имуществом. Одному мне удалось спастись.

Дважды потерять родителей — можете вообразить себе мои чувства. Одинокие скитания привели меня сюда, в Гзалриг Чонгг. В положенное время я принял монашеский обет и поступил во внутренний монастырь. Мы посвящаем наши жизни глубочайшему духовному и физическому познанию. Нас занимают наиболее общие и наиболее загадочные аспекты бытия. В ходе обучения в Гзалриг Чонгг вы лишь коснулись некоторых из тех истин, в которые мы проникаем неизмеримо глубже.

Пендергаст склонил голову.

Здесь, во внутреннем монастыре, мы отрезаны от всего. Нам не разрешается смотреть на внешний мир, видеть небо, дышать свежим воздухом. Все сфокусировано на достижении вечного в себе. Это очень большая жертва, даже для тибетского монаха, и вот почему нас здесь только шестеро. Затворникам не позволяется общаться с внешним миром, и я нарушил этот священный обет только ради того, чтобы сейчас поговорить с вами. Одно это должно создать у вас представление о серьезности ситуации.

— Я понимаю.

— Как у монахов внутреннего храма, у нас тоже есть определенные обязанности. Помимо монастырской библиотеки, реликвий и сокровищ мы также являемся хранителями… Агозиена.

— Агозиена?

— Самого важного предмета в монастыре, возможно, и во всем Тибете. Он хранился в запертом склепе, вон в том углу. — Тубтен указал на нишу, высеченную в камне, с тяжелой железной дверью, которая сейчас была приоткрыта. — Все шестеро монахов собираются здесь раз в год, чтобы исполнить определенные ритуалы, связанные с опекой тайника с Агозиеном. И вот в очередную такую встречу в мае, за несколько дней до вашего прибытия, мы обнаружили, что Агозиена больше нет на месте.

— Украден?

Монах кивнул.

— У кого хранится ключ?

— У меня. Единственный ключ.

— И тайник был заперт?

— Да. Позвольте заверить вас, мистер Пендергаст, совершенно исключено, чтобы это преступление совершил кто-то из монахов.

— Простите, если я выскажу свой скептицизм по поводу этого утверждения.

— Скептицизм — это хорошо, — произнес монах со странной силой. Пендергаст не ответил. — Агозиена больше нет в монастыре. Если бы он был, мы бы знали.

— Каким образом?

— Это не предмет для обсуждения. Пожалуйста, поверьте мне, мистер Пендергаст: мы бы непременно знали. Никто из здешних монахов не вступил во владение этим предметом.

— Могу я взглянуть?

Тубтен кивнул.

Пендергаст вынул из кармана маленький фонарик, подошел к хранилищу и посветил в круглую замочную скважину, а потом с помощью увеличительного стекла изучил запорное устройство.

— Замок вскрыли отмычкой. — Агент выпрямился.

— Простите? Как это, отмычкой?

— Отомкнули без помощи ключа. — Алоиз посмотрел на монаха. — В сущности, взломали, судя по виду. Вы сказали, ни один из монахов не мог его украсть. Были в монастыре гости?

— Да, — кивнул Тубтен с тенью улыбки на губах. — Вообще-то мы знаем, кто совершил кражу.

— Ах вот как. Это намного упрощает дело. Расскажите.

— В начале мая к нам явился некий молодой человек, альпинист. Это было странное появление. Он пришел с востока, с гор на границе с Непалом. Полумертвый человек, пребывающий в психическом и физическом истощении. Профессиональный альпинист, единственный выживший член экспедиции, которая штурмовала непокоренный западный склон Дхаулагири. Лавина, поглотившая остальных, пощадила его. Счастливчик был вынужден изменить маршрут и спуститься по северному склону, а оттуда нелегально пробиваться через тибетскую границу. Три недели шёл пешком, а потом полз вниз по ледникам и ущельям, прежде чем вышел к нам. Поддерживал в себе жизнь, питаясь ягодными крысами, которые вполне годятся в пищу, особенно если поймаешь такую, у которой живот набит ягодами. Он был на грани смерти. Мы выходили его. Бедняга американец, его имя Джордан Эмброуз.

— Парень учился у вас?

— Он проявил мало интереса к Чонгг Ран, что странно: человек определенно обладал силой воли и живостью ума, необходимыми для того, чтобы преуспеть в занятиях не хуже, чем любой уроженец Запада, которого мы видели… помимо женщины, Констанс.

Пендергаст кивнул.

— Почему вы решили, что это он?

Монах прямо не ответил.

— Мы хотели бы, чтобы вы его выследили, нашли Агозиен и вернули в монастырь.

Пендергаст еще раз кивнул.

— Этот Джордан Эмброуз, как он выглядел?

Старый лама потянулся в складки одежд, вытащил крохотный свиток пергамента, развязал стягивавшие его шнурки и развернул.

— Наш живописец, мастер тханок, по моей просьбе сделал его портрет.

Пендергаст взял пергамент и вгляделся. Молодой, физически развитый красивый мужчина, лет тридцати, с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. В лице его сочетались физическая решимость, моральная неразборчивость и высокий интеллект. Примечательный портрет, сделанный незаурядным художником, который, казалось, сумел ухватить и внешнюю, и внутреннюю сторону личности.

— Он будет очень полезен. — Пендергаст свернул свиток и убрал в карман.

— Вам требуется еще какая-то информация, чтобы отыскать Агозиен?

— Да. Скажите, что означает слово «Агозиен»?

Перемена, произошедшая в отшельнике, была поистине разительной. Лицо его сделалось настороженным, почти испуганным.

— Я не могу, — едва слышно, дрожащим голосом произнес он.

— Это необходимо. Если мне надлежит его вернуть, я должен знать, что это такое.

— Вы меня не поняли. Я не могу ответить вам, потому что… мы не знаем, что это такое.

Пендергаст нахмурился:

— Как такое возможно?

— Агозиен запечатали в деревянный ящик еще в ту пору, когда он был принят нашим монастырем на ответственное хранение тысячу лет назад. Мы никогда не открывали его — это строго запрещено. Священный предмет передавался из поколения в поколение, от Ринпоче к Ринпоче, всегда в запечатанном виде.

— Как выглядит ящик?

Монах показал руками размеры — примерно пять на пять дюймов и длиной четыре фута.

— Необычная форма. Как вы думаете, что могло храниться в ящике такой формы?

— Любая длинная тонкая вещь. Жезл или меч. Свиток или свернутое в трубку живописное полотно. Комплект печатей, быть может, или веревок со священными узелками.

— Что означает слово «Агозиен»?

Монах замялся.

— Тьма.

— Почему было запрещено его открывать?

— Основатель монастыря, первый Раланг Ринпоче, принял его от святого праведника с Востока, из Индии. Святой вырезал на боку ящика текст, который содержал предостережение. Здесь у меня есть копия текста, который я переведу. — Тубтен вынул из складок одежд крохотный свиток, исписанный тибетскими иероглифами, дрожащими руками отодвинул его от глаз на расстояние вытянутой руки и прочитал нараспев:

Дабы не осквернить путь благочестия

Следами бедствий и отметинами зла,

Дабы не ввергнуть Вселенную во мрак,

Агозиен распечатывать не смей.

— Неясно и тревожно. Эта надпись звучит столь же загадочно и на тибетском. Но использованные слова очень мощны. Предостережение сильно, мистер Пендергаст, очень сильно!

Алоиз какое-то время молчал.

— Как мог посторонний столь много знать о ящике, чтобы его выкрасть? Я провел здесь год некоторое время назад и никогда о нем не слышал.

— Это великая загадка. Бесспорно, ни один из наших монахов никогда не рассказывал о нем. Все мы испытываем благоговейный трепет перед этим предметом и никогда всуе о нем не говорим, даже между собой.

— Ведь этот человек, Эмброуз, мог набрать пригоршню драгоценных камней стоимостью миллион долларов. Обычный вор взял бы в первую очередь золото и самоцветы.

— Возможно, он не обычный вор, — произнес Тубтен, помолчав. — Золото, драгоценные камни… вы говорите о земных сокровищах. Преходящих. А Агозиен…

— Да? Что — Агозиен? — настороженно подстегнул спецагент.

Но старый монах только развел руками, испуганными глазами глядя на собеседника.

Глава 3

Черный покров ночи лишь только начал истончаться, когда Пендергаст через обитые железом внутренние ворота вышел во двор монастыря. За стеной, доминируя над всем, высилась громада Аннапурны; ее четкий абрис прорисовывался в отступающей тьме. Детектив подождал на мощенном булыжником дворе, пока безмолвный монах приведет его лошадь. Студеный предрассветный воздух отяжелел от росы и запаха диких роз. Перебросив через холку лошади вьюки, Алоиз проверил седло, поправил стремена.

Констанс молчаливо наблюдала за последними приготовлениями опекуна. На ней было монашеское одеяние цвета выцветшего шафрана, и если бы не прекрасные черты и россыпь каштановых волос, она вполне могла бы сойти за монаха.

— Мне жаль покидать тебя так скоро, Констанс. Но я должен отыскать след преступника до холодов.

— Они действительно не имеют представления, что это за вещь?

Пендергаст покачал головой.

— Кроме формы и размеров — ничего.

— Тьма… — пробормотала девушка и бросила на спутника тревожный взгляд: — Как долго ты будешь отсутствовать?

— Трудная часть работы уже сделана. Я знаю имя вора и знаю, как он выглядит. Теперь лишь осталось к нему подобраться. Поиск и

возвращение артефакта займут, вероятно, неделю, самое большее две. Поручение простое. Через две недели твоя учеба будет окончена и ты сможешь вновь присоединиться ко мне, чтобы завершить наше путешествие по Европе.

— Будь осторожен, Алоиз.

Пендергаст чуть улыбнулся.

— Возможно, этот человек весьма сомнительных моральных принципов, но не убийца и не станет на меня нападать. Риск минимален. Преступление несложное, правда, с одним непонятным, осложняющим аспектом: почему он взял именно Агозиен и не тронул сокровища? Как я понял, раньше похититель не имел интереса к тибетским древностям. Это дает основания предположить, что Агозиен есть нечто необычайно важное и ценное. Без преувеличения, вещь поистине исключительная.

Констанс кивнула.

— У тебя есть для меня какие-то поручения?

— Отдыхай. Медитируй. Закончи свой начальный курс обучения. — Он помолчал. — Я не очень-то верю, будто никто здесь не знает, что такое Агозиен, — кто-то наверняка полюбопытствовал. Это нормальное свойство человеческой натуры, даже здесь, среди монахов. Мне бы очень помогло, если бы я знал, что это за штука.

— Разузнаю по мере возможности.

— Превосходно. Я знаю, что могу рассчитывать на твою осмотрительность. — Пендергаст помедлил в нерешительности, потом взглянул ей прямо в глаза. — Констанс, есть одна вещь, о которой мне необходимо тебя попросить.

На его лице появилось такое выражение, что ее глаза расширились от удивления, но она сумела справиться с собой.

— Да?

— Ты никогда не говорила о своей поездке в Февершем. В какой-то момент тебе может понадобиться поговорить об этом. Когда снова присоединишься ко мне... и если будешь готова... — Вновь голос агента наполнился несвойственными ему смущением и замешательством.

Констанс отвернулась.

— Вот уже несколько недель, — продолжал он, — мы не говорили о происшедшем. Но рано или поздно...

Девушка резко повернулась.

— Нет! — почти крикнула она. — Нет! — Потом успокоилась, взяв себя в руки. — Я хочу, чтобы ты обещал мне кое-что. Никогда больше в моем присутствии не упоминай о нем… и о Февершеме.

Некоторое время Пендергастоставался неподвижен и внимательно смотрел на собеседницу. Оказывается, то, что причинил Констанс его брат Диоген, подействовало на нее сильнее, чем он думал… Наконец Алоиз едва заметно кивнул:

— Обещаю.

Выпустив ее руки из своих, Пендергаст дважды поцеловал девушку, взял поводья и вскочил в седло. Пришпорив лошадь, он выехал в открытые монахом ворота и пустился галопом по извилистой тропе.

Глава 4

В аскетической келье в недрах монастыря Гзалриг Чонгг в позе лотоса сидела Констанс Грин и с закрытыми глазами мысленно воспроизводила лежащий перед ней на подушке шелковый шнур, завязанный чрезвычайно сложным узлом. Позади нее, в тусклом свете, падающем из окна, сидел Цзеринг. Единственным признаком его присутствия было тихое бормотание по-тибетски. Констанс интенсивно изучала язык в течение восьми недель и, усвоив скромный лексический запас наряду с некоторыми оборотами и идиомами, выработала определенную беглость речи, которая, впрочем, перемежалась частыми остановками.

— Посмотри на узел мысленным взором, — негромким, гипнотизирующим голосом произнес учитель.

Повинуясь желанию Констанс, образ, излучая свет, начал вырисовываться примерно футах в четырех. То, что она сидела на голом холодном полу кельи со стенами, покрытыми селитрой, перестало быть существенным.

— Сделай его ясным. Сделай устойчивым.

Образ узла стал приобретать резкость, порой делаясь слегка расплывчатым, когда внимание рассеивалось, однако девушке все же удавалось вернуть четкость и яркость.

— Твое сознание — озеро в полумраке, — говорил учитель. — Неподвижное, спокойное и ясное.

Странное чувство одновременного присутствия и отсутствия в келье поглотило Констанс. Узел, который она выбрала для тренировки сознания, был средней сложности, завязан свыше трех сотен лет назад великим учителем и назывался «двойная роза».

— Увеличь изображение узла в твоем сознании.

Балансировать между усилием и обычным ходом событий оказалось непросто. Если слишком сильно сосредоточиться на ясности или устойчивости изображения, образ разрушается и в сознание вторгаются посторонние мысли; если без ограничений воспринимать действительность, мысленный образ будто исчезает в тумане. Существовала идеальная точка равновесия, и постепенно — не очень быстро — девушка ее нашла.

— Теперь смотри на образ узла, который создала в своем сознании. Рассмотри его со всех сторон: сверху, с боков.

Мягко поблескивающие, переливающиеся извивы шелка оставались устойчивыми перед внутренним взором, принося тихую радость и ясность осознания, которую Констанс никогда раньше не испытывала. А затем голос учителя полностью исчез и остался только сам узел. Время исчезло. Пространство исчезло. Только узел.

— Развяжи его.

Это была самая трудная часть, требующая безукоризненной сосредоточенности, — суметь углядеть все петли узла, а затем мысленно их распутать.

Она не знала, сколько прошло времени — это могло быть десять секунд или десять часов.

Кто-то легонько коснулся ее плеча, и Констанс открыла глаза. Перед ней стоял Цзеринг.

— Как долго? — спросила она по-английски.

— Пять часов.

Девушка попыталась подняться, но ноги так онемели, что на них оказалось невозможно устоять. Учитель взял ее под руку, помогая сохранить равновесие.

— Ты учишься хорошо. Только ни в коем случае не возгордись.

— Спасибо.

Они медленно пошли по древнему переходу, повернули за угол. Впереди слышался мерный звук вертящегося молитвенного колеса и эхом разносился по каменному коридору.

Еще один поворот. Констанс чувствовала себя свежей, живой, в ясном сознании.

— Что приводит в движение эти молитвенные колеса? Они никогда не останавливаются.

— Под монастырем существует родник, из которого берет начало река Цангпо. Вода, проходя через мельничное колесо, приводит механизм в движение.

— Умно придумано.

Они прошли мимо множества скрипящих и дребезжащих медных колес, словно мимо выставки диковинных механизмов в Политехническом музее. Констанс будто наяву увидела за колесами лес движущихся медных стержней и деревянных приспособлений. Но вот колеса остались позади, учитель и ученица ступили во внешний коридор. Впереди виднелось одно из ритуальных зданий монастыря; квадратные опоры, словно багет, обрамляли вид на три огромных горы. Уже внутри девушка с наслаждением вдохнула чистый высокогорный воздух. Цзеринг указал на сиденье, и Констанс послушалась. Монах сел рядом. В течение нескольких минут они в молчании смотрели вдаль, за темнеющие горы.

— Медитация, которой ты учишься, очень мощна. Когда-нибудь может случиться, что ты откроешь глаза и обнаружишь узел… развязанным.

Констанс ничего не ответила.

— Некоторые могут воздействовать на физический мир силой чистого разума. Существует история о монахе, который так долго вызывал в воображении розу, что, когда открыл глаза, на полу рядом с ним лежала роза. Это очень опасно. Есть люди, которые при достаточном навыке и длительном медитировании могут создавать различные предметы, и не только розы. Это серьезное отклонение от буддийского учения, и не к этому надо стремиться.

Констанс кивком выразила понимание, не веря ни единому слову.

Губы Цзеринга растянулись в усмешку.

— Ты полна скепсиса и не веришь на слово. Это очень хорошо. Но независимо оттого, веришь или нет, с осторожностью выбирай образ, на который медитируешь.

— Хорошо.

— Помни. Хотя в нас есть много «демонов», большинство из них не есть зло. Они лишь ступеньки, от которых надо оттолкнуться, чтобы достичь просветления.

Вновь последовало долгое молчание.

— Ты хочешь что-то спросить?

Констанс вспомнила прощальную просьбу Пендергаста.

— Скажи, зачем существует внутренний монастырь?

Цзеринг тоже ответил не сразу.

— Внутренний монастырь — старейший в Тибете, построен здесь, в отдаленных горах, группой странствующих монахов из Индии.

— Он был создан для того, чтобы охранять Агозиен?

Цзеринг внимательно посмотрел на нее.

— Об этом не говорят.

— Мой опекун уехал, чтобы найти его. По просьбе монастыря. Быть может, я тоже смогу оказать какую-то помощь.

Старик отвернулся, отстраненность в его глазах не имела ничего общего с созерцанием пейзажа.

— Агозиен был привезен сюда из Индии и спрятан в горах, где бы ему ничто не угрожало. Внутренний монастырь возвели, чтобы хранить и оберегать Агозиен. Затем, уже позже, вокруг внутреннего монастыря был построен внешний.

— Есть кое-что, чего я не понимаю. Если Агозиен так опасен, почему его просто не уничтожили?

Монах пребывал в молчании долгое время. Затем очень тихо произнес:

— Потому что у него важное назначение в будущем.

— Какое назначение?

Но на сей раз учитель остался безмолвен.

Глава 5

Джип, кренясь на полном ходу, обогнул выступ горы. Оторвавшись от земли, он с грохотом и брызгами преодолел несколько огромных, наполненных жидкой грязью выбоин и приземлился на широкую грунтовую дорогу. Дорога вела к городу Цян в сырой, туманной долине, неподалеку от тибетско-китайской границы. Серая морось падала с неба прямо на пелену коричневого дыма, который выползал из дымовых труб за грязной рекой. Оба склона горы усеивал мусор.

Яростно сигналя, водитель джипа обогнал нагруженный сверх меры грузовик, потом вслепую обошел другой автомобиль и, свернув в нескольких футах от края утеса, покатил вниз, к городу.

— На железнодорожную станцию! — на мандаринском наречии приказал водителю Пендергаст.

— Вэй, вэй, сиань шенг!

Джип, точно слаломист, лавировал между пешеходами, велосипедистами, повозками. На участке дороги с круговым движением водитель, визжа тормозами, приостановился в толчее машин, а потом принялся вновь настойчиво продираться вперед, непрестанно налегая на звуковой сигнал. Выхлопные газы и настоящая симфония клаксонов наполняли воздух. «Дворники» на лобовом стекле безостановочно ходили туда-сюда, полосами размазывая летящую грязь, потому что анемичного дождя не хватало на то, чтобы ее смывать.

За участком кругового движения широкий проспект заканчивался приземистым строением серого бетона. Водитель резко затормозил перед постройкой.

— Вокзал, — объявил он.

Пендергаст вышел из машины и раскрыл зонтик. Пахло выхлопом высокосернистого топлива. Алоиз вошел в здание и двинулся сквозь плотную толпу, спотыкаясь о тюки и корзинки на колесах. Кто-то нес живых, связанных за ноги кур или уток, а кто-то даже катил перед собой старую проволочную магазинную тележку с жалобно повизгивавшим поросенком. От шума, криков, ругани можно было оглохнуть.

Ближе к дальнему концу давка уменьшилась, толпа поредела, и Пендергаст нашел то, что искал: слабо освещенный коридор, ведущий в административные помещения. Миновав полусонного охранника, он быстро зашагал по длинному коридору, оглядывая надписи на дверях, и наконец остановился перед самой обшарпанной дверью. Подергав ручку, обнаружил, что дверь не заперта, и без стука вошел.

За столом, заваленным бумагами, сидел китайский чиновник, маленький и толстый. На одном краю стола стоял видавший виды чайный сервиз с обколотыми грязными чашками. Пахло жарким и соевым соусом.

Чиновник вскочил на ноги, взбешенный нежданным вторжением.

— Кто вы? — прорычал он по-английски.

Пендергаст, скрестив на груди руки, надменно улыбался.

— Что вы хотеть? Я звать охрану. — Китаец потянулся к телефону, но Алоиз быстро наклонился и придавил телефонную трубку к рычагу.

— Ба, — на мандаринском наречии тихо произнес спецагент. — Стоп.

От подобного хамства лицо чиновника побагровело.

— У меня есть несколько вопросов, на которые я хотел бы получить ответы. — Детектив по-прежнему говорил на холодном официальном мандарине.

Должный эффект тирада возымела: на лице китайца отразились возмущение, замешательство и мрачное предчувствие.

— Вы меня оскорбляете! — наконец закричал он, тоже на мандаринском. — Вламываетесь в мой кабинет, трогаете мой телефон, выставляете требования! Кто вы такой, что можете вот так заявляться и вести себя как варвар?

— Будьте любезны, добрый господин, сесть на место, вести себя тихо и слушать. А не то, — Пендергаст перешел на оскорбительный разговорный диалект, — ближайшим поездом укатите отсюда с новым назначением в отдаленный форпост в Куньлуньских горах.

Лицо толстяка сделалось почти фиолетовым, но он не произнес ни слова, а просто сел, напряженно-выжидательно сложив на столе руки.

Сел и Пендергаст. Вытащил свиток, который дал ему Тубтен, и развернул перед чиновником. Тот нехотя его взял.

— Этот человек проезжал здесь два месяца назад. Его имя Джордан Эмброуз. Он вез деревянный ящик, очень старый. Джордан дал вам взятку, а взамен получил разрешение на вывоз. Я бы хотел видеть копию этого разрешения.

Последовало долгое молчание. Затем чиновник положил портрет на стол.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — вызывающе бросил он. — Я не беру взяток. И в любом случае через эту станцию проходит множество народу. Невозможно запомнить всех.

Пендергаст извлек из кармана плоскую бамбуковую коробочку, раскрыл ее и перевернул вверх дном, вытряхнув на стол аккуратную пачку свежих стоюаневых банкнот. Его собеседник оторопел и завороженно уставился на деньги, сглатывая слюну.

— Вы должны вспомнить этого человека. Ящик был большой — полтора метра длиной, и явно очень старый. Мистеру Эмброузу было бы невозможно вывезти его из страны без разрешения. А теперь, добрый господин, у вас есть выбор: поступиться принципами и взять деньги либо твердо держаться принципов и закончить карьеру в горах Куньлунь. Как вы, вероятно, догадались по моему выговору и беглости речи, я хоть и иностранец, но у меня очень важные связи в Китае.

Чиновник вытер ладони носовым платком. Затем протянул руку, накрывая деньги, подгреб к себе, и пачка быстро скрылась в ящике стола. После чего собеседники обменялись рукопожатиями и вежливыми, формальными приветствиями, как если бы только сейчас встретились.

Толстяк сел.

— Не желает ли джентльмен чаю?

Пендергаст бросил взгляд на замызганный чайный сервиз и улыбнулся:

— Почту за честь, добрый господин.

Китаец грубо позвал кого-то из задней комнаты. Тотчас оттуда, семеня, вышел чиновник более низкого ранга и забрал сервиз. Пять минут спустя он принес его обратно, вместе с горячим чайником. Взяточник разлил чай по чашкам.

— Я помню человека, о котором вы говорите. У него не было визы на пребывание в Китае, зато был с собой длинный ящик. Этот Джордан просил как въездную визу — которую ему пришлось бы здесь оставить, — так и разрешение на выезд. Я снабдил его и тем и другим. Это обошлось ему… очень дорого.

Чай оказался зеленым, и Пендергаст был приятно удивлен его качеством.

— Он, конечно, говорил по-китайски. Рассказал совершенно невероятную историю о том, как пересек весь Непал и попал в Тибет.

— А ящик? Джордан что-нибудь говорил о нем?

— Сказал, что это антиквариат, который он купил в Тибете. Вы же знаете этих грязных тибетцев — родных детей продадут за несколько юаней. Тибетский автономный район завален старинными вещами.

— Вы спрашивали, что в нем?

— Сказал, ритуальный клинок — пхур бу. — Чиновник полез в ящик стола, порылся в бумагах, выудил разрешение, подтолкнул Пендергасту. Тот внимательно посмотрел документ. — Но ящик был заперт и парень отказался его открыть. Это стоило ему изрядно больших трат — избежать проверки содержимого. — Бюрократ усмехнулся, обнажая потемневшие от чая зубы.

— Как вы думаете, что там было?

— Не имею представления. Героин, валюта, драгоценные камни… — Китаец развел руками.

Пендергаст указал на бумагу:

— Тут сказано, что он должен сесть на поезд до Чэнду, затем рейсом «Чайна эйр» долететь до Пекина, с последующей пересадкой на самолет до Рима. Это правда?

— Да. Я потребовал показать билет. Если бы он покинул Китай каким-то иным способом, была бы угроза, что его остановят. Разрешение дано только на маршрут Цян — Чэнду — Пекин — Рим. Так что я уверен: именно этим путем он и проследовал. Конечно, по прибытии в Рим… — Толстяк опять развел руками.

Пендергаст записал себе информацию о маршруте.

— Как он держался? Нервничал?

Бюрократ на мгновение задумался.

— Нет. Это было странно. Он казался… в приподнятом настроении. Был экспансивен. Почти сиял.

Спецагент встал.

— Премного благодарен вам за чай, сиань шенг.

— И я благодарю вас, добрейший господин, — поклонился чиновник.

Час спустя Пендергаст входил в вагон первого класса Славного Трансkитайского экспресса, направляющегося в Чэнду.

Глава 6

Констанс Грин знала, что монахи Гзалриг Чонгг жили в соответствии со строго заведенным распорядком медитаций, учебы и сна, с двумя перерывами на еду и чай. Время сна было установлено с восьми вечера до часу ночи. Этот заведенный режим никогда не менялся и, вероятно, оставался неизменным на протяжении тысячи лет. Таким образом, она была почти уверена, что в полночь не столкнется с кем-нибудь, кто слоняется по залам и переходам.

И потому ровно в двенадцать — точь-в-точь как делала уже три ночи подряд — она откинула грубую ячью шкуру, служившую ей одеялом, и села на постели. Единственным звуком был отдаленный стон ветра в наружных залах монастыря. Девушка встала и облачилась в длинное монашеское одеяние. В келье стоял жгучий холод. Констанс подошла к крохотному оконцу, откинула деревянный ставень, и в келью ворвался порыв ветра. Окно открывалось прямо во тьму, на единственную звезду, мерцающую высоко в черных бархатных небесах.

Грин закрыла окно, подойдя к двери, помедлила, прислушиваясь. Все было тихо. Констанс открыла дверь, выскользнула наружу и, пройдя мимо молитвенных колес, неустанно скрипящих хвалы небесам, ступила в тот коридор, что уходил глубоко в сонмище комнат. Девушка искала келью замурованного отшельника, охраняющего вход во внутренний монастырь. Хотя Пендергаст описал ее приблизительное местонахождение, монастырский комплекс был так обширен, а коридоры так похожи на лабиринт, что обнаружить нужное место оказалось почти невозможным.

Но в эту ночь, после многих поворотов, она наконец нашла гладкий камень, отмечавший внешнюю стену нужной кельи. Кирпич оказался на своем месте, края его были обтесаны и отшлифованы, оттого что камень передвигали великое множество раз. Констанс постучала по нему и подождала. Прошли минуты, а затем кирпич чуть-чуть шевельнулся, совсем немного; послышался негромкий скребущий звук, и камень начал поворачиваться. Изнутри, похожие на длинных белых червей, появились костлявые пальцы. Они ухватили край камня и повернули кирпич вокруг своей оси таким образом, что в темной стене образовалось небольшое отверстие.

Грин заранее наметила, что скажет по-тибетски, и потому сейчас низко наклонилась к отверстию и зашептала:

— Позвольте мне пройти во внутренний монастырь.

Быстро приложив к отверстию ухо, она услышала слабый, едва различный шепот, похожий на шорох насекомого. Девушка напрягла слух и разобрала:

— Ты знаешь, что это запрещено?

Но даже не успев ответить, услышала царапающий звук, и кусок стены рядом с кельей начал сдвигаться, открывая старый темный коридор. Отшельник застал Констанс врасплох, не дождавшись ее тщательно составленного объяснения.

Она встала на колени, воскурила благовоние в виде свечи, затем ступила внутрь. Стена закрылась. Впереди простирался мрачный коридор, в котором пахло затхлостью, сырым камнем и приторными ароматическими курениями.

Подняв повыше свечу, Констанс сделала шаг вперед. Стены коридора покрывали едва различимые фрески с будоражащими сознание образами странных божеств и пляшущих демонов.

Внутренний монастырь, как поняла девушка, населяло когда-то гораздо больше монахов, чем теперь. Был он огромным, холодным и пустым. Не имея четкого представления о том. что надо делать — кроме указаний

найти монаха, о котором говорил Пендергаст, и расспросить поподробнее, — Грин сделала несколько поворотов, минуя большие пустые комнаты. Стены здесь были расписаны едва различимыми тханками и мандалами, почти стертыми временем. В одной из комнат, перед старинной бронзовой статуей Будды, покрытой патиной, оплывала одинокая забытая свеча.

Девушка еше раз повернула за угол и вдруг остановилась. Перед ней стоял монах, высокий и костлявый, в потрепанном одеянии; ввалившиеся глаза смотрели со странной, почти свирепой силой. Констанс не побоялась встретиться с ним взглядом, но буддист ничего не сказал. Даже не шелохнулся.

Когда девушка откинула капюшон и каштановые волосы рассыпались по плечам, глаза монаха расширились, но лишь самую малость. Он по-прежнему молчал.

— Приветствую, — по-тибетски произнесла Констанс.

Отшельник чуть наклонил голову. Его большие глаза продолжали сверлить гостью.

— Агозиен, — вымолвила она.

Никакой реакции.

— Я пришла спросить, что такое Агозиен. — Констанс говорила запинаясь — ее тибетский пока оставлял желать лучшего.

— Почему ты здесь, маленький монах? — тихо спросил затворник.

— Что такое Агозиен? — с нажимом повторила девушка.

Монах закрыл глаза.

— Твой ум — водоворот волнения, малыш.

— Мне надо знать.

— Надо, — повторил он.

— В чем суть Агозиена?

Отшельник открыл глаза, повернулся и зашагал прочь. В следующую секунду Грин последовала за ним.

Монах вел извилистым путем, по многочисленным узким переходам с замысловатыми поворотами, вверх и вниз по лестницам, через грубо высеченные в скале туннели и длинные, покрытые росписью коридоры. Наконец проводник остановился перед дверным проемом, занавешенным обтрепанным оранжевым шелком. Затворник отодвинул

его в сторону, и молодая послушница с удивлением увидела трех монахов, которые разместились на каменных скамьях, словно на заседании совета. Перед находящейся тут же золоченой статуей сидящего Будды стояли в ряд горящие свечи.

Один из монахов поднялся.

— Пожалуйста, входи, — произнес он на удивительно беглом и правильном английском.

Констанс поклонилась. Неужели ее ожидали? Это казалось невероятным. И тем не менее иного логического объяснения не было.

— Я прохожу обучение у ламы Цзеринга, — представилась девушка, благодарная за то, что может перейти на родной английский. Монах кивнул.

— И хочу узнать про Агозиен.

Обитатель внутреннего монастыря повернулся к остальным, и они заговорили по-тибетски. Констанс пыталась ухватить нить беседы, но голоса звучали слишком тихо. Наконец переводчик повернулся к ней:

— Лама Тубтен рассказал детективу все, что мы знали.

— Простите, но я вам не верю.

Похоже, буддист был захвачен врасплох прямотой, но быстро оправился.

— Почему ты так говоришь, дитя? В комнате стоял пронизывающий холод, Констанс вздрогнула и плотнее закуталась в балахон.

— Вы можете не знать, что представляет собой Агозиен, но вы знаете его назначение. Его будущее назначение.

— Еше не настала пора это открыть. Агозиен у нас забрали.

— Вы имеете в виду: забрали преждевременно?

Монах сокрушенно покачал головой:

— Мы были его хранителями. Крайне важно, чтобы священный предмет возвратили, прежде чем... — Он умолк.

— Прежде чем что?

Но мудрец только качал головой. В тусклом освещении черты его лица, наполненные тревогой, выглядели изможденными и окостенело-застывшими.

— Вы должны мне сказать, — с нажимом продолжала девушка. — Это поможет Пендергасту определить местонахождение артефакта. Я не выдам тайну никому, кроме него.

— Давайте закроем глаза и помедитируем, — предложил собеседник. — Давайте медитировать и возносить молитвы о его скором и благополучном возвращении.

Констанс нервно сглотнула, пытаясь успокоиться. Верно, сейчас она вела себя слишком эмоционально. Ее поведение, бесспорно, шокировало монахов. Но Алоизу дано обещание и необходимо его выполнить.

Монах начал бормотать нараспев, остальные подхватили. Странные, жужжащие, без конца повторяющиеся звуки наполнили сознание Констанс, и весь ее гнев, отчаянное желание знать больше как будто вытекли из нее, словно вода из пробитого сосуда. Сильное желание исполнить просьбу Пендергаста поблекло, куда-то исчезло. Ум сделался бдительным, ясным, почти спокойным.

Пение прекратилось, и она медленно открыла глаза.

— Ты по-прежнему жаждешь ответа на свой вопрос?

Наступило долгое молчание. Констанс вспомнила один из уроков — учение о желании — и склонила голову.

— Нет, — солгала девушка, нуждаясь в информации больше, чем когда-либо.

Монах улыбнулся:

— Нужно многому научиться, маленький монах. Мы прекрасно понимаем, что тебе нужны эти сведения и что они будут полезны. Но для тебя лично нехорошо, что ты так их жаждешь. Это знание крайне опасно. Оно способно разрушить не только твою жизнь, но и самоё твою душу. Оно может навсегда отгородить тебя от просветления.

Констанс подняла глаза.

— Оно мне необходимо.

— Мы не знаем, что такое Агозиен. Не знаем, как он попал в Индию. Не знаем, кто его создал. Но мы знаем, зачем он был создан.

Констанс ждала.

— Он был создан, чтобы навлечь на мир грозное отмщение.

— Отмщение? Что за отмщение?

— Очищающее землю.

По причине, которой сама не вполне понимала, девушки почувствовала, что не хочет продолжения, и не без усилия выдавила:

— Очистить… как?

Тревожное выражение на лице собеседника обернулось почти горестным.

— Мне очень жаль обременять тебя этим тяжелым знанием. Когда земля погрязнет в эгоизме, алчности, насилии и зле, Агозиен очистит ее от человеческого бремени.

Грин судорожно сглотнула.

— Я не вполне понимаю.

— Полностью очистит землю от человеческого бремени, — очень тихо повторил монах. — Чтобы можно было начать все заново.

Глава 7

С кожаным чемоданчиком в руке Алоиз Пендергаст сошел с борта венецианского речного трамвайчика — вапоретто у Ка д'Оро[14] и огляделся. Стоял теплый летний день, солнце играло в водах Гранд-Канала, сверкало на замысловатых мраморных фасадах многочисленных палаццо.

Сверившись с маленьким листком бумаги, он зашагал по набережной к северо-востоку, к церкви Иезуитов, и вскоре, оставив позади шум и суету, углубился в тенистую прохладу боковых улочек позади дворцов, выстроившихся вдоль Гранд-Канала. Из ближайшего ресторанчика лилась энергичная музыка, маленькая моторка маневрировала по небольшому каналу, чуть подальше волны плескались о мосты из мрамора и белого известняка. Какой-то человек из окна дома на набережной крикнул что-то через канал женшине, та засмеялась в ответ.

Еще несколько поворотов — и Пендергаст оказался у двери со стертой бронзовой кнопкой. На табличке скромно значилось «Доктор Адриано Морин». Спецагент нажал один раз, подождал и через некоторое время, услышав скрип открываемого окна, поднял голову. На него смотрела незнакомая женщина.

— Что вы хотите? — спросила она по-итальянски.

— У меня назначена встреча с Dottore[15]. Мое имя Пендергаст.

Женщина в окне исчезла, и через секунду дверь отворилась.

— Входите.

Пендергаст вошел в маленький вестибюль с обитыми красным шелковым штофом стенами и полом из черных и белых мраморных квадратов. Комнату украшали разнообразные утонченные произведения азиатского искусства: древняя кхмерская голова из Камбоджи; тибетский дорже из сплошного куска золота, инкрустированный бирюзой; несколько старых тханок; украшенный цветными рисунками манускрипт эпохи Великих Моголов в стеклянном футляре; голова Будды из слоновой кости.

— Пожалуйста, присаживайтесь. — Женщина заняла место за маленькой конторкой.

Пендергаст сел, положив кейс на колени, и стал ждать. Он знал, что доктор Морин — один из наиболее известных в Европе скупщиков антиквариата сомнительного происхождения. По сути, высокого уровня делец «черного рынка», один из многих, кто принимал краденые древности из азиатских стран, снабжал их липовыми документами, а затем легально продавал музеям и коллекционерам, которые предпочитали не задавать лишних вопросов.

В следующую минуту в дверях появился сам доктор Морин, — аккуратный элегантный господин с изящно отполированными ногтями, маленькими ступнями, в прекрасной итальянской обуви и с тщательно ухоженной бородкой.

— Мистер Пендергаст? Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Прошу вас, пойдемте со мной.

Алоиз последовал за антикваром в длинный salone[16], готические окна которого выходили на Гранд-Канал. Как и приемная, он был заполнен образцами азиатского искусства. Морин указал гостю на кресло, оба сели. Хозяин достал из кармана золотой портсигар, щелчком открыл и предложил Пендергасту.

— Нет, благодарю вас.

— Не возражаете, если я закурю?

— Разумеется, нет.

Тот вытащил сигарету и элегантно закинул ногу на ногу.

— Итак, мистер Пендергаст, чем могу быть полезен?

— У вас прелестная коллекция, доктор Морин.

Морин улыбнулся, обвел рукой комнату.

— Я продаю только в частные руки. Мы, как видите, не открыты для всеобщего обозрения. Как долго вы коллекционируете? Мне прежде не попадалось ваше имя, а я могу похвастаться, что знаю почти всех в этой области.

— Я не коллекционер.

Рука Морина застыла с зажигалкой.

— Не коллекционер? Должно быть, я вас не так понял, когда вы говорили со мной по телефону.

— Вы поняли правильно. Я солгал.

Теперь рука с сигаретой замерла надолго, дым тонкой струйкой вился в воздухе.

— Прошу прощения?

— На самом деле я детектив. Веду частное расследование, разыскиваю пропавший предмет.

Казалось, самый воздух в комнате застыл.

— Поскольку вы признаете, что находитесь здесь не по указанному делу, — спокойно проговорил Морин, — и поскольку добились доступа обманным путем, боюсь, наш разговор окончен. — Он встал. — Всего хорошего, мистер Пендергаст. Лавиния вас проводит.

Хозяин повернулся, чтобы покинуть комнату, и Пендергаст произнес ему в спину:

— Кстати, вон та кхмерская статуэтка в углу — из Бан-тей-Кхмара. Украдена всего два месяца назад.

Морин остановился на полпути к двери.

— Вы ошибаетесь. Она происходит из старой швейцарской коллекции. У меня имеются два документа, подтверждающие это. Так же как и на все предметы моей коллекции.

— А у меня есть фотография этого предмета, на месте, в храмовой стене.

— Лавиния? — позвал Морин. — Пожалуйста, позвоните в полицию и скажите им, что у меня в доме нежелательное лицо, которое отказывается уходить.

— А вон то изображение Шри Чакрасамвара и Ваджара-варахи из Непала было вывезено по фальшивому разрешению. Ничто подобное не могло бы покинуть Непал легально.

— Мы подождем полицию или вы уйдете добровольно?

Пендергаст бросил взгляд на часы.

— Буду счастлив подождать. — Он похлопал по кейсу. — У меня здесь достаточно документов, чтобы загрузить Интерпол на долгие годы.

— У вас ничего нет. Все мои шедевры легальны, тщательно проверенного происхождения.

— Как вон та жертвенная чаша из черепа, оправленная в золото и серебро? Она легальна… потому что это современная копия. Или вы пытаетесь выдать ее за оригинал?

Повисло молчание. Через высокие окна лился волшебный венецианский свет, наполняя изумительную комнату золотым сиянием.

— Когда придет полиция, я велю вас арестовать, — произнес наконец Морин.

— Да, и они, бесспорно, конфискуют содержимое моего кейса, которое найдут крайне интересным.

— Вы шантажист.

— Шантажист? Я ничего для себя не прошу. Я просто излагаю факты. К примеру, вон тот бог Вишну с женами, якобы эпохи династии Пала, тоже подделка. Будь он подлинным, принес бы вам небольшое состояние. Как жаль, что вы не можете его продать.

— Какого дьявола вы хотите?

— Абсолютно ничего.

— Приходите сюда, лжете, угрожаете мне в собственном доме — и при этом ничего не хотите? Будет вам, Пендергаст. Вы подозреваете, что один из этих экспонатов украден? Если так, почему бы нам не обсудить это как джентльменам?

— Я сомневаюсь, что украденный предмет, который я ищу, находится в вашей коллекции.

Антиквар отер лоб шелковым платком.

— Несомненно, вы явились ко мне, имея целью какую-то просьбу!

— Например?

— Понятия не имею! — взвился доктор. — Вы хотите денег? Подарок? Все чего-то хотят! Выкладывайте!

— Э… ну… — неуверенно произнес Пендергаст. — Коль скоро вы настаиваете, у меня есть маленький тибетский портрет, и мне хочется, чтобы вы на него взглянули.

Морин стремительно обернулся, роняя пепел с сигареты.

— Ради Бога, и это все? Я взгляну на ваш проклятый портрет. К чему были все эти угрозы?

— Так приятно это слышать. Я опасался, вдруг вы не станете сотрудничать.

— Сказал же, я сотрудничаю!

— Прекрасно.

Пендергаст вытащил портрет, данный Тубтеном, и протянул Морину. Тот развернул пергамент, рывком раскрыл очки, надел их и вгляделся. Через некоторое время он стянул очки и вернул свиток Пендергасту.

— Современный. Никакой ценности.

— Я здесь не для оценки. Вглядитесь в лицо на портрете. Этот человек к вам наведывался?

Морин помедлил в нерешительности, снова взял изображение и рассмотрел уже более тщательно. На лице его отразилось удивление.

— Знаете, да… действительно узнаю этого человека. Кто вообще нарисовал этот портрет? Он выполнен совершенно в стиле тханки.

— Тот человек хотел что-то продать?

Морин помялся.

— Вы ведь не работаете на пару с этим… субъектом, верно?

— Нет, всего лишь разыскиваю. А также предмет, который он украл.

— Я отослал его прочь, вместе с этим предметом.

— Когда он приходил?

Морин встал, сверился с большим ежедневником.

— Два дня назад, в два часа. При нем был какой-то ящик. Парень сказал, будто слышал, что я занимаюсь тибетскими древностями.

— Хотел продать?

— Это была страннейшая история. Ваш молодчик даже не пожелал открыть ящик и называл предмет Агозиеном. Этого термина я никогда не слышал — а ведь знаю о тибетском искусстве все. Я бы должен был вышвырнуть этого типа за дверь немедленно, но ящик был подлинным и очень, очень старым. Сам по себе он уже достаточная ценность, покрытый архаичными тибетскими письменами, которые можно

отнести к десятому веку или даже раньше. Я бы хотел иметь этот ящик и очень любопытствовал, что там внутри. Но странный субъект не продавал, а хотел войти со мной в какое-то партнерство. Ему было нужно субсидирование, как он сказал. Чтобы создать некую непонятную передвижную выставку предмета из ящика, который, по его утверждению, потрясет мир. Мне кажется, этот тип даже употребил слово «преобразит». Притом категорически отказался показать вещь, пока я не соглашусь на его условия. Естественно, я счел весь этот проект абсурдным.

— Как он отреагировал?

— Я пытался уговорить его открыть ящик. Вы бы видели! Он принялся мне угрожать, мистер Пендергаст! Какой-то сумасшедший.

Детектив задумчиво кивнул.

— Почему вы так думаете?

— Смеялся как помешанный, говорил, что я упускаю главную возможность своей жизни. Сказал, что отвезет его в Лондон, где знает одного коллекционера.

— Главную возможность вашей жизни? Вы понимаете, что он имел в виду?

— Так, бормотал всякую чепуху насчет изменения мира. Pazzesco[17].

— Вы не знаете, к какому коллекционеру он собирался отправиться в Лондон?

— Не назвал имени. Но я знаю большинство из них. — Доктор быстро написал что-то на листке бумаги и вручил его Пендергасту. — Вот несколько имен, с которых можно начать.

— Почему он пришел именно к вам? — спросил Алоиз.

Морин развел руками:

— Почему вы пришли ко мне, мистер Пендергаст? Я первый дилер по азиатским древностям в Италии.

— Да, это правда — у вас лучшие произведения, потому что нет никого более неразборчивого в средствах.

— Вот вам и ответ, — подвел черту Морин, не без доли гордости.

Настойчиво пропел несколько раз дверной звонок, потом раздались удары в дверь.

— Полиция! — донесся приглушенный голос.

— Лавиния! — крикнул Морин. — Пожалуйста, отошлите полицию с моими благодарностями. Нежелательный гость обезврежен. — Антиквар опять повернулся к Пендергасту: — Я удовлетворил ваше любопытство?

— Да, спасибо.

— Надеюсь, те документы из вашего кейса не попадут в чужие руки?

Алоиз щелкнул замками и открыл чемоданчик. Оттуда вывалилась пачка старых газет.

Морин посмотрел на собеседника, лицо его начало наливаться краской, но неожиданно расплылось в улыбке.

— Вы так же неразборчивы в средствах, как и я.

— Клин клином.

— Ведь все это выдумка, не правда ли? Пендергаст захлопнул кейс.

— Да… кроме комментария по поводу Вишну с женами. Но я уверен: вы найдете какого-нибудь богатого бизнесмена, который его купит и будет искренне им наслаждаться.

— Спасибо. Я так и сделаю.

Делец встал и проводил Пендергаста к двери.

Глава 8

Недавний дождь прилизал улицы Кройдона, мрачного промышленного пригорода на южной окраине Лондона. В два часа ночи Алоиз Пендергаст стоял на углу Каиро-Нью-роуд и Тэмуорт-роуд. По шоссе А-23 шумно мчались машины, по железной дороге Лондон — Саутгемптон пронесся поезд. На углу квартала высилась уродливая, в стиле семидесятых годов, гостиница; фасад из литого бетона был исчерчен полосами влаги и сажи. Пендергаст поправил шляпу, затянул галстук и, крепко сжав под мышкой охотничью сумку, приблизился к застекленному парадному входу. Нажал кнопку звонка, и через секунду с жужжанием дверь отворилась.

Алоиз вошел в освещенный вестибюль, пропахший луком и сигаретным дымом. Пол устилало усеянное пятнами синтетическое ковровое покрытие в сине-золотых тонах, а стены были оклеены моющимися золотыми обоями под ткань. Негромко играла инструментальная версия песни «Земляничные поля», а за стойкой угрюмо ждал служащий с длинными волосами, слегка примятыми с одной стороны.

— Номер, пожалуйста. — Воротник Пендергаст поднял и постарался встать так, чтобы большая часть лица оставалась в тени. Говорил он грубовато-ворчливо, с мидлендским акцентом.

— Ваше имя?

— Краутер.

Портье сунул карточку для заполнения, и Алоиз вписал вымышленные имя и адрес.

— Как предпочитаете платить?

Пендергаст достал из кармана пачку фунтовых банкнот и заплатил наличными.

Служащий бросил на него быстрый взгляд.

— Багаж?

— Чертова авиакомпания куда-то его задевала.

Портье вручил новому постояльцу магнитную карточку-ключ и скрылся в задней комнате, без сомнения, отправившись досыпать. Пендергаст доехал на лифте до своего этажа — это был четвертый, — но выходить не стал. После того как двери закрылись, он, оставаясь в неподвижном лифте, открыл сумку, вынул маленькое устройство для считывания данных с магнитных полос и провел по нему карточкой. На маленьком жидкокристаллическом экране появилась цифровая информация. Пендергаст вбил другие цифры, вторично медленно провел карточкой по устройству и, убрав прибор обратно в сумку, нажал кнопку седьмого этажа.

Двери раздвинулись, открывая взору холл, ярко освещенный лампами дневного света. Коридор оказался пуст; та же сине-золотая ковровая дорожка тянулась по всей его длине, по обеим сторонам шли двери. Специальный агент вышел из лифта, быстро подошел к номеру 714, остановился и прислушался. Внутри было тихо, свет погашен.

Алоиз вставил карточку в паз, автоматически включился зеленый свет, и дверь с негромким жужжанием отперлась. Пендергаст медленно растворил ее пошире и вошел, быстро закрыв за собой.

При некотором везении он мог бы просто определить местонахождение ящика и выкрасть его, даже не будучи постояльцем, но ему было неспокойно. После некоторого расследования в отношении Джордана Эмброуза выяснилось, что похититель Агозиена был родом из Боулдера, штат Колорадо, происходил из семьи, относящейся к верхушке среднего класса; парень успел стать опытным сноубордистом, альпинистом и горным велосипедистом, который бросил учебу в колледже, чтобы

заняться восхождением на Семь вершин. На выполнение этой задачи претендовали только две сотни человек в мире — покорить величайший пик каждой из семи частей света, и ее воплощение заняло у Эмброуза четыре года. После этого он сделался высокооплачиваемым профессиональным скалолазом и водил группы на Эверест, К-2[18] и Три Сестры. В зимний период работал каскадером, выполняя экстремальные трюки на сноуборде для видеофильмов, а также подвизался в рекламных роликах. Экспедиция на Дхаулагири была хорошо организованной и профинансированной попыткой подняться по еще не освоенному западному склону горы. Один из последних эпохальных альпинистских проектов в мире, оставшихся невоплощенными. Там смельчаков поджидал умопомрачительный отвесный склон высотой двенадцать тысяч футов, из выветрившегося камня, подверженный осыпям и снежным лавинам, с сильными ветрами и температурными перепадами в пятьдесят — шестьдесят градусов от дня к ночи. Тридцать два альпиниста уже погибли при подобной попытке, и группе Эмброуза суждено было добавить к этому списку еще пять жизней. Экспедиция не смогла подняться даже до середины.

То, что парень выжил, уже было случаем исключительным. То, что добрался до монастыря, казалось чем-то близким к чуду.

А все, что он сделал затем, после прихода в монастырь, не вписывалось в общую картину — начиная с кражи. Эмброуз не нуждался в деньгах и до нынешнего времени проявлял к ним мало интереса. Джордан также не был собирателем древностей, как не интересовался буддизмом или какими-либо прочими духовными практиками. Просто честный интеллектуал, сосредоточенный — кто-то сказал бы «помешанный» — только на альпинизме.

Зачем он украл Агозиен? Зачем возил его по всей Европе, не собираясь продавать, но стремясь организовать некое деловое товарищество? Что за цель была у этого «партнерства», которого Джордан добивался? Почему отказывался показать предмет кому бы то ни было? И почему не сделал попыток связаться с семьями пяти погибших альпинистов, считавшихся его близкими друзьями? Подобное не согласуется с альпинистской этикой.

Словом, все, что сделал Эмброуз после монастыря, оказалось просто нелогичным. И это глубоко беспокоило Пендергаста.

Спецагент миновал холл и вошел в затемненную комнату. В нос тотчас ударил ржавый запах крови, и в свете автомагистрали, сочащемся сквозь шторы, он увидел безжизненно распростертое на полу тело.

Пендергаст почувствовал накатившую волну смятения и досады. Простое решение проблемы, на которое еще оставалась надежда, теперь было недостижимо.

Крепко придерживая на себе плащ и шляпу, Алоиз рукой в перчатке щелкнул настенным выключателем.

Джордан Эмброуз убит.

Досада Пендергаста усилилась, когда он увидел состояние тела. Незадачливый вор лежал на спине, с широко раскинутыми руками и открытым ртом; голубые глаза возведены к потолку. Маленькая пулевое отверстие в середине лба, со следами пороха и травматическими отметинами, свидетельствовало, что человек был застрелен в упор из пистолета двадцать второго калибра. Выходного отверстия не было: пуля застряла в черепе, очевидно, убив Эмброуза мгновенно. Но создавалось впечатление, что преступнику недостаточно было просто убить — он не отказал себе в удовольствии устроить бессмысленную кровавую оргию, вволю покуражившись над трупом. Мертвое тело было изрезано, исколото, иссечено в лапшу. Это свидетельствовало о ненормальном душевном состоянии и даже исключало из круга поиска обычного среднего убийцу.

Пендергаст быстро обыскал комнату. Агозиен исчез.

Спецагент вернулся к трупу. Одежда сильно пострадала во время расправы, но несколько частично вывернутых карманов говорили, что, прежде чем удариться в кровавое безумие, злодей обыскал тело. Стараясь как можно меньше прикасаться к убитому, Пендергаст вытащил из бокового кармана бумажник и просмотрел содержимое. Бумажник оказался полон наличности — иными словами, Эмброуза убили не из-за денег. Скорее, как догадывался Пендергаст, человека обыскали, дабы удостовериться, что он не оставил никаких записей о роковой встрече.

Спецагент опустил бумажник в свою охотничью сумку, затем отступил на шаг и обвел взглядом комнату, ничего не пропуская. Повсюду остались кровавые отметины: пятна на ковре и кровати, брызги на чемодане.

Эмброуз был одет в костюм с галстуком, как если бы ожидал важного гостя. Комната в порядке, кровать тщательно застелена, туалетные принадлежности аккуратно расставлены в ванной. На столе стояли початая бутылка шотландского виски и два почти полных стакана. Пендергаст исследовал конденсат на стаканах, окунул палец в напиток и попробовал на вкус, оценивая количество льда, который изначально присутствовал, а затем постепенно растаял. Основываясь на крепости виски и температуре стаканов, прикинул, что напитки разливались четыре-пять часов назад. Стаканы чисто вытерты — никаких отпечатков.

И вновь его поразила несообразная двойственность действий убийцы.

Пендергаст поставил сумку на кровать, извлек несколько пробирок и пинцетов и, опустившись на колени, взял образцы крови, кожной ткани и волос. Он сделал то же самое в ванной комнате, на тот случай если посетитель здесь побывал. Но визитер, похоже, был осторожен и по-казенному чистый дешевый гостиничный номер оказался одним из самых непригодных мест для сбора вещественных доказательств. Тем не менее детектив досконально проделал всю работу — обмел специальным порошком дверные ручки и другие поверхности на предмет выявления отпечатков, не обойдя вниманием даже нижнюю сторону столешницы из огнеупорной пластмассы. Но обнаружилось лишь то, что каждая поверхность была педантично протерта до чистоты. Влажное пятно в углу у двери свидетельствовало, что неизвестный ставил туда зонт, с которого капала вода.

Дождь начался в девять и закончился к одиннадцати.

Пендергаст вновь опустился на колени перед убитым и, ловко просунув руку без перчатки под костюм, измерил температуру тела, стараясь не испачкаться. Судя по температуре, по стаканам с виски, а также по времени дождя, смерть наступила около десяти часов.

Очень осторожно Пендергаст перевернул тело. Ковер под ним был с ножевыми порезами — в тех местах, где нож убийцы прошел насквозь. Вытащив собственный нож, спецагент вырезал квадратик ковра, отогнул его и внимательно изучил отметины с обратной стороны, прозондировав их кончиком ножа. Они оказались на удивление глубокими.

Алоиз отошел к двери и напоследок еще раз окинул взглядом комнату. Больше ничего достойного внимания он не увидел. Общая картина произошедшего теперь стала ясна. Убийца прибыл на встречу в районе десяти; поставил зонт в углу, а мокрый плаш перекинул через спинку кресла. Эмброуз налил два скотча из бутылки, которую приобрел специально для этого случая; гость выхватил «магнум» двадцать второго калибра, приставил к голове Эмброуза и выстрелил. Затем обыскал тело и комнату, после чего совершенно варварски, с бессмысленной яростью исколол и изрезал труп, а потом, с полнейшим хладнокровием, тщательно вытер все поверхности в комнате, забрал Агозиен и был таков.

Поведение, нехарактерное для профессиональных убийц. Труп в отеле не обнаружат до расчетного времени следующего дня, а может, и дольше. У Пендергаста впереди масса, времени, чтобы к этому моменту оказаться далеко.

Он выключил свет, вышел из номера и, спустившись на лифте в вестибюль, подошел к стойке портье и дважды резко потревожил звонок. После долгого ожидания из задней комнаты появился заспанный служащий, волосы которого были примяты пуще прежнего.

— Проблемы?

— Я друг Джордана Эмброуза, зарегистрированного в номере семьсот четырнадцать.

Служащий поскреб костлявые ребра, проступающие сквозь рубашку.

— И?..

— Примерно в десять к нему приходили. Кто?

— Такого я вряд ли забуду, — ответил портье. — Пришел около десяти, сказал, что у него назначена встреча с джентльменом из номера семьсот четырнадцать.

— Как он выглядел?

— Кровавая повязка на глазу, с какими-то бинтами, в шапке и плаще — на улице лило. Я не вглядывался, ни к чему мне это.

— Рост?

— Э… примерно средний.

— Голос?

Служащий пожал плечами:

— Кажется, высокий. Американец, я думаю. Говорил негромко. Всего несколько слов.

— Когда ушел?

— Не видел, как он уходил. Был в задней комнате, занимался документацией.

— Не просил вызвать ему такси?

— Нет.

— Опишите, во что он был одет.

— Плащ, как ваш. Что на ногах, не видел.

— Спасибо. Я выйду на несколько часов. Пожалуйста, вызовите мне такси из вашего гаража.

Портье сделал телефонный звонок.

— Просто позвоните, когда вернетесь, — бросил он через плечо, удаляясь обратно к своей «документации».

Пендергаст вышел на улицу и стал ждать у входа. Через пять минут подъехало такси.

— Куда ехать? — спросил водитель.

Спецагент вынул стофунтовую банкноту.

— Пока никуда. Могу я задать несколько вопросов?

— Вы коп?

— Нет. Частный детектив.

— Настоящий Шерлок, а? — Таксист обернулся — его красное, налитое кровью лицо сияло от радостного волнения — и взял деньги. — Спасибо.

— Некто уехал отсюда примерно в четверть одиннадцатого сегодня вечером, вероятнее всего, в одном из ваших такси. Мне нужно найти водителя.

— Ладно, будет сделано. — Таксист выдернул из кронштейна на приборной доске рацию и заговорил. Обмен репликами длился несколько минут, а затем водитель нажал кнопку и протянул микрофон на заднее сиденье, Пендергасту. — Ваш парень на линии.

Алоиз взял микрофон.

— Вы тот человек, который взял пассажира перед отелем «Букингемшир-Гарденз» сегодня вечером, примерно в десять двадцать?

— Он самый, — послышался скрипучий голос с сильным акцентом кокни.

— Где вы? Могу я с вами встретиться?

— Еду обратно из Саутгемптона по шоссе Эм-три.

— Понятно. Не могли бы вы описать мне того клиента?

— Сказать по правде, папаша, глаз у вашего мужика был не больно красивый. С повязкой, вроде как кровь шла; не особо хотелось приглядываться, скажу я вам.

— Он что-нибудь вез с собой?

— Большая длинная картонная коробка.

— Акцент?

— Американский. Южанин или вроде того.

— Могла это быть переодетая женщина?

Последовал скрипучий смешок.

— При том что сейчас кругом полно гомиков… Может, и женшина.

— Он не назвал свое имя? Или, может, расплачивался по кредитке?

— Заплатил наличными и ни единого поганого слова за всю дорогу; только в самом начале сказал, куда ехать, — это было.

— Куда вы его доставили?

— Саутгемптон. На причал.

— На причал?

— Точно, папаша. К «Британии».

— К новому океанскому лайнеру компании «Северная звезда»?

— Так точно.

— Он собирался на нее сесть?

— Скорее всего. Велел высадить у здания таможни, а в руке, похоже, был билет.

— А не мог он быть членом экипажа? Еще один хриплый смешок.

— Ни в жисть. Мы наездили на две сотни фунтов.

— У него не было другого багажа, кроме той коробки?

— Нет, сэр.

— Не было ли в нем чего-то еще необычного? Водитель на минуту задумался.

— От него шел чудной запах.

— Запах?

— Вроде как он работает на табачной фабрике, точно.

Пендергаст помолчал несколько мгновений, обдумывая услышанное.

— Вы, случайно, не знаете, когда «Британия» отплывает?

— Я слыхал, вроде в полдень, с отливом.

Пендергаст отдал микрофон обратно и некоторое время размышлял. И в этот момент зазвонил его сотовый.

— Да?

— Это Констанс.

— Где ты? — удивленно выпрямился детектив.

— Я в брюссельском аэропорту. Только что сошла с беспосадочного рейса из Гонконга. Алоиз, мне надо тебя увидеть. Есть крайне важная информация.

— Констанс, ты позвонила как раз вовремя. Слушай внимательно. Если доберешься до Хитроу не более чем за четыре часа, я подхвачу тебя в аэропорту. Сможешь, за четыре часа, ни одной минутой больше? В ином случае буду вынужден отправиться без тебя.

— Сделаю все, что смогу. А что ты сказал насчет отправления? Что происходит?

— Мы отправляемся в плавание.

Глава 9

Черное лондонское такси мчалось по автостраде М-3 со скоростью сто сорок километров в час; обгоняемые автомобили и грузовики проносились мимо расплывчатыми кляксами. Вдалеке, посреди паутины городских магистралей, виднелась приземистая башня Винчестерского кафедрального собора.

Пендергаст, расположившийся на заднем сиденье, бок о бок с Констанс, бросил взгляд на часы.

— Нам надо быть в саутгемптонских доках через пятнадцать минут.

— Невозможно.

— За это еще пятьдесят фунтов.

— Деньги не заставят нас взлететь, сэр, — отозвался таксист.

Тем не менее машина еше прибавила ходу и, визжа покрышками, преодолела съезд на шоссе А-335, ведущее к югу. Серые пригороды Винчестера быстро уступили место зелени. В мгновение ока мимо проскочили Комптон, Шофорд и Отгебурн.

— Даже если мы успеем к отплытию, — проговорила наконец Констанс, — как попадем на борт? Я читала сегодня утром в «Монд», что каждая каюта была зарезервирована за несколько месяцев. Этот дебютный рейс называют самым престижным со времен «Титаника».

Спецагент пожал плечами.

— Довольно неудачное сравнение. Кстати, я уже позаботился о подходящем размещении. Тюдоровский номер люкс на корме судна. Там даже имеется третья спальня, которую мы сможем использовать под кабинет.

— Как тебе это удалось?

— Этот люкс заказали мистер и миссис Протеро из австралийского Перта. Они не отказались обменять этот номер — вместе с умеренной денежной компенсацией — на еще больший в следующем кругосветном круизе «Британии», который состоится ближайшей осенью. — Губы Пендергаста тронула мимолетнейшая из усмешек.

Такси пулей пролетело транспортную развязку с автомагистралью М-27, затем начало снижать скорость, поскольку дорожное движение в сторону Саутгемптона сделалось плотнее. Проехали через тоскливую промзону, затем миновали ряды прилепившихся друг к другу кирпичных домиков на одну семью и въехали в лабиринт улиц в старом центре. Сделали левый поворот на Марш-лейн и тут же — правый, на Терминус-террас; большая машина виртуозно ныряла в малейший просвет в потоке транспорта. Тротуары полнились людьми, большинство держали в руках фото — и видеокамеры. Спереди раздавались оживленные крики, возгласы приветствий.

— Расскажи мне, Констанс, что за открытие побудило тебя покинуть монастырь с такой поспешностью?

— В двух словах. — Она понизила голос. — Я приняла твою просьбу близко к сердцу и проводила изыскания.

Пендергаст, в свою очередь, тоже понизил голос:

— А как это, проводить изыскания в тибетском монастыре?

Констанс подавила мрачную усмешку.

— Дерзко и бесцеремонно. Я пошла во внутренний монастырь и встретилась там с монахами.

— Вот как.

— Это был единственный способ. Но… как ни странно, похоже, меня ждали.

— Продолжай.

— Они оказались на редкость обходительны.

— В самом деле?

— Да, но я не очень понимаю почему. Монахи во внутреннем монастыре в самом деле не знают, что представляет собой этот артефакт и кто его создал. Лама Тубтен был прям и откровенен в этом отношении. Вещь привез из Индии некий святой праведник, для того чтобы спрятать и хранить в тайне высоко в Гималаях.

— И?..

Констанс помедлила.

— Кое-что монахи от тебя утаили — им известно назначение Агозиена.

— И в чем же оно состоит?

— Как я поняла, это орудие возмездия миру. Чтобы очистить его — так они сказали.

— Не намекнули, в какой форме будет происходить «возмездие», или «очищение»?

— Сами не знают.

— Когда этому надлежит случиться?

— Едва только Земля погрязнет в себялюбии, алчности и пороке.

— Как удачно, что миру в этом отношении ничто не грозит, — иронически заметил Пендергаст.

— Монах, который вел со мной беседу, сказал, что осуществление возмездия не входит в их намерения и обязанности. Они являлись только хранителями этого предмета, обеспечивали его сохранность до срока.

Спецагент на мгновение задумался.

— Выходит, кто-то из братьев мог быть с этим не согласен.

— Что ты имеешь в виду?

Пендергаст повернулся к ней лицом, светлые глаза его заблестели.

— Я бы предположил, что какой-то монах почувствовал, будто Земля созрела для очищения. И помог Джордану Эмброузу похитить Агозиен — дабы в конечном счете выпустить его в мир.

— Что заставляет тебя так думать?

— Это совершенно очевидно. Агозиен чрезвычайно хорошо охраняли. Я провел в монастыре больше года и даже не подозревал о его существовании. Как могло получиться, что случайный гость, альпинист, к тому же не проходящий в монастыре обучение, ухитрился найти его и похитить? Это могло произойти только в том случае, если один или более монахов попросту хотели, чтобы он был похищен. Лама Тубтен уверен: ни у кого из монахов этого предмета нет. Но это не означает, что кто-то из обитателей монастыря не помог постороннему лицу его добыть.

— Но если артефакт настолько ужасен, как они утверждают, что за человек мог пожелать намеренно выпустить его на волю?

— Интересный вопрос. Когда вернем Агозиен в монастырь, нам придется отыскать виновного монаха и расспросить его непосредственно. — Пендергаст на минутку задумался. — Любопытно, почему монахи не уничтожили этот предмет. Не сожгли, например?

— Это был последний вопрос, который я задала. Отшельники очень перепугались и сказали, что для них такое немыслимо.

— Интересно. В любом случае вернемся к делу. Наша первая задача — раздобыть список пассажиров и выяснить, кто и когда поднялся на борт.

— Ты думаешь, убийца — пассажир?

— Совершенно уверен. Весь экипаж и обслуживающий персонал обязаны были подняться на борт задолго до того времени, как был убит Эмброуз. Я считаю весьма красноречивым, что убийца замаскировался окровавленной повязкой.

— Почему? Чтобы не быть уличенным в преступлении?

— Вряд ли, направляясь в отель, он уже планировал совершить преступление. Нет, Констанс, убийца замаскировался еще до того, как узнал, что именно Эмброуз ему предложит. Скорее всего это какая-то известная, узнаваемая личность, которая пожелала остаться инкогнито.

Беседа была резко прервана, потому что такси подкатило к пристани Куин-док. Пендергаст стремительно выпрыгнул из машины, Констанс — за ним. Слева располагалось здание таможни и регистрации отбывающих; справа имело место настоящее вавилонское столпотворение из зевак, провожающих, съемочных групп и представителей разнообразных СМИ. Все размахивали британскими флагами, разбрасывали конфетти и приветствовали отплывающих громкими возгласами. Ко всему прочему играл оркестр, внося свою лепту в эту какофонию.

И над всем этим высилась «Британия». Казалось, она визуально уменьшала не только причал, но и весь город; ее черные борта перерастали в белоснежные сияющие верхние конструкции, более чем в дюжину палуб высотой; сплошь бликующее стекло, балконы и декоративная облицовка из красного дерева. Это судно оказалось больше и величественнее, чем все, что Констанс могла себе вообразить, и его громадина нагнала на всю округу — улицу Платформ-роуд, Банановую верфь, прибрежный район Оушн-Виллидж с эспланадой — тень в буквальном смысле слова.

Но тень эта двигалась. Ревели пароходные сирены. Портовые рабочие травили стальные тросы и убирали погрузочные краны. Высоко над головами провожающих сотни пассажиров стояли у палубных поручней или на бесчисленных балкончиках — фотографируя, бросая серпантин и взмахивая руками на прощание. С последним, сотрясшим небо и землю ревом сирены громадная «Британия» медленно, тяжеловесно и неумолимо начала выходить из дока.

— Извините, дяденька, — развел руками таксист. — Я сделал все, что мог, но...

— Несите сумки! — перебил его Пендергаст и припустил сквозь толпу зевак к контрольно-пропускному пункту. Детектив лишь на мгновение остановился, чтобы показать полицейским свой значок, а затем вновь устремился вперед, мимо оркестра и операторов с камерами, туда, где на импровизированных подмостках, закрытых огромным флагом, стояла плотная группа официальных лиц и среди них — как сообразила Констанс — руководство пароходной компании «Северная звезда». Они уже собрались расходиться; мужчины в темных костюмах пожимали друг другу руки и начинали спускаться с помоста.

Пендергаст преодолел толпу более мелких функционеров, обступивших помост, и выделил человека, стоявшего в самом его центре: дородного, осанистого джентльмена с тростью черного дерева и белой гвоздикой в петлице. Тот принимал поздравления от окружающих и был явно застигнут врасплох, когда Пендергаст втесался без приглашения в эту маленькую группу. Некоторое время человек слушал спецагента; на лице его отражалась смесь нетерпения и раздражения, затем он вдруг нахмурился и начал яростно трясти головой. Пендергаст продолжал настойчиво говорить, а господин с тростью весь подобрался и принялся жестикулировать, тыча пальцем сперва в теплоход, затем в собеседника; лицо его при этом густо налилось краской. Вокруг стали тесниться телохранители, и оба на некоторое время пропали из виду.

Констанс ожидала у такси, рядом с водителем. Он и не побеспокоился достать багаж, что неудивительно: громадный остов «Британии» уже скользил вдоль пристани — пусть медленно, но все же постепенно набирая скорость. Теперь корабль не остановится до самого Нью-Йорка, после того как в течение семи дней и семи ночей будет бороздить океан.

В это время раздался еще один пароходный гудок, и внезапно громадные водовороты забурлили вокруг носовой части судна. Констанс нахмурилась: ей показалось, что судно замедляет ход. Она бросила взгляд в сторону Пендергаста. Сейчас он вновь оказался виден — стоял сбоку от человека с гвоздикой, который что-то говорил в мобильный телефон. Лицо осанистого джентльмена из багрового сделалось пурпурным.

Констанс переключила внимание на судно. Да, это была не иллюзия: заработали носовые подруливающие устройства, и «Британия», кормой вперед, медленно поползла обратно в док. Оглушительные ликующие крики вдруг словно захлебнулись, толпа смотрела на океанский лайнер с нарастающим замешательством.

— Чтоб я сдох! — пробормотал водитель и, обойдя вокруг машины, принялся вытаскивать багаж.

Пендергаст сделал знак Констанс встречать его у контрольно-пропускного пункта. Девушка начала продираться сквозь гудящую толпу, таксист — за ней. В самом доке рабочие спешно заново растягивали нижние кран-балки. Оркестр было примолк, затем вновь принялся энергично наяривать.

Прозвучал еще один гудок, а тем временем напротив черного борта судна вновь устанавливали сходни. Пендергаст увлек спутницу через пропускной пункт, и вместе они торопливо зашагали по причалу.

— Спешить нет нужды, Констанс. — Алоиз небрежно взял ее под руку, переходя на неторопливую, прогулочную походку. — Самая пора насладиться моментом: ведь мы удерживаем в ожидании величайший в мире океанский лайнер. Не говоря уже о четырех с лишним тысячах человек на борту.

— Как тебе это удалось? — спросила она уже на мостках.

— Мистер Эллиотт, генеральный директор «Северной звезды», — мой горячий поклонник.

— В самом деле?

— Ну, даже если он не был им десять минут назад, то сейчас определенно стал. Мы с этим джентльменом только недавно познакомились, а он уже разгорячился — еще как!

— Но задержать отправление, заставить пассажирское судно вернуться в док...

— Когда я объяснил, как важно для его выгоды разрешить нам ступить на борт — и как невыгодно лично для него этого не сделать, — мистер Эллиотт горячо пожелал оказать содействие. — Пендергаст посмотрел на громаду судна и опять усмехнулся: — Знаешь, Констанс, в данных обстоятельствах я, пожалуй, признаю этот вояж явлением положительным. Может, даже приятным.

Глава 10

Роджеру Майлзу, круизному директору-распорядителю на лайнере «Британия», надлежало принять одно из первых и самых важных

решений в этом путешествии. Перед ним стоял вопрос: за каким столом обедать в этот вечер? Данный вопрос всегда был очень больным, а сейчас он стал тем более щекотливым, что это был первый вечер первого рейса крупнейшего в мире океанского лайнера.

В самом деле, вопрос непростой.

Работа Майлза состояла не только в том, чтобы знать имена и потребности всех пассажиров, но и общаться с ними. Постоянно. Его отсутствие за чьим-то столом даст пассажирам понять, что не особо их и ценят.

А это было совсем не так.

Но с другой стороны, что делать, если список пассажиров почти три тысячи имен, распределенных по восьми ресторанным залам и трем классам?

Первым делом Майлз определился по поводу ресторана: это будет «Оскар», обеденный зал которого оформили в кинематографическом духе. То было эффектное помещение в стиле ар-деко, одна стена которого представляла собой сплошной экран из венецианского хрусталя с водопадом позади, и вся эта конструкция еще подсвечивалась изнутри. Тут присутствовал искусственно созданный «белый шум» в виде шепота волн, создающий любопытный эффект мнимого понижения уровня прочего шума. Две других стены отделали настоящим листовым золотом, а последняя представляла собой сплошное окно, выходящее в черноту океана. Не самый большой ресторан на судне — таковым являлся «Королевский герб» с его роскошными тремя уровнями, — но самый щегольской по части декора.

Да, пусть это будет «Оскар». И естественно, пассажиры второго класса. Пассажиров первого класса следовало избегать любой ценой; обычно это кретины, которые вне зависимости от размеров своего состояния никогда не умели скрыть варварской привычки обедать раньше семи.

Далее шел вопрос стола. Это должен быть, конечно, так называемый официальный стол — большой, за которым гости могли бы по-прежнему наблюдать старомодную традицию заблаговременного распределения мест, в результате чего за трапезой незнакомцы окажутся перемешаны, как в былые славные дни океанских лайнеров. Конечно же, официальные костюмы. Для большинства это означало просто черный галстук, но Майлз, очень щепетильный насчет подобных вещей, всегда надевал и белый смокинг.

Во-вторых, ему придется самому отобрать гостей за свой столик. Как человек разборчивый он имел много личных — по общему признанию, порочных — предрассудков. Список тех, с кем Майлз не желал иметь

дел, был длинным. Возглавляли его во множестве генеральные директора и председатели правлений, а также все, кто так или иначе связан с Фондовой биржей, ну и, конечно, техасцы, толстяки, дантисты и хирурги. Роджер предпочитал иной список, в который входили актрисы, титулованные аристократы, богатые наследницы, гости телевизионных ток-шоу, стюарды авиалиний, гангстеры и те, кого он называл «таинственными личностями», — люди, не поддающиеся точному определению, с интригующей деталью в облике, очень богатые, что называется, экстра-класса.

После многочасового тасования имен пассажиров директор-распорядитель составил список, который счел блистательной компанией для премьерного обеда. Разумеется, он будет комплектовать для себя стол на каждый вечер путешествия, но этот первый вечер был особенным. Этот обед должен запомниться. Образец изысканного времяпрепровождения и развлечения. А Майлз всегда нуждался в развлечениях, когда находился в рейсе, потому что — и это один из величайших его секретов — он так и не научился плавать и смертельно боялся открытого моря.

И потому-то в зале «Оскара», отделанном листовым золотом, Роджер появился с трепетом предвкушения, одетый в тысячедолларовый смокинг от Хики Фримэн, приобретенный специально для этого путешествия. Директор круиза нарочно задержался в дверях, дабы взгляды всех присутствующих упали на его импозантную фигуру, облаченную в безупречно сшитый костюм, милостиво улыбнулся и направился к главному официальному столу.

По мере прибытия гостей он любезно рассаживал их, с непременным рукопожатием, сердечными словами, подчеркнуто обходительно и церемонно. Последними прибыли две те самые «таинственные личности»: джентльмен по имени Алоиз Пендергаст и его «воспитанница»; это определение в сознании Майлза ассоциировалось с подборкой очаровательно-непристойных образов. Досье Пендергаста заинтересовало директора, потому что было начисто лишено информации, но этот парень ухитрился в последнюю минуту купить билет в тюдоровские покои — один из двойных люксов в кормовой части — за пятьдесят тысяч долларов. И это несмотря на то, что рейс был полностью распродан за месяцы вперед. Мало того, этот тип отсрочил отплытие почти на полчаса. Как ему это удалось?

Весьма интригующе.

Когда этот человек появился, Майлз посмотрел на него второй раз, уже более внимательно. То, что он увидел, ему понравилось. Человек отличался благородной изысканностью, аристократизмом и поразительной красотой. Лицо прекрасно очерчено, словно высечено из

мрамора Праксителем, и вместе с тем ужасающе бледно, как если бы его обладатель выздоравливал после смертельной болезни. И тем не менее наличествовали и живость, и твердость в гибкой фигуре и серых глазах, которые выражали все, что угодно, кроме физической слабости. Одетый в великолепную визитку[19] с бутоньеркой в виде орхидеи, он двигался сквозь толпу с изяществом кошки, вышагивающей по накрытому столу, между приборами.

Но еще более яркой и удивительной, чем сам Пендергаст, оказалась его так называемая воспитанница. Бесспорно, красавица, но не в расхожем, современном смысле. Нет ее красота была красотой прерафаэлитов[20], она напоминала пронзительный образ Прозерпины на знаменитом полотне Россетти, но только с прямыми, коротко подстриженными волосами в виде девичьего ежика. На ней было вечернее платье от Зака Позена, которым Роджер недавно восхищался в одной из галерей торговой аркады Сент-Джеймс, на шестой палубе, — самое дорогое из всех, что там выставили. Интересно, что девушка решила приобрести платье для первого вечера здесь, на борту, вместо того чтобы выбрать что-то из собственного гардероба.

Майлз быстро сделал в уме перерасчет мест и усадил Пендергаста сбоку от себя, а Констанс напротив. Миссис Дальберг отправилась по другую руку от Пендергаста; директор-распорядитель включил ее в список, потому что она развелась с двумя английскими лордами подряд, выйдя потом замуж за американского мясного магната, который умер через несколько месяцев после бракосочетания, сделав ее на сто миллионов богаче. Лихорадочное воображение Майлза особенно распалилось этим последним обстоятельством. Но когда он пристально рассмотрел миллионершу, то с разочарованием обнаружил, что она не похожа на вульгарную охотницу за состояниями, которую он нарисовал в своем воображении.

Директор определил места вокруг стола и остальным: франтоватому молодому английскому баронету с женой-француженкой; торговцу произведениями импрессионистской живописи; солистке группы «Пригородные газонокосильщики» и ее бойфренду; писателю Виктору Делакруа, весельчаку и кутиле, и еще нескольким гостям, которые, как рассчитывал хозяин стола, составят за обедом блестящую и занимательную компанию. Он хотел было включить сюда также кинозвезду Брэддока Уайли, прибывшего сюда на премьеру своего нового фильма, но его актерская слава уже шла на убыль, поэтому распорядитель постановил, что может пригласить Уайли за свой стол и во второй вечер.

Рассаживая гостей, Майлз ловко представлял их друг другу, чтобы избежать банальных официальных представлений после, когда все рассядутся. Вскоре приглашенные сидели на местах, и подоспело первое

блюдо: блины а-ля Романофф. Некоторое время, пока официанты расставляли тарелки и разливали по бокалам вино, соседи перебрасывались ничего не значащими словами.

Роджер сделал первый шаг, чтобы сломать лед обшей скованности.

— Мне кажется, я распознаю у вас нью-орлеанский акцент, мистер Пендергаст. — Майлз гордился своей способностью разговорить даже самого сдержанного собеседника.

— Как вы прозорливы, — отозвался тот. — А я со своей стороны распознаю за вашим английским произношением выговор округи Фар-Рокауэй, в Куинсе.

Директор-распорядитель почувствовал, как улыбка застыла на его устах. Каким образом, черт возьми, мог этот человек узнать об этом?

— Не удивляйтесь, мистер Майлз: в числе прочего я занимался изучением акцентов. При моей профессии нахожу это полезным.

— Понимаю. — Чтобы скрыть замешательство, Майлз пригубил верначу и постарался сменить тему: — Вы лингвист?

В светло-серых глазах собеседника явно сверкнули веселые искорки.

— Вовсе нет. Я занимаюсь расследованиями.

Майлз во второй раз за обед удивился.

— Как интересно! Вы имеете в виду, как Шерлок Холмс?

— Что-то вроде этого.

Довольно неприятная мысль промелькнула в голове у круизного директора.

— А сейчас… здесь… тоже расследуете?

— Браво, мистер Майлз!

Кто-то из сотрапезников уже начал прислушиваться, и Майлз не знал толком, что сказать. Директор-распорядитель, почувствовал приступ нервозности.

— Ну что ж, — смешком он попытался все свести к шутке, — я знаю, кто и как это сделал: дворецкий в кладовке. Подсвечником.

Когда остальные вежливо рассмеялись, он вновь постарался увести разговор со скользкой темы.

— Мисс Грин, вы когда-нибудь видели картину «Прозерпина» Россетти?

Девушка обратила на него взгляд, и Майлз почувствовал некоторое смятение. Было явно что-то странное в этих глазах.

— Видела.

— Мне определенно кажется, что вы напоминаете женщину с этого полотна.

Гостья не отводила пристального взгляда.

— Следует ли мне быть польщенной сравнением с любовницей владыки царства теней?

Причудливый ответ, его сила и яркость, а также резонирующий голос, как на старых грампластинках, смутили Майлза, но он умел с честью выходить из любых превратностей беседы и ответ нашел мгновенно:

— Плутон[21]* влюбился в нее, потому что она была красива и полна жизни — точь-в-точь как вы.

— И в результате похитил ее и утащил в ад, чтобы сделать своей любовницей.

— Что ж, некоторым всегда везет! — Майлз окинул взгля-дом стол и получил за маленькую остроту одобрительный смешок. Даже мисс Грин улыбнулась, с облегчением отметил он.

Заговорил торговец картинами Лайонел Брок:

— Да-да, я хорошо знаю живопись. Насколько помню, эта картина находится в Галерее Тейт.

— Именно. — Роджер с благодарностью повернулся к Броку.

— Довольно заурядное произведение, как и все прерафаэлиты. Моделью послужила Джейн Моррис, жена лучшего друга Россетти. Работа над портретом явилось прелюдией к ее соблазнению.

— Соблазнению… — повторила мисс Грин, устремив странные глаза на Майлза. — А вы когда-нибудь соблазняли, мистер Майлз? Положение директора-распорядителя на шикарном океанском лайнере, должно быть, прекрасная возможность для этого.

— У меня свои маленькие секреты, — ответил Роджер с очередным легким смешком. Вопрос, что называется, не в бровь, а в глаз, и, пожалуй, более дерзок, чем он привык слышать. Вряд ли когда-нибудь еще мисс Грин окажется за подобным столом.

— «И от себя сама я далека, и прошлого мне здесь совсем не жаль…» — продекламировала она.

За столом стало тихо.

— Как красиво! — произнесла молчавшая до сих пор вдова мясного магната Эмили Дальберг, поразительно аристократичного вида женщина в красивом платье, со старинными ювелирными украшениями, стройная и хорошо сохранившаяся для своего возраста. Майлз подумал, что она выглядит и говорит точь-в-точь как баронесса фон Шрёдер из мюзикла «Звуки музыки». — Кто написал это, моя дорогая?

— Россетти, — ответила Грин. — Это стихотворение, которое он написал о Прозерпине.

Брок обратил на девушку серые глаза.

— Вы историк искусств?

— Нет, я педант и обскурантист.

Брок рассмеялся.

— Нахожу педантов и обскурантистов очаровательными, — проговорил он с улыбкой, подаваясь ближе к ней.

— Вы тоже педант, доктор Брок?

— Ну, я... — Он предпочел отшутиться: — Полагаю, кто то может меня так назвать. Я взял с собой несколько экземпляров своей последней монографии о Караваджо. Отошлю копию в вашу каюту, тогда вы сами сможете решить.

В этот момент в компании воцарилась тишина, потому что к столику подошел представительного вида человек с посеребренными сединой волосами, в форме морского офицера. Он был строен и подтянут, а из-под козырька фуражки поблескивали голубые глаза.

— Рад приветствовать вас на борту «Британии», господа. Все присутствующие приветствовали его в ответ.

— Как идут дела, Роджер?

— Все просто замечательно, Гордон.

— Разрешите представиться. — Новоприбывший одарил присутствующих обаятельной улыбкой. — Я Гордон Ле Сёр, первый помощник капитана «Британии». — У него оказался очаровательный ливерпульский выговор.

Над столом пронесся негромкий гул голосов — гости поочередно представлялись.

— Если у вас есть какие-то вопросы по поводу судна, я к вашим услугам. — Офицер снова улыбнулся. — Как вам обед?

Все заверили, что обед превосходен.

— Прекрасно! Мы будем хорошо заботиться о вас, обещаю,

— Я вот хотела узнать, — проговорила миссис Дальберг. — Говорят, «Британия» — крупнейшее круизное судно в мире. Насколько она больше «Куин Мэри»?

— Мы на пятнадцать тысяч тонн тяжелее, на тридцать футов длиннее, на десять процентов быстрее и вдвое красивее. Однако, миссис Дальберг, в одном вынужден вас поправить: «Британия» не круизное судно, а океанский лайнер.

— Я не знала, что существует разница.

— Еще какая! Целью круизного судна является круиз как таковой. Но задача океанского лайнера — перевозить людей согласно расписанию. У «Британии» гораздо больше осадка и более остроконечный корпус, чем у круизного судна, и она способна развивать серьезную скорость — свыше тридцати узлов, что составляет более тридцати пяти миль в час. Корпус должен быть гораздо крепче, чем у круизного судна, и иметь хорошие мореходные качества, с тем чтобы пересекать открытый океан при любой погоде. Видите ли, круизное судно будет уклоняться от шторма. Мы же не свернем и станем пробиваться прямо через шторм.

— В самом деле? — изумилась миссис Дальберг. — У нас есть вероятность столкнуться со штормом?

— Если погодные сводки верны, непременно столкнемся, мадам. Где-нибудь в районе Большой Ньюфаундлендской банки. Но беспокоиться не о чем. — Ле Сёр ободряюще улыбнулся. — Вы получите огромное удовольствие.

Первый помощник попрощался с присутствующими и направился к следующему столу, по соседству, который занимали шумные миллиардеры, владельцы интернет-компаний. Майлз был рад кратковременной тишине, воцарившейся среди этих громогласных ослов, пока первый помощник повторял перед ними свою рекламную речь.

— Изысканнейший первый помощник капитана на всем флоте, — сказал Майлз. — Нам повезло, что он на нашем судне. — Стандартные хвалебные слова, но, по мнению круизного директора, Ле Сёр действительно был славный парень. Не какой-нибудь заурядный среднестатистический первый помощник, кичливый и самодовольный, с комплексом обиды за то, что не сподобился стать капитаном.

— Немного похож на седеющего Пола Маккартни, — заметил Лайонел Брок. — Случайно, не родственник?

— Это все его ливерпульский акцент, — отозвался Майлз. — Вы не первый, кто сделал такое наблюдение. — Роджер подмигнул. Только не говорите этого при нем: наш первый помощник, с сожалением должен отметить, не является битломаном.

Подали главное блюдо, а вместе с ним другое вино, и оживленное журчание голосов за столом усилилось. Майлз держал ушки на макушке. Даже разговаривая, он параллельно умудрялся слышать и других беседующих. Весьма полезный навык при такой профессии.

Миссис Дальберг повернулась к Пендергасту:

— Ваша воспитанница— примечательная молодая женщина.

— Безусловно.

— Где она училась?

— Самоучка.

До слуха Майлза донесся громкий взрыв смеха с соседнего стола. Хохотали Скотт Блэкберн, компьютерный вундеркинд, и два его льстивых приятеля со своими прихлебателями, все в гавайских рубашках, слаксах и сандалиях — вопиющее неуважение к принятым на судне правилам и этикету вечера. Круизный директор содрогнулся. Похоже, на каждом рейсе имелась по крайней мере одна группа богатых шумливых дельцов. Привлекают к себе слишком много внимания. Если верить их досье, Блэкберн и его компания уже побывали в винном туре по графству Бордо, где потратили миллионы долларов на немедленное создание собственных винных погребов. И, как часто бываете миллиардерами, требовательными и эксцентричными, он настоял на том, чтобы ради семидневного путешествия заново отделали предназначенную для него просторную каюту, обставив его собственными предметами искусства, антиквариатом и мебелью.

Миссис Дальберг все разговаривала с Пендергастом:

— И как получилось, что она стала вашей воспитанницей?

Ответила сама Констанс:

— Мой первый опекун, доктор Ленг, подобрал меня, когда я, брошенная сирота, скиталась по улицам Нью-Йорка.

— Святой Боже, я не знала, что такое случается в наше время.

— Когда доктора Ленга убили, Алоиз, будучи его родственником, дал мне приют.

Слово «убили» на мгновение тяжело повисло в воздухе.

— Какая трагедия! — произнес Майлз. — Соболезную.

— Да, это трагическая история, не правда ли, Алоиз?

Директор-распорядитель уловил резкость в ее голосе. Что-то там было нечисто. Люди как айсберги: основная часть того, что в действительности с ними происходит, особенно неприглядное, находится глубоко под водой.

Миссис Дальберг тепло улыбнулась Пендергасту.

— Я, кажется, слышала, что вы частный сыщик?

«О нет», — подумал Майлз. — Только не все сначала!»

— В настоящее время — да.

— И что, вы сказали, сейчас расследуете?

— Боюсь, я ничего такого не говорил.

— Расследование? — воскликнул торговец-искусствовед Брок. Он явно пропустил начало разговора.

— Как восхитительно интересно! — улыбнулась вдова и дотронулась до руки детектива. — Я люблю тайны. Вы разгадываете тайны убийств, мистер Пендергаст?

— Я никогда не читаю детективных романов. Нахожу их смехотворными.

Миссис Дальберг рассмеялась:

— А я их обожаю. И мне приходит в голову, мистер Пендергаст, что из «Британии» получилась бы прекрасная декорация для сцены убийства. — Она повернулась к хозяину стола: — А вы как думаете, мистер Майлз?

— Убийство — это было бы восхитительно. При условии, что никто не пострадает. — Острота заслужила свою порцию смеха, и круизный директор еще раз испытал гордость за свое умение поддерживать разговор там, где этого требовали правила этикета.

Детектив чуть подался вперед.

Не могу обещать вам убийство во время путешествия, — внятно произнес он, — но могу сообщить: здесь, на борту, присутствует убийца.

Глава 11

Пендергаст с удобством расположился в салоне каюты, листая объемистую карту вин, предлагаемых на «Британии». Стоящий поблизости телевизор с плоским экраном был настроен на местную, судовую телестанцию, и приглушенный голос диктора превозносил достоинства океанского лайнера, подкрепляя свои слова видеорядом.

«"Британия" — грандиозное судно, построенное в старых добрых традициях, — информировал интеллигентный голос с правильным оксфордским произношением. Впечатляют ее плавные широкие лестницы, просторные зоны общественного пользования. Здесь имеются два бальных зала, восемь ресторанов, три казино, пять плавательных бассейнов. Ее пассажирский список составляет две тысячи семьсот человек, численность экипажа тысяча шестьсот человек, а регистровая грузоподъемность сто шестьдесят пять тысяч тонн. С точки зрения удобства размещения пассажиров это самое вместительное судно для хождения в открытом море, а численное соотношение между экипажем и пассажирами несравнимо ни с одним другим роскошным пассажирским кораблем. «Британию» отличают несколько уникальных черт — такие как восьмиэтажный Гранд-атриум, салон «Седона-Сан-спа», первоклассные торговые пассажи Риджент-стрит и Сент-Джеймс-стрит, театр «Белгравия» на тысячу мест и подогреваемый бассейн в стиле римских бань, обнаруженных при раскопках Помпей. Лайнер может похвастать бальным залом из золота и хрусталя в стиле короля Георга Второго, крупнейшим из корабельных. Длина судна больше высоты Эмпайр-Стейт-билдинг, а его сирена слышна на пятнадцать миль. В традициях «Титаника» и других великих судов прошлого, «Британия» имеет огромное количество декоративных медных деталей внутри и снаружи, а на отделку интерьера пошло более двух тысяч кубометров деревянных отделочных панелей из тикового и красного дерева, порт-орфордского кедра[22], камедного дерева, хлорофоры и карельской березы...»

На втором этаже люкса открылась дверь. Из своей комнаты появилась Констанс и спустилась по ступенькам.

Пендергаст выключил телевизор и отложил в сторону карту вин.

— Я и понятия не имел, что на судне столь обширный винный погреб. Оказывается, заготовлено сто пятьдесят тысяч бутылок. Особенно впечатляет подбор бордоского пойака до 1960 года.

Он бросил взгляд на спутницу. Девушка переоделась из вечернего платья в обычное, бледно-желтого цвета.

— Новый гардероб тебе к лицу, Констанс.

— Спасибо за помощь при выборе. — Она уселась в кресло напротив.

— Ты была довольно резка сегодня вечером.

— Так же как и ты.

— Я стараюсь выкурить из норы убийцу. А какова была твоя цель?

Констанс вздохнула:

— Извини, если вела себя невежливо. После монастыря нахожу всю эту ярмарку тщеславия… гнетущей.

— «Будь в миру, но не частью мира», — процитировал Пендергаст древнюю буддийскую максиму.

— Предпочла бы находиться дома, у камина, с книгой. Все это, — она обвела рукой окружающую обстановку, — абсурдно.

— Не забывай, что мы работаем.

Девушка беспокойно поежилась в кресле и ничего не ответила.

Про себя Пендергаст уже отметил, что за последние несколько недель с его воспитанницей произошла перемена. Время, проведенное в монастыре, сотворило с нею чудо. После своего отъезда Алоиз был рад, что она продолжает практиковаться в Чонгг Ран, вставая каждый день в четыре утра и после этого час медитируя, затем медитируя после полудня и не чрезмерно усердствуя в еде и напитках. Но что более важно — Констанс уже не была тем вялым, апатичным, плывущим по течению существом, каким сделалась после смерти его брата. Стала более уравновешенной, целеустремленной, заинтересованной окружающим миром. Их маленькая миссия, эта неразгаданная тайна, дала ей новое чувство направления. Пендергаст очень надеялся, что она сильно продвинулась по пути выздоровления после ужасных событий марта и процедуры в февершемской клинике. Констанс больше не нуждалась в защите. После ее демонстративно резкого поведения за столом он спрашивал себя, не поменялось ли положение дел на прямо противоположное.

— Какого ты мнения о наших сегодняшних сотрапезниках?

— Увы, невысокого. За исключением миссис Дальберг — в ней есть какая-то подкупающая искренность. Кажется, ты ее заинтересовал.

Пендергаст наклонил голову.

— Я не единственный, кто произвел там впечатление. — Спецагент кивнул на тонкую рукопись «Караваджо. Загадка светотени», лежащую

на маленьком столике. — Вижу, доктор Брок не терял времени даром и прислал тебе монографию, как обещал.

Констанс бросила взгляд на рукопись и нахмурилась.

— Полагаю, несмотря на свои недостатки, некоторые из наших сотрапезников могут оказаться полезными, — продолжал детектив. — Мистер Майлз, к примеру. Вот человек, который все подмечает.

Констанс кивнула, и оба на время погрузились в молчание.

— Итак, — сменила она тему, — наш вор и убийца застрелил Джордана Эмброуза из малокалиберного пистолета, а затем учинил необъяснимое зверское надругательство над телом?

— Да.

— Но остальные действия преступника, как ты их описал: доскональный обыск убитого и гостиничного номера, тщательная протирка всех поверхностей, — не укладываются в эту схему.

— Вот именно.

— Ни в одном сборнике юридических прецедентов я не читала ни о чем подобном.

— За исключением, пожалуй, одного случая, которым я занимался в Канзасе сравнительно недавно.

Послышался стук в дверь, и Пендергаст пошел отворить. По ту сторону стояла горничная.

— Входите, — жестом пригласил детектив обслугу в номер.

Женщина сделала маленький реверанс и вошла в прихожую. Она была худая, средних лет, с черными волосами и глубоко посаженными темными глазами.

— Прошу прощения, сэр, — произнесла она с восточноевропейским акцентом, — я хотела спросить: не нужно ли вам чего-нибудь в данный момент?

— Нет, спасибо. У нас пока все в порядке.

— Благодарю вас, сэр. Тогда я приду позже, чтобы разобрать постели. — И с еще одним маленьким реверансом она исчезла.

Пендергаст закрыл дверь и вернулся к дивану.

— Так как мы собираемся провести вечер? — спросила Констанс.

— Здесь имеется множество послеобеденных развлечений. Ты настроена на что-то конкретно?

— Я думала, мы займемся поисками.

— Вот так развлечение. Вообще, прежде чем что-то предпринимать, надо выполнить подготовительную работу. — Детектив указал на большую компьютерную распечатку, лежащую рядом с картой вин. — На борту судна две тысячи семьсот пассажиров, а у нас только семь дней, чтобы найти убийцу и забрать у него Агозиен.

— Это список пассажиров?

Пендергаст кивнул:

— Прямо из базы данных судна. Включая сведения о роде занятий, возрасте, поле и времени посадки. Повторю членов команды я исключил.

— Как ты добыл эту распечатку?

— Очень просто. Вышел на младшего специалиста по обслуживанию компьютерной техники и сказал ему, что я аудитор компании «Северная звезда», оценивающий работу экипажа. Правда, он не смог предоставить мне список достаточно быстро. Сейчас я уже добился значительного прогресса в сужении круга подозреваемых. — С этими словами спецагент вытащил из кармана пиджака небольшой лист бумаги.

— Продолжай.

Длинный белый палец уткнулся в бумагу.

— Убийство было совершено в десять, такси прибыло на пристань в половине первого ночи, и, стало быть, убийца должен был взойти на борт после этого времени. Таким образом, из числа подозреваемых исключаются четыреста шестьдесят шесть имен.

Спецагент выдержал паузу.

— Убийца — мужчина.

— С чего ты взял? — спросила Констанс, будто это предположение являлось оскорблением для женской половины человечества.

— Бутылка виски. Такой человек, как Эмброуз, вряд ли бы выбрал этот напиток, будь гость женщиной. А затем — нож убийцы, который пробил насквозь тело, полдюйма коврового покрытия и почти на дюйм вошел в фанерный настил пола. Тут требовалась огромная физическая сила. Ведь и сам Эмброуз был альпинистом в превосходной физической

форме, человеком, которого не так-то просто лишить жизни. Это означает, что наш убийца быстр, силен и — мужского пола.

— Признаю твою правоту в этом пункте.

Палец двинулся ниже по листу бумаги.

— По тем же соображениям ограничим возраст подозреваемого: больше двадцати — меньше шестидесяти пяти. На таком многолюдном пассажирском лайнере, как этот, подобная информация весьма полезна. Вдобавок фигурант путешествует без жены: грязное убийство, поездка в такси, маскировка, посадка на борт судна с Агозиеном — все это действия человека, не обремененного женой. Психопатология убийства, явное наслаждение убийцы актом насилия также говорят в пользу холостяка. Итак, одинокий мужчина соответствующего возраста — еще тысяча двести имен долой. Остается двести двенадцать.

Палец двинулся дальше.

— Все признаки указывают на то, что Эмброуз вступил в контакте известным коллекционером — быть может, не обязательно специалистом по азиатским древностям, но все-таки коллекционером, с человеком, чье лицо могло быть знакомо широкой общественности. Что оставляет нам только двадцать шесть имен.

Пендергаст бросил беглый взгляд на Констанс.

— Убийца умен. Поставь себя на его место. Необходимо пронести этот неудобный ящик на борт, не вызвав подозрений. Он не стал бы садиться на корабль сразу после убийства, да еще с таким приметным багажом. Кроме того, убийце надо было переодеться и умыться где-то в безопасном месте. Так как же он поступил?

— Отправился в номер отеля, отмылся, переложил Агозиен в пароходный кофр большого размера и взошел на борт под занавес, во время общей неразберихи.

— Абсолютно точно. А это значит, сегодня около девяти утра.

Констанс криво усмехнулась.

— Что оставляет нам только восемь подозреваемых — вот они. Ты заметишь любопытное совпадение: двое из них сидели за нашим столом.

Алоиз подтолкнул ей список, и девушка прочла имена, сопровождая каждое коротким примечанием:

— Лайонел Брок. Владелец «Брок гэлериз», Западная Пятьдесят седьмая улица, Нью-Йорк. Возраст пятьдесят два года. Известный агент по сбыту произведений импрессионистов и постимпрессионистов.

Скотт Блэкберн, бывший президент и исполнительный директор ресурса «Гримнет». Возраст сорок один год. Миллиардер из Кремниевой долины. Собирает старинное азиатское искусство и живопись двадцатого века.

Джейсон Лэмб, генеральный директор корпорации «Агамемнон». Возраст сорок два года. Блэкберн является главным инвестором его компании. Собирает китайский фарфор, японскую живопись и ксилографию.

Терренс Кальдерон, генеральный директор компании «ТелеМобилекс солюшнз». Возраст тридцать четыре года. Магнат в области телекоммуникаций, друг Блэкберна. Собирает предметы французской старины.

Эдвард Смекер, лорд Клайвборо, имеет репутацию вора-домушника. Возраст двадцать четыре года. Собирает старинные ювелирные украшения, серебряную и золотую утварь, старинные ковчеги для мощей и предметы искусства.

Клод Даллас, кинозвезда. Возраст тридцать четыре года. Собирает произведения поп-арта.

Феликс Стрейдж, заведующий отделом греческого и римского искусства в Метрополитен-музее, Нью-Йорк. Собирает греческие и римские древности.

Виктор Делакруа, писатель и бонвиван. Возраст тридцать шесть лет. Собиратель предметов эклектического искусства.

Пендергаст потянулся за авторучкой и провел вдоль последнего имени жирную черту.

— Этого мы можем исключить прямо сейчас.

— Почему?

— Я заметил за столом, что он левша. Убийца действовал правой.

Констанс посмотрела на него с легким удивлением:

— Ты исключил уже две тысячи шестьсот девяносто трех подозреваемых, еще даже не прибегнув к своим выдающимся талантам.

— Исключение последних семи может оказаться более трудным делом. Вот где мы должны разделиться, если хотим добиться успеха. —

Спецагент внимательно посмотрел на девушку. — Я возьму на себя расследование на верхних палубах, среди пассажиров и корабельного командования. А тебе предлагаю заняться нижними палубами и трюмом корабля.

— Трюмом? Но если убийца не член экипажа, тогда зачем возиться с нижними помещениями?

— Наилучшее место, где можно услышать сплетни и слухи о пассажирах, — это трюм.

— Но почему я?

— У тебя больше шансов разговорить членов персонала, чем у меня.

— А что именно мне нужно будет искать?

— Вообще все, что, как подскажет тебе интуиция, может оказаться полезным. Особенно ящик. Длинный нескладный ящик.

Девушка помолчала.

— Как я проберусь в служебные помещения?

— Найдешь способ. — Спецагент предостерегающе положил руку ей на локоть. — Но должен предупредить, Констанс: я не понимаю этого убийцу. И меня это тревожит. Как должно тревожить и тебя.

Она кивнула.

— Не действуй на свой страх и риск. Наблюдай, а потом со своими наблюдениями приходи ко мне. Договорились?

— Да, Алоиз.

— В таком случае, как принято говорить, партия началась. Не отметить ли начало охоты стаканчиком старого доброго портвейна? — Пендергаст опять взял в руки карту вин. — Как я понимаю, «Тейлор» пятьдесят пятого года лучше всего подойдет в данном случае.

Но Констанс отмахнулась:

— Нет, спасибо, я сейчас не расположена пить портвейн. Но ты угощайся, пожалуйста.

Глава 12

Горничная Хуанита Сантамария двигалась по выстеленному золотым ковром коридору двенадцатой палубы, толкая перед собой рабочую тележку. Шла сосредоточенно, губы крепко сжаты, брови напряженно сведены, взгляд устремлен прямо вперед. Тележка, нагруженная горкой

чистого белья и душистым мылом, поскрипывая, катилась по плюшевому ворсу.

За углом коридора навстречу ей попалась пассажирка, хорошо сохранившаяся женщина лет шестидесяти, с седыми волосами фиолетового оттенка.

— Простите, моя дорогая, — обратилась она к Хуаните. — Я правильно иду в «Сан-спа»?

— Да, — ответила горничная.

— О, и еще один вопрос. Я хотела бы послать капитану благодарственное письмо. Не скажете, как его имя?

— Да, — не останавливаясь, ответила Хуанита.

Холл заканчивался впереди простой коричневой дверью Через нее горничная протолкнула тележку в служебное помещение. Полевую руку стояли большие холщовые мешки с грязным бельем рядом с шеренгой серых пластиковых емкостей с грязными тарелками из номеров — все это ждало отправки в трюм, в подсобную часть судна. По правую руку находился ряд служебных лифтов. Хуанита подкатила тележку к ближайшему и нажала кнопку.

Палец ее при этом чуть подрагивал.

С мягких шорохом двери открылись. Хуанита втолкнула тележку внутрь и повернулась лицом к кнопочной панели. На сей раз, однако, горничная застыла в нерешительности, рассеянно уставившись на панель, и медлила так долго, что двери сдвинулись, а лифт в ожидании неподвижно завис в стволе шахты. Наконец, очень медленно, точно зомби, нажала кнопку с надписью «Палуба С». Машина с жужжанием начала опускаться.

Главный коридор правого борта на палубе С, тесное душное помещение с низким потолком, оказался настолько же многолюдным, насколько свободен был коридор двенадцатой палубы. Старшие официанты, помощники официантов, горничные, крупье, дежурные по этажу, технические специалисты, стюарды, маникюрши, электрики и прочие торопливо проносились мимо, спеша по делам и поручениям, необходимым для того, чтобы поддерживать жизнь огромного океанского лайнера. Хуанита вытолкнула тележку в этот гудящий муравейник и остановилась, озираясь по сторонам, словно заблудшая овца. Несколько человек, пробегая мимо, свирепо посмотрели на нее: коридор был неширок и тележка посредине создавала пробку.

— Эй! — Неряшливая женщина в униформе бригадира торопливо подскочила к ней. — Здесь никаких тележек! Сейчас же отвези ее наверх, в хозяйственный блок!

Горничная повернулась к ней спиной и ничего не ответила. Начальница схватила ее за плечо и развернула к себе.

— Я сказала, забери эту… — Узнав Хуаниту, она осеклась. — Сантамария? Какого черта ты здесь делаешь? Твоя смена заканчивается только через пять часов. Ну-ка марш отсюда обратно на двенадцатую палубу!

Но Хуанита молчала, отрешенно глядя в сторону.

— Ты меня слышишь? Отправляйся на верхнюю палубу, пока я не сняла с тебя дневное жалованье. Ты…

Тут бригадир остановилась. Что-то в отсутствующем выражении лица Хуаниты, в темных провалах глаз заставило ее умолкнуть.

Оставив тележку посреди коридора, горничная нетвердой походкой двинулась сквозь толпу. Опешившая начальница молча смотрела ей вслед.

Каюта Хуаниты находилась в тесном, душном, гнетущем блоке в кормовой части судна. Хотя дизельно-турбинная установка располагалась тремя палубами ниже, ее глухая, монотонная вибрация и запах топлива наполняли пространство как несущаяся по воздуху инфекция. По мере приближения к каюте шаги девушки все больше замедлялись. Проходящие мимо члены персонала несколько раз оборачивались, пораженные ее отсутствующим взглядом и потусторонним выражением лица.

Она потерянно остановилась у своей двери. Прошла минута, другая. Неожиданно дверь отворилась, и на пороге возникла смуглая черноволосая женщина в форме официантки ресторана «Гайд-парк», что на седьмой палубе.

— Хуанита, девочка! — увидев подругу, воскликнула она с гаитянским акцентом. — Ты меня напугала.

И вновь горничная ничего не ответила. Просто таращилась сквозь соседку, как если бы та была прозрачной.

— Хуанита, что случилось? Ты будто увидела призрака.

Послышалось журчание — это сдал мочевой пузырь Хуаниты.

— Эй! — Соседка отскочила назад. Громкий вскрик, казалось, вывел Хуаниту из ступора, и ее взгляд сфокусировался на товарке. Затем, очень медленно, взгляд пополз вниз: по лицу, шее, груди, где на простенькой

цепочке висел золотой медальон, изображающий многоголовую змею под лучами стилизованного солнца.

Внезапно глаза Хуаниты расширились. Выбросив вперед руки, как будто желая от чего-то уберечься, она бросилась назад, в коридор. Рот ее широко открылся, образуя пугающий алый провал.

По коридору прокатился громкий, пронзительный крик.

Глава 13

Роджер Майлз шел по мягкому ковру казино «Мэйфейр» на четвертой палубе, раздавая направо и налево кивки и улыбки. Не прошло и пяти часов, как «Британия» вошла в международные воды, но казино уже гудело точно улей: грохот игровых автоматов, объявления крупье за карточными и рулеточными столами, гвалт игроков в кости перекрывались звуками ночного шоу, идущего в этот момент на сцене «Ройал-корт» чуть дальше, в носовой части. Почти все пассажиры были в смокингах и вечерних платьях: большинство поспешили сюда сразу после торжественного премьерного обеда, даже не озаботившись переодеться.

Директора-распорядителя остановила официантка с серебряным подносом, уставленным бокалами с шампанским.

— Здравствуйте, мистер Майлз! — приветствовала она его, стараясь перекричать шум. — Не желаете?

— Нет, спасибо, моя милая.

Оркестр-диксиленд завывал тут же, недалеко, поддавая жару в общую атмосферу неистового веселья. «Мэйфейр» представляло собой самое шумное из трех имевшихся на «Британии» казино, и, по мнению Майлза, служило яркой иллюстрацией головокружительного пиршества алчности и богатства. Для казино первый вечер в море был всегда наиболее радостно-хаотичным: никого еще не отрезвили большие проигрыши. Майлз подмигнул официантке и продолжил путь, скользя взглядом по игровым столам — над каждым в потолок был вмонтирован маленький купол из дымчатого стекла, почти незаметный среди ослепительных хрустальных люстр. Декор выдержали в стиле лондонского модерна, характерного для конца девятнадцатого века, — сплошь бархат, ценные породы дерева и медная фурнитура. В центре большого зала возвышалась причудливая скульптура, вырезанная из бледно-розового льда: лорд Нельсон, довольно эксцентрично завернутый в тогу.

Дойдя до бара при казино, Майлз взял вправо и остановился перед дверью без надписи. Вынув из кармана электронную карточку-ключ, вставил в примыкающее к двери считывающее устройство, и дверь со

щелчком отворилась. Опасливо оглянувшись вправо-влево, он бесшумно шагнул внутрь, подальше от шума и суеты.

В этой комнате не было верхних ламп. Вместо них оборудовали сотню маленьких мониторов системы скрытого видеонаблюдения, установленных по всем стенам; на экранах отображались разные участки казино и под разными углами: вид столов сверху, ряды игровых автоматов, кассы. Здесь располагался так называемый партер, святая святых казино, где персонал равно неусыпно следил за игроками, крупье и кассирами.

Сидящие на стульях с колесиками два оператора отслеживали дисплеи; льющийся с экранов голубоватый свет делал их лица бледными, как у привидений. За их спинами стоял управляющий казино Виктор Хентофф и, сдвинув брови, также внимательно смотрел на мониторы. Большую часть предстоящих шести дней пути он проведет, курсируя между корабельными казино. За свою жизнь Виктор так много часов провел, пялясь в многочисленные экраны, что приобрел нечто вроде постоянного косоглазия. Услышав, что кто-то вошел, Хентофф обернулся.

— Роджер, — приветствовал он грубовато-ворчливым голосом, протягивая руку.

Поздоровавшись, Майлз вынул из кармана и запечатанный конверт.

— Благодарю. — Толстым пальцем Виктор надорвал конверт и вынул несколько листков бумаги. — Бог ты мой! — произнес он, качая головой.

— Масса низко висяших плодов, — прокомментировал Майлз, — созревших для сбора.

— Не хотите представить мне сводное резюме?

— Конечно. — Помимо всего прочего, в обязанности директора-распорядителя входило обеспечивать персонал казино списком профессионалов, играющих по-крупному, либо доверчивых простаков — для специальной разработки. — Графиня Уэстли явилась для очередного обмишуривания. Помнишь, что случилось в первом рейсе «Океании»?

Хентофф вытаращил глаза.

— Не могу поверить, что она вернулась после того случая.

— У нее слабость к первым рейсам. И к крупье баккара. Затем есть еще...

Тут Майлз понял, что управляющий казино больше на него не смотрит. Вместо этого Хентофф смотрел куда-то ему за плечо. Капризный директор также заметил, что уровень шума в комнате чрезвычайно

возрос. Роджер повернулся туда, куда смотрел Хентофф, и, к своему ужасу и смятению, увидел, что в святая святых каким-то образом проник его недавний сотрапезник Пендергаст и уже закрывает за собой дверь.

— А, мистер Майлз, — приветственно произнес детектив, — вот вы где.

Ощущение смятения и ужаса усилилось. Директор-распорядитель редко делал неверный выбор гостей за своим столом, но приглашение Пендергаста и его «воспитанницы» оказалось ошибкой, которую он не собирался повторять.

Новопришедший обвел взглядом ряды мониторов по стенам.

— Очаровательный у вас здесь вид.

— Как вы вошли? — требовательно спросил Хентофф.

— Так, маленький салонный фокус, — небрежно отмахнулся Алоиз.

— Но вам нельзя здесь находиться, сэр. В эту зону пассажирам вход воспрещен.

— У меня только пара вопросов к мистеру Майлзу, а потом я сразу же уйду.

Управляющий казино повернулся к круизному директору:

— Роджер, вы знаете этого пассажира?

— Мы сегодня вместе обедали. Чем могу быть полезен, мистер Пендергаст? — с обворожительной улыбкой спросил Майлз.

— То, что я собираюсь сказать, строго конфиденциально.

«О, нет», — подумал директор-распорядитель, чувствуя, как его нервы натягиваются будто струны. Он надеялся, что продолжения патологических высказываний Пендергаста за обедом не последует.

— Я на «Британии» не затем, чтобы отдохнуть и глотнуть свежего воздуха.

— В самом деле?

— Я здесь для того, чтобы оказать помощь другу. Видите ли, джентльмены, у него похитили некую вешь. Нечто имеющее очень большую ценность. Этот предмет в настоящее время находится в распоряжении одного из пассажиров этого судна. В мои намерения входит отыскать предмет, изъять его и вернуть законному владельцу.

— Вы частный сыщик? — спросил Хентофф.

Пендергаст несколько секунд раздумывал над этим вопросом, в светлых глазах его поблескивал, отражаясь, свет мониторов.

— Можно с определенностью сказать, что мое расследование носит частный характер.

— Иными словами, свободный художник, — уточнил Виктор. Управляющий казино не мог изгнать из голоса нотку пренебрежения. — Сэр, еще раз вынужден просить вас покинуть помещение.

Пендергаст обвел глазами экраны, затем перевел взгляд на Майлза.

— Это ведь ваша работа, мистер Майлз, знать все обо всех пассажирах?

— Это одна из моих приятных обязанностей.

— Превосходно. Тогда вы именно тот человек, который снабдит меня сведениями, которые помогут выследить вора.

— Боюсь, мы не можем разглашать сведения о пассажирах, — с заметным холодком возразил Майлз.

— Но этот человек может быть опасен. Для того чтобы завладеть искомым предметом, он совершил убийство.

— Тогда об этом позаботится наша служба безопасности, — пожал плечами Хентофф. — Буду рад переадресовать вас начальнику охраны, который запишет вашу информацию и подошьет к делу.

Пендергаст покачал головой:

— Увы, не могу привлекать к своему расследованию низший персонал. Секретность имеет здесь первостепенное значение.

— А что это за предмет? — спросил Хентофф.

— Боюсь, не могу входить в детали. Это азиатская древность огромной ценности.

— А почему вы решили, что она на борту корабля?

В ответ спецагент лишь скривил губы в некоем подобии улыбки.

— Мистер Пендергаст, — произнес Майлз голосом, к которому прибегал для ублажения самых несговорчивых пассажиров. — Вы не желаете сказать нам, что ищете. Не желаете объяснить, почему вы так уверены, что нужный вам предмет находится на борту «Британии». Вы находитесь тут не в силу своего должностного положения. Да и в любом случае мы сейчас в международных водах — ни американские, ни британские законы здесь не действуют. Тут закон представляет наша собственная служба безопасности. Мне очень жаль, но мы просто не

можем санкционировать ваше расследование или чем-либо вам помочь. Напротив, мы бы дурно истолковали, если бы ваше расследование обеспокоило кого-либо из наших гостей. — Чтобы подсластить пилюлю, Майлз одарил Пендергаста самой обаятельной своей улыбкой. — Я уверен, что вы понимаете.

Пендергаст медленно покивал:

— Понимаю. — Он слегка поклонился и направился к выходу, но, взявшись за ручку двери, обернулся. — Полагаю, бросил детектив небрежно, — вы в курсе, что на блэкджеке орудует группа счетчиков карт. — И неопределенно кивнул в сторону мониторов.

Майлз посмотрел туда же, но, не будучи тренирован в плане видеонаблюдения, увидел лишь скопление мужчин и женшин за столами, где шла игра в блэкджек, и вокруг столов.

— О чем вы? — резко спросил Хентофф.

— О карточных счетчиках. Высокопрофессиональных и хорошо организованных, чей успех зависит от того, насколько ловко они смогут избежать внимания службы безопасности.

— Что за вздор! Мы ничего такого не заметили. Это что, какая-то игра?

— Для них это отнюдь не игра. По крайней мере в том смысле, в каком бы вам хотелось.

В течение нескольких секунд специальный агент и управляющий казино смотрели друг на друга. Затем с раздраженным шипением Хентофф обратился к одному из операторов:

— Каков улов на данный момент?

Оператор снял телефонную трубку и коротко с кем-то переговорил. Затем посмотрел на шефа:

— «Мэйфейр» потерял двести тысяч фунтов, сэр.

— Где? По всему залу?

— За столом с блэкджеком, сэр.

Хентофф стремительно перевел взгляд на экраны и несколько мгновений таращился на них. Затем опять повернулся к Пендергасту:

— Где они, покажите?

Пендергаст улыбнулся:

— Ах! Боюсь, они только что ушли.

— Как удачно! А каким в точности образом они считывали карты?

— Похоже, воспользовались вариантом «Ред-севен» или «Ки-О». Трудно сказать определенно, учитывая, что сам я не смотрел в мониторы. А их прикрытие достаточно хорошо так что они, по всей видимости, никогда раньше не попадались. В противном случае в вашей базе данных были бы их фото крупным планом, а идентифицирующие сканеры их бы уже засекли.

Управляющий казино слушал, и лицо его все больше багровело.

— Каким образом, черт возьми, вы раздобыли такую информацию?

— Вы уже сами ответили, мистер... Хентофф, не так ли? Я свободный художник.

Довольно продолжительное время никто не произносил не слова. Двое операторов перед мониторами сидели как замороженные, не смея отвернуться от экранов.

— Совершенно очевидно, что вам пригодилась бы некоторая помощь в этом деле, мистер Хентофф. Буду рад ее предоставить.

— В обмен на нашу помощь в вашей маленькой проблеме? — саркастически спросил Виктор.

— Вот именно.

Снова нависла напряженная тишина. Наконец управляющий казино вздохнул:

— О Господи! Что конкретно вам нужно?

— У меня большая вера в возможности мистера Майлза. У него есть доступ ко всем пассажирским досье. Его работа состоит в том, чтобы общаться, задавать вопросы, выпытывать информацию. Его должность идеальна для содействия. Пожалуйста, не волнуйтесь, Роджер, что обеспокоите пассажиров, — меня интересует только небольшая группа. Я бы хотел знать, к примеру, не оставлял ли кто-либо из этой группы предметы на хранение в центральном судовом сейфе, не находятся ли их каюты под грифом «Недоступно для обслуживающего персонала»... такого рода вещи. — Потом он повернулся к Хентоффу: — И мне может понадобиться также ваша помошь.

— В чем?

— В... дайте подумать... как это называется... чтобы смазать шестеренки.

Хентофф перевел взгляд с Пендергаста на Майлза.

— Я подумаю, — пробормотал директор-распорядитель.

— Для вашей же собственной пользы, — весомо закончил Пендергаст. — Надеюсь, это не займет у вас слишком много времени. Полегчать на двести тысяч меньше чем за пять часов — довольно скверная тенденция. — Детектив с улыбкой поклонился и выскользнул из операторской, не сказав больше ни слова.

Глава 14

Констанс потихоньку брела вдоль шестой палубы, словно плывя по течению. Здесь проходила широкая главная пассажирская магистраль лайнера, известная под названием Сент-Джеймс-стрит, с дорогими и эксклюзивными магазинами. Несмотря на поздний час — почти половина первого ночи, — не было никаких признаков, что жизнь на «Британии» замирает. Нарядно одетые пары прогуливались, глазея в витрины и негромко беседуя о том о сем. Коридоры уставили вазами со свежими цветами, фоном для разговоров и смеха служило мурлыканье струнного квартета. Пахло сиренью, лавандой и еще шампанским.

Констанс медленно шагала все дальше, мимо винного бара, ювелирного магазина и художественной галереи, в которой за астрономические суммы продавались собственноручно подписанные авторами репродукции Миро, Клее и Дали. В дверях старуха в инвалидной коляске распекала молодую белокурую женщину, которая катила ее кресло. Что-то в облике блондинки заставило Констанс задержать на ней взгляд. Потупленный взор и отрешенное выражение лица с оттенком затаенной печали могли бы быть ее собственными.

За торговой аркадой Сент-Джеймс находились богато украшенные двойные двери, открывающиеся в Гранд-атриум — обширное восьмиэтажное пространство в самом сердце судна. Констанс подошла к перилам атриума, бросила взгляд сначала вверх, потом вниз. Взору предстал впечатляющий вид на расположенные террасами балконы, сверкающие люстры и открытые лифты из витражного стекла и хрусталя. Внизу, в ресторане «Королевский герб», на второй палубе, люди сидели группами вокруг расположенных вдоль стен банкеток, обтянутых красной кожей, закусывая экзотическими морепродуктами и турнедос[23] из говядины. Тут и там сновали официанты и сомелье; один устанавливал на стол блюдо, полное деликатесов, другой обходительно склонялся над обедающим клиентом, чтобы лучше расслышать его просьбу. На ярусах балконов на третьей и четвертой палубах, также выходивших в атриум, располагались дополнительные столики. Звон столового серебра, отголоски бесед, приливы и отливы музыки — все это доносилось до слуха Констанс.

Здесь стояла оранжерейная атмосфера роскоши и особых привилегий, что неудивительно на громадном плавучем городе-дворце, величайшем из всех, что когда-либо видел мир. Но весь этот блеск оставлял девушку

абсолютно равнодушной. По правде сказать, ей виделось что-то отталкивающее в этой отчаянной погоне за удовольствиями. Как отличалась эта лихорадочная, исступленная активность, это безудержное вульгарное потребление и неуемное пристрастие к мирским благам от ее жизни в монастыре! Как тянуло вернуться туда!

«Будь в миру, но не частью мира».

Отойдя от перил, она направилась к ближайшим лифтам и поднялась на двенадцатую палубу. Этот уровень почти полностью занимали пассажирские каюты. При том что и тут все воплощало утонченную роскошь — с толстыми восточными коврами и пейзажами маслом в золоченых рамах, — здешняя атмосфера казалась гораздо более умиротворяющей. Констанс двинулась по коридору, который впереди под прямым углом поворачивал влево. Прямо по курсу находился и их с Пендергастом номер люкс, называемый «тюдоровские покои», расположенный в носовой части теплохода. Грин потянулась в сумочку за карточкой-ключом и вдруг застыла.

Дверь в каюту оказалась приоткрытой.

Тотчас сердце неистово забилось, точно девушка ожидала чего-то подобного. Ее опекун никогда не поступил бы так беспечно — в каюте находился чужой. Не может быть, чтобы тот! Нет, не может быть. Она сама видела его смерть. Разумом Констанс понимала, что ее страхи иррациональны, тем не менее не могла унять внезапное сердцебиение.

Из сумочки она достала небольшую продолговатую коробочку, открыла и вынула из плюшевого гнезда поблескивающий скальпель. Тот скальпель, что дал ей он.

Выставив перед собой лезвие, Констанс медленно шагнула в каюту. Главная гостиная овальной формы оканчивалась большим, в два этажа, окном из толстого стекла, выходящим на темный океан далеко внизу. Одна дверь, слева, вела в большую гардеробную, другая, справа, открывалась в ту комнату, что они с Алоизом приспособили под кабинет. Гостиную освещал неяркий свет лампы, автоматически включающейся при открывании дверей. За окном лунный свет прочертил по живому океану мерцающую дорожку, обсыпав бриллиантовыми звездами кильватерную струю. В полумраке проступали диван, два кресла с подлокотниками, обеденная зона, кабинетный рояль-миньон. Две одинаковые лестницы, изгибаясь, расходились по стенам налево и направо: левая вела в спальню Пендергаста, правая — в ее собственную. Сделав еще один беззвучный шаг вперед, Констанс вытянула шею и постаралась заглянуть наверх.

Дверь ее комнаты была приоткрыта. Из-под нее струился бледно-желтый свет.

Констанс сильнее стиснула в руке скальпель, затем — медленно и абсолютно бесшумно — пересекла комнату и начала подниматься по ступеням.

В течение вечера волнение на море постоянно усиливалось. Размеренная качка судна, недавно едва ощутимая, становилась все более явной. Откуда-то сверху и спереди донесся длинный скорбный гудок корабельной сирены. Скользя рукой вдоль перил, Констанс медленно и осторожно поднималась по лестнице.

Добравшись до верхней площадки, она шагнула к двери. Изнутри не доносилось ни звука. Девушка подождала еще немного, затем резко толкнула дверь и шагнула в комнату.

Раздался испуганный возглас. Грин стремительно развернулась на звук, выставив перед собой нож.

Судовая горничная — темноволосая женщина, которая представлялась им ранее, — стояла у книжного шкафа, поглощенная книгой, которую сейчас в испуге уронила. Женщина посмотрела на Констанс со смешанным выражением шока, растерянности и страха, затем перевела взгляд на скальпель.

— Что вы здесь делаете?

От шока горничная не сразу обрела дар речи.

— Извините, мисс. Прошу вас… я просто пришла разобрать постели… — Восточноевропейский акцент от волнения сделался сильнее, женщина неотрывно смотрела на скальпель; на лице ее читался ужас.

Грин сунула скальпель обратно в футляр и вернула его в сумочку. Затем протянула руку к телефону, намереваясь вызвать охрану.

— Нет! — вскричала горничная. — Пожалуйста! Они высадят меня в ближайшем порту, оставят в Нью-Йорке, без всякой надежды добраться домой!

Констанс в нерешительности застыла с телефонной трубкой, с опаской взирая на горничную.

— Простите меня, — запричитала та. — Я пришла разобрать постели, положить шоколад на подушку. А потом увидела… увидела… — И указала рукой на книгу, которую уронила.

Констанс опустила взгляд. К ее вящему удивлению, это оказался тонкий томик стихов Анны Ахматовой.

Девушка не вполне понимала, зачем взяла эту книгу с собой. История томика, как и шлейф воспоминаний, была мучительна для Констанс.

Даже смотреть на книгу сейчас оказалось тяжело. Быть может, она возила ее с собой, как кающийся грешник носит на себе власяницу, надеясь болью искупить грехи.

— Вы любите Ахматову?

Женщина кивнула.

— Когда я сюда приехала, то не имела возможности взять с собой книги. Мне так их не хватало. А потом, разбирая постель, я увидела… увидела ваши. — Горничная с усилием сглотнула.

Констанс все так же отстраненно процитировала, глядя на нее:

— «Я зажгла заветные свечи, чтобы этот светился вечер…»

Не отрывая глаз от хозяйки номера, женщина отозвалась:

— «И с тобой, ко мне не пришедшим, сорок первый встречаю год».

Констанс отступила на шаг от телефона.

— Дома, в Беларуси, я преподавала русскую литературу. На русском, конечно.

— В средней школе?

Горничная покачала головой:

— В университете.

— Вы университетский преподаватель? — удивленно спросила Констанс.

— Была. Я потеряла работу… как и многие другие.

— И теперь работаете на борту судна… горничной?

Женщина печально улыбнулась.

— Такова судьба многих из нас. Мы часто теряем работу. Вернее, в нашей стране не хватает рабочих мест. Кризис.

— А ваша семья?

— У моих родителей была ферма, но правительство ее конфисковало, из-за радиоактивных осадков. Чернобыль, понимаете? Радиоактивное облако пошло на запад. Десять лет я преподавала в университете русскую литературу, а потом потеряла работу. Затем услышала, что на большое судно набирают прислугу, и вот приехала. Теперь работаю и отсылаю домой деньги

Констанс опустилась на стул.

— Как вас зовут?

— Мария Казулина.

— Мария, я забуду это недоразумение. Но взамен хотела бы получить от вас помощь.

Горничная насторожилась.

— Какую помошь?

— Мне нужно время от времени бывать на нижних палубах, болтать с рабочими, стюардами, другим персоналом. Вы могли бы меня представить, за меня поручиться.

— Вы работаете на судовую компанию? — встревожилась женщина.

Констанс покачала головой:

— Нет. У меня свои причины, личные. Никакого отношения к судовой компании. Простите, если я не могу сейчас выразиться определеннее.

Мария Казулина немного расслабилась, но не до конца.

— У меня могут быть неприятности.

— Я буду действовать очень осторожно. Мне просто нужно пообщаться с людьми, кое-что узнать.

— Что?

— О жизни на борту судна, о всяких необычных событиях, сплетни о пассажирах. И не видел ли кто-нибудь в одной из кают некий предмет.

— Сплетни о пассажирах? Не думаю, что это хорошая идея.

Констанс помедлила в нерешительности.

— Миссис Казулина, я скажу вам, в чем тут дело, если вы пообещаете никому об этом не рассказывать.

После некоторых колебаний горничная согласно кивнула.

— Я ищу одну вещь, спрятанную на борту судна. Предмет религиозный и очень ценный. Надеялась пообщаться с обслуживающим персоналом, узнать, не видел ли кто чего-то подобного в одной из кают.

— А этот предмет, который вы упомянули, что это такое?

Констанс немного помолчала.

— Это длинный узкий деревянный яшик, очень старый, с необычной надписью.

Мария некоторое время размышл яла об услышан ном. Потом выпрямилась.

— Тогда я помогу вам. — Несмотря на улыбку, на лице ее явственно отразилось волнение. — Так утомительно работать на круизном судне, а это добавит в жизнь немного разнообразия. Да еще если с добрыми намерениями…

Констанс протянула руку, и они обменялись рукопожатием.

Мария внимательно посмотрела на девушку:

— Я добуду вам форму, такую же, как у меня. Нельзя, чтобы в служебных помещениях вы появлялись одетой как пассажирка.

— Благодарю вас. Как мне с вами связаться?

— Я сама свяжусь с вами. — Мария подняла с пола книгу и подала Констанс. — Спокойной ночи, мисс.

Грин на миг задержала ее руку и вложила книгу в ладонь.

— Возьмите. И пожалуйста, не называйте меня «мисс» — просто «Констанс».

Мария с улыбкой отступила к двери и вышла.

Глава 15

Первый помощник капитана Гордон Ле Сёр за свою морскую карьеру побывал на десятках капитанских мостиков — от адмиральских катеров и эсминцев до круизных судов. Капитанский мостик «Британии» не напоминал ни один из них. Он был довольно тихий, ультрасовременный, просторный и по ощущению странно неморской — со своими многочисленными компьютерными экранами, электронными пультами, круговыми шкалами, наборными дисками и принтерами. Все на мостике являло собой образец ультрасовременных технологий. Больше всего он напоминал, рассуждал Ле Сёр, пост управления на французской ядерной установке, где он побывал в прошлом году. Руль теперь назывался Комплексной рабочей станцией системы капитанского мостика, а стол с панелями — Центральным пультом управления навигационным комплексом. Сам штурвал являл собой великолепный образчик жанра из красного дерева и отполированной меди, но находился здесь только потому, что захаживавшие на мостик пассажиры желали его видеть. Рулевой никогда его не касался, и помощник капитана порой задавался вопросом, был ли этот предмет вообще связан с рулем. Рулевой управлял кораблем с помощью комплекта из четырех джойстиков, по одному на каждый из движительных комплексов плюс пара, контролирующая носовое и среднее подруливающие устройства.

«Обороты» силовой установки контролировались набором дросселей в духе реактивных воздушных судов. Все это больше походило на сверхзамысловатую компьютерную игру, чем на традиционный капитанский мостик.

Ниже громадного ряда окон, простиравшихся от левого до правого борта, находился целый банк из десятков компьютерных терминалов, которые контролировали и передавали информацию о множестве параметров судна и среды: о двигателях, системах пожаротушения, приборах контроля герметичности, системах связи, метеорологических картах, спутниковых системах, — и бессчетное количество других показателей. Здесь также имелись два стола, аккуратно обложенных морскими навигационными картами, которыми, похоже, никто не пользовался.

Никто, кроме него, конечно.

Ле Сёр посмотрел на свои часы: двадцать минут первого. Бросил беглый взгляд на передние окна. Белое сияние, исходящее от лайнера, озаряло черноту океана на сотни ярдов во всех направлениях, но само море осталось так далеко внизу — целых четырнадцать палуб отделяли капитанский мостик от плеска волн, — что, если бы не размеренная судовая качка, можно было бы с тем же успехом представить себя на крыше небоскреба. За пределами светового пятна лежала ночь с едва различимой линией горизонта. Давным-давно остался позади медленно пульсирующий огонь Фалмоутского маяка, а вскоре вслед за ним и Пензансского. Теперь — только открытый океан, до самого Нью-Йорка.

Весь штатный состав капитанского мостика сейчас находился здесь, с того самого момента как отбыл саутгемптонский лоцман, выводивший судно из пролива Ла-Манш. Было даже, пожалуй, тесновато. Все палубные офицеры хотели оказаться полезными на первом отрезке пути дебютного рейса «Британии», величайшего судна из когда-либо украшавших Мировой океан.

Старший помощник капитана Кэрол Мейсон вела разговор с вахтенным офицером. Голос ее был таким же деловитым и спокойным, как и вся атмосфера на мостике.

— Текущее состояние, мистер Виго?

Вопрос для проформы — новая морская электроника предоставляла всю текущую информацию, постоянно выводя ее на дисплеи. Но Мейсон была привержена традиции, а кроме того, педантична до мелочей.

— Судно движется со скоростью двадцать семь узлов, точный курс два пять два, движение малой интенсивности, волнение моря три балла,

ветер легкий к левому борту. Приливное течение с северо-востока, чуть больше одного узла.

Впередсмотрящий одного из крыльев мостика обратился к вахтенному офицеру:

— В четырех румбах справа по курсу корабль, сэр.

Ле Сёр кинул взгляд на электронный информационный дисплей морской карты, отразивший эхосигнал.

— Вы видите его, мистер Виго? — спросила Мейсон.

— Я слежу за ним уже некоторое время, сэр. Он похож на сверхтяжелый нефтяной танкер, идет пересекающимся курсом, скорость двадцать узлов, расстояние двенадцать миль.

Ощущения тревоги не было. Ле Сёр знал, что «Британия» — судно, обладающее в данном случае преимущественным правом прохода, а у встречного корабля, который должен уступить им дорогу, впереди масса времени, чтобы сменить курс.

— Дайте мне знать, когда он повернет, мистер Виго.

— Есть, сэр.

Для уха Ле Сёра обращение «сэр» по отношению к женщине-старпому всегда звучало странно, хотя такова стандартная общепринятая форма как в военно-морском, так и в гражданском флоте. В конце концов, среди старпомов так мало женщин.

— Барометр все падает? — спросила Мейсон.

— На полделения за последние тридцать минут.

— Очень хорошо. Придерживайтесь настоящего курса.

Ле Сёр украдкой взглянул на нее. Мейсон никогда не говорила о своем возрасте, но он догадывался, что ей около сорока; трудно точно определить возраст тех, кто всю жизнь в море. Высокая и стройная, как статуэтка, привлекательная, в этаком специфическом стиле — образец серьезности и деловой компетентности. Коротко подстриженные каштановые волосы заправлены под капитанскую фуражку. Лицо сегодня слегка разрумянилось — возможно, из-за волнительности происходящего: ее первый рейс в качестве старшего помощника. Ле Сёр смотрел, как она двигается по мостику: спокойный взгляд на экраны здесь, негромкое слово кому-то из команды там. Во многих отношениях она была идеальным офицером: несуетная, с негромкой спокойной речью, лишенная мелочности и диктаторских замашек. Требовательная к подчиненным, она и сама работала усерднее кого бы то ни было. А еще

— источала некий магнетизм надежности и профессионализма, который встречаешь только у лучших офицеров. Команда отвечала ей любовью и преданностью.

Собственно говоря, в присутствии на мостике старших офицеров сейчас не было необходимости, но всем хотелось разделить общую радость участия в первом дне первого рейса нового судна, а Ле Сёру, как и остальным, еще и посмотреть, как командует Мейсон. Это ей следовало быть капитаном «Британии». То, что произошло с ней, — досадная неприятность на грани скандала.

В этот момент, словно отвечая мыслям Ле Сёра, дверь отворилась и на мостик вошел капитан первого ранга Каттер. В тот же миг атмосфера в помещении изменилась. Плечи сами собой расправились, лица посуровели. На лице вахтенного офицера появилось выражение напряженного внимания. Одна только Мейсон как будто ничего не заметила и неторопливо прошла к пульту управления навигационным комплексом, бросила спокойный взгляд за окно, негромко заговорила с рулевым.

Роль Каттера, по крайней мере теоретически, была в значительной степени протокольной, скорее представительской. Он являлся публичным лицом пассажирского судна, человеком, на которого с почтением смотрели пассажиры. Разумеется, при этом он все равно оставался начальником, но на большинстве океанских лайнеров редко можно увидеть капитана на капитанском мостике. По-настояшему управление судном лежало на старшем помощнике.

Начинало казаться, что в этом рейсе все будет иначе.

Капитан Каттер выступил вперед. Он по-хозяйски повернулся на каблуках, затем, сцепив руки за спиной, прошелся по мостику, сначала в одну сторону, затем обратно, внимательно обозревая мониторы. Это был невысокого роста, внушительно сложенный человек с седеющими волосами и мясистым лицом, красным даже в приглушенном свете капитанского мостика. Форма капитана отличалась поистине безукоризненным порядком.

— Он не меняет курса, — обратился к Мейсон вахтенный офицер. — Расчетный момент максимального сближения — девять минут. Он на постоянном пеленге, ближний обзор.

В воздухе почувствовалась легкая нервозность.

Мейсон подошла и проверила данные приборов.

— Радист, окликните его по шестнадцатому каналу связи.

— Судно справа по носу, говорит «Британия». Вы меня слышите?

Вместо ответа слышались только радиопомехи.

— Судно справа по курсу, вы слышите мой сигнал?

Прошла минута напряженного молчания. Каттер стоял неподвижно, точно статуя, сцепив руки за спиной и ничего не говоря, лишь наблюдая.

— Танкер по-прежнему не сворачивает, — обратился к Мейсон вахтенный. — Расчетное время сближения восемь минут, и он на пересекающемся курсе.

Ле Сёр отметил, с неприятным чувством, что суда сближаются с суммарной скоростью сорок четыре узла — около пятидесяти миль в час. Если большегрузный танкер сейчас же не изменит курс, события примут опасный оборот.

Мейсон склонилась над информационным дисплеем морской карты. Ощущение внезапной тревоги прокатилось по капитанскому мостику. Ле Сёр вспомнил, что говорил ему когда-то один из офицеров британского военно-морского флота: «Мореплавание — это на девяносто процентов скука и на десять страх». Да, промежуточного состояния не существовало. Он посмотрел на Каттера, чье лицо оставалось непроницаемо, затем — на Мейсон, по-прежнему невозмутимую.

— Что они там делают? — бросил вахтенный офицер.

— Ничего, — сухо ответила старпом. — В этом-то и проблема. — Она шагнула вперед. — Мистер Виго, я возьму на себя выполнение маневра по предупреждению столкновения.

Виго отступил в сторону, с явным облегчением на лице.

Мейсон повернулась к рулевому:

— Штурвал влево, двадцать градусов.

— Есть штурвал влево, двадцать...

Внезапно рулевого прервал Каттер:

— Старпом Мейсон, мы судно с преимущественным правом прохода.

Мейсон выпрямилась, отрывая взгляд от приборов.

— Да, сэр. Но у того танкера почти нулевая маневренность и он уже мог пройти точку, в которой...

— Старпом Мейсон, я повторяю: мы судно с преимущественным правом прохода.

На мостике воцарилось напряженное молчание. Каттер обратился к рулевому:

— Держите курс два пять два.

— Есть, сэр, держать курс два пять два.

Ле Сёр видел, как огни танкера по правому борту делаются ярче, и почувствовал выступивший на лбу пот. Все верно: они имеют право преимущественного прохода и встречное судно обязано уступить им дорогу, но порой приходится приспосабливаться к реальности. Те, вероятно, идут на автопилоте и не в курсе сложившейся ситуации. Черт его знает, может, сидят в офицерской кают-компании, смотрят себе порнофильмы или вырубились, пьяные в стельку.

— Дайте гудок, — скомандовал Каттер.

Громовой звук сирены «Британии», разорвав тишину, понесся над темным морем, слышный за пятнадцать миль. Пять гудков — сигнал опасности. Оба впередсмотрящих находились у своих постов наблюдения, через бинокли вглядываясь вдаль. Напряжение становилось нестерпимым.

Каттер наклонился к высокочастотному ретранслятору:

— Судно, идущее пересекающимся курсом по моему правому борту, говорит «Британия». Мы имеем преимущественное право прохода, и вы должны изменить курс. Как меня слышно?

Шипение эфира.

Повторный рев сирены. Огни танкера из сплошного пятна превратились в отчетливо различимые отдельные точки. Ле Сёр даже различал слабый поток света от их капитанского мостика.

— Капитан, — обратилась Мейсон, — я не уверена, что даже если они сейчас изменят курс...

— Расчетное время максимального сближения — четыре минуты, — доложил вахтенный.

Ле Сёр подумал, не веря сам себе: «Проклятие, мы же столкнемся!»

Тяжелое молчание общего ужаса нависло над мостиком. «Британия» снова подала сигнал опасности.

— Они меняют курс вправо! — сообщил наконец впередсмотрящий. — Танкер сворачивает, сэр!

Над водой разнесся звук сирены танкера: три коротких гудка, показывающие, что он дает задний ход, делая аварийный маневр. «Где ты был раньше, черт подери?» — подумал Ле Сёр.

— Так держать! — скомандовал Каттер.

Ле Сёр следил за показаниями приборов. С мучительной медлительностью экран векторного радара выстраивал заново пересчитанный курс танкера. С нахлынувшим облегчением первый помощник осознал во всей полноте, что они мгновение назад избежали страшной опасности, но теперь благополучно разойдутся с танкером правыми бортами. На мостике наступило явное облегчение, послышался негромкий гул голосов, несколько приглушенных ругательств.

Каттер посмотрел на старшего помощника, спокойный и невозмутимый.

— Старший помощник Мейсон, могу я спросить, почему вы снизили скорость до двадцати четырех узлов?

— Впереди шторм, сэр. Регламентирующие правила компании предписывают, чтобы в первую ночь пассажиры имели возможность адаптироваться к открытому морю путем...

— Я знаю, что предписывают регламентирующие правила, — перебил Каттер. Капитан говорил медленно, негромко, но голос его почему-то звучал более устрашающе, чем рев сирены. — Увеличьте скорость до тридцати узлов, — отдал он распоряжение рулевому.

— Есть увеличить скорость до тридцати узлов, сэр, — безжизненно-нейтральным голосом отозвался рулевой.

— Мистер Виго, можете возобновить свою вахту.

— Есть, сэр.

Каттер продолжал, сверля Мейсон пронизывающим взглядом:

— Коль скоро речь зашла о регламентирующих правилах, от моего внимания не укрылось, что вечером один из офицеров судна был замечен выходящим из пассажирской каюты.

Капитан сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность сказанного.

— Имел место сексуальный контакт или нет — значения не имеет. Все мы знаем запреты в отношении панибратства экипажа с пассажирами.

Со сцепленными за спиной руками он сделал медленный поворот, по очереди заглядывая в лицо каждому офицеру, и вновь остановился глазами на Мейсон.

— Позвольте напомнить, у нас здесь не «Любовная лодка»[24]. Такого поведения я не потерплю. Пусть пассажиры сами отвечают за собственное неблагоразумие, но моя команда не имеет права позволять себе подобные вольности.

Ле Сёр с изумлением заметил, что румянец на лице Мейсон стал гораздо ярче.

«Не может быть, чтобы она, — подумал Ле Сёр. — Не тот это человек, что стал бы нарушать правила».

Дверь отворилась, и на мостик вошел Патрик Кемпер, начальник службы безопасности судна. Увидев Каттера, он направился прямо к нему.

— Сэр, я…

— Не сейчас, — оборвал его тот, и Кемпер умолк, не договорив.

На каждом большом круизном судне, где служил Ле Сёр, главной обязанностью капитана считалась поддержка светской болтовни с пассажирами, председательство за капитанским столом во время долгих веселых обедов и вообще официальное представительство пассажирского лайнера. Старший же помощник, номинально являясь вторым лицом в команде, по сути, являлся первым — именно на нем лежали оперативные функции. Но Каттер имел репутацию человека, презирающего роль свадебного генерала, и, судя по всему, намеревался следовать своим принципам на новом месте работы. Офицер старой школы, бывший командор Королевского флота, родом из титулованной семьи, как предполагал Ле Сёр, он продвинулся по службе дальше, чем позволяла его компетенция. Несколько лет назад место капитана «Олимпии» досталось давнишнему сопернику Каттера, и с тех пор это обстоятельство не давало ему покоя. Чтобы получить командование на «Британии» — которое по праву должно было достаться Мейсон, — Каттер нажал на тайные пружины, пустил в ход свои связи, и дальнейшие его намерения сделались очевидны. Он собирался предпринять все, дабы первый трансатлантический рейс самого большого пассажирского судна стал решающим поворотом в его карьере. Сюда входило также намерение перекрыть установленный год назад рекорд «Олимпии», которая совершила самый быстрый в истории переход через Атлантику. Шторм ему не помеха, мрачно подумал Ле Сёр, непогода только укрепит его решимость. Круизные суда бегут от бури, но настоящий океанский лайнер смело с ней борется.

Ле Сёр бросил взгляд на Мейсон. Она смотрела вперед сквозь передние окна, все такая же спокойная и уравновешенная; единственным намеком на что-то неладное стал быстро сходящий с лица румянец. До сего момента на всем протяжении периода гарантийного плавания судна она воспринимала деспотизм и критику Каттера с хладнокровной невозмутимостью и тактом. Даже то, что ее обошли назначением на должность капитана «Британии», казалось, не задело ее за живое. Пожалуй, она привыкла к мужскому шовинизму на море и выработала определенную нечувствительность. Капитанские должности на больших

кораблях остались последним мужским бастионом в цивилизованном мире. Без сомнения, ей было известно, что существует так называемый потолок, неписаное правило — вне зависимости от компетентности женщина никогда не могла бы стать капитаном на одном из крупных лайнеров.

— Скорость тридцать узлов, сэр, — доложил рулевой.

Каттер кивнул и повернулся к начальнику службы безопасности:

— Итак, мистер Кемпер, что у вас?

— Капитан, у нас проблема в казино.

Несмотря на сильный бостонский акцент и неизгладимо американский облик шефа службы безопасности, Ле Сёр чувствовал в Кемпере родственную душу. Быть может, из-за того, что оба происходили с рабочих окраин портовых атлантических городов. Маленький, похожий на мячик Патрик Кемпер когда-то служил копом, застрелил наркодилера, который целился в его напарника, стал героем — но все равно ушел из полиции. Очевидно, не смог дальше мириться с тем, что произошло, с самим характером работы. Тем не менее он оказался чертовски хорошим шефом службы безопасности, пусть даже порой ему не хватало уверенности в себе. Ле Сёр догадывался, что нехватка уверенности — побочное следствие убийства человека.

Каттер отвернулся от Кемпера и стал отвечать ему, как если бы этого человека тут вовсе не было:

— Мистер Кемпер, казино занимают второстепенное место по отношению к функциональной составляющей судна. Этим делом займется первый помощник. — Потом, даже не взглянув на Ле Сёра, обратился к вахтенному: — Позовите меня, если я вам понадоблюсь, мистер Виго. — Твердой походкой капитан прошагал по мостику и скрылся за дверью.

— Здесь вам не «Любовная лодка», — пробормотал Ле Сёр. — Ну и резонер!

Мейсон ответила решительно, но без недоброжелательства:

— Капитан Каттер абсолютно прав.

— Есть, сэр, — отозвался Ле Сёр и с дружелюбной улыбкой обернулся к Патрику: — Ну что ж, мистер Кемпер, давайте послушаем о проблеме в казино.

— Похоже, что за столами, где играют в блэкджек, у нас орудует группа счетчиков.

— О Боже!

— Сначала казино «Мэйфейр» облегчили на двести тысяч фунтов, а затем в «Ковент-Гардене» образовалась брешь в сотню.

Ле Сёр почувствовал неприятный укол под ложечкой: такая новость не порадует судовую компанию.

— Вы установили их личности?

— Безусловно, мы знаем, кто выиграл, но не знаем, кому просто повезло, а кто жульничал. Они работают командой: игроки и счетчики. Счетчики не играют — они наблюдают и подают сигналы своим игрокам. Как вы знаете, они мозг шайки.

— Я этого не знал. А здесь нет совпадения?

— Какое там! Хентофф переживает, что это нечто вроде команды студентов Массачусетского технологического института, которая несколько лет назад обчистила Вегас на три миллиона.

Неприятное чувство у Ле Сёра под ложечкой усилилось. Он понимал, что «Британия» — это не Лас-Вегас, где человека можно вышвырнуть вон из казино и больше не пускать, если заметили, что он мошенничает. Люди на борту — пассажиры, которые платят деньги. И пароходная компания сильно рассчитывает на доходы от азартных игр. Но что-то все-таки надо делать. Успешный первый рейс до Нью-Йорка, с фанфарами и обожанием публики, ни черта не будет значить, если казино понесет большие потери. На первом месте, как всегда, стоят деньги.

— Что вы предлагаете?

— Видите ли, сэр, есть тут один такой… — Кемпер запнулся, — один такой необычный пассажир. Богатый тип, который представляется частным сыщиком. Это он первым заметил мошенничество за карточным столом и предложил помочь выявить замешанных в это дело лиц.

— В обмен на что?

— Ну, видите ли… — Шеф службы безопасности опять замялся. — Якобы он здесь для того, чтобы выследить и отыскать некий предмет искусства, который, по его словам, был украден. Если мы предоставим ему некоторую информацию о его подозреваемых, он поможет нам справиться с шулерами… — Голос Кемпера неуверенно замер.

— Да, но это может быть простым совпадением, — энергично возразил Ле Сёр. — И к концу ночи в банке казино может оказаться сто тысяч прибыли. Давайте подождем еще несколько часов — посмотрим,

продолжатся ли потери. Что бы вы ни предприняли, прошу вас, действуйте осмотрительно. Никакой мелодрамы.

— Конечно, сэр.

Ле Сёр смотрел, как Кемпер удаляется, и почувствовал жалость к парню — и к самому себе тоже. Как было хорошо в Королевском флоте, где нет ни казино, ни карточных счетчиков, ни невротических пассажиров!

Гпава 16

— Ты опять сделала воду чересчур горячей! — Голос пожилой женщины звучал слишком громко для каюты. — А масла для ванны добавила очень мало.

Инга Ларссен, прилагая неимоверные усилия, помогала старухе, весившей вдвое больше, чем она сама, переодеться в ночное белье.

— Извините, мадам, — пробормотала девушка.

Наконец дряхлое тело, морщинистое, как бородка у петуха, скрылось под слоями шелка и хлопка. Но голос продолжал грозно отчитывать:

— И сколько раз тебе повторять? Увозя меня с обеда, ты опять повесила мою сумочку на правую сторону кресла. Она должна быть слева! Слева!

— Слушаюсь, мадам. — Вздрогнув от железной хватки иссохшей клешни на своем плече, Инга поспешно подала старухе ее трость. И тотчас получила ею болезненный удар по костяшкам пальцев. — Стой прямо, девочка! Хочешь, чтобы я опрокинулась?

— Нет, мадам, — ответила Инга, глядя в сторону. Похоже, когда она смотрела на свою работодательнцу, это лишь усиливало недовольство с ее стороны.

— Право, ты худшая из компаньонок, что я видела. А их на моем веку было предостаточно, могу тебя заверить. Если не будешь над собой работать, мне придется тебя рассчитать.

— Простите, мадам, если я делаю что-то не так, — ответила Инга.

Потребовалось не менее получаса, чтобы уложить женщину в постель, нужным образом приподнять ей ноги и подоткнуть под них одеяло, нанести лосьон на руки, быстро впитывающийся крем налицо, расчесать и подколоть волосы, а также хорошенько взбить подушки — именно так, как требуется.

— А теперь я не желаю слышать от тебя ни звука, — послышался каркаюший голос. — Ты знаешь, какого труда мне стоит заснуть.

— Хорошо, мадам.

— И оставь дверь открытой. Я сплю чутко, и ты можешь понадобиться мне в любой момент.

— Слушаюсь.

Стараясь ступать как можно тише и медленнее, Инга на цыпочках вышла из спальни в гостиную и заняла сторожевой пост на стуле, у двери. Именно здесь, в гостиной, она и спала, на кушетке. Старуха настаивала, чтобы постельные принадлежности Инги утром немедленно убирались, а вечером не раскладывались до поздней ночи. Похоже, ее вообще раздражало, что сопровождающей тоже приходится спать.

Девушка ждала, едва осмеливаясь дышать, тем временем как старая дама что-то раздраженно ворчала и бормотала. Постепенно звуки в спальне стихли. Выпрямившись на стуле, Инга прислушивалась, пока, как обычно, не раздался громкий храп; несмотря на слова о чутком сне, старая карга спала крепчайшим образом и никогда не просыпалась в течение ночи.

Тогда Инга очень осторожно встала со стула и крадучись прошла мимо открытой двери спальни. Храп не ослабевал.

По дороге к входной двери девушка на секунду задержалась около зеркала, чтобы кинуть на себя беглый взгляд. Из зеркала на нее взглянула серьезная молодая женщина с прямыми светлыми волосами и грустными, почти испуганными глазами. Она торопливо провела рукой по волосам, затем осторожно отворила дверь и выскользнула в коридор.

Зашагав по нарядной ковровой дорожке, Ларссен почти тотчас почувствовала себя лучше. Будто темная мгла рассеялась под теплыми лучами солнца. По центральной лестнице Инга спустилась на более низкие уровни судна, где располагались общие зоны. Насколько же здесь было веселее, оживленнее, приветливее! Люди болтали, смеялись. Несколько мужчин улыбнулись ей, когда она проходила мимо ярких магазинов, кафе и баров. Будучи застенчивой и немного неловкой, Инга все же отличалась привлекательностью, тем характерным, скандинавским типом красоты.

Она батрачила на старуху вот уже два месяца, и это оказалось совсем не то, что рисовало воображение. Осиротев в раннем возрасте, Инга провела детство в приюте, выросла в монастырских школах. Когда настала пора искать работу, она через сотрудничавшее с монастырем агентство нанялась компаньонкой при богатой даме. Ее разговорный английский был безупречен, и школа снабдила свою выпускницу превосходными рекомендациями. За неимением жилья место компаньонки обеспечивало и кров, и стол. А кроме того, путешествуя с богатой леди, она получала возможность повидать большой мир, о котором столько мечтала.

Но реальность разительно отличалась от грез. Хозяйка критиковала каждый ее шаг; Инга не могла вспомнить ни единого слова похвалы. Когда старуха бодрствовала, то нуждалась в постоянном обслуживании и требовала, чтобы каждая причуда и каждый каприз исполнялись немедленно. Инга постоянно должна была находиться под боком, ей не позволялось отходить ни на минуту. Это было похоже на пребывание в тюрьме с двухлетним приговором — согласно подписанному контракту. Единственный глоток свободы она получала только поздно ночью, когда хозяйка засыпала. А просыпалась всегда на рассвете, вечно раздраженная и требовательная.

Инга брела через нарядные интерьеры, упиваясь музыкой, оживленной речью, видами и запахами. У нее оказалось богатое воображение, мечты оставались единственным ее прибежищем, и «Британия» отвечала всем ожиданиям девушки. Это было самое прекрасное, что ей довелось увидеть в жизни. Вот сирота остановилась перед входом в шикарное казино, глазея на богатых и могущественных — как они играли и флиртовали, разодетые в пух и прах. Вид этой роскоши, чарующее зрелище помогало забывать тот ад, который она переживала в течение дня.

Инга задержалась в дверях еще на несколько сладостных мгновений, потом заставила себя очнуться и двинулась дальше. Уже поздно, очень поздно, и ей необходимо было самой немного поспать — старуха не разрешала прикорнуть днем и не давала никаких перерывов. Но она все равно опять придет сюда завтра ночью и будет жадно впитывать впечатления, подогревая свои мечты и фантазии, которые помогут пережить грядущий день. Мечты, в которых она станет путешествовать в такой же изощренной роскоши, свободная от оков нищеты и чужой жестокости. Мечты, в которых у нее будет муж, и еще шкаф, полный красивой одежды. И какой бы богатой она ни стала, всегда будет мягко обращаться со своими слугами и относиться к ним с добротой, понимая, что они тоже люди.

Глава 17

Специальный агент Пендергаст неторопливо и неприметно прохаживался по роскошным общественным и прогулочным зонам «Британии». При этом серые глаза его цепко ухватывали каждую деталь и фиксировали планировку судна в целом, и информация эта крепко оседала в памяти.

Алоиз бродил уже почти три часа — по бесчисленным гостиным и спа-салонам, ресторанам и пабам, казино, торговым пассажам и гулким театральным залам. Одетый в безукоризненного кроя черный костюм, он смешивался с толпами таких же людей в смокингах, выделяясь главным образом белесыми волосами и особой бледностью лица.

Детектив знал, что объект его поисков не спит и находится где-то здесь. В четыре часа утра он наконец-то его отыскал. Тот бесцельно слонялся по седьмой палубе, самой верхней из отведенных для публики, целенаправленно перемешаясь сквозь череду зон отдыха и галерей к средней части судна. Прямо у них над головами размешалось около одиннадцати сотен пассажирских кают. Чтобы окупить гигантские затраты на постройку столь огромного и богато оснащенного судна, компания «Северная звезда» еще на стадии проектирования урезала количество одноместных покоев и превратила все жилые помещения с видом на море в просторные и дорогие апартаменты люкс с отдельными балконами. Балконы требовали, чтобы люксы размешались как можно выше, высоко над пенной ватерлинией, сдвигая, таким образом, общественные зоны на нижние уровни.

Толпа понемногу редела. Массивный теплоход, рассекая толщу океанских вод, грузно перекатывался на волнах; каждый перекат занимал несколько минут. Волны приходили из далекого эпицентра шторма и катились к востоку. Весьма вероятно, что многие из пассажиров сейчас сожалели о дорогих обедах, которыми наслаждались вечером. Вот и объект преследования Пендергаста, кажется, относился к их числу.

Специальный агент на минутку остановился свериться с раскладной картой судна, уже испещренной краткими пометками. Оглядевшись, Алоиз увидел то, что искал: люк, ведущий на прогулочную палубу. Хотя другие уровни «Британии» имели выходящие наружу патио, общественные балконы и бассейны, только седьмая палуба имела наружную прогулочную зону, непрерывным кольцом опоясывающую все судно. И конечно же, именно туда держал путь объект поисков Пендергаста: он как раз открывал люк, выходя на свежий воздух.

У люка детектив набрал полный рот бурбона из плоской фляжки, подержал во рту, проглотил, затем выскользнул на воздух. Там он тотчас попал на зубок непогоде. Крепкий морской ветер ударил в лицо, выдернул галстук из-под пиджака и с силой забросил за спину. Даже здесь, восемью уровнями выше поверхности океана, воздух был полон мельчайших брызг. Пендергасту потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить: причиной такого шквала был не только приближающий штормовой фронт. Судно двигалось со скоростью более тридцати миль в час, а это, даже при спокойной погоде, создавало свой собственный маленький шторм на любой открытой палубе. Ему вспомнились слова первого помощника капитана: «Круизное судно будет уклоняться от шторма. Мы же будем пробиваться прямо сквозь шторм».

Увидев, что объект стоит у перил ограждения, примерно в пятидесяти ярдах с подветренной стороны, Пендергаст зашагал к нему энергичным шагом и выбросил руку в бодром приветствии.

— Джейсон? Джейсон Лэмб?

Человек обернулся.

— Что? — Лицо его имело зеленоватый оттенок.

Пендергаст бросился к нему, схватил за руку.

— Ей-богу, это ты! Я так и думал! Я узнал тебя за обедом! Черт, как поживаешь, старина? — Он тряс подозреваемого за правую руку, одновременно сжимая левую и восторженно притягивая к себе.

— Э... прекрасно, — пробормотал Джейсон Лэмб, тогда как вид его говорил об обратном. — Простите, я вас знаю?

— Пендергаст! Алоиз Пендергаст! Государственная школа, восемьдесят четвертый год, Ривердейл! — Спецагент обвил плечи Лэмба в дружеском объятии, тяжело дыша в лицо бурбоном. Лэмб оторопело застыл, только чуть вздрагивал, пытаясь избежать назойливых объятий.

— Я не помню никакого Пендергаста, — с сомнением пробормотал он.

— Ну же, Джейсон, вспомни старые дни! Хоровой клуб, баскетбольная команда! — Еще одно дружеское объятие, на сей раз сильнее прежнего.

Лэмб почувствовал, что с него довольно. С усилием он постарался отстраниться от приставшего как банный лист незнакомца.

— Впадаешь в маразм на старости лет, а, Джейсон? — Пендергаст горячо жал руку Лэмба, от кисти до локтя.

Подозреваемый наконец вывернулся, вырвал руку и отступил назад.

— Послушай, Пендергаст, почему бы тебе не пойти в свою каюту и не проспаться? Я не имею ни малейшего представления, кто ты такой.

— Ну разве так встречают старого товарища? — заскулил спецагент.

— Позволь мне выразиться еще прямее: отвали от меня, козел! — Лэмб шмыгнул мимо и устремился вон с открытой палубы, по-прежнему мучимый морской болезнью.

Пендергаст склонился над перилами, беззвучно хохоча. Через минуту он выпрямился, кашлянул, поправил костюм и галстук, вытер руки шелковым платком и, с брезгливой гримасой, щелчками ухоженных пальцев стряхнул пылинки с костюма. Затем отправился на прогулку вдоль палубы. Судовая качка стала еще явственнее, ему пришлось ухватиться за перила и пригнуться, борясь со встречным ветром.

Детектив посмотрел вверх, на ряд балконов над головой; все они были пусты. Это казалось величайшей иронией: основная масса пассажиров

«Британии» заплатила круглую сумму за номер с балконом, но из-за непомерной скорости движения эти балконы было практически невозможно использовать.

Пендергасту потребовалось почти десять минут, чтобы обойти судно по периметру палубы. Наконец он остановился в сравнительно спокойном месте кормы, подошел к перилам и посмотрел на кильватерные струи — четыре линии белой пены, гримаска рассерженного океана. Вздыбленные ветром брызги начинали превращаться в легкий туман, окутывая корабль жутковатым промозглым саваном.

Послышался скорбный вой корабельной сирены, и Пендергаст задумчиво развернулся лицом к палубе, опершись о парапет спиной. Над ним, на верхних уровнях, две тысячи семьсот пассажиров нежились в роскоши, а далеко внизу под ногами, ниже ватерлинии, теснились тысяча шестьсот мужчин и женщин, чья работа состояла в том, чтобы удовлетворять каждую прихоть пассажиров.

Свыше четырех тысяч человек, и среди них — невменяемый убийца. А с ним — предмет, ради обладания которым он совершил свое злодеяние.

Встав спиной к ветру, Пендергаст достал из кармана список, вынул авторучку и медленно провел жирную черту поперек имени «Джейсон Лэмб». Оценка физических кондиций этого человека, которые он достаточно подробно обследовал под маской радостной встречи со старым другом, позволила сделать уверенный вывод: Лэмб, со своими тощими как палки руками и тщедушным телом, не смог бы справиться с Эмброузом, не говоря уже о том, чтобы совершить акт столь зверского насилия.

Оставались еще шестеро.

Сирена загудела вновь. Пока она звучала, Пендергаст пережидал, размышляя, но вдруг выпрямился, чутко прислушиваясь. На миг ему показалось, будто в трубный глас гудка вплелся человеческий крик. Несколько минут детектив ждал, настороженный. Но больше не слышалось ничего, кроме свиста ветра. Поплотнее запахнув пиджак, Алоиз направился к люку, ведущему внутрь, к благословенному теплу. Пора было отправляться на боковую.

Глава 18

Мутное солнце пробилось через туманную дымку на востоке, заливая корабль бледно-желтым светом. Первый помощник капитана Гордон Ле Сёр вышел из «Адмиральского клуба» и зашагал по выстланному шикарным ворсистым ковром коридору правого борта девятой палубы. В холле у лифтов стояли несколько пассажиров, и он бодро пожелал им доброго утра. Те вяло кивнули в ответ, вид у них был несколько

зеленоватый. Ле Сёр, который не страдал морской болезнью вот уже лет двадцать с лишком, попытался вызвать в себе сострадание, но у него плохо получилось. Когда пассажиры страдали от качки, они делались капризными и раздражительными. А сегодня утром капризы и раздражительность зашкалили.

На короткий момент первый помощник позволил себе предаться ностальгии по военно-морскому флоту. Обычно жизнерадостный, добродушный и общительный симпатяга, Ле Сёр начинал уставать от крикливо-показушного образа жизни на круизном судне. Особенно от фокусов и блажи пассажиров, которые в отчаянном стремлении «оправдать деньги» ударялись в нескончаемую оргию еды, питья, азартных игр и спаривания. А еще эти американские пассажиры любили отпускать дурацкие высказывания насчет его сходства с Полом Маккартни. Вечно желали знать, не доводится ли он ему родственником. Ле Сёр имел не больше родственных связей с Полом Маккартни, чем королева Елизавета со своими собачками. Пожалуй, следовало пойти по стопам отца и поступить в торговый флот. Тогда он мог бы работать на каком-нибудь славном, спокойном и лишенном пассажиров большегрузном танкере.

Гордон невесело усмехнулся. Что это с ним такое? Что-то рановато предаваться таким мыслям в самом начале рейса.

Продолжая шагать в сторону кормы, первый помощник вытащил из специальной кобуры рацию, настроился на частоту службы безопасности и нажал кнопку передачи.

— Каюта тысяча сорок шесть, вы сказали?

— Да, сэр, — проскрежетало из рации хриплым голосом с бостонским акцентом. — Некий мистер Эверед. Джеральд Эверед.

— Хорошо. — Ле Сёр выключил рацию.

Он помедлил перед дверью нужной каюты, прокашлялся, поправил на себе китель и постучал.

Дверь быстро открыл человек лет пятидесяти. Ле Сёр автоматически отметил детали: брюшко, редеющие волосы, дорогой костюм, ковбойские ботинки. Не похож на страдающего от морской болезни, как и на капризного сумасброда — просто на испуганного человека.

— Мистер Эверед? — обратился Ле Сёр к пассажиру. — я первый помощник капитана. Как стало ясно, вы желали поговорить с кем-нибудь из командования.

— Входите. — Эверед впустил Гордона и закрыл дверь. Ле Сёр беглым взглядом обвел каюту. Дверь стенного шкафа была открыта, и внутри

виднелись мужские костюмы и женские платья. По полу в ванной разбросаны полотенца, то есть уборка еще не производилась. Вместе с тем кровать оказалась полностью заправлена. Это означало, что минувшей ночью спать никто не ложился. Ковбой отдыхал в кресле положив подушку под голову.

— Моя жена пропала, — проговорил Эверед с сильным техасским акцентом.

— Как давно?

— Она не вернулась в каюту вчера вечером. Я хочу, чтобы судно обыскали.

Ле Сёр мигом изобразил на лице самое сочувственное выражение.

— Мне очень жаль это слышать, мистер Эверед. Мы сделаем все, что в наших силах. Позвольте задать вам несколько вопросов?

Техасец покачал головой:

— Нет времени для вопросов. Я и так слишком долго прождал. Необходимо срочно организовать поиск!

— Мистер Эверед, если бы я мог сначала собрать некоторые сведения, это чрезвычайно помогло бы делу. Присядьте, пожалуйста.

Какое-то время американец колебался, затем присел на краешек кровати и забарабанил пальцами по коленям.

Ле Сёр сел в ближайшее кресло и вынул записную книжку. Ему всегда казалось, что делать заметки в подобных случаях очень полезно — людей это успокаивает.

— Как зовут вашу жену?

— Шарлем.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Около половины одиннадцатого вчера вечером. Может быть, в одиннадцать.

— Где?

— Здесь, в нашей каюте.

— Она вышла?

— Да. — Небольшая заминка.

— Куда направилась?

— Не могу точно сказать.

— Она не упоминала, что хочет пройтись по магазинам или сходить в казино, что-нибудь в этом роде?

Еше одна заминка.

— Ну, видите ли, мы немного поспорили…

Ле Сёр кивнул. Так вот как это было.

— Раньше такое случалось, мистер Эверед?

— Что случалось?

— Ваша жена раньше уходила после спора?

Мужчина горько рассмеялся:

— Черт возьми, да! А разве со всеми такого не бывает?

Такого никогда не бывало с Ле Сёром, но первый помощник капитана резонно предпочел оставить замечания при себе.

— Бывало раньше, что она задерживалась на всю ночь?

— Нет, никогда. Шарлен всегда в конце концов приползает, поджав хвост. Вот почему я позвонил. — Эверед отер лоб платком. — А теперь, полагаю, вам лучше заняться поисками.

Гордон знал, что ему надо аккуратно и вежливо отвести мысли пассажира от обыска судна. «Британия» слишком велика для того, чтобы обшарить ее полностью И даже если бы командование захотело, все равно бы для поисков не хватило людских ресурсов: пассажиры и понятия не имели, насколько мал на океанском лайнере штат сотрудников службы безопасности.

— Прошу простить мой вопрос, мистер Эверед, но вообще-то вы с женой… в хороших отношениях?

— Какое, черт подери, это имеет отношение к тому, что моя жена пропала?! — вспылил мужчина, почти вскакивая с места.

— Нам приходится рассматривать все возможные варианты, мистер Эверед. Быть может, она, до сих пор сердитая, сидит где-нибудь в комнате отдыха.

— Вот об этом я и толкую — найдите ее!

— Мы это сделаем. Начнем с того, что объявим ее имя по радио.

Ле Сёр очень хорошо себе представлял, как все было. Пара достигла среднего возраста, переживала трудный период супружеской жизни и предприняла это путешествие, дабы попытаться внести в жизнь немного романтики. Возможно, мужа застукали с кем-то в офисе или жена соблазнилась маленьким послеполуденным приключением с соседом. Вот они и надумали отправиться в романтическое путешествие, чтобы подлатать отношения. Вместо того чтобы смотреть, как чувства угасают, решили вместе пересечь на океанском лайнере бурную Атлантику.

Эверед снова нахмурился:

— Это был просто спор, ничего серьезного. Она никогда не уходила на всю ночь. Проклятие, вы должны собрать своих людей и приступить к...

— Мистер Эверед, — мягко перебил его Ле Сёр. — Не возражаете, если я скажу кое-что? Чтобы вас подбодрить?

— Что?

— Я работаю на пассажирских судах уже много лет. Такие вещи случаются сплошь и рядом. Пара ссорится, один куда-то уходит. Но здесь не так, как если бы ваша жена просто вышла из дома, мистер Эверед. Это «Британия» — самое большое судно в пассажирском флоте. На борту сотни, тысячи разных вещей, которые могли ее отвлечь. Быть может, Шарлен в одном из казино — как вы знаете, они открыты всю ночь. Быть может, в спа-салоне. Или бродит по магазинам. Быть может, зашла куда-нибудь дать отдых ногам, а затем уснула — на борту две дюжины комнат отдыха. Или встретила кого-то из знакомых — какую-нибудь женщину или...

Ле Сёр многозначительно сыграл голосом, полагая, что намек ясен.

— Или что? Вы намекаете, что моя жена могла встретить другого мужчину? — Эверед вскочил с места, в печальной ярости немолодого человека.

Ле Сёр тоже встал и обезоруживающе улыбнулся:

— Мистер Эверед, вы меня не поняли. Я ни в коем случае не имел в виду ничего предосудительного. Просто дело в том, что я сталкивался с подобными ситуациями уже сотни раз, и в конце концов все всегда улаживается. Всегда. Ваша жена просто где-нибудь хорошо проводит время. Мы сделаем несколько объявлений по системе местного радиовещания и попросим ее связаться с нами или с вами. Ручаюсь вам, она вернется. Знаете что: почему бы вам не заказать прямо в каюту завтрак на двоих? Держу пари на что угодно: она будет здесь раньше, чем его подадут. А я пошлю вам бутылку «Вдовы Клико» за счет заведения.

Эверед тяжело дышал, пытаясь совладать с собой.

— Кстати, нет ли у вас фото жены, чтобы я мог взять на время? У нас, разумеется, есть ваши идентификационные карточки с фотографиями, но всегда полезно иметь больше одного портрета. Я раздам копии нашим сотрудникам службы безопасности, чтобы они были начеку.

Эверед отвернулся и прошел в ванную. Ле Сёр слышал звук открываемой молнии, шуршание и шелест. Минуту спустя техасец появился с фотографией в руку.

— Беспокоиться не о чем, мистер Эверед. «Британия» — одно из самых безопасных мест в мире.

Эверед метнул в него свирепый взгляд:

— Будем надеяться, что вы правы, для вашего же блага!

Ле Сёр принужденно улыбнулся:

— А теперь закажите завтрак на двоих. И желаю вам приятного дня.

Он вышел из каюты и в холле задержался, изучая фото. К его удивлению, миссис Эверед оказалась довольно молодой цыпочкой. Не безумная красотка, конечно, но он не выбросил бы такую из постели: лет на десять моложе мужа, худая и светловолосая, хорошо сложенная, в раздельном купальнике. Теперь Ле Сёр лучше понимал, что произошло: дамочка взбрыкнула, встретила кого-то и провела с ним ночь. Гордон покачал головой. Эти роскошные лайнеры — одна большая плавучая оргия. Что-то творилось с людьми, когда они удалялись от суши, — начинали вести себя как стадо сибаритов. Если бы мистер Эверед понимал, что для него хорошо, что плохо, то вышел бы из каюты и сделал то же самое: на борту имелось полным-полно богатых вдовушек.

При этой мысли Ле Сёр хмыкнул себе под нос, затем положил фотографию в карман. Он непременно переправит ее в службу безопасности. В конце концов, Кемлер и его парни знают толк в хорошеньких женщинах и, без сомнения, оценят зрелище полуобнаженной и соблазнительной миссис Эверед.

Глава 19

Глава службы безопасности судна находился в своем штабе. То был комплекс помещений с низкими потолками, расположенный на палубе А, прямо на уровне ватерлинии. Периодически уточняя направление, Пендергаст сначала миновал контрольный пункт, затем ряд камер для нарушителей, раздевалку и душевые и попал в большую круглую комнату, наполненную десятками телевизоров, связанных с сотнями, а может быть, и тысячами, камер видеонаблюдения, размешенных по

всему судну. Три скучающих сотрудника посменно приглядывали за целыми стенами индикаторных панелей. В глубине комнаты находилась закрытая дверь с надписью «Кемпер». Легендарная медная облицовка, как отметил про себя Пендергаст, не распространялась на нижние помещения.

Он постучал.

— Войдите, — послышался голос.

Детектив прошел, затворяя за собой дверь. Патрик Кемпер сидел за письменным столом и разговаривал по телефону. Невысокого роста плотный мужчина с большой тяжелой головой, мясистыми узловатыми ушами, накладкой из каштановых волос и замученным выражением лица, словно навечно впечатавшимся в его черты. Его кабинет оказался на удивление пустым: кроме фотографии «Британии» в рамке и нескольких рекламных плакатов пароходной компании «Северная звезда», там не нашлось никаких украшений, да и меблировки был минимум. Часы на стене за спиной хозяина кабинета показывали ровно полдень.

Кемпер положил телефонную трубку.

— Присаживайтесь.

— Благодарю вас. — Пендергаст сел на один из двух жестких стульев. — Вы хотели меня видеть?

Выражение затурканности на лице Кемпера усилилось.

— Не совсем. Об этом попросил Хентофф.

Пендергаст вздрогнул от его акцента.

— Итак, управляющий казино согласился на мое маленькое предложение? Прекрасно. Я буду весьма рад ответить ему услугой на услугу сегодня же вечером, когда счетчики карт заступят на свою ночную вахту.

— Эти детали вы обсудите с Хентоффом.

— Как мило.

Кемпер вздохнул:

— У меня уйма дел на данный момент. Так что, надеюсь, мы сможем обсудить все быстро. О чем именно вы просите?

— О доступе к центральному судовому сейфу.

Утомленное выражение лица Кемпера разом испарилось.

— Ни в коем случае, даже не мечтайте!

— Ах, а у меня-то сложилось впечатление, что мы пришли к согласию в этом вопросе.

На лице Кемпера отразилось изумление.

— Пассажирам не разрешается входить в хранилище, тем более что-то там вынюхивать!

Неспешный ответ Пендергаста прозвучал мягко и спокойно:

— Нетрудно представить, что грозит руководителю службы безопасности, которому придется отчитываться за потерю в казино свыше миллиона фунтов всего лишь за семь дней плавания через Атлантику. Возможно, за казино отвечает Хентофф, но когда дело касается безопасности… э… цепочка заканчивается на вас.

Прошло несколько мгновений, в течение которых собеседники смотрели друг на друга. Потом Кемпер облизнул губы.

— Только старший помощник капитана, первый помощник капитана и сам капитан имеют доступ к хранилищу, — тихо произнес он.

— Тогда предлагаю вам позвонить любому из этих офицеров, на ваш выбор.

Шеф службы безопасности еще с минуту в упор смотрел на Пендергаста. Наконец, не отрывая взгляда, снял телефонную трубку и набрал номер. Последовал краткий, приглушенный разговор. Когда Кемпер положил трубку, на лице его отчасти сохранялось прежнее выражение.

— Первый помощник встретит нас там.

Потребовалось пять минут, чтобы добраться до хранилища, располагавшегося одним уровнем ниже, на палубе Б, в судовом отсеке повышенной прочности. В этом же отсеке находилась главная система контроля за направлением движения и пул серверов, контролирующих внутреннюю компьютерную сеть «Британии». Здесь, ниже ватерлинии, вибрация дизелей ощущалась гораздо сильнее. Первый помощник уже ждал на контрольно-пропускном пункте. Подтянутый, серебристо-седые волосы, молодцеватого вида — ну просто командир корабля.

— Это мистер Пендергаст, — сообщил Кемпер с явным недостатком учтивости в голосе.

Ле Сёр кивнул:

— Мы встречались вчера вечером. За столом Роджера Майлза.

Пендергаст тонко улыбнулся:

— Благодаря добрейшему мистеру Майлзу слава бежит впереди меня. Вот как обстоит дело, джентльмены: клиент поручил мне отыскать некий предмет, который у него похитили. Мне известно об этом предмете только то, что это уникальный тибетский артефакт, он находится где-то здесь, на судне, и его нынешний владелец — который, кстати, тоже здесь — ради него убил человека.

Он похлопал себя по нагрудному карману.

— Мой список подозреваемых содержит имена трех пассажиров, которые, по словам мистера Майлза, сдали какие-то предметы на хранение в корабельный сейф. С вашего разрешения я бы хотел произвести беглый осмотр этих предметов.

— Зачем? — спросил Кемпер. — Каждая каюта оборудована собственным сейфом. Если то, что вы говорите, правда, вор не стал бы прятать вещь в общем сейфе.

— Предмет свыше четырех футов длиной — слишком велик для сейфа в каюте, разве что речь идет о самых больших апартаментах.

Ле Сёр нахмурился:

— Давайте сразу условимся, мистер Пендергаст: вы можете смотреть, но вам не разрешается трогать. Мистер Кемпер, пожалуйста, позовите сюда одного из ваших людей. Я бы хотел, чтобы все происходило при свидетелях.

Они оставили позади контрольно-пропускной пункт и двинулись по короткому коридору, который уперся в дверь без надписи. Первый помощник сунул руку в карман, вынул ключ на стальной цепочке и отпер дверь. Кемпер распахнул ее пошире, и все трое вошли.

Хотя комната была мала, всю заднюю стену занимала массивная круглая дверь в хранилище, сделанная из блестящей вороненой стали. Ле Сёр подождал, пока в комнату войдет один из охранников с контрольно-пропускного пункта, и, вынув из кармана еще один ключ, вставил его в замок двери

хранилища. Вслед за этим в считывающее устройство сбоку от сейфа Гордон вставил карточку-идентификатор и приложил ладонь к специальному сканеру, который находился рядом со щелью для карты. Металлический щелчок — и над дверью загорелся красный сигнал.

Теперь Ле Сёр подошел к большому наборному диску на краю двери. Загородив диск от остальных присутствующих он повернул его несколько раз влево и вправо. Красный свет над дверью сменился

зеленым; первый помощник повернул установленное посредине двери запорное колесо, потом потянул его на себя, и массивная дверь открылась.

Внутренность хранилища залил бледно-зеленый свет. За дверью оказался небольшой квадратный депозитарий. Задняя часть хранилища была защищена стальной перегородкой, за которой находились многочисленные металлические ящички в выдвижных рамках. Две боковые стены занимали сейфы, среди которых были и довольно большие с тускло отливавшими в бледном свете дверцами. В центре каждой находился пазе выгравированным над ним номером.

— Всем сейфам сейф, — улыбнулся Пендергаст. — Весьма впечатляюще.

— Ваша правда, — отозвался Ле Сёр. — Так кого мы ищем?

Детектив вытащил из кармана листок бумаги.

— Первый — Эдвард Роберт Смекер, лорд Клайвборо. — Алоиз помедлил секунду, читая. — Похоже, когда его наследство оказалось исчерпано, он, дабы свести концы с концами, решил прибегнуть к творческим методам. Вечно таскается по фешенебельным курортам, вечно трется со сливками общества и прочими толстосумами. Монако, Сен-Тропез, Капри, Коста-Смеральда. Когда Клайвборо поблизости, имеют тенденцию исчезать драгоценности. Ни одно из ювелирных украшений, которые он предположительно украл, так никогда и не объявилось; он всегда выходит сухим из воды. Полагают, что Смекер заново ограняет драгоценные камни и переплавляет металлы в слитки.

Первый помощник капитана повернулся к терминалу на ближайшей стене и быстро набрал имя на клавиатуре.

— Это будет номер двести тридцать шесть, — сообщил он и подошел к маленькому сейфу. — Пожалуй, маловат для упомянутого вами предмета.

— Быть может, габариты предмета можно уменьшить, распилив его или сложив. Не будете ли вы так любезны открыть сейф?

Чуть заметно поджав губы, Ле Сёр вставил ключ в замок и повернул. Дверца отворилась, обнаружив большой алюминиевый чемодан с наборным замком.

— Интересно, — произнес Пендергаст.

Крадущейся походкой он прошел мимо открытой дверцы, при этом немного напоминая кота. Затем протянул руку и длинным, похожим на паучью лапу пальцем с величайшей осторожностью, один за другим начал поворачивать диски замков.

— Одну минуту! — воскликнул Кемпер. — Я же сказал, ничего здесь не...

— Ага! Есть! — Пендергаст приподнял крышку чемодана. Внутри находилось много маленьких брусков в алюминиевой фольге и целлофановой обертке, покрытых слоем воска.

— О Боже! — охнул Кемпер. — Надеюсь, это не то, на что похоже. — Быстро достав из кармана перочинный нож, шеф службы безопасности продырявил один из брусков. На лезвии остался белый порошок. Кемпер попробовал его на вкус. — Кокаин.

— Похоже, наш добрый лорд Клайвборо, — пробормотал Пендергаст, — затеял новое, еще более прибыльное коммерческое предприятие.

— Что будем делать? — спросил Ле Сёр, взирая на белый порошок.

— Пока ничего, — ответил Кемпер, закрывая чемодан и крутя диск. — Поверьте, это никуда дальше не пойдет. Мы радируем в американскую таможенную службу. Когда придем в порт, Клайвборо заберет свой чемодан и они возьмут его с поличным на пристани — вне судна.

— Очень хорошо, — кивнул Ле Сёр. — Но как мы объясним сам факт вскрытия?

— Нам и не потребуется, — мрачно ответил Кемпер. — Предоставьте детали мне.

— Как нам повезло! — бодро произнес Пендергаст, не разделяя повисшего в хранилище уныния. — Кажется, удачно что я подоспел!

Но, похоже, никто не разделял его точку зрения. — Следующий в моем списке — кинозвезда Клод Даллас. Ле Сёр заметил, что Кемпер начал покрываться испариной. Если все это когда-нибудь выплывет наружу... Не доводя мысль до конца, первый помощник повернулся к терминалу:

— Номер восемьсот двадцать два. Мужчины приблизились к сейфу большего размера.

— Многообещающе, — пробормотал Пендергаст. Ле Сёр открыл дверцу. Внутри нашлось несколько старых пароходных кофров, покрытых разнообразными наклейками мест назначения — Рио-де-Жанейро, Пхукет и Гоа. Каждый кофр защищали висячие замки величиной с кулак.

— Хм... — Детектив склонился над чемоданом, с любопытством потирая подбородок.

— Мистер Пендергаст, — предостерегающе произнес шеф службы безопасности.

Алоиз протянул вперед обе руки, в одной из которых посверкивал крохотный инструмент. Специалист «помассировал» замок, вертя его между пальцами, и тот со щелчком открылся.

— Мистеру Далласу хорошо бы сменить запор. — И прежде чем Кемпер или Ле Сёр успели что-то возразить, Пендергаст откинул замок в сторону, открыл засов и поднял крышку.

В чемодане поверх всего лежал костюм из лайкры — вместе с несколькими плетками из конского волоса, цепями, наручниками, веревками и разнообразными кожаными и железными приспособлениями сомнительного назначения.

— Как любопытно! — произнес детектив и потянулся к содержимому. На этот раз Ле Сёр не возразил, и спецагент вытащил сделанные из лайкры плащ и костюм Супермена, с вырезанной промежностью. Тщательно его осмотрев, отщипнул что-то, поместил это в пробирку, которая взялась будто из ниоткуда и исчезла также в никуда, а затем аккуратно уложил наряд обратно. — Не уверен, что есть необходимость проверять другие коробки мистера Далласа.

— Определенно нет необходимости, — сухо обронил первый помощник.

— И наконец, последний, Феликс Стрейдж, заведующий греческим и римским отделами в Метрополитен-музее. Он возвращается из довольно неприятной поездки в Италию, где итальянские власти допрашивали его по поводу некоторых незаконно добытых древностей, которые его музей приобрел в восьмидесятых.

Ле Сёр посмотрел на Пендергаста долгим тяжелым взглядом и опять повернулся к клавиатуре:

— Номер пятьсот девяносто семь. Прежде чем я открою сейф, давайте проясним одну вещь, мистер Пендергаст. Держите свои руки подальше. Находящийся здесь мистер Уэдл, — кивнул он на охранника, — все сделает сам. Если вы тронете что-нибудь из содержимого, вся ваша следственная миссия на этом закончится. Вам понятно?

— Вполне, — добродушно откликнулся спецагент.

Ле Сёр направился к сейфу в самом нижнем ряду на правой стене, одному из самых больших во всем хранилище. Чуть помедлив в поисках другого ключа, он опустился на колени, отпер стальную дверцу и потянул на себя. Внутри оказалось три массивных квадратных деревянных ящика для упаковки. Сейф оказался довольно глубок, а свет слишком слаб, чтобы можно было в деталях разглядеть.

Пендергаст некоторое время пристально и неподвижно разглядывал упаковочную тару, потом повернулся к охраннику и, вытащив из кармана отвертку, произнес:

— Мистер Уэдл?

Охранник неуверенно посмотрел на Кемпера, и тот лаконично кивнул.

Уэдл взял отвертку, отвинтил восемь шурупов и снял стенку ящика. Внутри оказалась пузырчатая пластиковая упаковка и заливной пенопласт. Офицер отодвинул упаковку и вынул два куска искусственной пены, обнажив бок греческой вазы

Пендергаст извлек из кармана тонкий фонарик в виде авторучки и посветил им в открытый ящик.

— Хм... Похоже, мы имеем здесь древнегреческий чашевидный кратер[25]. Без сомнения, подлинный. Кажется, наш доктор Стрейндж принялся за старые штучки — опять контрабандой протаскивает древности для своего музея. — Спецагент выпрямился, возвращая фонарик в карман, и отступил от стены с сейфами. — Спасибо за ваше время и терпение джентльмены.

Ле Сёр кивнул. Кемпер ничего не ответил.

— А сейчас извините, но я должен вас покинуть. — И с этими словами Пендергаст поклонился, повернулся и вышел из хранилища.

Поднимаясь в лифте на двенадцатую палубу, он достал из кармана свой список и вычеркнул лорда Клайвборо и Клода Далласа. Стрейнджа решил пока оставить.

Глава 20

Констанс Грин шла по коридору вместе с Марией Казулиной. Она испытывала необычное волнение — трепет от ощущения тайны, обмана и расследования.

— Форма прекрасно сидит на вас, — с сильным акцентом прошептала Казулина.

— Спасибо, что принесли.

— Не за что. Форменная одежда — это единственное, чего у нас много. Кроме грязного белья, конечно.

— Мне непривычна такая обувь.

— Рабочая обувь. Такую носят медсестры, санитарки. У них мягкая подошва, как у кроссовок.

— Как у кроссовок?

— А что? Я не так произнесла это слово? — нахмурилась Мария. — А теперь запомните: как горничная вы не имеете права разговаривать с пассажирами, кроме как во время выполнения своих обязанностей в каюте. Если кто-то попадется по дороге, отступите в сторону и опустите глаза.

— Понятно.

Идущая чуть впереди Мария повернула за угол, затем вошла в дверь без надписи. За дверью находилось служебное помещение для хранения белья и туалетных принадлежностей и два служебных лифта. Мария подошла к одному и нажала кнопку «Вниз».

— С кем вы хотели бы поговорить?

— С теми, кто убирает большие каюты, дуплексы и триплексы.

— Как раз они говорят по-английски лучше других. Как и я.

Двери лифта раздвинулись, и они вошли.

— А что, не все работники знают язык? — спросила Констанс.

Мария нажала кнопку с надписью «Палуба С», и лифт начал опускаться.

— Большинство персонала. Компании так удобнее.

— Дешевая рабочая сила?

— Да. Кроме того, не общаясь друг с другом, мы не сможем создать профсоюз, чтобы протестовать против условий труда.

— А чем плохи условия труда?

— Сами увидите, мисс Грин. А теперь вы должны быть очень осторожны. Если вас поймают, меня уволят и ссадят в Нью-Йорке. Нужно притвориться иностранкой, говорить на ломаном английском. Нам надо подыскать вам язык, на котором никто не говорит, так чтобы вас не стали ни о чем расспрашивать. Вы говорите еще на каких-нибудь языках, кроме английского?

— Да. На итальянском, французском, латыни, греческом немецком…

Мария рассмеялась, на сей раз искренне.

— Стоп. По-моему, среди прислуги нет немцев. Вы будете немкой.

Двери раздвинулись, открываясь на палубу, и женщины вышли. Разница между пассажирскими палубами и палубами обслуживающего персонала тут же стала очевидна. На полу отсутствовало ковровое

покрытие, а на стенах — произведения искусства и блестящие декоративные детали. Помещение походило скорее на больничный коридор — тесное пространство, сталь и линолеум. Лампы дневного света, вделанные заподлицо в потолочные панели, давали резкий, бьющий в глаза свет. Воздух был спертым и неприятно теплым, отягощенным запахами готовящейся рыбы, смягчителя для тканей, машинного масла. Низкое гудение дизельных двигателей слышалось тут гораздо отчетливее. Обслуга — кто в форменной одежде, кто в футболке или грязном тренировочном костюме — торопливо пробегала мимо, сосредоточенная на своих обязанностях.

Мария повела девушку по узкому коридору. По обеим сторонам тянулись пронумерованные двери без стекол, из пластика под дерево.

— Это спальная палуба, — тихо пояснила Мария. — Женщины из моей спальни убирают некоторые большие каюты, поговорите с ними. Мы скажем, что вы моя знакомая, которую я встретила в прачечной. Помните, вы немка и плохо говорите по-английски.

— Я запомню.

— И придумайте причину, почему вы задаете вопросы.

Констанс немного подумала.

— Что, если я скажу, мол, убираю маленькие каюты и хочу улучшить свое положение?

— Хорошо, подойдет. Но не переусердствуйте, не проявляйте излишнего рвения — тут вам вонзят нож в спину за работу с лучшими чаевыми.

— Поняла.

Мария свернула еше в один коридор и остановилась перед какой-то дверью.

— Вот моя комната. Готовы?

Констанс кивнула. Набрав в грудь побольше воздуха, Мария открыла дверь.

Комната оказалась маленькой, как тюремная камера — быть может, футов четырнадцать на десять. Шесть узких запирающихся шкафчиков вмонтированы в дальнюю стену. Здесь не нашлось ни столов, ни стульев, ни ванной комнаты. Стены слева и справа занимали спартанские койки, укрепленные в три яруса друг над другом. В изголовье каждой имелась маленькая полка с лампочкой. Констанс огляделась и заметила, что каждая из полок была заполнена книгами, фотографиями дорогих людей, засушенными цветами, журналами — маленький грустный слепок личности, занимающей койку.

— Вы живете здесь вшестером? — спросила девушка недоверчиво.

Мария кивнула.

— Я и представить не могла, что условия такие стесненные.

— Это еще ничего. Вы бы видели палубу И, где спит персонал НОП.

— НОП?

— Не общающийся с пассажирами. Прислуга, которая стирает, моет машинные отделения, готовит пищу. — Мария покачала головой. — Как тюрьма. Они по три-четыре месяца не видят дневного света, не дышат свежим воздухом. Работают по шесть дней в неделю, по десять часов. Плата от двадцати до сорока долларов за сутки.

— Но это же меньше минимальной оплаты!

— Минимальной оплаты в какой стране? Мы же нигде — посреди океана. Здесь нет законов о минимальной оплате труда. Судно зарегистрировано в Либерии. — Марии огляделась. — Мои товарки уже в столовой. Пойдемте туда.

Она повела спутницу кружным путем, через узкие, пропахшие потом коридоры. Грин старалась не отставать. Пищеблок размешался в средней части судна — большое помещение с низким потолком. Служанки, все в форменной одежде, склонив головы над тарелками, сидели за длинными столами вроде тех, что в закусочных самообслуживания. Когда новоприбывшие заняли места в очереди к буфетной стойке, Констанс осмотрелась вокруг, пораженная серостью помещения. До чего же оно отличалось от пышных ресторанных залов и импозантных гостиных, где роскошествовали пассажиры.

— Здесь так тихо, — проговорила она. — Почему люди не разговаривают?

— Все устали. И еще все подавленны из-за Хуаниты. Горничной, которая свихнулась.

— Свихнулась? Как это? Мария покачала головой:

— Такое нередко бывает — правда, обычно к концу путешествия. Хуанита сошла с ума... вырвала себе глаза.

— Господи помилуй! Вы ее знали?

— Немного.

— У нее были какие-то проблемы?

— У всех нас тут проблемы, — совершенно серьезно ответила Мария. — А иначе мы не пошли бы на такую работу.

Обе выбрали блюда из неаппетитного набора: жирные куски вареной солонины, раскисшая капуста, размякший рис, липкая картофельная запеканка с мясом, бледные квадратики желтого кекса на противне, — и Мария повела сообщницу к ближнему столу, где апатично ковырялись в своих тарелках две ее соседки по комнате. Мария представила их Констанс: молодая темноволосая гречанка по имени Ника и Лурдес, филиппинка средних лет.

— Я не видела тебя раньше, — нахмурившись, произнесла с сильным акцентом Ника.

— Я приставлена к каютам на восьмой ралубе, — ответила Констанс, коверкая слова на немецкий лад.

Гречанка кивнула:

— Смотри, осторожнее, это не твоя столовка. Гляди, чтобы она тебя не увидела. — Ника кивнула в сторону коренастой тетки командного вида с кудрявыми высветленными волосами, которая стояла в дальнем углу, хмуро обозревая помещение.

Женщины вели отвлеченный разговор о том о сем на странной смеси языков с добавлением английских слов — некий усредненный язык, общепринятый на нижних палубах. Большей частью разговор вертелся вокруг горничной, которая обезумела и искалечила себя.

— А где она сейчас? — спросила Констанс. — Ее эвакуировали на вертолете?

— Слишком далеко от суши для вертолета, — покачала головой Ника. — Ее заперли в лазарете. А теперь мне досталось убирать половину ее номеров. — Она поморщилась. — Я знала, что Хуанита ищет неприятностей на свою голову, всегда болтала о том, что видела в пассажирских каютах, совала свой нос куда не надо. Хорошая горничная ничего не видит, ничего не помнит, делает свое дело и держит рот на замке.

Констанс мысленно поинтересовалась, всегда ли сама Ника следует своему же совету.

Гречанка же тем временем продолжала:

— А как она болтала вчера за обедом! Все о той каюте с кожаными ремнями на кровати и вибратором в тумбочке. Чего ее понесло шарить по тумбочкам? Любопытство сгубило кошку. А теперь мне убирать половину ее кают. Проклятый корабль!

Ника поджала губы в знак неодобрения и, как бы подкрепляя высказывание, выпрямилась и скрестила руки на груди.

Последовали согласные кивки и бормотание.

Ника, воодушевленная, продолжала:

— И еще пассажирка исчезла. Слыхали об этом? Наверное, бросилась в море. Говорю вам, этот корабль проклят!

Констанс быстро вмешалась, чтобы прервать поток слов:

— Мария сказала, вы работаете в больших люксах. Вам повезло — у меня только обычные номера.

— Повезло? — Ника воззрилась на Грин, точно не веря своим ушам. — В два раза больше работы!

— Но и чаевые больше, верно?

Гречанка скривилась:

— Богачи дают самые маленькие чаевые. И всегда ворчат: то не так, другое не эдак. Тот ρυπαρος[26] из триплекса заставляет меня приходить по три раза на дню, чтобы перестелить ему кровать.

Удача! Один из людей в списке Пендергаста — Скотт Блэкберн, миллиардер, владелец каких-то интернет-компаний, — как раз занимал одну из двух кают-триплексов.

— Ты имеешь в виду мистера Блэкберна?

Ника покачала головой:

— Нет. Блэкберн еще хуже! У него своя горничная, она сама меняет белье. Ко мне относится как к грязи, будто я ее служанка. Теперь из-за Хуаниты придется убирать еще и этот триплекс.

— Он привез с собой горничную? — спросила Констанс. — Зачем?

— Он все с собой привез. Свою кровать, свои ковры, свои статуи, свои картины, даже свой рояль. — Ника с отвращением потрясла головой: — Бэ! Ну и гадкие же они: уродливые и ρυπαρος.

— Какие? — переспросила Констанс.

— Богачи чокнутые. — Ника опять выругалась на греческом.

— А его друг из соседней каюты, Теренс Кальдерон?

— А! Тот ничего. Дал хорошие чаевые.

— Ты и его номер убираешь? Он тоже привез собственные вещи?

— Кое-что. Много старинных. Французские. Очень красивые.

— Чем они богаче, тем хуже, — нарушила молчание Лурдес. Она говорила по-английски прекрасно, лишь с небольшим акцентом. — Вчера вечером я была в каюте у…

— Эй! — прогремел окрик. Констанс обернулась и увидела прямо за спиной начальницу. Та стояла, уперев руки в широкие бока, и злобно смотрела на нее. — Встать!

— Вы мне говорите? — отозвалась Констанс.

— Я сказала: встать!

Девушка спокойно поднялась.

— Я тебя раньше не видела. Как звать?

— Рильке, — ответила Констанс. — Лени Рильке.

— Где твой блок?

— На восьмой палубе.

На лице мегеры появилось выражение мрачного торжества.

— Я так и думала. Ты прекрасно знаешь, что тебе нельзя есть здесь. Марш в свою столовую.

— Какая разница? — невинным тоном возразила Констанс. — Здесь еда ничуть не лучше.

Торжество на лице начальницы сменилось изумлением.

— Ах ты, наглая сука!.. — Она с размаху ударила Констанс по щеке.

Грин никогда до этого не били по лицу. На миг девушка остолбенела, затем инстинктивно шагнула вперед, сжимая в руке вилку. Что-то в этом движении заставило глаза бригадирши широко раскрыться. Разъяренная фурия отступила на шаг.

Констанс медленно положила вилку обратно на стол. Вспомнила о Марии и своем обещании сохранить тайну и опустила глаза. Казулина смотрела на безобразную сцену с побелевшим лицом. Две другие горничные усердно разглядывали свои тарелки.

Вокруг возобновилось приглушенное и равнодушное журчание голосов, прерванное было скандалом. Констанс взглянула на свою обидчицу, запоминая лицо. Затем — с пылающей щекой — отошла от стола и покинула пищеблок.

Глава 21

Входя в аскетичный кабинет шефа службы безопасности Патрика Кемпера, первый помощник капитана Гордон Ле Сёр испытывал нарастающее беспокойство. Пропавшая пассажирка так и не объявилась, и ее муж потребовал встречи с высшим командованием судна. Капитан Каттер последние несколько часов пребывал в своей каюте, в мрачном расположении духа, как это нередко с ним бывало, и Ле Сёр был не склонен его тревожить — хоть ради Эвереда, хоть ради кого-то еще. Вместо этого он передал вахту второму помощнику и теперь призвал на эту встречу Кэрол Мейсон.

Эверед шагал взад и вперед по тесному пространству гостиной с видом человека на грани истерики — лицо багровое, голос дрожит.

— Пол пятого вечера! — говорил он Кемперу. — Уже восемь часов, черт бы вас подрал, как я сообщил об исчезновении жены!

— Мистер Эверед... — Начальник службы безопасности завел ту же волынку: — Теплоход большой, здесь имеется множество мест, где она может находиться...

— То же самое вы говорили и утром! — загремел Эверед. — А она до сих пор не вернулась! Я слышал ваши объявления по радио, я видел маленькое фото, что вы пускали по телевизору. Это на нее не похоже, жена никогда не ушла бы так надолго, не сообщив мне. Я хочу, чтобы этот корабль обыскали!

— Позвольте заверить вас...

— К черту ваши заверения! Марлен могла где-нибудь упасть, пораниться, а теперь не в состоянии позвонить или даже вытащить телефон. Она могла... — Американец остановился, тяжело дыша, и яростно смахнул слезу тыльной стороной ладони. — Вы должны связаться с береговой охраной, с полицией, доставить их сюда.

— Мистер Эверед, — произнесла старший помощник капитана Кэрол Мейсон, спокойно, без суеты, забирая бразды правления в свои руки, к большому облегчению Ле Сёра. — Мы посреди Атлантического океана. Даже если бы юрисдикция полиции или береговой охраны распространилась на наше судно, они попросту не смогли бы до нас добраться. А теперь вы должны поверить мне, когда я говорю, что у нас есть проверенные временем способы разрешения таких ситуаций. Имеется почти стопроцентная вероятность того, что, по какой-то причине, ваша жена не желает, чтобы ее обнаружили. Нам приходится рассматривать и такую возможность. Может быть, она находится в обществе другого мужчины.

Эверед ткнул дрожащим пальцем в сторону Ле Сёра:

— Я говорил ему сегодня утром, что моя жена не такая. И я не потерплю подобных намеков, ни от вас, ни от кого еще!

— Я ни на что не намекаю, мистер Эверед, — негромко и твердо ответила Мейсон. — Я просто говорю, что нет причины так волноваться. Поверьте, статистически на борту вы в большей безопасности, чем в своем собственном доме. Мы очень серьезно относимся к обеспечению безопасности и, учитывая характер проблемы, организуем на судне поиск. Я сама за этим прослежу.

Негромкий авторитетный голос старпома и ее успокаивающие слова возымели нужный эффект. Эверед по-прежнему был красен и тяжело дышал, но через несколько мгновений, с усилием сглотнув ком, кивнул:

— Об этом я и просил с самого начала.

После ухода Эвереда все трое некоторое время пребывали в молчании. Наконец начальник службы безопасности издал глубокий вздох и обратился к Мейсон:

— Так что, старпом?

Старший помощник задумчиво смотрела на дверь, за которой скрылся Эверед.

— Есть ли какая-то возможность заполучить психологический портрет миссис Эверед?

Молчание.

— Вы полагаете… — начал Кемпер.

— Всегда надо допускать и такую возможность.

— По закону мы должны действовать через ее мужа, — бросил Кемпер. — Этот шаг я очень не хотел бы предпринимать до того, как мы уверимся, что она… что ее действительно больше нет на судне. Скверное дело. У нас и так проблемы с моральным духом персонала после той сумасшедшей горничной… От всей души надеюсь, что миссис Эверед найдется.

— Я тоже, — кивнула Мейсон. — Мистер Кемпер, пожалуйста. организуйте поиск второй степени. — Кэрол перевела взгляд на Ле Сёра. — Гордон, я бы хотела, чтобы вы лично поработали в тесной связке с мистером Кемпером.

— Конечно, сэр, — отозвался Ле Сёр. Внутренне же он почувствовал досаду и раздражение. Поиск второй степени означал, что должны быть обысканы все общественные места, помещения персонала и

подпапубное пространство судна — в сущности, все, кроме пассажирских кают. Даже если мобилизовать штат охраны целиком, это займет по меньшей мере день. А глубоко в недрах посудины имелись такие места, которые просто невозможно досконально обыскать.

— Я сожалею. Гордон, — добавила Мейсон, прочитав выражение его лица. — Но мы обязаны предпринять этот шаг. Таковы регламентирующие правила.

Регламентирующие правила, подумал Ле Сёр довольно мрачно. В сущности, все дело заключалось именно в этом — в формальном соблюдении предписаний. Пассажирские каюты можно было досматривать при обыске третьей степени, и санкцию на такой обыск мог дать только лично капитан Каттер. Никогда поиски такого высокого уровня не предпринимались на судах, где служил Ле Сёр, даже на тех, где на борту оказывался самоубийца. А именно это первый помощник и подозревал в отношении миссис Эверед. Самоубийство на море — более распространенная вещь, чем может показаться пассажирам. Особенно на фешенебельных первых рейсах лайнеров, где некоторые люди хотят уйти из жизни со вкусом. Миссис Эверед могла просто-напросто находиться в пятистах милях позади и на тысячу морских саженей[27] в глубину…

Мысли Гордона были прерваны стуком в дверь. Он обернулся и увидел стоящего в дверях офицера службы безопасности.

— Мистер Кемпер?

— Да?

— Сэр, — нервно произнес офицер. — Тут два момента… — Он беспокойно переступил с ноги на ногу.

— Ну что там? Не видите, у меня совещание?

— Горничная, которая сошла с ума… она… э… только что покончила с собой.

— Каким образом?

— Сумела высвободиться из пут и… — Он запнулся.

— И что?

— Отломала от кровати острый кусок дерева и вонзила его в глазницу. Прошло в мозг.

Воцарилось короткое молчание, во время которого присутствующие переваривали полученную информацию. Кемпер покачал головой.

— Мистер Кемпер, — нарушил молчание Ле Сёр, — я думаю, вам надо поговорить с пассажиром той каюты, которую она убирала последней, перед тем как у нее случился срыв. Могла иметь место какая-то неприятная стычка, скандальное происшествие, даже несчастный случай... Я когда-то служил на круизном судне, где пассажир зверски изнасиловал горничную, которая пришла убираться.

— Сделаю, сэр.

— Только будьте осмотрительны.

— Конечно.

После недолгого молчания Кемпер повернулся к взволнованному офицеру охраны:

— Вы, кажется, упомянули и второй момент?

— Да, сэр.

— В чем он состоит?

— Вам надо кое на что взглянуть.

— А именно?

Сотрудник службы безопасности замялся в нерешительности.

— Я бы предпочел, чтобы вы сами взглянули, сэр. Это может иметь отношение к пропавшей пассажирке.

— Где это? — вмешалась Мейсон.

— На открытой палубе, недалеко от торговой зоны Сен-Джеймс, ближе к корме.

— Ведите! — твердо распорядилась Мейсон. — Мы все пойдем туда.

Кемпер направился к двери, затем обернулся и посмотрел на Ле Сёра:

— Вы идете, сэр?

— Да, — с упавшим сердцем отозвался тот.

На палубе было сыро и промозгло. Пассажиров не нашлось— немногие смельчаки, которые в такую погоду решались выйти на открытый воздух, обычно выбирали замкнутую окружность прогулочной зоны на седьмой палубе, что лежала выше. Порывистый ветер вздымал водяную пену от носа судна, унося ее высоко в воздух. В одну минуту китель первого помошника промок насквозь.

Офицер охраны подвел начальство к парапету.

— Там, внизу. — Он указал через перила.

Ле Сёр подошел к поручням, где уже стояли Кемпер и Кэрол Мейсон, и посмотрел вниз. Морская вода, семью палубами ниже, сердито кипела у гладкого борта.

— На что мы смотрим? — спросил Кемпер.

— Дальше, сэр. Я заметил это, проводя визуальный осмотр корпуса. Видите царапину вон там, на декоративной облицовке под фальшбортом, слева от штормового порта[28]?

Крепко ухватившись за ограждение, Ле Сёр перегнулся ниже, внимательно вглядываясь. Наконец он тоже увидел это: шестидюймовая царапина вдоль декоративной облицовки из тикового дерева, закрывающей палубный стык.

— Сэр, будь это повреждение здесь вчера перед отплытием, я бы его заметил. Уверен в этом.

— Он прав, — сказала старший помощник. — Это судно слишком новое, чтобы иметь такую царапину. — Мейсон пригляделась внимательнее. — И если не ошибаюсь, что-то почти такого же цвета, как и дерево, застряло в зазубрине.

Ле Сёр прищурился. Корпус правого борта был погружен в тень, но ему показалось, что он тоже заметил.

— Давайте посмотрим, нельзя ли это достать, — обратилась Мейсон к офицеру охраны.

Тот кивнул и ничком распластался по палубе. Ле Сёр и Кемпер держали его за ноги, а он, рукой ухватившисьза край, нырнул головой под ограждение. Кряхтя, потянулся вниз, и только когда Ле Сёр почувствовал, что сильнее промокнуть уже невозможно, охранник крикнул:

— Есть!

Офицера втянули обратно, и он встал на ноги, крепко сжимая что-то в руке. Все трое сгрудились вокруг, и сотрудник службы безопасности медленно разжал кулак.

На ладони лежал пучок тонких, изящных волокон, спутанных и промокших от мороси. Ле Сёр услышал, как Мейсон задержала дыхание. Тогда и он заметил. Все нити с одного конца крепились к чему-то вроде маленького клочка кожи. С ужасом и отвращением он понял: это вовсе не нити, а волосы. Судя по виду — человеческие, платинового цвета.

— Мистер Кемпер, — произнесла Мейсон ровным, безжизненным голосом, — у вас есть фотография пропавшей женщины?

Тот достал из кармана маленькую папку, открыл, вынул фото и протянул старшему помощнику. Мейсон поднесла снимок к глазам, внимательно посмотрела, затем перевела взгляд на волосы в сложенной чашечкой ладони охранника.

— О черт! — пробормотала она.

Глава 22

Специальный агент Пендергаст вышел из своей каюты, закрыл дверь и зашагал по коридору. Черный смокинг в сочетании с его целеустремленной походкой и тем фактом, что судовые часы показывали восемь вечера, давали понять, что детектив направляется на обед.

Но Алоиз не собирался обедать в этот вечер — скорее намеревался использовать обед, чтобы завершить некоторые дела.

Войдя в холл с лифтами, нажал кнопку «Вниз», а в лифте — кнопку с надписью «Палуба 13». Менее чем через тридцать секунд сышик уже бодро шагал по коридору.

Большинство пассажиров обедали, развлекались в казино либо смотрели какое-нибудь шоу. Пендергасту попались по дороге только два человека: горничная и стюард-коридорный. Наконец коридор резко повернул вправо, затем — влево, вливаясь в другой, шедший перпендикулярно, очень короткий. По левую его сторону располагались только две двери: каждая вела в один из двух так называемых королевских покоев.

Пендергаст подошел к двери с табличкой «Покои "Ричард II"» и постучал. Когда ответа не последовало, вынул из несессера электромагнитную карту, которая спиральным проводком соединялась с карманным персональным компьютером, спрятанным в несессере. Пендергаст вставил карточку в паз доступа на двери, изучил показания на крохотном экране устройства, после чего набил на кнопочной панели несколько цифр, и светодиодный индикатор на дверном замке сменил цвете красного на зеленый. Еще раз бросив быстрый взгляд в обе стороны коридора, специальный агент быстро проскользнул в номер и, закрыв за собой дверь, прислушался. Он еще раньше удостоверился, что Лайонел Брок на обеде; апартаменты выглядели пустыми, тихими и темными.

Достав из кармана маленький фонарик, детектив прошел в глубину покоев. Четыре больших номера люкс на судне были не так велики, как апартаменты-дуплекс или триплекс, но все-таки достаточно обширны —

занимали половину передних сооружений на двенадцатой и тринадцатой палубах. Согласно предварительно изученному чертежу, номера люкс состояли из просторной гостиной, столовой, небольшой кухни, туалета и двух спален со Связующей их ванной.

Пендергаст прошел через гостиную, освещая все фонариком. Комната выглядела малообжитой, и здесь недавно побывала горничная: корзинки для мусора пустовали. Единственной, хотя бы отдаленно, любопытной деталью могла показаться подушка со свежей наволочкой в углу кожаного дивана. Согласно пофамильному перечню пассажиров — так называемому пассажирскому манифесту, — Брок занимал каюту один. Может, человек страдал от бессонницы?

Одним из немногих признаков того, что номер обитаем, была нераспечатанная бутылка шампанского «Тэтенже» в ведерке с полурастаявшим льдом.

Надев латексные перчатки, Пендергаст исследовал ящики тумбочек и письменного стола, но нашел лишь корабельную литературу да пульты управления телевизором и DVD-плейером. Заглянул за каждую из картин на стенах, но ничего интересного не обнаружил. Подойдя к переднему венецианскому окну[29], он осторожно оттянул занавеску. Далеко-далеко внизу нос «Британии» разрезал усеянные клочьями пены океанские волны. Погода неуклонно ухудшалась, и медленная поначалу качка становилась все более ощутимой.

Отойдя от окна, сыщик перешел в маленькую кухню. Ею также, похоже, не пользовались — Брок явно предпочитал питаться в ресторанах. Только в холодильнике имелось еще две бутылки шампанского. Пендергаст оперативно обыскал выдвижные яшики, но ничего, кроме столовых приборов и стеклянной посуды, не обнаружил. Далее детектив перешел в столовую, затем — в туалет. Быстро осмотрев то и другое, взялся за гардеробную нишу. Ничего интересного.

Алоиз вышел в гостиную и остановился, прислушиваясь. Все было тихо. Пендергаст бросил взгляд на часы: четверть девятого. Согласно графику, Брок обедает в ресторане «Королевский герб», и ожидать его возвращения следовало не раньше чем через полтора часа.

Спальни располагались ближе к правому борту. Одна дверь закрыта, другая открыта. Пендергаст шагнул к открытой двери, опять прислушался и вошел. Спальня оказалась во многом похожа на его собственную: широкая кровать с нелепым пологом, два прикроватных столика, большой шкаф, письменный стол со стулом, стенной шкаф и дверь, ведущая в ванную. Комната явно принадлежала Броку.

Потребовалось пятнадцать минут, чтобы провести в спальне доскональный обыск. Пендергаст перешел в общую для двух спален

ванную комнату и бегло осмотрел туалетные принадлежности. Он мало что обнаружил, разве что лишний раз убедился в том, что и так было известно: Брок пользовался туалетной водой «Флорис элит».

В дальнем конце ванной находилась маленькая комнатка для переодевания с дверью, ведущей во вторую спальню. Пендергаст взялся за ручку, намереваясь провести лишь самый поверхностный осмотр — он все больше и больше убеждался, что если Брок в чем и повинен, то улики можно найти где угодно, только не на «Британии».

Дверь оказалась заперта.

Детектив нахмурился и, вернувшись в гостиную, попытался попасть в эту спальню через главную дверь, но и та оказалась заперта.

Весьма интригующе.

Спецагент опустился на колени, осмотрел с помощью фонарика запор. Простой кодовый замок с реверсивным механизмом, открыть который не так уж и сложно. Алоиз вынул из кармана отмычку, напоминающую маленькую проволочную зубную щетку, вставил в замок, и через мгновение мягкий щелчок сигнализировал об успехе. Пендергаст осторожно повернул ручку, отворяя дверь.

— Еще шаг — и ты покойник, — последовал из темноты грубый голос.

Сыщик безмолвно застыл на пороге.

Сумрак сгустился, и на свет шагнул мужчина с пистолетом в руке. Из полумрака спальни послышался заспанный женский голос.

— Что там, Курт?

Вместо ответа незнакомец жестом приказал Пендергасту отойти от двери, вышел сам и запер ее за собой. Мужчина оказался темноволосым и смуглым, с лицом в угревых шрамах, этакий накачанный красавец мафиози. Держался он как боксер-профессионал, но для столь крупного мужчины двигался с виртуозной кошачьей грацией. Явно не стюард, поскольку одет был не в униформу, а в темный костюм, причем пиджак едва не трещал на его широких плечах.

— Итак, приятель, кто ты и что здесь делаешь? — спросил Курт.

Пендергаст улыбнулся и кивнул на кресло возле дивана:

— Можно? Я весь день на ногах.

Здоровяк лишь хмуро посмотрел на него. Спецагент сел и устроился поудобнее, непринужденно забросив ногу на ногу.

— Я задал тебе вопрос, козел.

Пендергаст вынул из ведерка бутылку шампанского, дал стечь воде и ловким движением выкрутил пробку. Сбоку стояли два пустых бокала. Он наполнил оба до краев.

— Не желаете присоединиться?

Курт поднял пистолет.

— Мое терпение скоро лопнет.

Пендергаст пригубил вина.

— Значит, мы два сапога пара. Если бы спокойно сели, то могли бы обсудить наши проблемы с комфортом.

— У меня нет проблем. Это у тебя проблема. Да еще какая, твою мать!

— Про свою я знаю. Моя проблема — это вы. Стоите передо мной, нацелив пушку мне в голову, и, кажется, начинаете терять самоконтроль. Да, это явная проблема. — Пендергаст отпил вина, блаженно вздохнул: — Превосходно.

— Даю еще один шанс рассказать, кто ты такой, прежде чем размажу твои мозги по стене.

— Прежде чем вы это сделаете, я бы отметил, что ваша проблема куда серьезнее.

— Да? Ну и что же это за проблема, блин?

Пендергаст кивнул в сторону спальни.

— Мистер Брок знает о том, что вы развлекаете даму в его номере?

Беспокойная пауза.

— У мистера Брока нет проблемы от того, что я развлекаю дам.

Пендергаст приподнял брови.

— Может, да, а может, и нет. Но кроме того, если вы попытаетесь «размазать» что-то по стене, то весьма неприятным образом обнаружите себя в центре внимания всего судна. Если повезет, отделаетесь обвинением в убийстве если нет — то ваши мозги украсят обои. Я тоже вооружен знаете ли.

Еше одна беспокойная заминка.

— Я вызову корабельную охрану.

Пендергаст сделал еще глоток.

— Вы не продумали это до конца, мистер Курт.

Здоровяк ткнул в пленника пистолетом:

— Джонсон. Куртис Джонсон. А не мистер Курт.

— Прошу прощения, мистер Джонсон. Пусть даже мистер Брок и не возражает против того, чтобы вы, находясь при исполнении, развлекали дам, но все равно, если вызовете охрану, могут возникнуть вопросы о грузе, который мистер Брок хранит в той спальне, которую вы используете под любовное гнездышко. А кроме всего прочего, вы не знаете, кто я такой и зачем здесь. Я сам вполне могу оказаться сотрудником корабельной охраны. Так что, повторяю, мистер Джонсон, у нас обоих проблемы. Надеюсь, мы найдем способ разрешить их как интеллигентные люди и к взаимной выгоде. — Алоиз медленно опустил два пальца в карман смокинга.

— Держи руки на виду.

Пендергаст вынул из кармана маленькую пачку хрустящих стодолларовых банкнот.

Телохранитель Брока стоял с красным озадаченным лицом, сжимая мясистой рукой пистолет.

Пендергаст пошелестел деньгами в воздухе.

— Опустите пистолет.

Боксер повиновался.

— Забирайте.

Тот протянул руку, быстро схватил деньги и сунул в карман.

— Нам надо действовать быстро, мистер Джонсон, чтобы я мог уйти до того, как мистер Брок вернется.

— Давай выметайся отсюда ко всем чертям. Быстро!

— Вы взяли деньги и по-прежнему меня гоните? Как неспортивно.

Пендергаст с легким вздохом поднялся и повернулся, словно собираясь уходить, но это движение вдруг стремительно ускорилось, приобретя совершенно другой характер. Бокал с шампанским полетел Джонсону в лицо, а на его запястье обрушился кулак. Пистолет упал на ковер и отлетел к противоположной стене. Вскрикнув от неожиданности, громила ринулся было за ним, но Пендергаст сделал здоровяку подножку, а затем придавил коленом копчик, одновременно ткнув в ухо свой «баер».

— Doucement, мистер Джонсон. Doucement[30].

Выждав так некоторое время, Пендергаст поднялся.

— Можете встать.

Гангстер принял сидячее положение, потер ухо, затем встал на ноги. Лицо его налилось кровью.

Пендергаст убрал оружие во внутренний карман смокинга, пересек комнату, поднял пистолет Джонсона и прикинул вес на руке.

— «Вальтер ППК». Вы поклонник Джеймса Бонда, как я понимаю. Пожалуй, у нас с вами меньше общего, чем я предполагал. — Детектив швырнул оружие Джонсону, тот подхватил его, удивленный, и теперь держал, не зная, что с ним делать. — Будьте умницей и спрячьте.

Джонсон сунул пистолет в кобуру.

— А сейчас, — любезно произнес Пендергаст, — у вас есть выбор, мистер Джонсон. Вы можете стать моим другом — оказать мне крохотнейшую услугу и заработать еще тысячу, — а можете продолжить разыгрывать неуместную лояльность чванливому ослу, который вам и так недоплачивает, а когда узнает о вашей неосмотрительности, уволит в ту же минуту и никогда больше не вспомнит. Итак — что выбираете, мистер Джонсон?

Здоровяк довольно долго таращился на Пендергаста, наконец отрывисто кивнул.

— Великолепно. Тогда откройте вторую спальню, мой новообретснный друг. У нас мало времени.

Джонсон повернулся, подошел к двери спальни и толкнул ее. Пендергаст последовал за ним внутрь.

— Курт, какого черта? Что здесь происходит? — На кровати, натянув простыню под самый подбородок, сидела женщина с огромной гривой.

— Одевайся и выметайся.

— Но моя одежда вон там, — возмутилась она. — На мне ничего нет.

— А кого это волнует? — грубо бросил Джонсон. — Выметайся.

— Ну ты и задница, знаешь об этом?

Телохранитель отмахнулся.

— Двигай!

Тряся тяжелыми грудями, женщина выпрыгнула из постели, схватила одежду и ретировалась в ванную.

— Сволочь! — донесся оттуда приглушенный возглас.

Пендергаст огляделся. Спальню, как он уже заметил ранее, приспособили под хранилище: на виду, занимая большую часть комнаты, стояло с полдюжины деревянных упаковочных ящиков, все с маркировкой «Осторожно, стекло».

— Ты знаешь, что в этих ящиках?

— Понятия не имею, — ответил Джонсон.

— Но тебя наняли за ними приглядывать?

— Точно.

Специальный агент некоторое время походил перед ящиками туда-сюда, потом опустился на колени возле крайнего и достал из несессера отвертку.

— Эй, вы что делаете?

— Просто хочу взглянуть. Мы оставим все как было. Никто не узнает.

Через секунду стенка ящика отошла, обнажая зеленый фетр и амортизирующий заполнитель. Ножом Пендергаст аккуратно прорезал несколько слоев: амортизирующий материал, фетр и вырезанные по форме куски пенополистирола.

За ними обнаружилась подставка дли произведений живописи. Судя по тому, что остальные пять ящиков были в точности таких же габаритов, в них тоже наверняка находились картины.

Пендергаст сунул в прорезь фонарик, поводил туда-сюда. Всего внутри оказалось восемь полотен без рам. Если он правильно оценил, работы принадлежали кисти художников-импрессионистов: Шарля Теофиля Ангрcounter и Гюстава Кайботта. Имелись также две работы немецких экспрессионистов: скорее всего Явленского и, предположительно, Пехштейна. Очевидно, картины предназначались для галереи Брока на Пятьдесят седьмой улице.

При том что Пендергаст сразу же узнал художников по стилю, ни одна из работ не была ему знакома — по крайней мере насколько он мог их разглядеть. В лучшем случае то были малоизвестные образчики творческого наследия живописцев.

Запустив руку в несессер, спецагент вытащил маленький плоский кожаный футляр, расстегнул молнию и разложил его на полу. Достал оттуда несколько инструментов: лупу, какой пользуются ювелиры, пару щипчиков, скальпель, пробирки — и выложил все на ближайший ящик.

Джонсон беспокойно переминался с ноги на ногу.

— Не знаю, чем ты занимаешься, парень, но лучше поторопиться.

— Успокойтесь, мистер Джонсон. До возвращения вашего работодателя еще есть время. Я уже почти закончил.

Опустившись на колени перед ближайшим ящиком, Пендергаст обратился к полотну Явленского. Подхватив пинцет, он выдернул три ниточки из холста с обратной стороны картины, в месте крепления к раме. Затем, с помощью пинцета и скальпеля, срезал небольшой выступающий фрагмент желтой краски с самого края картины и также поместил в пробирку. Потом проделал аналогичную процедуру с работами других художников.

Сверился с часами. Восемь сорок пять.

Закончив, так расположил упаковку, чтобы скрыть сделанный надрез, привинтил на место стенку ящика и с улыбкой поднялся.

— Мистер Джонсон, мои вам извинения за испорченный вечер.

— Ладно. Вы так и не сказали, кто вы и что здесь делаете.

— И не собираюсь, мистер Джонсон.

Оба вышли в гостиную, и Пендергаст обернулся к подельнику:

— У нас еще осталось немного времени, чтобы выпить шампанского.

Детектив заново наполнил бокалы. Джонсон проглотил свой одним махом, затем сел. Пендергаст выпил медленно, после чего вытащил из кармана еще пачку банкнот.

— Как обещано.

Джонсон медленно забрал деньги.

— Вы вели себя хорошо. — Спецагент улыбнулся, отвесил полупоклон и спешно отбыл.

Глава 23

Вернувшись в свою каюту, Констанс нашла Пендергаста склонившимся над портативным набором для химических опытов. Она увидела, как сыщик окунает ватный тампон в склянку с чистой жидкостью и наносит ее на кусочек краски в пробирке. Кусочек немедленно почернел.

Алоиз перешел к другой пробирке, затем к третьей, проделывая тот же анализ. Наконец поднял голову:

— Добрый вечер, Констанс.

— Есть какие-нибудь результаты?

Пендергаст кивнул в сторону стола:

— Безусловно. Все образцы краски показывают повышенное содержание свинца. Наш мистер Лайонел Брок держит в свободной спальне шесть упаковочных ящиков с произведениями живописи, и если остальные картины такие же, как эти, то все они подделка. Очевидно, Брок нашел фальсификатора произведений европейского искусства — человека немалого таланта, — чтобы сымитировать творчество малоизвестных мастеров. Эти картины он, вероятно, добавляет к подлинным полотнам художников более крупных. Действительно, задумка неглупая. Никто не станет подвергать сомнению аутентичность работ второстепенных художников, если дилер продает первоклассные и безупречно выверенные произведения первого эшелона.

— В самом деле умно, — согласилась Констанс. — Но мне кажется, такой человек не стал бы рисковать со старинным тибетским артефактом.

— Совершенно верно. Мы можем его вычеркнуть. — Пендергаст зашуршал своим списком. — Я уже вычеркнул Лэмба: этот парень физически мягок, как поднявшееся тесто.

— Как тебе удалось это установить? Ты притворился врачом?

— Хм. Давай не будем говорить об этом. Я также вывел из числа подозреваемых Клода Далласа, как и лорда Клайвборо, который занимается контрабандой кокаина. Стрейдж нелегально везет с собой несколько чрезвычайно ценных и наверняка подлинных греческих ваз, и хотя это уменьшает вероятность того, что он нелегально везет еще и Агозиен, мы все-таки не можем полностью сбрасывать его со счетов. Таким образом, у нас остаются трое подозреваемых: Блэкберн, Кальдерой и Стрейдж. — Он устремил на девушку взгляд серо-серебристых глаз. — Как прошла твоя экспедиция в трюм?

— Я познакомилась с женщиной, приставленной убирать триплекс Блэкберна. К счастью для нас, эта обязанность досталась ей в наследство от другой служанки, которая, по-видимому, пережила психический срыв вскоре после отплытия и покончила с собой.

— В самом деле? — неожиданно заинтересовался Пендергаст. — На судне произошло самоубийство?

— Так говорят. Она бросила работу посреди смены, вернулась в свою каюту и впала в безумие. А потом вонзила себе в глаз кусок дерева и умерла.

— Как странно! А женщина, которая сейчас убирает триплекс Блэкберн а, что говорит?

— Говорит, он приехал со своей горничной и та важничает перед корабельной служанкой. А еще Блэкберн велел заново отделать всю каюту для этого путешествия, обставил ее собственной мебелью и произведениями искусства.

— Сюда должна входить и азиатская коллекция.

— Да. Эта же горничная, с которой я познакомилась, убирает и каюту Кальдерона, по соседству. Тот вроде бы привез с собой много произведений французской старины. Как я поняла, Кальдерон настолько же приятен в общении, насколько отвратителен Блэкберн. Дал ей хорошие чаевые.

— Превосходно. — Некоторое время Пендергаст как будто отсутствовал, затем взгляд его опять сфокусировался. — Блэкберн в нашем списке явный фаворит. — Потянувшись в карман, детектив извлек пачку хрустящих купюр. — Ты должна временно поменяться местами с корабельной горничной, приставленной к каютам Блэкберна и Кальдерона. Проникни туда, когда каюты будут пусты.

— Но Блэкберн не пускает туда судовую горничную в отсутствие своей личной.

— Не важно — если тебя застукают, ты всегда можешь приписать это бюрократической ошибке. Ты знаешь, что искать. Я предложил бы отправиться сегодня поздно вечером — Блэкберн, как стало известно, имеет пристрастие к баккара и, вероятно, будет в это время в казино.

— Хорошо, Алоиз.

— Да… и принеси мне его мусор, пожалуйста.

Констанс коротко вскинула брови. Затем кивнула и двинулась к лестнице, намереваясь переодеться к обеду.

— Констанс?

Та обернулась.

— Прошу тебя, будь осторожна. Блэкберн — один из главных подозреваемых, а это означает, что он может оказаться безжалостным убийцей, даже психопатом.

Глава 24

Скотт Блэкберн помедлил в дверях ресторана «Оскар». Он застегнул пиджак сшитого на заказ костюма от Гивз Хокс, поправил дорогой галстук и обвел глазами зал. Восемь сорок пять, второй обеденный заход в самом разгаре. Рой стройных, щеголеватых, вышколенных официантов проворно сновал по залу с горячими блюдами под

серебряными колпаками. Они подносили их к каждому столу, ставили, а затем, как по команде, официанты, стоящие за спиной каждого обедающего, снимали серебряные крышки, открывая взору кушанья.

Кривя губы в сардонической усмешке, Блэкберн прошел к своему столу. Два его компаньона уже сидели, но при появлении Скотта раболепно поднялись. Еще бы им не раболепствовать — Блэкберн вложил в их компании по несколько миллионов и заседал в комитетах по компенсациям при советах директоров. Две бутылки бургундского уже стояли на столе практически пустые в окружении остатков итальянских антипасти, других изысканных закусок и первого блюда из мелкой птицы — вероятно, голубя или фазана. Усевшись, миллиардер взял в руки одну из бутылок, поднес к глазам.

— «Ришбур. Домэн де ля Романе-Конти, тысяча девятьсот семьдесят восьмой», — прочитал он. — Вы, ребята, потребляете отличное спиртное. — Блэкберн наполнил свой бокал. — И не оставили мне ничего, кроме осадка!

Компаньоны почтительно засмеялись, а Лэмб махнул официанту:

— Принесите еще одну такую из нашего частного погреба.

— Сию минуту, сэр. — Официант скользнул от стола, неслышно, как летучая мышь.

— А что за повод? — спросил Блэкберн.

— Просто подумали, почему бы не побаловать себя. — Лэмб коротко пожал мягкими покатыми плечами.

Скотт заметил, что парень с лица уже не такой зеленый как прежде. Новичок, видимо, потихоньку привыкал к океану.

— Почему бы и нет? Нынешнее путешествие обещает быть даже интереснее, чем я предполагал. Среди всего прочего вчера наткнулся на старую подружку, и она оказалась покладистой — очень покладистой. Во всяком случае, поначалу.

Слушатели расхохотались.

— А потом? — Лэмб с жадным вниманием подался вперед.

Блэкберн покачал головой и рассмеялся:

— Уж и не знаю, что было более возбуждающим — секс или последующая драка. Ух, ну и тигрица!

Новая серия подобострастных смешков.

Официант бесшумно появился с бутылкой и чистым бокалом, и Лэмб сделал ему знак налить Блэкберну. Скотт круговым движением взболтал вино, вдохнул аромат, взболтал еще раз, затем, сунув нос в бокал, потянул букет. Откинулся на стуле, с полузакрытыми глазами наслаждаясь ароматом. Через некоторое время поднес бокал к губам, взял в рот немного вина, покатал на языке, потом втянул сквозь зубы немного воздуха, пропустив через вино, прежде чем проглотить. Покончив с ритуалом, поставил бокал на стол и знаком отпустил официанта.

— Что скажешь? — нетерпеливо спросил Лэмб.

— Великолепно.

Все расслабились.

Блэкберн снова поднял бокал.

— И так случилось, что я имею кое-что объявить.

Оба друга с готовностью устремили на него взоры.

— Наполните бокалы.

Лэмб и Кальдерой проворно выполнили распоряжение.

— Как вы знаете, со времен продажи «Грамнета» за два миллиона я болтался без дела, подыскивая какую-нибудь новую штуку, которой можно было бы заняться. Мне кажется, я нашел такую вещь.

— Ты можешь рассказать нам? — спросил Кальдерон.

— Это имеет отношение к сканированию и поиску по визуальным базам данных видеоизображений в сети. — Блэкберн улыбнулся. — Продав «Грамнет», я сохранил права на разработанные мной алгоритмы сжатия изображений. Я внедрю свою программу на каждый настольный компьютер, и это будет программа, которая выглядит в сто раз лучше, чем все, что было до этого.

— Но «Гугл» годами работает над технологией согласования изображений, — заметил Лэмб. — Похоже, у них ничего не выходит.

— Я собираюсь использовать другую технологию — старомодный ручной труд. У меня тысячи программистов и ученых, которых я могу засадить за работу на двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Я намерен построить крупнейшую в Интернете мультимедийную базу данных, работающую в режиме он-лайн.

— Каким образом?

— Изображения могут ссылаться друг на друга точь-в-точь как веб-страницы. Люди, занимающиеся поиском изображения, идут от одного похожего изображения к следующему. Не надо анализировать метаданные или изображения — анализируйте ссылки. Коль скоро они в вашей базе данных, можете выстраивать миллиарды, триллионы связей, генерируемых пользователем. Затем я возьму сами изображения, с супервысоким разрешением, и использую свои алгоритмы, чтобы их сжать. У меня имеется десяток серверных пулов, стоящих без дела, только и ждущих, чтобы их наполнили такими данными.

— Но авторские права на изображения — как ты их обойдешь?

— К черту авторские права! Авторские права себя изжили. Такова природа Интернета. Информация должна быть свободной для доступа — подходи и бери. Все остальные так поступают — почему не я?

Над столом воцарилось уважительное молчание.

— А чтобы стартовать, у меня имеется козырь в рукаве. — Скотт поднял бокал, издав горлом сдавленный смешок. — Да еще какой.

Он сделал трехсотдолларовый глоток вина, закрыв глаза в полнейшем наслаждении.

— Мистер Блэкберн? — раздался рядом негромкий почтительный голос с бостонским акцентом.

Миллиардер обернулся, недовольный тем, что его прервали. Рядом стоял человек в заурядном костюме, небольшого роста и непримечательной внешности.

— Кто вы?

— Я шеф службы безопасности «Британии», Пэт Кемпер Не могла бы мы перекинуться парой слов наедине?

— Шеф безопасности? А в чем дело?

— Не стоит волноваться, это рутинная процедура, простая формальность.

— Вы можете говорить при моих друзьях. Мне нечего от них скрывать.

Кемпер на миг замялся, потом согласился:

— Очень хорошо. Не возражаете, если я присяду? — И, окинув быстрым взглядом обеденный зал, занял место справа от Блэкберна. — Приношу глубокие извинения за то, что прервал ваш обед, — произнес шеф службы безопасности царапая бостонским акцентом слух Блэкберна. Малый выглядел и говорил как коп. — Но протокол требует, чтобы я

задал вам несколько вопросов. Это по поводу горничной, которая убирала ваши апартаменты. Ее имя Хуанита Сантамария.

— Горничная? — нахмурился Блэкберн. — У меня есть собственная горничная, и ваши люди могут работать только под ее началом.

— Сантамария была в ваших покоях дважды. Второй раз случился в первый вечер, в районе восьми тридцати, когда она пришла разобрать постели. Вы помните, как она приходила в номер?

— Вчера вечером в восемь тридцать? — Блэкберн откинулся на стуле, отпил еще вина. — Никого там не было. Моя личная горничная страдала от морской болезни и находилась в лазарете, где ее выворачивало наизнанку. Сам я обедал. А сверх всего отдал четкие распоряжения, чтобы никто не входил в мой номер без спроса.

— Прошу прошения за вопрос, сэр, но не знаете ли вы, что могло произойти в вашем номере в тот вечер? Может, какой-то несчастный случай? Не могла ли она с кем-то там столкнуться? Или, например, что-то сломать… или даже украсть?

— А что с ней случилось?

Начальник охраны помедлил в нерешительности.

— Собственно говоря, вскоре после того как мисс Сантамария покинула вашу каюту, у нее произошел нервный срыв. Впоследствии она лишила себя жизни. В то же время те, кто знал ее, товарки по комнате и другие, не видели признаков надвигающейся беды. По их словам, она была уравновешенной религиозной особой.

— Так всегда говорят о маньяке-убийце или самоубийце, — поморщился Блэкберн.

— Другие горничные утверждают, что, когда мисс Сантамария отправлялась на работу, она была в хорошем настроении.

— Ничем не могу вам помочь. — Блэкберн легко взболтал вино и поднес к носу. — Никого там не было. Ничего не сломано и не украдено. Поверьте: я приглядываю за своими вещами.

— Не могла ли она что-то увидеть или к чему-то прикоснуться? Что-нибудь такое, что могло ее напугать?

Блэкберн внезапно замер с бокалом в руке, не завершив дегустационный ритуал. Не скоро он поставил его обратно, так и не отпив.

— Мистер Блэкберн, — напомнил Кемпер.

Скотт рассеянно повернулся.

— Абсолютно ничего, — произнес он слабым, лишенным эмоций голосом. — Повторюсь, в каюте никого не было. Моя горничная находилась в лазарете, я — на обеде. То, что произошло с этой женщиной, не имеет никакого отношения к моей каюте. Она даже не должна была там находиться.

— Очень хорошо, — подытожил Кемпер, вставая. — Я так и предполагал, но вы же знаете — порядок и все такое. «Северная звезда» с меня шкуру сдерет, если не будут соблюдены все формальности. — Шеф службы безопасности улыбнулся. — Джентльмены, не будем больше возвращаться к этому вопросу. Благодарю за проявленное терпение и желаю приятного вечера. — Он кивнул каждому из мужчин по очереди. затем быстро зашагал прочь.

Лэмб некоторое время смотрел ему вслед, затем повернулся к Блэкберну:

— Ну и что ты на это скажешь, дружище Скотти? Странные дела творятся на нижних палубах! — И принял мелодраматическую позу.

Блэкберн не ответил.

К их столу бесшумно приблизился официант.

— Позвольте зачитать список блюд от шеф-повара на сегодняшний вечер, господа.

— Пожалуйста. Мне придется отъедаться два дня, чтобы восполнить упущенное. — Лэмб в предвкушении потер руки.

Но Блэкберн вдруг резко поднялся, с грохотом опрокидывая стул.

— Скотт? — обеспокоен но воскликнул Кальдерон.

— Я не голоден, — бросил тот. Лицо его стало очень бледно.

— Эй, Скотги, — запротестовал Лэмб. — Эй, погоди! Куда ты?

— К себе в каюту.

Не говоря больше ни слова, Блэкберн развернулся и спешно покинул ресторан.

Глава 25

— Это звучит просто ужасно, — сочувственно ответила собеседница приятным голосом. — Может быть, мне поговорить с пожилой дамой?

— О нет-нет! — всполошилась Инга, ужаснувшись такому предложению. — Пожалуйста, не надо. Все не так уж плохо, правда. Я уже привыкла.

— Ну, как хотите. Если передумаете, дайте знать.

— Вы очень добры. Просто нужно бывает иногда с кем-то поговорить. — И она замолчала, заливаясь краской.

Ничего подобного никогда не случалось с Ингой прежде. Будучи болезненно застенчивой, она всегда вела замкнутую жизнь. И вот, подумать только, изливает душу человеку, которого встретила полчаса назад.

Большие, отделанные золотом часы на оклеенной обоями стене Чатсворт-салона показывали без пяти десять. В дальнем углу тихонько наигрывал струнный квартет, мимо изредка, под руку, прохаживались пары. Судовую гостиную залило мягким золотым сиянием тысячи клиновидных, суживающихся кверху электрических свечей. Инга никогда не бывала в таком красивом месте.

Быть может, причиной ее откровенности стала волшебная атмосфера этого уголка, которая помогла ей ослабить внутренние вожжи. Или, может, дело во внешности и характере ее новой знакомой: высокой, уверенной в себе, излучающей доброжелательность.

Сидящая на другом конце дивана незнакомка неторопливо закинула ногу на ногу.

— Значит, вы всю жизнь провели в монастырских школах?

— Почти всю. С шестилетнего возраста. С того времени как мои родители погибли в автокатастрофе.

— И у вас нет никаких родственников? Ни братьев, ни сестер?

Инга покачала головой:

— Никого. Кроме разве двоюродного деда, который и отдал меня в католическую школу при монастыре в Эведале. Но он уже умер. Есть несколько школьных подруг. В каком-то смысле они и есть моя семья. Ну и еще моя хозяйка.

«Моя хозяйка, — повторила она про себя. — Почему я не могла устроиться к кому-нибудь вроде этой женщины?» Она собралась было продолжить, но передумала, чувствуя, что краснеет.

— Вы хотели что-то сказать?

Инга смущенно рассмеялась:

— Нет, ничего.

— Пожалуйста, прошу вас, скажите. Я с удовольствием послушаю.

— Просто… — Девушка запнулась в нерешительности. — Вы такая важная персона. Такая успешная, такая… Вы сейчас узнали обо мне все, а я… я тоже надеялась послушать о вас.

— Тут не о чем рассказывать, ничего особенного, — последовал резковатый, даже чуть раздраженный ответ.

— Нет, право же. Я бы очень хотела услышать, как вы добились такого успеха и стали тем, кем стали. Потому что… ну, когда-нибудь я бы тоже хотела… — На последних словах голос девушки сошел на нет, и она умолкла.

Наступила пауза.

— Извините, — торопливо произнесла Инга. — Я не имела права спрашивать. Простите. — Она вдруг почувствовала неловкость. — Уже поздно. Мне пора возвращаться. Дама, за которой я ухаживаю… если она проснется, то испугается, не найдя меня.

— Глупости. — Незнакомка неожиданно смягчилась. — С удовольствием расскажу вам о себе. Давайте выйдем на палубу — здесь душно.

Инге не показалось, что здесь особенно душно, но возражать она не стала, и собеседницы прошли к лифту, который поднял их на пять пролетов, на седьмую палубу.

— Я покажу вам нечто, чего, могу поспорить, вы никогда раньше не видели, — сказала новая подруга, ведя девушку по коридору, мимо ресторана «Нью-Йорк», притихшего в этот поздний час. — Мы можем выйти на палубу здесь.

Инга впервые ступила на открытую палубу. Здесь было довольно холодно, ветер бушевал, завывая, водяная пыль сыпалась на волосы и плечи. Казалось, невозможно представить себе более впечатляющей картины. Поверх бледно-лимонной луны проносились темные грозовые тучи. Громадный морской лайнер прокладывал путь сквозь тяжелые волны. Сияющие вверху и внизу огни бесчисленных окон и иллюминаторов превращали воду в расплавленное золото. Все неправдоподобно романтично.

— Где мы? — выдохнула Ларссен.

— На прогулочной палубе. Я хочу показать вам кое-что. — Новая знакомая подвела девушку к ограждению в дальнем конце палубы на корме. — В такую темную ночь можно увидеть, как блестит планктон в кильватере. Взгляните — это фантастика.

Крепко держась за поручень, Инга наклонилась вперед. Прямо под ней лежало море, оно бурлило и пенилось вокруг кормы. И верно: мириады

огоньков мерцали в густой пене кильватера, океан был полон светящейся, как перламутр, фосфоресцирующей жизни. Целая вселенная, на миг вызванная из небытия могучим движением судна.

— Изумительно, — прошептала Инга, дрожа на холодном ветру.

В ответ ласковая рука обняла Ларссен за плечо.

Инга сопротивлялась только секунду. Затем позволила привлечь себя ближе, радуясь теплу. Восхищенно взирая вниз, на чудесное сияние в водяных струях, она почувствовала, как и другая рука собеседницы сжала ее плечо. Объятие делалось все крепче и крепче.

А затем резкий сильный рывок — и несчастная сирота почувствовала, как взлетает и перемахивает через парапет.

Долгое, стремительное, сумбурное движение воздуха, и вдруг — ужасный шок от удара и погружение в ледяную воду!

Ингу крутило и переворачивало — ошеломленную, ничего не соображающую, испытывающую боль от удара. Потом, преодолевая толщу воды, девушка стала яростно пробиваться наверх. Одежда и туфли сделались тяжелым балластом, но несчастная все-таки выплыла на поверхность, неистово отплевываясь и хватаясь за воздух, точно старалась взобраться на небо.

На какой-то миг в мозгу мелькнула мысль: «Как я упала? Может, перила подломились?» Но в следующий момент в голове прояснилось.

«Я не упала. Меня сбросили».

Сам факт ошеломил ее. Этого не может быть. Инга дико озиралась, инстинктивно перебирая в воде ногами. Огромная, подобная сияющей башне корма судна уже отступала в ночь. Девушка открыла рот, чтобы закричать, но тут же хлебнула соленой воды. Инга закашлялась, замолотила руками, стараясь удержаться на поверхности. Холодная вода сводила конечности.

— Помогите! — Крик вышел таким слабым и невыразительным, что Ларссен сама едва услышала его за порывом ветра и шипением кильватерных струй. Где-то в вышине слышались неясные крики чаек, следующих за кораблем день и ночь.

Это сон. Это сон. Не может быть иначе. Девушка молотила по воде окоченевшими руками, которые уже начинали превращаться в свинец. Ее сбросили за борт.

С ужасом смотрела она на удаляющуюся гирлянду огней. Еще виднелся через окна кормы громадный бальный зал «Король Георг II» на первой

палубе, черные движущиеся точки на фоне яркого света — силуэты людей.

— Помогите! — Инга постаралась взмахнуть рукой и ушла под воду, затем вновь поднялась на поверхность.

Скинуть туфли. Плыть.

Потребовалось не больше секунды, чтобы содрать туфли, дурацкие лодочки на низких каблуках, которые хозяйка заставляла ее носить. Но это не помогло. Инга больше не чувствовала ног. Сделала несколько слабых взмахов руками, но плавание оказалось делом безнадежным — теперь все силы уходили только на то, чтобы просто удерживать голову над водой.

«Британия» начала таять в ночном тумане, низко лежащем над самой водой. Огни делались все бледнее. Затихли крики чаек. Понемногу стихло шипение вздымающихся пузырьков, исчезли зеленые струи кильватера. Вода стала черной и такой же непроглядной, как ночь.

Огни совсем исчезли. Через мгновение и слабый шум двигателей растворился в океанском безмолвии. Инга в ужасе смотрела на место, где только что были огни и звуки, а теперь зияла одна чернота. Девушка не сводила глаз с этого места, страшась посмотреть в сторону, как будто там пряталась ее последняя надежда. Вокруг тяжело ворочалось в темноте бесстрастное море. Сквозь пелену туч проглядывала луна. На воде лежала туманная дымка, то серебристая в лунном свете, то беспросветная, когда луна заходила за тучу. Инга чувствовала, как поднимается на волне, опадает и вновь поднимается.

Пока несчастная напряженно вглядывалась в темноту, вдруг накатила большая волна, увлекая вниз. Девушка забарахталась, держась изо всех сил; вокруг не было ничего, только кромешная тьма и неумолимый, безжалостный холод.

Постепенно окоченение стало отступать, сменяясь необъяснимым теплом. Тело как будто исчезло. Шли секунды, и движения Инги становились все медленнее; теперь даже самые простые требовали неимоверного напряжения воли. Ларссен сделала отчаянное усилие остаться на плаву, но тело превратилось в куль. Ей представилось, что она находится вовсе не в море, а спит в своей постели и все это лишь ночной кошмар. Она почувствовала накатывающее облегчение и благодарность. Постель теплая, мягкая. Инга перевернулась и почувствовала, как погружается в теплую черноту. Она вздохнула — и тотчас почувствовала на груди что-то твердое и тяжелое, какой-то гигантский груз. Проблеск трезвомыслия озарил мозг: нет никакой постели и это не сон — она действительно тонет в черной бездонной глубине Атлантики и выбивается из последних сил.

«Меня убили», — мелькнула в сознании последняя мысль, пока Инга погружалась все глубже. Потом она вздохнула еще раз, и последний воздух вырвался изо рта взрывом безмолвного ужаса, более страшного, чем самый отчаянный крик.

Глава 26

В одиннадцать пятнадцать Кемпер подходил к центральному корабельному пункту безопасности. Дверь была наполовину открыта, а из главной комнаты дистанционного контроля доносился громкий, возбужденный разговор и что-то вроде приглушенных аплодисментов.

По стенам круглой комнаты смонтировали сотни видеомониторов, на каждом из которых демонстрировался какой-то отдельный участок судна. В голубоватом свете многочисленных мониторов дежурные сотрудники службы безопасности сгрудились вокруг единственного экрана. Они были так поглощены своим занятием, что не заметили появления шефа. В комнате парили смех и гомон, пахло пиццей от стопки сваленных тут же в углу просаленных коробок.

— О! Так! Давай, бабуля, возьми целиком! — кричал один.

— До основания!

— Это та маленькая старушка из Пасадены!

— Уй-я-я! — неслись возгласы, сопровождаемые хохотом и свистом. Один из охранников сладострастно покачивал бедрами. — Браво! Жарь, ковбой!

Кемпер приблизился к группе.

— Какого дьявола здесь происходит?

Парни отскочили от экрана, и взору шефу службы безопасности предстал тускло освещенный отдаленный коридор, а в нем — двое страдающих ожирением пожилых пассажиров, самозабвенно предающихся сексу.

— Матерь Божья! — Кемпер повернулся к стоящему рядом подчиненному: — Мистер Уэдл, вы, кажется, за старшего в эту смену? — Патрик обвел взглядом всех сотрудников, вставших навытяжку.

— Да, сэр.

— У нас на судне пропал пассажир, самоубийство среди обслуживающего персонала, мы теряем сотни тысяч в казино, а вы заняты тем, что смотрите виагра-шоу. По-вашему, это забавно?

— Нет, сэр.

Кемпер только покачал головой.

— Позвольте мне… — Уэдл указал в сторону выключателя злополучного монитора.

— Нет. Всякий раз, когда камера выключается, это должно заноситься в журнал, что повлечет за собой вопросы. Просто… отвернитесь.

В этот момент кто-то издал сдавленный смешок, и Кемпер, несмотря на все старания, тоже не смог удержаться.

— Ну ладно, ладно. Повеселились, и будет. Теперь марш по своим местам!

Через комнату дистанционного контроля начальник службы охраны прошел в свой крохотный кабинет, а минуту спустя зажужжал аппарат внутренней системы связи.

— Сэр, вас хочет видеть некий мистер Пендергаст.

Кемпер сразу почувствовал, как у него портится настроение. Через минуту частный сыщик стоял перед ним.

— Тоже хотите посмотреть шоу?

— Джентльмен, о котором идет речь, явно изучал Кама-сутру. Насколько я помню, эта позиция называется «маслобойка».

— Что ж, время не ждет, — перебил Кемпер. — На данный момент в казино «Ковент-Гарден» у нас потери еще в двести тысяч долларов. Я думал, вы пришли помочь.

Пендергаст сел, закинул ногу на ногу.

— Именно за этим я и пришел. Могу получить фотографии сегодняшних везунчиков?

Кемпер протянул пачку расплывчатых снимков. Пендергаст пробежал по ним глазами.

— Интересно. Уже не та группа, что в прошлую ночь. Точно, как я и думал.

— И что это означает?

— Это большая, искушенная в своем деле команда. Игроки меняются каждый вечер. Ключевое значение имеют наводчики.

— Наводчики?

— Мистер Кемпер, ваша наивность меня удивляет. При том что система сложна, сами принципы просты. Наводчики смешиваются с толпой, отслеживая ход игры за столами с крупными ставками.

— Кто, черт возьми, эти наводчики?

— Да кто угодно: пожилая женщина за удобно расположенным игральным автоматом, подвыпивший джентльмен, громко болтающий по мобильнику. Даже прыщавый тинейджер, глазеющий на игру. Наводчики высококвалифицированны и довольно часто мастера перевоплощения, для маскировки. Они только считают карты — сами не играют.

— А игроки?

— Один наводчик может обслуживать от двух до четырех игроков. Наводчики следят за всеми картами, которые в ходу за столом, и «подсчитывают» их, что обычно включает в себя назначение отрицательных номеров мелким картам, а положительных— десяткам и тузам. Им требуется запомнить единственное число — текущий счет[31] за столом. Когда отношение остающихся в колоде старших карт к младшим перекрывает определенную величину, шансы временно перемещаются в пользу игроков, поскольку старшие карты в блэк-джеке не в пользу крупье. Наводчик, который видит за столом такое изменение, посылает заранее оговоренный сигнал одному из игроков, который затем садится за тот стол и делает крупную ставку. Или вдруг резко начинает повышать ставки, если игрок уже за столом. Когда соотношение возвращается к нормальному или падает ниже определенного уровня, еще один сигнал от наводчика сообщает игроку, что пора уходить или возвращаться к более низким ставкам.

Кемпер беспокойно переступил с ноги на ногу.

— Как можно это остановить?

— Единственная надежная контрмера — выявить наводчиков и... м-м... отказать им от дома.

— Этого мы сделать не можем.

— Разумеется. Потому-то они здесь, а не в Лас-Вегасе.

— Что еще?

— Составьте большую колоду из восьми обычных и сдавайте из нее только треть, до следующей перетасовки.

— Мы сдаем из шуза[32], который состоит только из четырех обычных колод.

— Вот еще одна причина, по которой к вам липнут «счетчики». Вы могли бы полностью пресечь их деятельность, велев своим крупье перетасовывать карты всякий раз, когда за стол садится новый игрок или когда игрок вдруг повышает ставку.

— Не может быть и речи. Это замедлит игру и снизит доходы. К тому же более опытные игроки станут возражать.

— Безусловно, — пожал плечами Пендергаст. — Конечно, ни одна из этих контрмер не решает проблемы возврата неправедно выигранных денег.

Кемпер посмотрел на него воспаленными, покрасневшими глазами:

— А что, существует способ вернуть деньги обратно?

— Быть может, и существует.

— Мы не имеем права допустить чего-либо, связанного с мошенничеством.

— *Вы* не имеете.

— Мы не имеем права допустить, чтобы и вы мошенничали, мистер Пендергаст.

— Позвольте, мистер Кемпер, — отозвался детектив, — я разве сказал, что собираюсь мошенничать?

Кемпер ничего не ответил.

— Для карточных счетчиков характерно то, что они держатся своей системы. Обычный игрок, увидев, что сильно проигрывает, ушел бы — но только не профессионал. Он знает, что шансы в конце концов будут на его стороне. — Пендергаст бросил взгляд на часы. — Одиннадцать тридцать. Это означает, что впереди еще три часа первоклассной игры. Мистер Кемпер, будьте так добры, откройте мне краткосрочный кредит на сумму в полмиллиона.

— Как вы сказали? Полмиллиона?

— Терпеть не могу в самый ответственный момент оказаться без гроша в кармане.

Кемпер с минуту усиленно размышлял.

— Вы собираетесь вернуть нам потерянные деньги?

— Попытаюсь, — улыбнулся Пендергаст.

Кемпер с усилием сглотнул.

— Хорошо.

— Надо, чтобы мистер Хентофф предупредил видеонаблюдателей и крупье, что моя игра может быть экстравагантной, даже подозрительной — хотя всегда будет оставаться в пределах правил. Я займу свое место на первом боксе[33] и буду пережидать примерно пятьдесят процентов разыгрываемых конов, так что, пожалуйста, велите вашим людям не сгонять меня, если я не играю. Хентофф должен проинструктировать крупье, чтобы давали мне снимать карты при любой возможности, особенно когда впервые сяду играть. Я притворюсь, что много пью во время игры, поэтому, когда стану заказывать джин с тоником, пусть мне приносят один лишь тоник.

— Хорошо.

— Есть ли возможность поднять максимальную ставку за одним из столов с высокими ставками?

— Вы имеете в виду: отменить потолок?

— Да. Счетчики сразу приметят этот стол, что даст возможность вернуть деньги гораздо эффективнее.

Кемпер почувствовал, как по лбу потекла капелька пота.

— Мы сможем это устроить.

— И наконец, пожалуйста, сделайте так, чтобы мистер Хентофф посадил за тот стол крупье с маленькими руками и тонкими пальцами. Чем менее опытного, тем лучше. Пусть он или она поместит конечную карту вверху шуза.

— Могу я спросить зачем?

— Не можете.

— Мистер Пендергаст, если мы поймаем вас на жульничестве, то получится крайне неловко для нас обоих.

— Я не стану жульничать — даю слово.

— Как можно влиять на игру, когда никто из игроков даже не дотрагивается до карт?

Пендергаст загадочно улыбнулся:

— Есть способы, мистер Кемпер. О, и мне еще понадобится ассистент, одна из ваших официанток, из тех, что разносят коктейли. Какая-нибудь неброская, неболтливая и сообразительная. Она должна приносить мне тоник и быть готовой по моему требованию выполнять… как бы это

выразиться?.. некоторые не совсем обычные поручения. Незаметно и без промедления.

— Для вашего же блага лучше, чтобы все эти усилия оказались не напрасны.

Спецагент выждал паузу.

— Естественно, если я добьюсь успеха, то буду рассчитывать с вашей стороны еще на одну услугу.

— Естественно, — отозвался Кемпер.

Пендергаст встал и направился к двери, той самой, что вела в соседнюю комнату с мониторами. Перед тем как дверь закрылась, шеф службы безопасности услышал его медоточивый голос с южным акцентом:

— Бог ты мой, теперь это уже поза «ападравиас». И в таком-то возрасте!

Глава 27

Пожилая женщина в каюте 1039 повернулась во сне и что-то пробормотала.

Через минуту она опять заворочалась, бормотание сделалось раздраженным. Что-то вмешивалось в ее сон, какой-то постукивающий звук, громкий, настойчивый.

Старуха открыла глаза.

— Инга? — прокаркала она.

Единственным ответом был новый стук.

Женщина подняла кривую шишковатую руку и, ухватившись за стальной брус, проходящий вдоль изголовья кровати, медленно, с трудом села. Ей снился сон, довольно симпатичный, в котором участвовали: Монти Холл, дверь номер 2[34] и вазелин. Старуха облизнула пересохшие губы, стараясь вспомнить детали, но они уже таяли в тумане смутных, ускользающих ночных видений.

— Где эта девчонка? — пробормотала она, испытывая приступ страха.

Стук откуда-то из-за пределов спальни продолжался. Хозяйка номера схватила с блюда на ночном столике зубные протезы, надела на бесцветные, малокровные десны, потом вытянула руку и хватала воздух до тех пор, пока не нащупала набалдашник трости. С новой серией стонов и проклятий старая дама поднялась на ноги. Корабль заметно качался и, направляясь к двери спальни, карга одной рукой придерживалась за стену.

— Инга!

Старуха почувствовала новый приступ паники. Она ненавидела свою зависимость, по-настояшему ненавидела; ее пугала и приводила в замешательство собственная дряхлость и беспомощность. Всю жизнь она была независима, а теперь эта подлая старость, эта отвратительная беспомощность!

Она включила свет и огляделась, пытаясь унять страх. Где эта негодная девчонка? Просто возмутительно — оставить пожилого человека одного! А если она упадет? Или случится сердечный приступ? Пожалей девчонку, возьми к себе в услужение — и чем она тебе отплатит? Неуважением, вероломством, неподчинением. Небось бражничает с каким-нибудь младшим членом корабельной прислуги. Что ж, это последняя капля: как только корабль причалит в Нью-Йорке, она отправит эту лису собирать вещи. Никаких отзывов, никаких рекомендаций. Пусть пускает в ход свои чары, чтобы добраться обратно до Швеции, проститутка!

Подойдя к двери, старуха остановилась передохнуть и тяжело привалилась к дверной раме. Здесь стук слышался отчетливее — он исходил от входной двери номера, и теперь карга могла разобрать и голос:

— Пити! Эй, Пит! — Голос звучал приглушенно, говорили из внешнего коридора.

— Что? Кто это? Что вам надо?

Стук прекратился.

— Пит, ну ладно тебе! — произнесли заплетающимся голосом. — Мы не станем ждать здесь всю ночь.

— Эй, Пити, дружище, шевели задницей! — раздался второй пьяный голос. — Помнишь тех цыпочек, что мы вчера встретили в «Трафальгаре»? Так после твоего ухода они опять завалились в клуб. И мы с тех пор все сосем шампанское. Сейчас они у меня в каюте, пьяные в хлам. Давай, парень, тебе может обломиться. У той рослой блондинки такая грудь, что…

Старуха затряслась от негодования.

— Оставьте меня в покое! — закричала она, крепче хватаясь за косяк. — Убирайтесь отсюда!

— Чего? — произнес обладатель первого голоса, теперь слегка озадаченный.

— Я сказала: убирайтесь!

Пауза. Затем хихиканье.

— О черт! — воскликнул второй весельчак. — Рог, мы облажались.

— Нет, парень, я уверен, он сказал «тысяча тридцать девять».

— Я позову охрану! — завизжала старуха.

Из коридора за дверью раздался взрыв смеха, затем звук удаляющихся шагов.

Тяжело дыша, хозяйка номера отлепилась от дверного косяка, оперлась на трость и обвела глазами гостиную. Совершенно очевидно: на диване не спали. Часы показывали половину двенадцатого. Так и есть: ее бросили. Она одна.

Медленно повернувшись, пожилая леди с трудом проковыляла обратно в спальню; сердце колотилось. Она опустилась на кровать, аккуратно разместила рядом с собой трость. Повернувшись к тумбочке, сняла телефонную трубку и набрала ноль.

— Судовой оператор, — послышался приятный голос. — Чем могу вам помочь?

— Пришлите мне охрану! — прокаркала старуха.

Глава 28

Официантка Ань Минь заметила прибывшего в казино «Мэйфейр» записного картежника сразу же, едва лишь тот приблизился к столам с блэкджеком. Мистер Пендергаст — так назвал его мистер Хентофф. В своем черном смокинге он был похож на сотрудника похоронного бюро, и девушка ощутила легкую дрожь, когда высокий человек остановился в дверях и ясными глазами обвел зал. Должно бытю он действительно игрок очень высокого полета, коль скоро сам мистер Хентофф приставил ее подносить ему напитки. Только немного смущали странные инструкции, полученные вместе с этим назначением.

— Не желаете ли чего-нибудь выпить сэр? — спросила Минь, подходя.

— Джин с тоником, пожалуйста.

Вернувшись с напитком — один лишь чистый тоник, как было велено, — Ань нашла странного господина возле столов, где играли по-крупному; он беседовал с тщательно ухоженным, стройным молодым блондином в темном костюме. Официантка приблизилась и стала терпеливо ждать с напитком на подносе.

— ...Ну так вот, — Пендергаст сменил акцент, как иные меняют рубашку, — я даю тому парню двадцать две тысячи шестьсот десять

долларов, наличными, отсчитываю их сотнями, по одной купюре: одна, две, три, четыре, — и когда дохожу до пяти, вдруг мне попадается двадцатка, и тут-то я понимаю, что меня надули. Пачка сотенных оказалась набита внутри двадцатками! Черт, ну и зол же я был! Двадцатки, десятки, и даже попадались купюры по пять и по одному.

— Прошу прощения! — произнес молодой человек с неожиданной злостью. — Меня совершенно не занимают ваши сотни, десятки или о чем вы там, черт возьми, толкуете! — Он быстро удалился, свирепо хмурясь и шевеля губами, точно разговаривал сам с собой.

Пендергаст с улыбкой повернулся к Ань:

— Спасибо. — Взял с подноса бокал и бросил на поднос пятидесятифунтовую купюру, а между тем взгляд его уже блуждал по залу.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Да. — Он сделал ей незаметный знак глазами и продолжал, теперь уже тихим голосом: — Видите ту женщину? Полную, в гавайском платье, которая дефилирует между столами? Я хочу провести маленький опыт. Разменяйте эти пятьдесят фунтов и принесите ей на подносе мешанину из купюр и монет. Скажите, что это сдача от напитка, который она заказывала. Та станет возражать, мол, не заказывала никакого напитка, но вы притворитесь, что не понимаете, и начните отсчитывать деньги. Просто отсчитывайте, и все; главное — называйте как можно больше чисел. Если я не ошибаюсь на ее счет, она разозлится, как молодой человек, с которым я только что разговаривал; так что сохраняйте хладнокровие.

— Да, сэр.

— Благодарю вас.

Ань пошла к кассиру и разменяла пятьдесят фунтов на более мелкие купюры и монеты. Положив деньги на поднос, Минь приблизилась к женщине в свободном цветастом платье.

— Ваша сдача, мэм.

— Что? — Посетительница казино обернулась, не понимая, в чем дело.

— Ваша сдача. Десять фунтов, пять фунтов, два, один…

— Я не заказывала напитка. — Дама попыталась поспешно отойти.

Ань последовала за ней.

— Ваша сдача. Десять фунтов, три по одному, это будет тринадцать, двадцать пять пенсов…

Женщина издала злобное шипение:

— Вы что, глухая? Я ничего не заказывала!

Официантка продолжала следовать за гостьей.

— Напиток стоит шесть фунтов семьдесят пять пенсов; значит, сдача будет тринадцать фунтов двадцать пять пенсов…

— Ты, бестолковая сука! — взорвалась посетительница стремительно поворачиваясь к Ань всей своей тушей и краснея от злости.

— Простите. — Минь отступила с подносом, полным денег, оставив женщину яростно сверкать глазами. Потом вернулась в бар, налила в бокал тоника со льдом и добавила ломтик лимона. Официантка нашла Пендергаста среди толпы стреляющим глазами то в одну, то в другую сторону. — Напиток, сэр?

Клиент повернулся, и девушке показалось, что теперь в его глазах пляшут искорки веселья. Он заговорил негромко и быстро:

— Вы способная ученица. А теперь, видите того мужчину, на первом боксе за правым столом? Ступайте и пролейте на него напиток. Мне нужно его место. И поживее.

Собрав волю в кулак, Ань подошла к указанному столу.

— Ваш напиток, сэр.

— Спасибо, но я не…

Минь якобы неловко толкнула поднос, и содержимое бокала вылилось на брюки игроку. Тот вскочил как ошпаренный.

— Ради всего святого!..

— Ах, простите, сэр!

— Мой новый смокинг!

— Простите! Простите, пожалуйста!

Клиент выхватил из нагрудного кармана носовой платок и принялся вытирать пятно. Пендергаст неприметно придвинулся поближе, готовый вступить в игру.

— Простите! — повторила Ань.

— Забудьте! — Игрок повернулся к крупье: — Обменяйте мне мелкие фишки на крупные. Я ухожу.

Он сгреб фишки и стремглав выскочил из зала. Крупье перетасовала карты, выложила колоду и протянула снятую карту усевшемуся за стол Пендергасту. Тот вложил ее в колоду, и крупье загрузила шуз. Карта-засечка «села» необычно глубоко.

Ань Минь топталась поблизости, спрашивая себя, какой каприз попросит ее Пендергаст исполнить в следующий раз.

Алоиз, широко улыбаясь, обвел глазами стол.

— Как сегодня наши дела? Идет карта?

Китаец на третьем боксе[35] — отмеченный им объект — не подтвердил удачи. Сидящие между ними две женщины средних лет, похожие на сестер, опасливо-сдержанно кивнули в знак приветствия.

— Хорошие карты сегодня раздаете? — спросил Пендергаст у крупье.

— Стараюсь как могу, — невозмутимо ответила миниатюрная женщина.

Детектив бросил взгляд через зал и отметил, что полная дама в гавайском платье, делая вид, что разговаривает по сотовому телефону, теперь поедает глазами их стол. Прекрасно.

— Я чувствую себя в ударе. — Пендергаст, делая ставку, положил на свой кружок десятитысячную фишку, потом бросил еще одну вперед, в качестве чаевых крупье.

Две сидящие рядом женщины на миг потрясенно воззрились на его ставку, а затем поставили более скромно, по тысяче. Китаец подвинул вперед свою фишку — тоже тысячную.

Крупье раздала карты.

Пендергаст остановился на двух восьмерках. Женщины сыграли дальше, а предполагаемый объект вытянул двенадцать и получил перебор на фигурной карте. Крупье набрала двадцать на трех картах и забрала все деньги.

Официантка принесла напиток, и Пендергаст отхлебнул хороший глоток.

— Везет как утопленнику, — буркнул он, отставляя бокал в сторону и делая следующую ставку.

Сыграли еще несколько конов, после чего Пендергаст отказался ставить.

— Ваша ставка, сэр?

— Пропущу этот кон, пожалуй. — Спецагент крутанулся назад и обратился к Ань Минь: — Принесите мне еще один джин-тоник. — Произнес он это невнятно, чуть заплетающимся языком. — Сделайте покрепче.

Официантка умчалась.

Китаец сделал ставку в пять тысяч. Выражение его усталого немолодого лица совершенно не изменилось. На сей раз он остановился на пятнадцати, когда крупье открыла шестерку и у нее вышел перебор.

Новая раздача. Уголком глаза Пендергаст заметил за соседним столом еще одного подставного игрока, который получая наводку от молодого блондина, выигрывал. Фокус должен будет состоять в том, чтобы вынудить подставного китайца больше проиграть, дабы компенсировать убытки казино. Отслеженный Алоизом во время тасовки участок колоды был уже не за горами, и оставшиеся карты обещали несколько ярких моментов.

Счетчица в гавайском платье, очевидно, тоже отследила карты при тасовке. Игра подбиралась к отслеженной партии карт, и текущий счет Пендергаста значительно превышал одиннадцать. Объект высыпал на круглый пятачок для ставок горку фишек: пятьдесят тысяч.

Жужжание голосов сделалось громче.

— Черт, если он так, то и я так. — Пендергаст тоже выдвинул вперед пятьдесят тысяч, подмигнул китайцу и поднял свой бокал: — За вас, друг.

Дамы поставили по тысяче каждая, и карты были розданы.

Сыщик остановился на восемнадцати.

Объект взял карту, потребовал еще на двенадцати очках, при пяти очках у крупье — отступление от базовой стратегии, — и получил восьмерку.

«У-у-у-ух!» — прокатилось по толпе.

Дамы взяли несколько мелких карт, в результате чего у одной вышел перебор. Затем крупье открыла свою комбинацию: три, пять, шесть, пять — в итоге девятнадцать, — что означало: китаец выиграл.

Было сыграно еще несколько конов, причем большинство карт, поступивших из шуза, оказались мелкими. Текущий счет Пендергаста продолжал возрастать. Многие карты достоинством в десять очков и большинство тузов пока еще не разыгрывались. Кроме того, сейчас они находились внутри того участка колоды, который Алоиз тщательно отследил при тасовке, задействовав острый глаз и феноменальную память. Это обстоятельство — а также карты, что он украдкой

подсмотрел при снятии колоды, — сигнализировало о точном местонахождении семи карт на этом участке, а умение анализировать и тренированный ум подсказали местонахождение многих других. Его счет тузов остановился пока на трех, еще тринадцать находились в колоде, и он знал местонахождение двух из них. Это могло стать шансом, надо только правильно им распорядиться. Все зависело от того, как он сможет проконтролировать нисходящий поток карт.

В этом кону надлежит перебрать, и сделать это за четыре карты.

Детектив поставил тысячу.

Объект поставил сто тысяч.

Еще одно «у-у-у-ух!» раздалось в толпе зрителей.

У Пендергаста выпало четырнадцать очков.

У объекта выпало пятнадцать при открытой карте у крупье достоинством в десять очков.

Алоиз потребовал еще. Вышла пятерка; всего девятнадцать. Крупье уже собралась перейти дальше, когда Пендергаст вдруг сказал:

— Мне еще карту.

Перебор!

В толпе послышались сдавленные смешки, перешептывание, иронический смех. Спецагент, отпив глоток, бросил острый взгляд на китайца и увидел, что тот смотрит на него с легким презрением.

Объект сыграл дальше и приобрел восьмерку — перебор. Крупье сгребла его сто тысяч.

После быстрого подсчета в уме Пендергасту стало ясно что текущий счет сейчас двадцать, а истинный[36] еще выше. Быть может, небывало высок. Крупье уже прошла три четверти большой колоды, а вышло всего лишь три туза, то есть остальные сконцентрировались в оставшейся стопке карт. С этой комбинацией не мог совладать ни один счетчик. Если объект станет следовать формуле Келли[37] — что он не преминет сделать, имея хоть каплю мозгов, — то будет ставить по-крупному. Очень по-крупному. Пендергаст понимал: ключ к тому, чтобы держать игру под контролем, состоит в задержке хороших карт, пуская в оборот плохие. Проблему представляли теперь только две дамы, сидящие между ним и объектом, — карты, которые они будут получать, то, как ими распорядятся, — и все осложнения, которые могут отсюда последовать.

— Леди и джентльмены? — Крупье жестом пригласила делать новые ставки.

Пендергаст поставил сто тысяч фунтов. Китаец выдвинул вперед горку фишек: двести пятьдесят тысяч. Обе дамы, как обычно, поставили по тысяче каждая, переглянулись и хихикнули.

Спецагент вскинул руку:

— Погодите, не играйте пока. Я так не могу — мне надо выпить.

Крупье встревоженно посмотрела на него:

— Вы хотите задержать игру?

— Мне нужен еще напиток. Что, если я проиграю?

Объект выглядел не очень довольным.

Крупье бросила недоуменно-ироничный взгляд на дежурного администратора поблизости, который кивком дал согласие.

— Хорошо. Сделаем короткую паузу.

— Официантка! — щелкнул пальцами Пендергаст.

Ань оказалась тут как тут.

— Да, сэр?

— Еще один! — воскликнул он и, будто бы случайно, уронил пятьдесят фунтов на пол.

Когда девушка нагнулась, чтобы поднять банкноту, сыщик вскочил.

— Нет-нет, я сам!

Их склоненные головы встретились.

— Удалите этих двух дам из-за стола. Как можно скорее, — быстро проговорил он.

— Да, сэр.

Пендергаст выпрямился с купюрой в руке.

— Вот она! Оставьте себе сдачу, но не вздумайте прийти без напитка!

— Да, сэр. — Ань вихрем умчалась.

Прошла минута, затем другая. Молва о размерах ставок разнеслась по казино, и вокруг стола начала собираться толпа. Взгляды всех присутствующих прикованы к шатким стопкам фишек на зеленом сукне.

— Позвольте пройти! — раздался вдруг чей-то громкий голос, и из расступившейся толпы появился управляющий казино Хентофф. Он остановился у их стола, прямо перед соседками Пендергаста, одарил их широкой улыбкой и распахнул объятия: — Джози и Хелен Роберте? Сегодня ваш счастливый день!

Сестры переглянулись.

— О! В самом деле?

Виктор обвил рукой талию каждой.

— Раз в день мы проводим маленькую лотерею — в ней автоматически участвуют все номера кают. Вы выиграли!

— Что мы выиграли?

— Полуторачасовой массаж у Рауля и Хорхе, курс спа-делюкс, подарочную корзинку с косметикой и ящик «Вдовы Клико»! — Он бросил взгляд на часы. — О нет! Если мы не поспешим, то не застанем Рауля и Хорхе! Мы разыскивали вас по всему судну!

— Но мы как раз...

— Необходимо торопиться. Приз действует только в течение дня. Вы всегда сможете сюда вернуться. — Он сделал знак крупье: — Обменяйте им мелкие фишки на крупные.

— При сделанных ставках, сэр?

— Я сказал: рассчитайте их.

Крупье обменяла сестрам фишки, и Хентофф, обнимая Джози и Хелен, повлек их сквозь толпу. Через секунду прибыла Минь с напитком.

Пендергаст осушил бокал, звонко брякнул его на поднос и с ухмылкой обвел глазами стол.

— О'кей. Я во всеоружии.

Крупье сделала знак рукой, приглашая участников делать финальные ставки, затем раздала карты. Алоиз получил два туза и сделал разделение[38]. Его объект получил две семерки, которые тоже разделил. Открытая карта у крупье оказалась дамой.

Объект придвинул новую стопку фишек к уже находящимся в «боксе», доведя общий счет своих ставок до полумиллиона. Пендергаст тоже удвоил ставку до двухсот тысяч.

Крупье раздала Пендергасту еще две карты: короля и валета. Два блэкджека.

Толпа взорвалась аплодисментами, затем поспешно затихла, когда крупье повернулась к китайцу и положила по карте на каждую его семерку.

Еще две семерки — точь-в-точь как ожидал детектив!

— Как жаль, что мы не играем в покер! — дурным голосом возопил спецагент.

Объект снова разделил семерки — особого выбора у него не было — и нехотя придвинул еще две стопки фишек. Теперь в его «боксе» лежал миллион.

Крупье выдала четыре карты: валет, семерку, даму и туза.

Толпа замерла в ожидании. Тишина была сверхъестественной.

Крупье перевернула свою карту, лежащую вверх рубашкой, — она оказалась десяткой.

Толпа вздохнула в едином порыве и разом шумно выдохнула: собравшиеся только что увидели, как человек проиграл миллион фунтов! На сей раз аплодисменты не последовали, только громкий, взволнованный гул голосов. Воздух так насытило злорадство, что оно почти ощущалось на вкус.

Пендергаст встал из-за стола, собрал выигрыш и подмигнул китайцу, который застыл, глядя, как его миллион уплывает прочь, пересчитывается и укладывается в стопки.

— Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — обронил спецагент, небрежно погремев своими фишками.

Покидая казино, он ухватил взглядом Хентоффа, который таращился на него открыв рот.

Глава 29

Когда первый помощник капитана Ле Сёр незадолго до полуночи взошел на капитанский мостик, он тотчас почувствовал витающую в воздухе напряженность. На мостик опять пришел капитан Каттер — с мясистым бесстрастным непроницаемым лицом он стоял, скрестив толстые руки на бочкообразной груди. Остальные члены штатного состава мостика находились на местах, молчаливые и скованные.

Но нервозную атмосферу создавало не только присутствие Каттера. Ле Сёр был прекрасно осведомлен, что розыск пассажирки не дал результатов. Несмотря на поиски второй степени, пропавшую жену Эвереда обнаружить не удалось. Ее муж сделался просто неуправляем: рвал и метал, устраивал сцены, твердил, что его жена никогда бы не

бросилась в море, что ее убили или взяли в заложницы. Его поведение начало будоражить других пассажиров, и по судну поползли слухи. В довершение всего обслуживающий персонал сильно напугало страшное и необъяснимое самоубийство горничной. Ле Сёр негласно проверил алиби Блэктберна и установил, что оно подтверждается — миллиардер действительно находился в это время на обеде, а его личная горничная — в лазарете.

Первый помощник размышлял над всеми этими неприятностями, когда на мостике появился новый вахтенный офицер, чтобы сменить предыдущего. Пока оба негромко сдавали-принимали вахту, Ле Сёр прошел к дисплейному терминалу, где старший помощник капитана Мейсон проверяла показания электронных приборов. Она обернулась, кивнула и опять ушла в работу.

— Курс, скорость и метеоусловия? — потребовал от новоприбывшего вахтенного Каттер. Это был чисто формальный вопрос. Ле Сёр был уверен, что Каттер и сам знает все ответы, но даже если бы и не знал, то один взгляд на приборы сказал бы ему все, что он хотел знать.

— Координаты сорок девять градусов пятьдесят минут тридцать шесть секунд северной широты и двенадцать градусов сорок три минуты восемь секунд западной долготы, курс два четыре один, скорость двадцать девять узлов, — доложил вахтенный офицер. — Волнение моря четыре балла, ветер от двадцати до тридцати узлов к правому борту, волны от восьми до двенадцати футов. Барометрическое давление двадцать девять и девяносто шесть, падает.

— Дайте мне распечатку.

— Есть, сэр.

Вахтенный нажал несколько клавиш, и тонкая полоска бумаги поползла из щели мини-принтера сбоку от пульта управления. Каттер оторвал ее, пробежался взглядом и убрал в карман безукоризненно отутюженного кителя. Ле Сёр знал, зачем капитану эта распечатка: как только вернется к себя в каюту, немедленно сравнит эти данные с соответствующими показателями «Олимпии» в ее рекордном трансатлантическом рейсе годичной давности.

Через широкие окна на всю лицевую стену мостика видно было, что волнение на море заметно усилилось. Носовая часть «Британии» как ножом резала волны, вздымая гигантские фонтаны водяной пыли; поднимаясь на высоту пятьдесят футов, они дождем стекали по нижним палубам кормы. Лайнер приобрел отчетливую интенсивную качку. Штормовой фронт неуклонно надвигался. То была обширная малоподвижная грозовая область, и это означало, что шторм будет сопровождать их большую часть рейса через Атлантику.

Ле Сёр обежал взглядом панели приборов. Он заметил, что успокоители качки запущены только до половины; комфорт пассажиров принесли в жертву высокой скорости — таково, очевидно, было распоряжение Каттера.

— Старший помощник Мейсон! — разнесся по мостику требовательный голос капитана. — Где же начальник службы безопасности?

— Сэр, он будет здесь с минуты на минуту.

Каттер промолчал.

— В сложившихся обстоятельствах я настаиваю, чтобы мы уделили самое серьезное внимание… — продолжала Мейсон.

— Сначала я выслушаю его рапорт, — оборвал Катер.

Мейсон погрузилась в молчание. Ле Сёр понял, что угодил в самую гущу какого-то конфликта.

Дверь мостика вновь открылась, и появился Патрик Кемпер.

— Вот и вы, мистер Кемпер, — не глядя на него, буркнул Каттер. — Ваш рапорт, пожалуйста.

— Примерно сорок минут назад мы получили сигнал, — начал тот. — Пожилая женщина из каюты тысяча тридцать девять сообщила, что исчезла ее компаньонка.

— А кто эта компаньонка?

— Молодая шведка по имени Инга Ларссен. Приблизительно в девять она уложила старушку в постель, затем предположительно отправилась спать сама. Но когда какие-то пьяные пассажиры по ошибке постучали в дверь, то пожилая леди проснулась и обнаружила, что мисс Ларссен нет на месте. С тех пор мы разыскиваем ее, но безуспешно.

Капитан Каттер медленно развернулся к шефу охраны:

— И это все, мистер Кемпер? Старший помощник Мейсон убеждала меня, что здесь что-то серьезное.

— Учитывая, что это второе исчезновение, мы подумали, сэр…

— Разве я не дал вам понять, что неурядицы пассажиров не моя забота?

— Я не стал бы вас беспокоить, сэр, но, как уже говорилось, мы сделали объявление по судовому радио, тщательно прочесали все зоны общественного пользования — и ничего.

— Она, бесспорно, с каким-нибудь мужчиной.

Каттер повернулся лицом к окнам.

— Как верно отметил мистер Кемпер, это уже второе исчезновение, — вмешалась Мейсон. — Я думала, происшествие заслуживает того, чтобы мы довели его до вашего сведения, сэр.

Капитан промолчал.

— Мистер Кемпер также докладывал вам, что, расследуя первое исчезновение, мы обнаружили на металлической облицовке верхней палубы левого борта образцы волос и кожи, которые соответствуют…

— Это ничего не доказывает — они могли попасть туда откуда угодно. — Каттер сделал рукой волнообразный жест, призванный выразить пренебрежительное раздражение. — И даже если она бросилась за борт — что с того? Вы знаете не хуже меня, что пассажирский теплоход в открытом море — это плавучий эшафот для самоубийц.

Ле Сер знал, что это правда — исчезновения на море не редкость и всегда усердно скрываются командой. Но столь грубый ответ, похоже, застал Мейсон врасплох. Старший помощник капитана молчала примерно с полминуты, прежде чем попробовать еще раз. Она кашлянула и сделала глубокий вдох.

— Сэр, нам приходится учитывать даже самую слабую вероятность того, что эти два исчезновения могут указывать на присутствие на судне маньяка.

— Так что вы от меня хотите по этому поводу?

— Я бы со всем уважением порекомендовала рассмотреть возможность смены курса на ближайший порт.

Каттер впервые пристально, в упор уставился на нее. Глаза его казались кусочками угля на розовой, исчерченной прожилками мясистой плоти.

— Я нахожу эту рекомендацию, — медленно, ледяным тоном проговорил он, — непродуманной и абсолютно не заслуживающей внимания, старший помощник Мейсон. Это «Британия».

Название судна повисло в воздухе, как если бы это слово что-то объясняло.

— Да, сэр, — ровно и бесстрастно ответила Мейсон.

Не сказав больше ни слова, она прошла мимо и покинула мостик.

— Проклятая женская суета по пустякам, — пробормотал под нос Каттер. Он вытащил из кармана распечатку, и взгляд его сделался еще более хмурым. Похоже, даже не сравнивая навигационные данные с

соответствующими показателями «Олимпии», капитан остался недоволен. Через голову вахтенного офицера он обратился прямо к рулевому: — Увеличьте скорость до «полный вперед».

— Есть «полный вперед», сэр.

Ле Сёру даже не пришло в голову возразить. Он знал, что это бесполезно. Совершенно бесполезно.

Глава 30

Ровно в двадцать минут первого ночи Констанс Грин появилась из служебного помещения горничных на корме с правого борта девятой палубы и по мягкому ковру покатила рабочую тележку к большому номеру люкс под названием «Триплекс "Пенсхерст"». До этого она почти два часа без дела проторчала в помещении, притворяясь занятой — складывая и раскладывая белье, выставляя и переставляя флакончики с шампунем и жидкостью для полоскания рта. И все это время ожидала, когда Скотт Блэкберн покинет апартаменты и отправится в казино. Но его дверь оставалась закрытой весь вечер. Наконец, совсем недавно, из номера вышел хозяин и, бросив быстрый взгляд на наручные часы, торопливо зашагал по коридору в сторону поджидающего лифта.

И вот теперь Констанс остановила тележку у двери его номера. Чуть помедлив перед дверью, чтобы поправить форму горничной, она достала карточку-пропуск, данную Пендергастом, и просунула в щель. Замок щелкнул, девушка толкнула дверь и как можно тише вошла, вкатывая за собой тележку.

Осторожно закрыв дверь, она немного постояла в прихожей. «Пенсхерст» был одним из двух больших люксов-триплексов на «Британии», необычайно просторным — 2700 квадратных футов — и прекрасно оборудованным. На верхнем уровне располагались спальни, тогда как салон-гостиная, столовая и кухня, где готовила горничная, находились на первом.

«Принеси мне его мусор», — велел Пендергаст. Констанс прищурилась, приглядываясь.

Она не знала, как долго Блэкберн собирается пробыть в казино, если именно туда он отправился, но на всякий случай приходилось допускать, что в ее распоряжении не так много времени. Девушка мельком посмотрела на наручные часы: двенадцать тридцать. Пятнадцати минут должно хватить.

Констанс повезла тележку по паркетному полу прихожей, с любопытством осматриваясь вокруг. Хотя их с Алоизом номер мог похвастать точно такой же роскошной деревянной обшивкой, во всем

остальном отличия были просто разительны. Почти каждую свободную поверхность покоев Блэкберн украсил предметами из собственной коллекции. Пол устилали тибетские коврики из шелка и шерсти яка; над ними на стенах в тяжелых рамах были развешены произведения кубистов и импрессионистов. В одном углу гостиной стоял роскошный рояль «Босендорфер» красного дерева. Молитвенные мельницы, ритуальное оружие, декоративные ящики из золота и серебра и множество скульптур — все это разложили и расставили по столикам и полкам вдоль одной из стен. Над газовым камином висела большая замысловатая мандала. Рядом отражал тусклый свет тяжелый шкаф из тика сочных тонов.

Оставив тележку, Констанс пересекла салон и подошла к шкафу. Задумчиво огладила полированное дерево, затем потянула на себя дверцу. Внутри помешался массивный стальной сейф, занимая почти все пространство шкафа.

Мнимая горничная отступила на шаг, оглядывая сейф. Достаточно ли он велик, чтобы вместить Агозиен?

Да, решила она, шкаф достаточно большой. Закрыв его, вынула из кармана фартука тряпку и протерла дверцы, к которым прикасалась. Одна задача выполнена. Грин обвела глазами комнату и зафиксировала в памяти все предметы обширной и на редкость эклектичной коллекции Блэкберна.

Направляясь к оставленной тележке, Констанс задержалась у подножия лестницы. Оттуда, сверху донесся какой-то звук — слабый, но отчетливый. Она замерла, прислушиваясь. Звук послышался снова: приглушенный храп, исходящий из открытой двери спальни на верхнем уровне.

Итак, кто-то все же находился в апартаментах. Вероятнее всего, личная горничная Блэкберна. Это осложняло дело.

Ухватив тележку за ручку, Констанс повезла ее через прихожую, стараясь, чтобы щетка и швабра не гремели о кронштейны, остановила посреди гостиной и быстро прошлась по кругу — опорожняя корзинки и пепельницы в мешок на тележке. Оставив тележку на месте, скользнула в столовую, затем в кухню — мусора оказалось на удивление мало; личная горничная Блэкберна хорошо выполняла свою работу.

Вернувшись в гостиную, Констанс остановилась, обдумывая дальнейшее. Она не отважилась отправиться наверх за прочим мусором — это разбудило бы горничную и спровоцировало неприятную сцену. Самую важную информацию она уже получила — местонахождение и размер сейфа Блэкберна и беглую опись коллекции. Пожалуй, пора уходить.

Но пока она медлила в нерешительности, заметила любопытную деталь. При том что поверхности столов и пред, метов искусства были без единого пятнышка и блестели, а корзины почти не содержали мусора, на полу обнаружилось довольно много пыли, особенно у декоративных накладок красного дерева, вдоль стен. Получалось, что усердие личной горничной Блэкберна не распространялось на чистку пылесосом. Констанс опустилась на колени и провела пальцем вдоль плинтуса. Не-ет, это даже не пыль, а мелкие опилки.

Она посмотрела на пылесос в тележке. Если его включить, горничная непременно проснется. Ну так будь что будет. Она сняла пылесос с крючка, выташила старый мешок и вставила свежий. Подойдя к ближайшей стене, опустилась на колени, включила пылесос и несколько раз быстро провела щеткой вдоль стены.

Почти тотчас наверху послышался звук шагов.

— Эй, — раздался сонный женский голос. — Кто там? Притворяясь, что не слышит из-за шума, Констанс перешла в центр комнаты, опустилась на колени и несколько раз прошлась по лепным украшениям, затем — по ковру в прихожей, стараясь собрать образцы волос и кожи.

Через минуту вновь прозвучал тот же голос, на сей раз гораздо громче:

— Эй! Что вы тут делаете?

Констанс выпрямилась, выключила пылесос и обернулась. На верхней ступеньке лестницы стояла приземистая, похожая на дыню женщина лет тридцати, с красным лицом, в одном лишь махровом полотенце, которое прижимала к себе жирной рукой.

— Что вы тут делаете? — снова требовательно спросила личная горничная миллиардера.

Констанс сделала реверанс.

— Извините, что разбудила вас, мэм, — подпустила она в речь немецкий акцент. — С горничной, которая раньше убирала эти покои, произошел несчастный случай. Мне передали ее обязанности.

— Уже за полночь!

— Извините, мэм, но мне велели прибрать, пока в номере никого нет.

— Мистер Блэкберн дал особые распоряжения, чтобы в этом номере больше не убирались!

В этот момент снаружи послышался шум — звук вставляемой в паз карточки-пропуска и щелканье замка. Горничная беззвучно охнула,

залилась краской и бросилась в свою комнату. Через секунду входная дверь отворилась и вошел Блэкберн с кипой газет под мышкой.

Констанс взирала на него, неподвижная, с пылесосом в руке.

Скотт остановился и внимательно посмотрел на нее. Затем хладнокровно запер дверь, пересек прихожую и положил газеты на приставной столик.

— Кто вы? — спросил он не оборачиваясь.

— Прошу прощения, сэр, я ваша горничная.

— Горничная?

— Ваша новая горничная. Хуанита, девушка, которая раньше убирала ваш номер, с ней случилось несчастье. Теперь меня поставили.

Блэкберн резко обернулся и впился в нее прищуренным взглядом. Слова замерли у Констанс на устах. Нечто в выражении его лица, в глазах потрясло — пугающая целеустремленность, твердая и холодная как сталь, и одновременно что-то вроде страха или, быть может, безумия.

Девушка попробовала еще раз объяснить:

— Извините за поздний час. Я убираю не только ее каюты, но и свои тоже, и трудно бывает подобрать время. Думала, что в номере никого нет, а иначе я бы никогда не…

Внезапно Блэкберн выбросил вперед руку, схватил ее за запястье и, жестко стиснув, рванул на себя. Констанс чуть не вскрикнула от боли.

— Вздор, — произнес он низким, угрожающим голосом, почти вплотную приблизив свое лицо к ее. — Я только сегодня вечером дал четкие указания, чтобы никто не убирал мои покои, кроме моей личной служанки. — И сильнее сжал руку Грин.

Констанс вскрикнула от боли.

— Пожалуйста, сэр. Мне никто ничего не сказал. Если вы не желаете, чтобы ваши комнаты убирали, я уйду.

Блэкберн смотрел в упор, так что девушке пришлось отвести взор. Констанс показалось, что сейчас грубиян сломает ей запястье. Но тут миллиардер грубо оттолкнул ее. Она упала, выпавший из руки пылесос застучал по ковру.

— Вон отсюда! — прорычал хозяин номера.

Констанс поднялась на ноги, одновременно подхватывая с пола пылесос и оправляя фартук. Повесила пылесос на крючок тележки и торопливо

покатила ее к выходу. Отперла входную дверь, вытолкнула вперед тележку и выскочила в коридор. Уходя, бросила последний хмурый взгляд на человека, который, поднимаясь по лестнице, громогласно распекал свою горничную, впустившую в номер постороннего человека.

Глава 31

На полированном столе в обеденной зоне тюдоровских покоев царил полный хаос. Из большого пластикового пакета высыпали мусор: смятую бумагу, скомканные бумажные носовые платки, сигарный пепел. Стиснув руки за спиной, Пендергаст кружил у стола, точно тигр вокруг добычи, то и дело наклоняясь, чтобы поближе рассмотреть какой-нибудь предмет, но ни до чего не дотрагиваясь. Констанс наблюдала за ним, сидя рядом, на диване. Теперь девушка была одета в одно из изящных вечерних платьев, приобретенных на борту судна.

— И, говоришь, он швырнул тебя наземь? — пробормотал Пендергаст через плечо.

— Да.

— Неотесанный негодяй. — Детектив еще раз обошел стол, затем остановился и посмотрел на спутницу: — Это все?

— Я не смогла обработать верхний уровень триплекса в присутствии горничной. Извини, Алоиз.

— Тебе не за что извиняться. Так или иначе, это была просто дополнительная мера, на всякий случай; идея, пришедшая в последний момент. Главное, что мы сейчас знаем размеры и местоположение сейфа. И ты дала мне превосходное описание коллекции. Как жаль, что среди всех этих предметов, по-видимому, нет Агозиена!

Спецагент запустил руку в карман, достал пару латексных перчаток, натянул и принялся исследовать мусор. Взял со стола пустую бутылку из-под сельтерской воды, осмотрел, отложил в сторону. За этим последовали несколько бирок из химчистки, окурок сигары и собранный пепел, смятая визитная карточка, запачканная бумажная салфетка, пробка от шампанского, сломанный футляр от компакт-диска, судовая брошюра, разорванная пополам, соломинка для коктейля, пустая упаковка охотничьих спичек и полупустой коробок обычных деревянных. Пендергаст разобрал все это с величайшей аккуратностью. Отложив последний предмет в сторону, он снова по-кошачьи обошел вокруг стола, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреть то или иное через лупу. Затем вздохнул:

— Давай уберем все в такое место, куда не доберется горничная, на тот случай если понадобится осмотреть эти предметы еще раз. — Сыщик стянул перчатки и бросил на стол.

— Что дальше? — спросила Констанс.

— Дальше мы найдем способ заглянуть внутрь этого сейфа. Предпочтительно в отсутствие Блэкберна.

— Это может оказаться нелегким делом. Что-то, видно, его напугало; похоже, он не склонен покидать свою каюту надолго и впускать кого-либо.

— Будь на его месте кто-то другой, я бы предположил, что его напугали те два исчезновения, о которых ты мне рассказала. Но только не мистера Блэкберна. Как жаль, что мы пораньше не сузили наш список: вчера я мог бы обследовать его помещения сравнительно легко. — Алоиз посмотрел на подопечную. — И нам нельзя забывать, что, пусть Блэкберн, один из главных подозреваемых, требуется также обследовать каюты Кальдерона и Стрейджа, хотя бы для того, чтобы их исключить.

Он подошел к буфету, налил бокал кальвадоса и сел с ним на кушетку. Легонько взболтал янтарную жидкость, поднес к носу и сделал маленький глоток, вздохом выражая при этом отчасти удовлетворение, отчасти сожаление.

— Что ж, спасибо, моя дорогая. Мне жаль, что ты подверглась нападению. В свое время я заставлю Блэкберна пожалеть об этом.

— Мне жаль только... — начала Констанс, но вдруг осеклась.

— Чего?

— Совсем забыла. Я же принесла из его каюты еще кое-что. Пылесосом собрала несколько странных образцов пыли.

— Чем странных?

— Учитывая, что у человека есть своя горничная и он явный домашний тиран, мне показалось странным, что в комнате столько пыли.

— Пыли? — переспросил Пендергаст. Констанс кивнула:

— Большей частью она скопилась вдоль стен. Вообще эта пыль походила на опилки...

Пендергаст вскочил на ноги.

— Где пылесос, Констанс? — Он говорил тихо, но его ясные глаза сверкали от волнения.

— Там, у двери...

Прежде чем девушка успела договорить, спецагент уже вихрем метнулся к входной двери, подцепил мешок, выхватил из кухонного шкафчика

чистую тарелку и вернулся к столу. Тут движения его опять сделались чрезвычайно точными и аккуратными. Вытащив из кармана нож с пружинным лезвием, детектив осторожно разрезал мешок и медленно высыпая содержимое на тарелку. Укрепив на глазу ювелирную лупу, лезвием принялся разбирать мусор, отделяя одну крохотную частицу от другой, как если бы его интересовали отдельные гранулы.

— Ты знаешь, Констанс, — пробормотал он, низко склоняясь над столом, — я уверен, что ты права. Это действительно опилки.

— Оставшиеся после постройки?

— Нет. Свежие. И если это то, что я думаю... — спецагент крохотными щипчиками подцепил какую-то пылинку, — мы не станем утруждать себя проверкой Кальдерона и Стрейджа.

Констанс посмотрела на бледное, дышащее охотничьим азартом лицо Пендергаста. Она не могла даже представить себе, при чем здесь могут быть древесные опилки.

Констанс встала и приблизилась, а детектив пошарил рукой в поисках пепельницы и спичек. Затем пригласил спутницу подойти поближе. Алоиз держал пинцет над пепельницей, и Грин разглядела крохотную поблескивающую крупинку коричневого кристалла.

— Смотри внимательно. Долго это не продлится. — С этими словами Пендергаст зажег спичку, чуть подождал, пока первоначальный сернистый дымок растает в воздухе, затем поднес пламя к кристаллику.

Крупица вспыхнула, и на один краткий миг Констанс уловила слабый запах — глубокий, экзотический аромат мирры: странный, слегка опьяняющий и безошибочно узнаваемый.

— Мне знаком этот запах, — прошептала она.

Пендергаст кивнул:

— Это запах внутреннего монастыря Гзалриг Чонгг. Особый сорт фимиама, изготавливаемый только там, чтобы отпугивать от реликвий личинок прожорливого жука-древоточца.

— Древоточца? — переспросила Констанс.

— Да.

Она посмотрела на маленький холмик пыли на столе.

— Ты хочешь сказать, что эти опилки...

— Вот именно. Какое-то количество этих самых древоточцев, очевидно, попало на борт судна вместе с ящиком, который содержал Агозиен.

Блэкберн оказал пароходству «Северная звезда» плохую услугу, принеся этих существ на борт «Британии». — Спецагент посмотрел на Констанс, глаза его поблескивали от волнения. — Мы нашли нашего преступника. Теперь остается только выманить злодея из норы и проникнуть в сейф.

Глава 32

Скотт Блэкберн повесил снаружи на дверь своей каюты табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ» и запер дверь изнутри. Поднявшись на два лестничных пролета в гардеробную, стянул галстук, снял пиджак и рубашку, швырнул в угол, чтобы горничная затем повесила их в шкаф, и быстро сбросил брюки. Некоторое время он стоял перед высоким, во весь рост, зеркалом, поигрывая мускулами и рассеянно любуясь собственным торсом. Затем, отперев выдвижной ящик, достал просторные шелковые одеяния желто-оранжевого цвета, характерные для тибетских монахов. Медленно облачился: нательное, среднее, верхнее. Превосходный шелк скользил по телу с подвижностью ртути. Блэкберн заложил складки, драпируя одеяние, и оставил обнаженными плечо и руку.

Затем вошел в гостиную, закрыл двери и, встав в центре комнаты, погрузился в глубокое молчание, окруженный предметами азиатской коллекции. Он знал, что необходимо успокоить сознание, потревоженное услышанным в этот вечер за обеденным столом. Значит, вчера в его номере побывала горничная. И сразу же после этого спятила и убила себя. Его допрашивал глава службы безопасности — якобы простая формальность. А затем, совсем скоро, он застает у себя в номере другую горничную, несмотря на свои строгие распоряжения. Было ли это простым совпадением?

Или же и впрямь он находится под пристальным вниманием? Неужели его передвижения, его действия, его приобретения отследили?

Взбираясь на вершину благополучия Кремниевой долины, Блэкберн давно научился доверять своему феноменальному чутью и хорошо усвоил: если инстинкты говорят, что кто-то за ним охотится, то обычно так и бывает. А здесь, на судне, запертый как в ловушке, лишенный обычных мер безопасности, он находился в очень уязвимом положении. По кораблю ходят слухи о том, что на борту находится какой-то частный сыщик, чудаковатый пассажир по имени Пендергаст, разыскивающий вора и убийцу.

Уж не по его ли душу на борт взошел этот ублюдок?

Чем больше Блэкберн думал над этим, тем более вероятным казался такой поворот событий. Он не может позволить себе рисковать — слишком высоки ставки. С этим врагом — поскольку, если инстинкты не врут, это именно враг — придется разобраться особым образом.

Особым…

Блэкберн выключил в комнате свет и стоял в темноте, настраивая восприятие. Сначала он чутко прислушивался, вычленяя из фонового шума малейший звук — от едва слышного монотонного гудения двигателей в машинном отделении до стенаний ветра и моря. Здесь же присутствовали стук дождя по стеклу, рыдания прислуги в ее спальне, приглушенные шаги в коридоре. Затем Скотт перешел к более острым ощущениям: осязанию пушистого коврового ворса голыми ступнями, запаху сандалового дерева и пчелиного воска в каюте, восприятию тяжеловесной судовой качки.

Он глубоко вдохнул, выдохнул. Необходимо спокойствие. Необходимо изгнать трех недругов: ненависть, вожделение и сумятицу мыслей. Из всех трех ненависть была самым мощным и сейчас душила Блэкберна в безжалостных объятиях.

Зажав себя в тиски самоконтроля, миллиардер двинулся к подставке наподобие мольберта, что стояла у дальней стены. На ней было нечто, завешенное покровом из тончайшего шелка. Было глупейшей ошибкой держать артефакт не в сейфе с самого начала, но Блэкберну стала ненавистна мысль о том, чтобы запирать его, когда он нуждается в нем так часто. Прислуга получила строгие указания: никогда не снимать шелковый покров и не заглядывать под него. И Скотт знал, что может на горничную положиться; ему потребовался не один год, чтобы найти благонадежную, лишенную воображения и нелюбопытную служанку. Но вот та, первая судовая горничная — та, что покончила с собой, — должно быть, подняла покрывало. И теперь, если его подозрения верны и пресловутый Пендергаст охотится именно за этим, даже сейф не окажется достаточно надежным местом. Гостиничные сейфы печально известны тем, что их очень легко вскрыть, а судовые сейфы, даже самый большой из них, вероятно, мало чем отличаются в этом смысле. Они предназначены отпугивать мелких воришек, не более.

Ему придется найти лучший тайник. Тщательно избегая смотреть на артефакт, Блэкберн осторожно снял шелковую завесу и поместил предмет в центр комнаты. С ритуальным почтением выставил на большой серебряный поднос тридцать шесть масляных свечей и положил перед объектом, чтобы лучше его осветить. По-прежнему отводя глаза, поместил несколько ароматических палочек для воскурения фимиама в две искусно гравированные золотые кадильницы по обеим сторонам предмета.

Масляные свечи замерцали, наполняя комнату пляшущим золотистым светом. Блэкберн выложил перед свечами стеганый шелковый коврик и уселся на него в позе лотоса. Закрыв глаза, Скотт принялся монотонно бубнить нараспев. Это был странный, низкий, гудящий речитатив,

который внимательный слушатель воспринял бы как последовательность одних и тех же странных звуков, следующих друг за другом, без начала и конца. Теплый, животный запах масляных свечей наполнял воздух, и временами монотонность пения исчезала, воспроизводя тибетский сигит[39], — им так славились монахи, у которых он проходил обучение.

После получаса ритуальных песнопений три недруга ушли, покорились. Сознание Блэкберна, освобожденное от ненависти и вожделения, стало готово к восприятию. Он резко открыл глаза — очень широко — и уставился на озаренный пламенем свечей предмет.

Казалось, последовал удар током. Мускулы напряглись, вздулись жилы на шее, запульсировала кровь в сонной артерии. Но голос при этом ни на секунду не дрогнул и песнопение не прервалось. Напротив, оно ускорилось и перешло в более высокие регистры, достигая таких силы и напряженности, которые не имели ничего общего с нормальными тонами человеческого голоса.

Блэкберн все смотрел, смотрел и смотрел перед собой. Странный, причудливый дым начал точиться и наполнять комнату — тошнотворный, низменный, землистый запах, похожий на вонь гниющих поганок. Воздух словно сгустился, наполняясь этим дымом, который стягивался водно место, примерно в четырех футах перед Скоттом, уплотняясь, точно вязкий, густой крем, сбиваясь в нечто почти твердое. А затем…

Оно задвигалось.

Глава 33

В этом путешествии столь многое происходило впервые, думала Бетти Джондроу, жительница Парадайс-Хиллз, штат Аризона. Она сидела в золоченом фойе театра «Белгравия», нетерпеливо сжимая в руке программку. Вчера они с сестрой-близнецом Виллой сходили в салон «Седона Сан-спа» и сделали себе парные татуировки на ягодицах: Бетти — бабочку, Вилла — шмеля. На Риджент-стрит, одной из первоклассных и фешенебельных торговых аркад на судне, обе купили себе ножные браслеты с настоящими бриллиантами и теперь надевали их каждый вечер. Кто бы мог поверить, размышляла Бетти, что они с сестрой в обшей сложности выносили и родили восемь детей по девять фунтов каждый и могли похвастаться одиннадцатью здоровыми внуками? Слава Богу, они никогда не позволяли себе заплыть жиром, как многие из бывших одноклассниц. Бетти очень гордилась тем, что в шестьдесят три года ей по-прежнему было впору выпускное платье — этот эксперимент она с религиозным благоговением проделывала каждый раз в годовщину выпуска.

Джондроу огляделась и посмотрела на часы. Почти час ночи. Где там Виллу черти носят? Пошла купить батарейки для фотоаппарата и пропала. Уже с полчаса назад; может, даже больше.

Ведь именно Вилла так страстно мечтала встретиться с кинозвездой Брэддоком Уайли. Одной из изюминок, одним из гвоздей программы круиза, на которую они клюнули, было обещание премьеры фильма-ужастика с участием Уайли. Предполагалось, что премьерный показ начнется в десять часов, но Брэддок Уайли, во всяком случае, такой шел слух, страдал от морской болезни — ведь море изрядно штормило.

Бетти вновь обежала глазами толпу, но по-прежнему не обнаружила Виллы. Что ж, если сестра не поторопится, то Бетти придется встречать Уайли за двоих. Она достала из сумочки зеркальце, прикоснулась носовым платком к уголкам губ, захлопнула и сунула обратно в сумку.

Внезапное возбуждение в группе собравшихся подсказало ей, что ожидание было не напрасным. Вот и Брэддок Уайли собственной персоной — весь из себя удалой и франтоватый, в темно-синем блейзере, эскотском галстуке, с широкими, как у шарфа, концами, и кремовых брюках. Большими шагами киноартист стремительно приближался к фойе, в окружении нескольких морских офицеров, совершенно непохожий на больного.

Завидев группу восторженных поклонниц, он ослепительно улыбнулся и двинулся к ним.

— Добрый вечер, леди! — воскликнул Брэддок и сразу же потянулся в карман блейзера за ручкой, в то время как женщины, хихикая и краснея, протягивали ему программки.

Уайли пробирался сквозь рой обожательниц, непринужденно перекидываясь словом с каждой, подписывая программки и позируя для снимков. В жизни он оказался даже красивее, чем на экране. Бетти приотстала, надеясь, что сестра все-таки появится в последнюю минуту, но потом вдруг прямо перед ней оказался Уайли.

— Крайняя, но не последняя, — подмигнул он, беря Бетти за руку и чуть задерживая в сердечном пожатии. — Мне говорили, что на борту будет несколько красивейших женщин. Я не верил — до нынешнего момента.

— Будет вам, мистер Уайли, — с задорной улыбкой ответила Джондроу. — Вы шутите. У меня шестеро внуков.

Его глаза изумленно расширились.

— Шестеро внуков? Кто бы мог подумать? — И звезда Голливуда снова подмигнул.

Бетти не нашлась что ответить. Покраснев до корней волос, она вдруг вновь почувствовала себя краснеющей невинной смущенной школьницей, какой была полвека назад, когда пожимала руку капитану футбольной команды.

— Позвольте подписать вам это. — Уайли осторожно взял из ее руки программку. Поставив на ней росчерк, он двинулся дальше, чтобы напоследок помахать фанаткам.

Бетти поднесла к глазам программку и увидела, что там написано: «Моей любимой, самой соблазнительной из бабушек — любовь и французский поцелуй. Брэд Уайли».

Джондроу держала программку дрожащими руками. Это станет одним из величайших моментов ее жизни. Что-то будет с Виллой, когда она увидит это!

Уайли ушел, и театральное фойе начало заполняться разодетыми киноманами. Бетти начала приходить в себя; пожалуй, будет лучше занять два хороших места, да побыстрее. Может, Вилла и пропустила Брэддока, но еще вполне успевала на сам показ.

«Самая соблазнительная из бабушек» показала оба билета капельдинеру, прошла в зал и отыскала превосходное место, прямо по центру, а потом зарезервировала и соседнее кресло, поставив на него сумочку. Театр «Белгравия» впечатлял. Он занимал значительную часть сразу нескольких палуб, со второй по пятую. Интерьер в благородных темных тонах со вкусом отделали синим и янтарным неоном. Дорогой плюш, удобные сиденья, широкая сцена, глубокий балкон. Вскоре, несмотря на большую вместимость зала и поздний час, театр оказался полон. Через несколько секунд огни погасли и Брэддок Уайли появился еще раз — теперь уже на сцене перед занавесом, сверкая улыбкой в лучах прожекторов. Он сказал несколько слов о фильме, поведал пару-тройку забавных историй о кинопроизводстве, поблагодарил многочисленных продюсеров, актеров, режиссера и мастера по спецэффектам, послал публике воздушный поцелуй и удалился. Зал взорвался аплодисментами, на занавесе появился логотип студии «XX век Фокс», и по этому сигналу занавес раздвинулся.

Публика ахнула. Бетти Джондроу испуганно поднесла руку ко рту. Там, прямо перед экраном, в лучах кинопроектора висел блестящий образчик режиссерского мастерства — поразительно реалистичный муляж мертвой женщины, истекающей кровью. По залу прокатилось взволнованное перешептывание. Этот неожиданный сценарный ход, очевидно, специально предусмотрели, чтобы поострее приправить премьеру. Кукла сначала была нарочно скрыта занавесом, чтобы потрясти аудиторию. Она выглядела поразительно правдоподобно — пожалуй, даже чересчур.

Появилось и заглавие фильма — «Вивисектор». Буквы фантастически причудливо проецировались прямо на тело манекена, проходя по середине груди, которая и впрямь выглядела как результат недоделанной операции. Из зала послышались сдавленные возгласы восхищения этим остроумным, хотя и несколько натуралистичным решением.

Бетти вдруг подалась вперед. Несмотря на кровавые пятна, было в облике куклы что-то знакомое. Это расшитое блестками шелковое платье, эти черные лакированные лодочки, эти короткие светлые волосы…

Ухватившись за переднее сиденье, Бетти с усилием поднялась на ноги.

— Вилла! — закричала она, указывая в сторону сцены. Пронзительный крик заглушил остальные звуки. — О Боже! Это Вилла! Это моя сестра! Ее убили! — И Джондроу без чувств повалилась на сиденье.

Изображение на экране поблекло, а затем и вовсе погасло; в этот момент зрители повскакивали со своих мест и, охваченные ужасом, с визгом и воплями беспорядочно ринулись к выходу.

Глава 34

Приближался полдень. Патрик Кемпер в мед-блоке старался успокоиться. Как круизный офицер службы безопасности с тридцатилетним стажем работы полицейским, он-то думал, что повидал уже все на свете, включая убийство. Но то, что произошло сейчас, выходило за рамки простого убийства. Пять сотен пассажиров стали свидетелями чего-то варварски жестокого. На борту зрела паника, не только среди пассажиров, но и среди персонала, и без того напуганного самоубийством своей товарки.

Теперь перед Кемпером стоял страшный в своей очевидности факт: на «Британии» орудует маньяк, а у него нет и не предвидится необходимых ресурсов, чтобы с ним справиться. Когда-то, в Бостоне, в бытность копом, он имел в своем распоряжении целые подразделения, которые собирали и обрабатывали улики, — сотрудники, занимающиеся анализом кожи и волос, токсикологи, дактилоскописты, эксперты-баллистики и эксперты по ДНК. Здесь же практически ничего. Ноль. А в штате его службы состоял лишь один экс-полицейский, помимо его самого, бывший сотрудник морской полиции на авиабазе в Германии.

По левую руку от Кемпера стояла старший помощник капитана Кэрол Мейсон, державшаяся с благословенными спокойствием и уверенностью. Ле Сёр, явно более растерянный, находился по другую сторону. Главный судовой медик — знающий, но скромный и

застенчивый терапевт из университета Джона Хопкинса, который достойно справлялся с несложными повседневными обязанностями судового врача, — выглядел наименее уверенным из всех.

В помещение энергичным шагом вошел капитан Каттер как всегда, являя собой образец внешней безукоризненности, с лицом, точно высеченным из гранита. Кемпер незаметно посмотрел на часы: ровно полдень.

Каттер не стал терять времени.

— Мистер Кемпер? Ваш рапорт.

Шеф службы безопасности кашлянул.

— Жертва — Вилла Беркшир из Темпе, штат Аризона. Недавно овдовела, путешествовала с сестрой, Бетти Джондроу. Как выяснилась, была убита одним ударом мачете, предметом сценического реквизита, хранившимся в каких-то запертых шкафчиках за сценой.

Каттер нахмурился:

— Реквизита?

— Да. Мы еще не знаем, сам ли убийца его заточил или нашел уже в таком виде. Начать с того, что никто даже не помнит, в каком состоянии был этот нож изначально. Виллу убили прямо за сценой; на месте преступления обнаружили большое количество крови. Время смерти — от получаса до двадцати минут перед открытием занавеса; во всяком случае, именно в это время миссис Беркшир в последний раз видели живой. Убийца использовал сценические подъемные блоки и крюки, чтобы подвесить тело. Как представляется — это гипотетическое предположение, — жертву заманили за сцену, убили единственным ударом, быстро подняли и подвесили. Весь процесс мог занять не больше пяти минут.

— Заманили за сцену?

— Это служебная зона, куда посторонним вход воспрещен. Убийца где-то раздобыл ключ. Я сказал «заманили», потому что трудно представить, чтобы пассажир сам отправился туда без какой-то веской причины.

— Есть подозреваемые?

— Пока нет. Мы допросили сестру, которая только сказала, что договорилась заблаговременно встретиться с Виллой в театре — они надеялись получить автограф от Брэддока Уайли. Обе никого не знали на борту и ни с кем не знакомились; говорит, их целью было просто побыть вдвоем, они поехали не затем, чтобы заводить знакомства с мужчинами или с кем-то общаться. Отрицает наличие каких бы то ни

было врагов; сестры ни с кем не конфликтовали, не ссорились. Короче говоря, Беркшир, похоже, явилась случайной жертвой, выбранной наобум.

— Какие-либо следы изнасилования или сексуального истязания?

— Я не врач, капитан.

Каттер повернулся к офицеру медицинской службы:

— Доктор Грэндайн?

Судовой врач кашлянул.

— Капитан, это действительно ужасно, шок для всех нас...

— Какие-либо следы изнасилования или сексуального истязания? — жестко повторил вопрос капитан.

— Поймите, у нас нет на борту надлежащих приспособлений, чтобы провести вскрытие, да и в любом случае я в этом не специалист. Моя подготовка в части судебной медицины минимальна. Мы заморозили тело, чтобы можно было провести медицинское исследование, когда придем в порт. Я детально не обследовал тело — да и всякая моя попытка самостоятельно это сделать только создаст проблемы для судмедэксперта.

Каттер пристально смотрел на доктора, и в его поблескивающих глазах явно читалось невысокое мнение об этом человеке.

— Покажите мне тело.

Это требование было встречено недоуменным молчанием.

— Хорошо, но я вас предупреждаю, зрелище не очень-то...

— Доктор, поберегите ваши замечания для фактической стороны дела.

— Да, конечно. — Крайне неохотно врач отпер дверь в глубине кабинета, открывая доступ в тесную комнатку, которая, помимо всего прочего, выполняла роль судового морга. Здесь сильно пахло химикатами. В дальней стене располагались девять выдвижных ящиков из нержавеющей стали для хранения трупов. Казалось бы, девять — это очень много, но Кемперзнал не понаслышке, как много людей умирает в морских путешествиях, особенно учитывая средний возраст пассажиров круизного судна и их невоздержанность в еде, питье и сексе.

Доктор отпер одно из средних отделений и выдвинул находившийся там подаон со специальным полупрозрачным пластиковым мешком. Кемпер разглядел внутри что-то розовое. Под ложечкой у него неприятно засосало. — Откройте.

Кемпер ранее уже осматривал тело, плохо представляя, что именно нужно искать, и меньше всего ему хотелось увидеть это снова.

Доктор не без колебаний расстегнул молнию на мешке. Капитан развел в стороны края, открывая взгляду голое тело. В глаза бросилась громадная колото-резаная рана, рассекающая грудную клетку и сердце. Из мешка вырвались пары формалина.

Кемпер судорожно сглотнул.

За спиной раздался негромкий спокойный голос явно образованного человека:

— Прошу прощения, леди и джентльмены.

Шеф службы безопасности обернулся и, к своему вящему изумлению, увидел в дверях Пендергаста.

— Это еще что за дьявол? — требовательно спросил капитан.

Кемпер поспешно выдвинулся вперед:

— Мистер Пендергаст, это абсолютно закрытое совещание, и вы должны немедленно удалиться.

— В самом деле? — растягивая слова, произнес детектив.

Тошнота Кемпера сменилась раздражением. Чаша его терпения переполнилась.

— Пендергаст, я не стану предупреждать вас еще раз...

Он умолк с открытым ртом: назойливый пассажир достал бумажник, распахнул его, и взору предстал значок ФБР. Кемпер взирал на него, не веря собственным глазам.

— Почему вы не выпроводите этого человека? — властно спросил капитан.

Кемпер не смог сразу найти нужные слова.

— Я рассчитывал закончить путешествие инкогнито, как и начал, — спокойно продолжил Пендергаст. — Но видимо, настало время предложить вам свою помошь, мистер Кемпер. Профессиональную помошь. Печальная правда состоит в том, что я специализируюсь на такого рода вещах. — Спецагент неслышно прошел мимо Кемпера и шагнул к столу.

— Мистер Кемпер, я велел вам выставить этого человека вон!

— Капитан, прошу прощения, но, кажется, это федеральный агент... — Слова замерли у начальника службы безопасности на устах.

Пендергаст сунул свой значок по очереди под нос каждому из присутствующих, затем вернулся к осмотру тела.

— Он не обладает здесь никакими правами! — выпалил капитан. — Мы в международных водах, на британском судне, зарегистрированном в Либерии.

Алоиз выпрямился.

— Совершенно верно. Я отдаю себе отчет, что моя юрисдикция на корабль не распространяется, и взываю единственно к пониманию. Но меня очень удивит, если вы отвергнете мою помощь, когда никто из вас, похоже, не имеет ни малейшего представления, что делать с этим. — Он кивнул в сторону тела. — Как все это будет выглядеть, если впоследствии обнаружится, что командование судна отказалось от помощи специального агента ФБР, обладающего высокой квалификацией в сборе улик и криминалистической работе? — Пендергаст холодно улыбнулся. — По крайней мере, если вы примете мою помощь, будет кого потом винить… не так ли?

И обвел комнату взглядом светлых глаз.

Все молчали.

Детектив сцепил руки за спиной.

— Доктор, следует взять у жертвы вагинальный, анальный и оральный мазки и проверить их на содержание спермы

— Мазки? — ошалело пробормотал врач.

— Полагаю, у вас имеются под рукой ватные палочки и микроскоп, не правда ли? Я так и думал. И конечно же, вы знаете, как выглядят клетки спермы. Капля красителя «эозин-игрек» позволит их выявить. Второе — тщательное визуальное обследование вагинальной и анальной областей должно выявить любое характерное вздутие, красноту или повреждение. Очень важно знать как можно скорее, является ли это убийство преступлением на сексуальной почве или… чем-то другим. А также возьмите кровь и сделайте анализ на содержание алкоголя.

Спецагент отвернулся от врача.

— Мистер Кемпер? Я бы незамедлительно обернул пластиковыми пакетами кисти рук жертвы и туго закрепил пластик на запястьях резиновыми повязками. Если жертва боролась с нападавшим, под ногтями должны остаться следы кожи и волос.

Кемпер кивнул:

— Я сделаю это.

— Вы сохранили одежду жертвы?

— Да. Запечатана в пластиковом мешке.

— Превосходно. — Пендергаст развернулся и обратился ко всем разом: — Есть несколько неприятных моментов, которые необходимо отметить. На судне пропали два человека, а теперь еще и это. Уверен, что исчезновения и это убийство связаны между собой. В сущности, я нахожусь на борту этого судна, чтобы найти и вернуть украденный предмет, кража которого также связана с убийством. Не удивлюсь, если один и тот же человек окажется виновным во всех четырех злодеяниях. Одним словом, улики на данный момент говорят, что на борту находится серийный убийца.

— Мистер Пендергаст... — возразил было Кемпер.

Пендергаст повелительным жестом остановил его:

— Позвольте закончить, будьте любезны. На борту серийный убийца, мания которого набирает обороты. С первыми двумя он удовольствовался тем, что сбросил их за борт. На этот раз — нет. Последнее убийство гораздо более броское — по существу, оно больше сходится с первым убийством, которое я расследую. Почему? Это еще предстоит выяснить.

Вновь никто не произнес ни слова.

— Как вы уже упомянули, убийца имеет ключ к двери помещения за сценой. Но не дайте ввести себя в заблуждение, предположив, что убийца — член экипажа.

— Кто сказал, что он член экипажа?

Пендергаст взмахнул рукой:

— Мистер Кемпер, спокойно. Если я прав, убийца определенно не член команды. Тем не менее он мог замаскироваться под такового и раздобыть карточку-пропуск в зоны, не предназначенные для посторонних. В качестве рабочей гипотезы я предположил бы, что Виллу Беркшир заманили за сцену обещанием встречи с Брэддоком Уайли. То есть ее убийца выглядел как лицо, облеченное властью. — Алоиз повернулся к капитану: — Где мы находимся, осмелюсь спросить?

Капитан посмотрел на него тяжелым взглядом, затем обратился к Кем перу:

— Вы намерены разрешить этому... пассажиру отвечать за безопасность на судне? — Голос его был твердым как сталь.

— Нет, сэр. Но я почтительно порекомендовал бы вам принять его помощь. Он… уже помогал нам и прежде.

— Вы знакомы с этим человеком и пользовались его услугами?

— Да, сэр.

— В какой области?

— В казино. Он помогал нам справиться со счетчиками карт. — При этом Кемпер умолчал о том, что Пендергаст ушел из казино, унося с собой больше четверти миллиона фунтов выигрыша — деньги, которые еще предстояло востребовать.

Каттер с отвращением махнул рукой, как бы дистанцируясь от данного предмета:

— Хорошо, мистер Кемпер. Вы знаете, что, как капитан корабля, я не вхожу в дела, далекие от морских. — Он большими шагами зашагал к двери, но на пороге оглянулся:

— Предупреждаю вас, Кемпер, теперь все это на вашей совести. Все это. — Затем отвернулся и скрылся за дверью.

Пендергаст посмотрел на Мейсон:

— Где находится «Британия» на данный момент? По отношению к ближайшей суше?

— Мы примерно в двенадцати сотнях километров к востоку от отмели Флемиш-кэп, в восемнадцати сотнях километров к северо-востоку от Сент-Джонса, столицы канадской провинции Ньюфаундленд.

— Сент-Джонс — это ближайшая гавань?

— Сейчас — да, — ответила Мейсон. — Еще несколько часов назад ближайшей была бы гавань Голуэй-Харбор в Ирландии. Мы как раз на середине пути через Атлантику.

— Жаль, — пробормотал Пендергаст.

— Почему? — спросила старший помощник капитана.

— Потому что, по моему убеждению, убийца снова проявится. Причем скоро.

Глава 35

Гэвин Брюс, директор-распорядитель банковской компании «Абердин банк энд траст, лимитед» из Абердина, считал — причем с непреклонной убежденностью, — что имеет за плечами изрядный опыт в своем деле. А стало быть, знает, как справиться с безвыходной ситуацией и навести в

делах четкий порядок. За время работы он наладил дела не менее чем в четырех шатающихся банках, поставил их на ноги и сделал процветающими. До своей банковской карьеры он служил офицером в военном флоте ее величества, участвовал в фолклендской кампании, и этот опыт сослужил ему хорошую службу. Но никогда Гэвин не сталкивался с ситуацией столь дикой и аномальной.

Брюс путешествовал с двумя представителями того же абердинского трастового банка, Найлзом Уэлчем и Квентином Шарпом. Оба, как и он сам, — бывшие морские офицеры, а ныне — банкиры из Сити, безупречного морального облика и крепкой закваски. Гэвин сотрудничал с ними уже не первый год и знал обоих как хороших, надежных людей. Это трансатлантическое путешествие досталось им в подарок от одной из клиенток банка, Эмили Дальберг, в качестве награды за оказанные услуги. В настоящее время большинство богатых клиентов считают, что банкир сам в долгу перед ними, но Эмили понимала важность поддержания старомодных отношений взаимного доверия. И Брюс в ответ на доверие помог успешно провести ее финансовый корабль через два замысловатых развода и сложное дело о наследстве. Будучи сам вдовцом, он очень ценил ее внимание и подарок.

Как жаль, что это путешествие оборачивалось так неудачно!

После страшной находке в театре «Белгравия» накануне, свидетелем которой оказался Гэвин, стало ясно, что для команды судна это происшествие было как снег на голову. Они не только не имели понятия, как расследовать убийство или выследить убийцу, но, судя по всему, также ничего не могли поделать со страхом и паникой, которые разрастались на судне — и не только среди пассажиров. К своему смятению, Брюс заметил, что те же настроения распространяются и среди должностных лиц. Он побывал на достаточном количестве судов, чтобы знать: работающие на море часто находятся в плену специфических суеверных представлений. «Британия» сделалась вдруг хрупкой посудиной, и Гэвин был убежден: еще одно потрясение ввергнет лайнер в хаос.

И вот, усевшись после ленча вместе с Уэлчем, Шарпом и миссис Дальберг — та настояла на том, чтобы тоже участвовать, — они совместно выработали план. Потом, также все вместе, организовали некую депутацию и выдвинулись к цели по многочисленным ковровым дорожкам. Возглавлял группу Брюс, и только теперь, сознавая, что их план запущен в действие, он обрел некоторую долю спокойствия.

Маленькая группа миновала несколько палуб и переходов, пока наконец не достигла коридора, ведущего на капитанский мостик. Там бывших моряков и вдову остановил охранник нервного вида с водянистыми глазами и растрепанной шевелюрой.

— Нам нужно видеть капитана Каттера. — Брюс предъявил визитную карточку.

Охранник взял карточку, взглянул на нее.

— Можно узнать, по какому вопросу, сэр?

— По вопросу недавнего убийства. Скажите ему, что мы группа обеспокоенных пассажиров, желаем встретиться с ним немедленно. — После секундного колебания Гэвин прибавил, несколько смущенно: — Я бывший капитан военно-морского флота.

— Да, сэр. Одну минуту, сэр.

Охранник умчался, закрыв за собой дверь. Брюс нетерпеливо ждал, скрестив на груди руки. Прошло пять минут, прежде чем офицер службы безопасности вернулся.

— Будьте добры, пройдите сюда, сэр.

Брюс и его команда последовали за провожатым через люк, ведущий в судовое помещение, гораздо более функциональное по виду — с полами из линолеума, серыми стенами, отделанными искусственным деревом, лампами дневного света. В следующий момент депутацию ввели в комнату для совещаний, с единственным рядом окон, выходящих на правый борт.

— Пожалуйста, присядьте. Старший помощник капитана Мейсон скоро к вам выйдет.

— Мы просили о встрече с капитаном, — возразил Брюс. — С капитаном Каттером.

Охранник беспокойно провел рукой по взлохмаченным волосам.

— Капитан подойти не может. Прошу извинить. Старший помощник Мейсон — второе лицо в команде.

Брюс бросил вопросительный взгляд на свою маленькую группу:

— Будем настаивать?

— Боюсь, это бесполезно, сэр, — развел руками охранник.

— Что ж, пусть тогда будет старший помощник.

Они не стали садиться, и вскоре в дверях появилась стройная женщина в безукоризненного вида морской форме. Едва опомнившись от изумления, Брюс был тотчас впечатлен ее спокойной, серьезной манерой держаться.

— Пожалуйста, садитесь, — спокойно произнесла старпом, усаживаясь во главе стола, — еще одна маленькая черточка поведения, не ускользнувшая от внимания Брюса.

Банкир немедленно приступил к делу.

— Старший помощник Мейсон, мы клиенты и представители одного из крупнейших банков Великобритании — факт, который я упоминаю лишь для того, чтобы убедить вас в серьезности наших намерений. Я сам бывший моряк, капитан военно-морского флота. Мы пришли сюда, потому что чувствуем: корабль столкнулся с чрезвычайными обстоятельствами, справиться с которыми, пожалуй, за пределами возможностей судовой команды.

Мейсон слушала.

— Среди пассажиров большая тревога. Как вам, вероятно, известно, кое-кто начал запираться в каютах. Идут разговоры о Джеке Потрошителе на борту.

— Мне все это прекрасно известно.

— Персонал тоже напуган, — прибавила от себя Эмили Дальберг. — На тот случай, если вы этого не заметили.

— Опять-таки мы полностью осведомлены об этих проблемах и принимаем меры для овладения ситуацией.

— Так ли это? — усомнился Брюс. — Тогда позвольте задать вопрос, старший помощник Мейсон: где судовая служба безопасности? До сих пор ее практически не видно.

Мейсон помедлила с ответом, глядя поочередно на каждого из пассажиров.

— Я буду с вами откровенной. Причина, по которой вы видите так мало сотрудников службы безопасности, в том, что на судне их вообще немного — по крайней мере по сравнению с размерами «Британии». Мы делаем все, что в наших силах, но это очень, очень большой теплоход и на его борту находятся четыре тысячи триста человек. Весь штат охраны работает посменно круглые сутки.

— Вы говорите, делаете все, что в ваших силах, но тогда почему лайнер не повернул обратно? Мы не видим иного выхода, кроме как свернуть в ближайший в порт, и как можно скорее.

При этих словах старший помощник явно почувствовала себя неуютно.

— Ближайший порт — это Сент-Джонс, на Ньюфаундленде, поэтому если бы мы решились изменить курс, то направились бы именно туда. Однако мы не намерены менять курс. Мы продолжаем путь в Нью-Йорк.

Брюс был поражен.

— Но почему?

— Таков приказ капитана. У него имеются свои… обоснованные причины.

— Например?

— Прямо сейчас мы огибаем край расположенной к северо-востоку от нас Большой Ньюфаундлендской банки. Поворот на Сент-Джонс направит нас прямо в ее центр. Далее: поворот на Сент-Джонс заставит нас двинуться прямо через Лабрадорское течение в самый разгар июльского сезона айсбергов, что, хотя и не представляет собой опасности, потребует снизить скорость. И наконец, отступление от курса даст нам выигрыш лишь в один-единственный день. Капитан считает, что войти в нью-йоркский док будет куда более уместным, учитывая… э… учитывая нашу возможную потребность в силах правопорядка.

— На борту находится маньяк, — вмешалась Эмили Дапь-берг. — В этот один-единственный день еще один человек может погибнуть.

— Тем не менее таковы распоряжения капитана. Брюс поднялся.

— Тогда мы настаиваем на беседе непосредственно с ним.

Старший помощник Мейсон тоже встала; на краткий миг профессиональная маска исчезла, и Брюс увидел ее истинное лицо — изможденное, усталое и несчастное.

— Капитана нельзя сейчас беспокоить. Мне очень жаль.

Гэвин сверкнул глазами.

— Нам тоже очень жаль. Могу вас заверить, что отказ капитана встретиться с нами не останется без последствий. Мы не те люди, с которыми можно так обходиться.

Мейсон протянула ему руку.

— Мне понятна ваша точка зрения, мистер Брюс, и я сделаю все, что в моих силах, дабы довести ее до капитана. Но мы на океанском судне, в открытом море, а у судна есть командир, и этот командир принял решение. Как бывший капитан вы, несомненно, понимаете, что это значит.

Брюс даже глазом не повел на протянутую руку.

— Вы кое-что забываете. Мы не только ваши пассажиры и клиенты — мы также ваши подопечные, и вы несете за нас ответственность. Что-то нужно делать, и мы намерены этим заняться. — И, сделав знак своей группе следовать за ним, Гэвин резко развернулся и вышел из комнаты.

Глава 36

Пол Биттерман вышел из лифта, покачнулся и ухватился за блестящие хромированные перила. «Британия» вошла в зону серьезного волнения, но дело было не только в этом — Биттерман боролся также с последствиями чрезвычайно плотного обеда и девяти выпитых бокалов марочного шампанского.

Все еще держась за перила, он, моргая, бросил взгляд в обе стороны элегантного коридора девятой палубы, пытаясь сориентироваться. Поднеся руку ко рту, подавил отрыжку, довольно противно отдающую икрой, паштетом из трюфелей, крем-брюле и сухим шампанским. Растерянно почесался. Что-то в окружающем натюрморте выглядело не так.

Через минуту он это понял. Вместо того чтобы воспользоваться лифтом по левому борту, как обычно и делал, он, в подпитии, почему-то забрел вправо, и лифт привез его не на ту сторону палубы. Что ж, это легко исправить. Мыча с закрытым ртом какой-то мотив, Биттерман порылся в кармане в поисках карточки-ключа от каюты 961. Оторвавшись от перил, осторожно направился в нужном, как ему казалось, направлении, однако обнаружил, что номера кают идут в обратном порядке.

Он остановился, повернул назад, рыгнул, на сей раз даже не прикрывая рта, и тронулся в противоположную сторону. В голове действительно стоял порядочный туман, и, чтобы К разогнать завесу, Пол воспроизвел в памяти ряд событий, приведших его — впервые за пятьдесят три года жизни — в состояние опьянения.

Все началось днем. Прямо с утра он испытывал симптомы морской болезни — оказался не в состоянии проглотить ни кусочка, и ни одно из продаваемых в судовой аптеке безрецептурных средств, похоже, ни капельки не помогало. Наконец он сходил в судовую медчасть, где врач прописал ему скополаминовый пластырь. Наклеив его за ухо, как было велено, Биттерман отправился в каюту немного вздремнуть.

То ли предыдущая беспокойная ночь оказалась тому причиной, то ли пластырь навел на него такой сон, но только проснулся Пол аж в девять пятьдесят вечера, благословенно излечившийся от морской болезни и зверски голодный. Он проспал обычный восьмичасовой обед, но быстрый звонок консьержу обеспечил ему резервное место в последней смене обедающих в ресторане «Кенсингтон-Гарденз».

«Кенсингтон-Гарденз» пришелся Биттерману весьма по душе — современный, молодежный и авангардистский в отличие от довольно чопорного ресторана, где он обедал прежде. Здесь обнаружилось несколько по-настоящему красивых женщин, на которых приятно было посмотреть, а еда оказалась превосходной. К его удивлению, ресторан не был полон — фактически он оказался наполовину пуст. Оголодавший Биттерман заказал двойную порцию бифштекса «Шатобриан» и умял ее за милую душу. Целой бутылки шампанского тоже не хватило, чтобы утолить жажду, но внимательный официант с готовностью снабдил его второй.

За соседним столом происходил странный разговор: взволнованная пара обсуждала какой-то труп, который, кажется, где-то обнаружили. Похоже, он проспал серьезное событие. Медленно продвигаясь по коридору девятой палубы, Биттерман решил, что завтра первым делом тщательно в этом разберется.

Но возникла еще одна проблема. Номера кают теперь шли в правильном направлении: 954, 956, — но все это были четные номера.

Пол остановился, ухватившись за поручень, и постарался сосредоточиться. Так он никогда не доберется до каюты 961. Тут Биттерман громко рассмеялся: «Пол, дружище, ты совсем не дружишь с головой. Ведь сейчас ты вышел на палубу с правого борта, а все нечетные номера идут по левому. Как ты мог об этом забыть?» Надо найти поперечный коридор. Туман в голове сменился восхитительно легким, зыбучим ощущением в теле. Пол решил: не важно, пусть он и дьякон, но впредь будет пить шампанское чаще. Отечественного производства, конечно. Биттерман выиграл эту поездку в лотерею Ассоциации молодых христиан и никогда не смог бы позволить себе на учительскую зарплату бутылками пить марочное французское вино.

Впереди слева появился разрыв в череде дверей — вход в один из холлов в средней части судна. Этот проход должен был вывести его в коридор левого борта и далее — к каюте. Нетвердой походкой дьякон прошествовал в соединительный вестибюль.

Холл представлял собой площадку перед лифтами напротив уютной комнаты отдыха, с дубовыми книжными шкафами и удобными креслами. В этот поздний час здесь никого не было. Биттерман замедлил шаг, принюхиваясь. В воздухе стоял какой-то запах — вроде дыма. На какой-то миг ощущение ленивой эйфории отступило; в свое время Пол прошел немало учебно-тренировочных занятий по пожарному делу и понимал: пожар на корабле — это огромная опасность. Но этот дымный дух казался необычным — запах каких-то благовоний, или, точнее, аромат благовонных палочек, которым

однажды он дышал в непальском ресторане сан-францисского китайского квартала.

Теперь уже медленнее Биттерман пересек холл и вышел в лежащий за ним коридор левого борта. Там было очень тихо и дьякон мог одновременно и слышать, и ощущать под ногами монотонную вибрацию судовых дизелей. Здесь аромат был сильнее, гораздо сильнее. Странный мускусный запах смешивался с другим, более резким и гораздо менее приятным — запахом плесневелых грибов и еще чего-то неуловимого. Церковнослужитель постоял, беспокойно хмурясь. Затем, бросив последний взгляд на холл, шагнул в коридор.

И резко остановился как вкопанный, мигом протрезвев.

Впереди находился источник пресловутой вони — темное облако дыма, преграждающее путь. Вместе с тем дым казался не таким, как обычно, — странно непрозрачное облако густого темно-серого цвета, которое не размывалось по краям и обладало странной текстурой, почему-то наводящей на мысль о холстине.

Пол Биттерман шумно втянул воздух. Что-то здесь неладно — очень неладно.

Дыму положено перемещаться по воздуху, клубясь и растекаясь, расползаясь на менее плотные сгустки. Но это облако просто стояло неподвижно, в человеческий рост высотой, точно угрожая — странно злобное, опасное, плотное, словно некое органическое существо. И так сильно воняло, что было просто невозможно дышать.

Дьякон почувствовал, как сердце от страха стремительно пустилось вскачь. Это лишь показалось или в самом деле густое облако имело форму человеческой фигуры? Завитки дыма, похожие на руки; бочкообразная голова с лицом, странные, будто приплясывающие ноги... О Боже, оно походило не на человека, а на демона!

И в этот момент оно протянуло вперед рваные, клочковатые руки и с какой-то жуткой неотвратимостью стало медленно надвигаться.

— Нет! — закричал Биттерман. — Нет! Уйди от меня! Уйди!

На страшные, отчаянные крики начали открываться двери кают по всему коридору девятой палубы. Последовал краткий, наэлектризованный момент тишины, заним — ошеломленные, судорожно-приглушенные возгласы, а в следующий миг — пронзительные вопли, глухой стук упавшего на ковер бесчувственного тела, лихорадочное хлопанье дверей. Биттерман ничего этого не слышал. Все его внимание было приковано к чудовищному существу, которое приближалось и приближалось...

А потом оно прошло мимо.

Глава 37

Ле Сёр недовольно переводил взгляд с Хентоффа на Кемпера. Первый помощник уже чувствовал себя оскорбленным, что капитан взвалил эту проблему на его плечи, — в конце концов, он морской офицер, а не сотрудник казино. Но дело оказалось не только в этом: клубок проблем никуда не делся, а лишь становился больше. Учитывая, что на судне произошло по меньшей мере одно убийство — а вероятно, даже три, — его участия требовали куда более серьезные дела. Гордон по очереди взглянул на обоих собеседников.

— Позвольте удостовериться, что правильно вас понял. Вы говорите, что этот человек, Пендергаст, сумел заставить карточных шулеров потерять на блэкджеке миллион фунтов и по ходу дела загреб себе почти триста тысяч?

— Да, речь об этом, сэр, — кивнул управляющий казино.

— Такое впечатление, что вас обставили, мистер Хентофф.

— Нет, сэр, — холодно ответил тот. — Для того чтобы заставить их проиграть, сам Пендергаст обязан был выиграть.

— Объясните.

— Пендергаст начал с отслеживания карт при тасовке — это способ, при котором выдержите в поле зрения весь шуз, то есть полную колоду карт, находящуюся в игре. Запоминаете местоположение определенных решающих карт или их сочетаний, а затем визуально отслеживаете во время перемешивания. Ему также удалось ухватить взглядом нижнюю карту, а поскольку наш сыщик получил предложение снять, то имел возможность положить эту карту внутрь колоды — именно в то место, куда хотел.

— Звучит невероятно.

— Существуют хорошо известные, хотя и чрезвычайно трудные приемы. Похоже, этот Пендергаст владеет ими лучше, чем большинство игроков.

— Это все равно не объясняет, почему ему требовалось выиграть, чтобы заставить тех проиграть.

— Зная, где находятся определенные карты, и комбинируя это с системой счета карт, он имел возможность контролировать нисходящий поток карт — либо путем активного участия в игре, либо путем пережидания, а также методом прикупа без необходимости.

Ле Сёр медленно кивал головой, принимая информацию к сведению и оценивая.

— Ему необходимо было останавливать на себе поток хороших карт, с тем чтобы плохие уходили дальше. Чтобы вынудить других проиграть, он должен был выигрывать.

— Я понял, — кисло сказал Ле Сёр. — И теперь вы хотите узнать, что делать с выигрышем этого человека?

— Совершенно верно.

Первый помощник на минуту задумался. Все зависело от того, как отреагирует капитан Каттер, когда услышит об этом, — что в конечном счете неизбежно. Ответ напрашивался малоприятный. И когда об этом услышат в пароходной компании, то обрадуются еще меньше. Так или иначе, деньги необходимо вернуть. Он вздохнул:

— Ради наших будущих взаимоотношений с компанией деньги надо вернуть.

— Как?

Ле Сёр посмотрел в сторону.

— Надо, и все.

Полчаса спустя Кемпер шагал по ковровому коридору двенадцатой палубы, ведя за собой Хентоффа. Патрик чувствовал, как под темным костюмом выступает холодный пот. Оба остановились перед дверью в тюдоровский номер люкс.

— Вы уверены, что сейчас подходящее время? — спросил Хентофф. — Одиннадцать ночи.

— У меня сложилось впечатление, что Ле Сёр против задержки, — ответил Кемпер. — А у вас? — Он повернулся к двери и постучал.

— Войдите.

Они вошли и увидели Пендергаста и путешествующую с ним молодую женщину, Констанс Грин, то ли воспитанницу, то ли еще кого. Те сидели в салоне каюты, за обеденным столом с остатками трапезы.

— А, мистер Кемпер. — Пендергаст отставил в сторону кресс-салат, поднимаясь. — И мистер Хентофф. Я вас ждал.

— Ждали?

— Естественно. Дело наше не закончено. Пожалуйста, присаживайтесь.

Шеф службы безопасности несколько скованно разместился на ближайшем диване. Хентофф выбрал стул и сел, поглядывая то на Пендергаста, то на Констанс Грин и стараясь прояснить для себя их истинные отношения.

— Могу я предложить вам стакан портвейна? — осведомился детектив.

— Нет, благодарю вас, — ответил Кемпер. Неловкое молчание стало просто оглушительным, и он поспешил добавить: — Я хотел еще раз поблагодарить вас за то, что окоротили этих счетчиков.

— Ну что вы, не за что. Вы придерживаетесь моих советов, как удержать их от новых выигрышей?

— Да, спасибо.

— Действует?

— Безусловно, — сказал Хентофф. — Как только наводчик входит в казино, мы отряжаем официантку вовлечь его в пустяковый разговор, в котором непременно фигурируют числа. Это приводит их в бешенство, но они ничего не могут поделать.

— Превосходно. — Детектив обратил добродушно-насмешливый взгляд на Кемпера. — У вас ко мне еще что-то?

Кемпер потер висок.

— Ну… существует еще… вопрос денег.

— Вы имеете в виду вот эти деньги? — Пендергаст кивнул в сторону бюро, на котором Кемпер только сейчас заметил пачку увесистых конвертов, стянутую толстыми резинками.

— Если это ваш выигрыш в казино — то да.

— И какой здесь вопрос?

— Вы ведь работали на нас, — произнес Кемпер, чувствуя ущербность этого довода еще прежде, чем его высказал. — Ваш выигрыш по праву принадлежит нанимателю.

— Я ни к кому не нанимался, — с ледяной улыбкой возразил Пендергаст. — Кроме, разумеется, федерального правительства.

Под его ясным взглядом Кемпер почувствовал себя мучительно неуютно.

— Мистер Кемпер, — продолжал Алоиз, — вы, безусловно, отдаете себе отчет, что я пришел к этому выигрышу вполне легально. Считывание карт, отслеживание при тасовке и другие примененные мной методы —

все они законны. Спросите присутствующего здесь мистера Хентоффа. Мне даже не понадобился кредит, что вы мне предоставили.

Кемпер бросил взгляд на Хентоффа, который кивнул с мрачной миной.

Еще одна ироничная улыбка.

— Так что? Я разрешил вопрос?

Начальник службы безопасности подумал о том, как будет докладывать о положении дел Каттеру, и это помогло ему проявить твердость.

— Нет, мистер Пендергаст. Мы считаем, что этот выигрыш принадлежит заведению.

Детектив прошел к бюро, взял один из конвертов, вытряхнул толстую пачку фунтовых банкнот и лениво пробежался по ним пальцами.

— Мистер Кемпер, — проговорил он, стоя к гостям спиной, — при обычных обстоятельствах мне бы никогда даже в голову не пришло помогать казино выручать деньги у игроков, которые облапошили заведение. Мои симпатии лежали бы по другую сторону. Вы знаете, почему я взялся вам помогать?

— Чтобы в ответ мы помогли вам.

— Вы правы только отчасти. Я взялся за это, потому что убежден: на борту орудует опасный убийца, — и ради безопасности судна мне необходимо — с вашей помощью — его вычислить, прежде чем он убьет кого-нибудь еще. К несчастью, он, похоже, опередил меня.

Кемпер все мрачнел. Становилось ясно, что денег не вернуть; помпезный рейс через Атлантику оборачивался катастрофой по всем статьям, а обвинят во всем его.

Пендергаст вновь пробежался пальцами по банкнотам.

— Выше нос, мистер Кемпер! У вас с мистером Хентоффом все еще есть возможность заполучить эти деньги. Хочу обратиться к вам за маленьким одолжением.

Кемпер поморщился, как от зубной боли.

— Я желаю обследовать каюту и сейф Скотта Блэкберна. Для этого мне потребуется карточка-ключ во внутренний сейф и тридцать минут, чтобы провернуть операцию.

Последовала пауза.

— Думаю, мы сможем это устроить.

— Но есть одна загвоздка: Блэкберн обычно отсиживается в своей берлоге и редко из нее выходит.

— Почему? Он беспокоится из-за убийцы?

Пендергаст иронично улыбнулся:

— Едва ли, мистер Кемпер. Он что-то прячет, и мне надо это найти. Так что придется его выманить.

— Вы не можете требовать от меня насильственных действий в отношении пассажира.

— Насильственных действий? Как грубо! Более изящный способ его удалить — это запустить по правому борту девятой палубы пожарную сигнализацию.

Кемпер нахмурился:

— Вы хотите, чтобы я дал фальшивый сигнал пожарной тревоги? Не может быть и речи!

— Но это необходимо.

С минуту Кемпер раздумывал.

— Полагаю, мы могли бы объявить учебную пожарную тревогу.

— Он не выйдет, если это будет всего лишь учебная тревога. Только принудительная эвакуация выкурит его из норы.

Глава службы безопасности пробежался пятерней по взмокшим волосам. Господи, ну и вспотел же он!

— Быть может, я смогу устроить пожарную тревогу конкретно в том коридоре.

Теперь настала очередь Констанс Грин.

— Нет, мистер Кемпер, — произнесла она со странным старомодным акцентом. — Мы тщательно изучили этот предмет. Вам надо запустить общую пожарную тревогу. Сломанную сигнальную коробку слишком быстро обнаружат. Нам потребуется не менее получаса, чтобы осмотреть апартаменты Блэкберна. И вам придется временно вывести из строя систему пожаротушения, что можно сделать только с центрального пульта.

Кемпер встал, за ним быстро последовал Хентофф.

— Невозможно. Безумие просить об этом. Пожар — это самое опасное, после затопления, что может произойти на борту судна. Член экипажа, намеренно дающий фальшивый сигнал пожарной тревоги… Вы толкаете

меня на уголовное преступление. Господи, мистер Пендергаст, вы же агент ФБР и понимаете, что я не могу пойти на это! Должен быть какой-то другой способ!

Пендергаст опять улыбнулся, на сей раз почти печально.

— Другого способа нет.

— Я не стану это делать.

Спецагент пошелестел толстой пачкой банкнот. Кемпер почти чувствовал запах денег — похожий на запах ржавого железа — и неотрывно смотрел на пачку.

— Но я просто не могу.

Наступил момент тишины. Затем Пендергаст встал, подошел к бюро, открыл верхний ящик, положил пачку купюр, смел туда же остальные конверты. Нарочито медленно закрыл ящик и, обернувшись, кивнул директору казино:

— Увидимся в казино, мистер Хентофф.

— Вы… собираетесь… играть? — медленно проговорил тот.

— Почему бы и нет? — широко развел руками Пендергаст. — Мы же на отдыхе, в конце концов. А вы знаете, как я обожаю блэкджек. Я даже подумываю обучить Констанс.

Хентофф в тревоге посмотрел на главу службы безопасности.

— Мне говорили, я быстро схватываю, — подтвердила Констанс.

Кемпер еще раз пробежался пальцами по влажным волосам. Он чувствовал, как пот ползет вниз по шее, а также с подмышек. Дела шли все хуже и хуже.

Воздух в комнате сгустился от напряжения. Наконец Кемпер вздохнул, шумно и тяжело.

— Потребуется какое-то время, чтобы все подготовить.

— Логично.

— Постараюсь подготовить все на завтра, на десять утра. Это все, что я могу обещать.

Детектив коротко кивнул:

— В таком случае просто подождем до десяти. Будем надеяться, что к тому времени события… э… еще не выйдут из-под контроля.

— Не выйдут из-под контроля? Что вы имеете в виду?

Но Пендергаст лишь поклонился гостям по очереди и продолжил прерванный обед.

Глава 38

Мэдди Эдмондсон уныло брела в полночь по центральному коридору третьей палубы, маясь от смертной скуки. Трансатлантический вояж ей преподнесли дед и бабка на шестнадцатый день рождения, и поначалу это казалось удачной идеей. Но никто не предупредил ее, что этот теплоход окажется плавучей тягомотиной. Все по-настояшему интересные места: дискотеки с клубами, где тусовалась молодежь, или казино — оказались недоступны девушке ее возраста. А шоу с открытым доступом были, похоже, рассчитаны на тех, кому за сто. «Волшебное ревю Антонио», выступления группы «Би-Эм-Джи», предназначенные для семейного просмотра, Майкл Бубле, исполняющий песни Фрэнка Синатры, — все это было просто смехотворно. Девушка уже пересмотрела все фильмы; плавательные бассейны закрыли по причине штормовой погоды. Еда в ресторанах показалась ей слишком причудливой; можно было пойти в пиццерию или взять гамбургер на вынос, но и тут проклятая морская болезнь не давала насладиться. Оставалось только высиживать по салонам и гостиным, бок о бок с восьмидесятилетними старцами со слуховыми аппаратами.

Единственным захватывающим событием стал тот жуткий подвешенный труп в театре «Белгравия». Вот это действительно было нечто. Как всполошились, раскудахтались все эти старухи с палками и костылями; как раскрякались дедули, насупив косматые брови; как забегали офицеры и матросы — точно обезглавленные цыплята. Но Мэдди было наплевать, что там болтают; труп — явная бутафория, рекламный ход для нового фильма. Люди в жизни не умирают подобным способом, только в кино.

Девушка прошла мимо сверкающего золотом и зеленым стеклом входа в самый крутой на судне клуб, «Трафальгар». Из его темного коридора доносился мерный низкочастотный ритм. Она замедлила шаг, чтобы заглянуть. Стройные гибкие фигуры — студенты и взрослая молодежь — извивались в клубах дыма и волнах мигающего света. У дверей стоял неизменный вышибала — в смокинге, красивый и худощавый, но все равно вышибала, готовый помешать несовершеннолетним вроде Мэдди проникнуть внутрь и тоже развлечься.

Она угрюмо поплелась дальше. Хотя в клубах и казино зажигали, какая-то часть фешенебельной публики среднего возраста, обычно наводняющей в это время прогулочные зоны и магазины, исчезла. Видно, сидят по каютам, забившись под кровать. Что за бред! Мэдди очень надеялась, что не станут вводить этот дурацкий комендантский

час, о котором столько болтали. Это уже был бы верх навигации. В конце концов, розыгрыш — это просто розыгрыш.

Мэдди спустилась на лифте уровнем ниже, прошлась вдоль магазинов дорогущей торговой зоны Риджент-стрит, поднялась по лестницам. Ее дед и бабка пошли спать, но она сама ни капельки не устала. Уже больше часа болталась по судну без всякой цели. Со вздохом вытащив из кармана пару наушников, включила плейер и настроилась на Джастина Тимберлейка.

Дойдя до какого-то лифта, девушка вошла в кабину и, закрыв глаза, наудачу ткнула в кнопочную панель. Лифт ушел вниз, немного проехал и остановился. Мэдди вышла. Перед ней лежал очередной бесконечный коридор, на сей раз чуть теснее обычного. Прибавив звук, она зашагала вперед. Куда-то повернула, пинком открыла дверь с непонятной надписью, сбежала по ступенькам и побрела дальше. Коридор предлагал еще один поворот, и меломанка повернула. И вдруг появилось странное ощущение, что за ней кто-то идет.

Мэдди остановилась и обернулась, но коридор оказался пуст. Она сделала несколько шагов назад и заглянула за угол. Никого.

Наверное, какой-то случайный корабельный шум; здесь, внизу проклятая штуковина гудела и вибрировала словно какой-нибудь гигантский тренажер «беговая дорожка».

Мэдди двинулась вперед; несколько секунд шла вдоль одной стены, оттолкнулась от нее локтем, заскользила вдоль противоположной. До Нью-Йорка еще целых четыре дня. Тогда наконец-то можно будет сойти на берег и увидеться с друзьями.

И тут оно появилось вновь — чувство, будто за ней кто-то идет.

Мэдди резко остановилась, на сей раз вынув из ушей «капельки». Огляделась, но вокруг никого не было. А вообще-то где она находится? Дальше тянулся еще один застеленный ковром коридор с какими-то отгороженными помещениями по бокам, вроде изолированных комнат для переговоров. Странно пустынное место.

Мэдди нетерпеливым жестом откинула назад волосы: Господи, теперь и она начинает пугаться, как эти старперы. Заглянула через окно в одну из таких комнат и увидела длинный стол, уставленный компьютерами. Интернет-салон? Она прикинула, не зайти ли и не посидеть ли в Сети, но решила, что не стоит — все хорошие сайты обязательно будут заблокированы.

Отвернувшись от окна, уловила краем глаза какое-то движение — будто сзади что-то нырнуло за угол. На сей раз никаких сомнений.

— Эй! Кто там?

Ответа не последовало.

Вероятно, какая-нибудь горничная — корабль прямо кишел ими. Мэдди пошла дальше, но теперь уже быстрее, держа наушники в руке. Так или иначе, эта часть судна унылая и неприятная; лучше вернуться наверх, туда, где магазины. Шагая, она поглядывала по сторонам в поисках одной из развешенных повсюду схем, на которых обозначалось местоположение человека в данной конкретной точке, но при этом могла поклясться, что за гудением двигателей слышит шарканье чьих-то подошв.

Это уже какая-то чепуха, бред собачий! Искательница приключений пошла еще быстрее, сделала один поворот, второй, по-прежнему не находя схемы или места, которое было бы ей знакомо, — одни бесконечные коридоры. Кроме того, она заметила, что ковер на полу уступил место линолеуму.

Эдмондсон сообразила, что попала в одну из служебных зон, пропустив знак «Посторонним вход воспрещен». Возможно, то была дверь, которую она пнула ногой. Но очень уж не хотелось поворачивать и проходить весь путь обратно. Только не это.

Сзади явственно слышались чьи-то шаги, теперь громче и отчетливее; они ускорялись и замедлялись вместе с ее шагами. Неужели ее преследует какой-то извращенец? Может, надо побежать — она легко обгонит любого старого извращенца. Мэдди юркнула в какую-то боковую дверь, сбежала по металлической лестнице, которая вывела в другой длинный коридор. За собой она слышала явственное цоканье каблуков.

И тут девушка припустилась бегом.

Коридор сделал крутой изгиб и закончился дверью с трафаретной красной надписью «Только для технического персонала».

Дернула за ручку. Заперто. Мэдди ударилась в панику, дыхание перехватило. Позади, в коридоре слышался звук шагов. Кто-то бежал. Она вновь лихорадочно принялась дергать дверь за ручку. Плейер выскочил из кармана и отлетел к стене, но испуганная девушка этого даже не заметила.

Мэдди обернулась, дико озираясь в поисках какой-нибудь другой двери… пожарного выхода… чего угодно!..

Частые шаги приближались. А затем вдруг из-за угла появилась фигура.

Искательница приключений судорожно дернулась — из горла почти вырвался крик, — но, приглядевшись, чуть не разрыдалась от облегчения.

— Слава Богу, это вы! — выдохнула она. — Я подумала, за мной кто-то гонится. Я не знаю… Я заблудилась… Абсолютно… Я так рада, что это вы…

Нож блеснул в свете ламп так быстро, что она даже не успела вскрикнуть.

Гпава 39

Ле Сёр стоял в задней части капитанского мостика, рядом со старшим помощником Мейсон, и наблюдал, как капитан Каттер, со сцепленными за спиной руками, вышагивает взад-вперед вдоль дисплейного терминала. Командор аккуратно ставил одну ногу перед другой, двигаясь нарочито медленно, а взгляд его при этом был устремлен прямо вперед, не задерживаясь ни на приборах, ни на вахтенном офицере, удрученно стоявшем сбоку.

Ле Сёр бросил взгляд на экраны радиолокационной и метеорологической информации. «Британия» огибала южный фланг большой штормовой зоны, необычно закрученной почасовой стрелке. При этом плюс был в том, что ветер дул в корму, а минус — что это означало движение на попутной волне. Успокоители качки давно работали в максимальном режиме, но даже при этом судно рыскало, создавая дополнительный дискомфорт для пассажиров. Первый помощник посмотрел на дисплеи. Высота волн составляла до тридцати футов, скорость ветра — сорок узлов, радар показывал большое рассеивание. Тем не менее лайнер шел превосходно. Ле Сёр невольно почувствовал прилив гордости.

Рядом бесшумно, словно из-под земли, вырос Кемпер. В электронном свете дисплеев лицо его имело мертвенно-синеватый оттенок.

— На пару слов, сэр, — пробормотал он с видом человека, у которого голова идет кругом.

Ле Сёр посмотрел на Мейсон и сделал ей знак глазами. Оба вышли с Кемпером за дверь, на одно из крыльев мостика. Дождь стучал в окна, плотный, как пелена. Снаружи царила темень.

Кемпер без слов протянул Ле Сёру лист бумаги. В тусклом освещении первый помощник вгляделся в написанное.

— Боже милостивый! Еще восемнадцать человек пропало!

— Да, сэр. Но дальше, внизу, вы увидите, что шестнадцать уже нашлись. Человек выходит из каюты на десять минут, а его половина заявляет в службу безопасности. Проблема в том, что ситуация на судне ухудшается. Пассажиры все больше и больше поддаются панике. Мой личный состав просто зашивается.

— А те двое, которые не нашлись?

— Одна из них — шестнадцатилетняя девушка. О ней сообщили дед с бабкой. Другая — женщина с легкой формой болезни Альцгеймера.

— Как долго они отсутствуют?

— Девушка в течение трех часов. Пожилая женщина — примерно с час.

— Вы полагаете, это может быть предметом серьезной обеспокоенности?

Кемпер помялся.

— В случае с пожилой леди — вряд ли. Думаю, она просто заблудилась, возможно, заснула где-нибудь. Но девушка... да, я обеспокоен. А кроме того, есть еще вот это. — И он передал Ле Сёру второй листок.

По мере чтения недоверие первого помощника возрастало.

— Проклятие! Это что, правда? — Гордон ткнул пальцем в бумагу. — По судну бродит чудовище?

— Шесть человек с девятой палубы утверждают, что видели нечто такое... я не знаю... Какая-то штука, покрытая дымом или состоящая из плотного дыма. Описания разнятся. Люди в замешательстве, масса разноречивых показаний.

Ле Сёр вернул бумагу Кем перу.

— Абсурд.

— Просто свидетельство истерии. А если спросите мое мнение — это тревожное развитие событий, очень тревожное. Массовая паника на океанском лайнере, посреди Атлантики? И без того у меня не хватает сотрудников, чтобы справляться с нагрузкой. Мы на пределе.

— Нельзя ли временно мобилизовать другой судовой персонал на обеспечение безопасности? Снять несколько способных инженеров с их обычной работы?

— Запрещено регламентирующими правилами, — впервые вступила в разговор старпом. — Капитан Каттер единственный, кто может преодолеть этот запрет.

— Можем обратиться к нему с такой просьбой? — спросил Кемпер.

Мейсон холодно взглянула в сторону средней части мостика, где вышагивал Каттер.

— Сейчас не самое лучшее время просить капитана о чем-либо, мистер Кемпер, — сухо бросила она.

— Что, если закрыть казино и прикомандировать к службе безопасности сотрудников Хентоффа?

— Корпорация нас вздернет. Сорок процентов прибыли поступает от казино. И кроме того, тамошний персонал — дилеры, крупье и распорядители. У них нет нужных навыков. С таким же успехом можно откомандировать официантов.

Снова долгое молчание.

— Благодарю вас, мистер Кемпер, за рапорт, — бросила Мейсон. — Вы свободны.

Кемпер кивнул и удалился, оставляя Ле Сера и Мейсон одних на крыле мостика.

— Старпом Мейсон?

— Да, мистер Ле Сёр?

— Простите, что снова затрагиваю эту тему, но не было ли дальнейших разговоров по поводу смены курса на Сент-Джонс?

За вопросом последовало долгое молчание, растянувшееся почти на минуту.

— Никаких серьезных разговоров, мистер Ле Сёр.

— Не будет ли слишком дерзким с моей стороны спросить почему?

Ле Сёр увидел, что Мейсон тщательно обдумывает, как сформулировать ответ.

— Капитан уже озвучил твердые распоряжения по этому вопросу, — произнесла она наконец.

— Но что, если эта пропавшая девушка... еще одна жертва?

— Капитан Каттер не дает оснований предполагать, что переменит свое мнение.

Ле Сер почувствовал поднимающуюся в нем волну гнева.

— Простите за прямоту, старпом Мейсон, но у нас по судну разгуливает жестокий убийца. Если верить этому Пендергасту, злодей убил уже троих. Пассажиры сходят с ума, половина из них боятся выходить из

кают, а остальные напиваются в салонах и казино. А сейчас на борту, похоже, начинается настоящая истерия. Ходят толки о бродящем по кораблю призраке. Шеф службы безопасности ничего не может сделать, кроме как признать, что ситуация вышла из-под контроля. В сложившейся ситуации не кажется ли вам, что следует всерьез рассмотреть возможность смены курса?

— Смена курса на Сент-Джонс направила бы нас глубже в зону шторма.

— Понимаю. Но я скорее выдержал бы надвигающийся шторм, чем взялся иметь дело с обезумевшей толпой пассажиров и вышедшей из-под контроля командой.

— То, что думаем мы с вами, к делу не относится, — холодно ответила Мейсон.

Несмотря на ее тон, Ле Сёр видел, что последний его довод попал в цель. Судовые офицеры остро осознавали, насколько, в сущности, мала их численность. Наряду с пожаром на судне брожение среди пассажиров или еще что похуже — предмет извечных страхов моряков.

— Вы старший помощник капитана, — настойчиво продолжал Гордон. — Второй человек в команде. Вы в наилучшем положении для того, чтобы на него повлиять. Так не может продолжаться — мы должны убедить его повернуть.

Мейсон обратила к нему лицо, в глазах ее стояла смертельная усталость.

— Мистер Ле Сёр, неужели вы не понимаете? Никто не сможет изменить точку зрения капитана Каттера. Вот и все.

Ле Сёр смотрел в упор, тяжело дыша. Невероятная, немыслимая ситуация. Первый помощник метнул взгляд на главную часть мостика. Каттер по-прежнему мерил шагами пространство перед дисплеями, погруженный в свой собственный, скрытый от других мир; лицо его представляло собой непроницаемую маску. Ле Сёр вспомнил капитана Кунга из «Бунта на Каине»[40], отстраненного от командования, в то время как корабль неумолимо погружался в пучину хаоса.

— Сэр, если произойдет еще одно убийство… — Голос его оборвался.

Мейсон ответила:

— Мистер Ле Сёр, если — избави Боже! — произойдет еще одно убийство, мы вернемся к этому разговору.

— Вернемся к разговору? Со всей откровенностью… сэр… что проку в новых разговорах? Если произойдет еще одно…

— Я не о пустой болтовне. Я имею в виду действия в соответствии с пятой статьей.

Ле Сёр воззрился на нее в изумлении. В пятой статье Кодекса морских перевозок была прописана процедура отстранения капитана в открытом море за нарушение служебного долга.

— Вы намекаете...

— Это все, мистер Ле Сёр.

Мейсон повернулась и отошла прочь. Гордон смотрел, как она идет в центральную часть мостика, как останавливается там, чтобы посовещаться со штурманом — хладнокровно, будто ничего не произошло.

Пятая статья... У Мейсон есть характер. Если дошло до этого, так тому и быть. Все это стремительно превращалось в борьбу — не за безопасное функционирование «Британии», но за выживание.

Глава 40

Кемпер вышел из центра обработки информации, что на палубе Б, и направился к ближайшему лифтовому холлу. Ему пришлось потратить большую часть ночи, чтобы подготовить фальшивую тревогу. Чертовски сложная задачка — не оставляя следов, перенастроить системы безопасности лайнера. И особенно трудным оказалось вывести из строя спринклерную систему. Не так далеко в прошлое ушли времена, мрачно подумал он, когда единственными электронными элементами на океанском теплоходе были радар и система связи. Теперь, похоже, весь проклятый корабль целиком превратился в гигантскую систему, подключенную к компьютерной сети. А вернее, и сам он превратился в огромный плавучий компьютер.

Лифт подъехал, Кемпер вошел и нажал кнопку с цифрой «девять». Все-таки это похоже на безумие — запустить фальшивую пожарную тревогу на судне, и без того охваченном психозом, которое вдобавок борется со штормом посреди Атлантики. Если это когда-нибудь станет известно, есть риск не только потерять работу, но и просто сгнить в тюрьме. Он сам не понимал, как Пендергасту вообще удалось уломать его на это дело.

А потом начальник службы безопасности подумал о корпорации и сразу вспомнил, почему так получилось.

Двери лифта раздвинулись. Кемпер вышел и посмотрел на часы: девять пятьдесят. Сцепив руки за спиной, натянув на лицо доброжелательное выражение, он неторопливой походкой двинулся по коридору правого борта, кивая и улыбаясь возвращающимся с завтрака пассажирам.

Девятая палуба была одной из самых богатых и фешенебельных на судне, и он от души надеялся, что после его скрупулезной работы спринклеры не включатся. Это стало бы дорогостоящей катастрофой для «Северной звезды», учитывая, что некоторые из кают и покоев обставлены самими пассажирами с использованием дорогих картин, скульптур и других предметов искусства.

Не последним из таких апартаментов был и триплекс Блэкберна.

Кемпер как бы невзначай вновь бросил взгляд на часы. Девять пятьдесят пять. Хентофф должен быть в дальнем конце палубного коридора, вместе с охранником, готовый в нужный момент мгновенно вступить в действие.

Пожарная сирена визгливым, оглушительным криком вспорола тишину нарядного коридора, а сразу вслед за ней раздался записанный на пленку механически и голос с правильным и приятным английским выговором:

«Внимание: это пожарная тревога. Всем пассажирам немедленно освободить зону. Корабельному персоналу собраться в пунктах экстренного сбора. Пожалуйста, следуйте инструкциям, вывешенным на внутренней стороне дверей кают, либо указаниям ответственных за пожарную безопасность. Внимание: это пожарная тревога. Всем пассажирам…»

По всей длине коридора начали распахиваться двери. Люди вываливались из кают, одни одетые, другие в ночных рубашках или майках. Удивительно, подумал Кемпер, как быстро они среагировали; можно подумать, что все ожидали чего-то подобного.

— Что случилось? — спрашивал один пассажир. — Что это?

— Пожар? — задыхаясь, вопрошал другой, на грани паники. — Где?

— Люди! — закричал Кемпер, торопливо проталкиваясь по коридору. — Оснований для беспокойства нет! Пожалуйста, выйдите из кают и идите вперед по ходу движения! Соберитесь в переднем салоне! Оснований для беспокойства нет! Нет причин для паники, пожалуйста, все пройдите в головной салон…

«Внимание: это пожарная тревога…» Крупная женщина в ночной рубашке, под которой колыхалось толстое тело, ураганом выскочила из каюты и вцепилась в него похожими на окорок руками.

— Пожар?! О Боже, где?!

— Все в порядке, мэм. Пожалуйста, пройдите в передний салон. Все будет хорошо.

Вокруг стали скапливаться пассажиры.

— Куда нам идти? Где пожар?

— Пройдите вперед, в конец коридора, и соберитесь в салоне! — Кемпер с усилием продрался сквозь кольцо людей. Из триплекса Блэкберна пока никто не появился. Он увидел, как Хентофф с охранником торопливо движутся по коридору, проталкиваясь через толпу.

— Пепи! Мой Пепи! — Какая-то женщина пробежала мимо Кемпера против течения и скрылась в своей каюте. Охранник хотел было ее остановить, но Кемпер отрицательно качнул головой. Через секунду женщина выскочила обратно с собачкой. — Пепи! Слава Богу!

Кемпер посмотрел на управляющего казино.

— Триплекс «Пенсхерст», — приглушенно бросил он. — Надо, чтобы номер освободили.

Хентофф занял позицию по одну сторону двери, а охранник забарабанил в блестящую лакированную дверь.

— Пожарная эвакуация! Всем выйти!

Никакой реакции. Хентофф вопросительно посмотрел на Кемпера, тот кивнул в ответ. Охранник выхватил карточку-пропуск и чиркнул ею по считывающему устройству. Дверь со щелчком отворилась, и они с Хентоффом вошли.

Кемпер остался ждать у порога. Через секунду он услышал, как внутри раздались голоса. Из триплекса выбежала женщина в одежде служанки и устремилась по коридору. Затем в дверях показался и сам Блэкберн, выводимый лично охранником.

— Убери от меня свои грязные руки, ублюдок! — кричал он.

— Прошу простить, сэр, таковы правила.

— Нет никакого пожара, придурок! Я даже не чувствую запаха дыма!

— Таковы правила, сэр, — вслед за охранником повторил Кемпер.

— По крайней мере заприте мою дверь, ради всего святого!

— Правила противопожарной безопасности требуют, чтобы все двери при угрозе пожара оставались открытыми. А теперь, не могли бы вы перейти в передний салон, где собрались остальные пассажиры?

— Я не оставлю свою дверь незапертой! — Блэкберн вырвался и попытался пробиться обратно в свою каюту.

— Сэр, — остановил его Хентофф, хватая за пиджак, — если вы не подчинитесь, нам придется взять вас под стражу.

— Поцелуй меня в зад! — Дебошир бросился обратно к двери, но Хентофф успел схватить его, и оба, сцепившись покатились на пол — двое мужчин в приличных костюмах. Послышался треск рвущейся материи.

Кемпер стремительно наклонился над ними:

— Наручники!

Охранник выхватил пару пластиковых наручников и, тем временем как Блэкберн, одолев Хентоффа, попытался встать мастерски швырнул миллиардера на пол лицом вниз и, заведя ему руки за спину, сковал их.

Блэкберн дергался и трясся от бешенства.

— Вы знаете, кто я такой? Вы за это поплатитесь! В дело вступил Кемпер.

— Мистер Блэкберн, мы все знаем, кто вы такой. А теперь, пожалуйста, послушайте внимательно. Если вы спокойно и мирно не пойдете в передний салон, я отправлю вас в камеру для арестованных, где вы останетесь вплоть до прибытия судна в порт, а затем будете переданы в руки местных властей и привлечены к уголовной ответственности за нападение.

Блэкберн молча в упор взирал на него, тяжело дыша, с раздувающимися ноздрями.

— Но если вы успокоитесь и последуете указаниям, я сниму с вас наручники и мы забудем о вашем ничем не спровоцированном нападении на члена экипажа. Если тревога окажется ложной, вы вернетесь в свою каюту через тридцать минут. Выбирайте.

Последовало еще несколько тяжелых пыхтений, а затем Блэкберн склонил голову.

Кемпер сделал знак охраннику снять наручники.

— Отведите его в салон. Не позволяйте никому выходить оттуда в течение получаса.

— Есть, сэр.

— Если прозвучит сигнал отбоя, они смогут вернуться в свои каюты.

— Слушаюсь, сэр.

Охранник повел Блэкберна по опустевшему, гулкому и пустому коридору, оставляя Кемпера и Хентоффа одних.

Слава Богу, спринклеры не сработали, думал шеф службы безопасности. Подготовительная работа не прошла впустую. Прибывали пожарные, разворачивая шланги и другие приспособления для тушения огня. Они заходили в каюты в поисках возгорания, всякий раз при выходе аккуратно закрывая за собой двери. Хотя все очевиднее становилось, что тревога ложная, полагалось соблюсти все предписанные процедуры.

— Нам лучше тоже уйти, — тихонько заметил Кемпер, глядя на удаляющихся пожарных. — Не стоит оставаться здесь, когда Пендергаст...

— Даже не объясняйте. — И Хентофф метнулся вон как ошпаренный.

Глава 41

На другом конце судна, семью палубами ниже, Эмили Дальберг вышла из кафе «Сохо» после легкого завтрака, состоящего из чая с лепешками, и направилась к близлежащему торговому пассажу, известному под названием «Риджент-стрит». Она предпочитала эту торговую зону другой — той, что носила название «Сент-Джеймс», на шестой палубе. Эспланаду затейливо оформили в духе настоящей Риджент-стрит— такой, какой она была сто лет назад. И результат вышел на славу: уличные фонари с настоящими газовыми рожками, вымощенные булыжником боковые улочки с маленькими элегантными бутиками готовой одежды по обеим сторонам. Дальберг подошла как раз вовремя: в отличие от казино и клубов, открытых день и ночь, Риджент-стрит придерживалась определенных часов работы. В десять утра магазины только-только открывались. Зажигались огни в витринах, служащие убирали с дверей металлические решетки.

Десять часов. Оставалось убить еще полтора часа до начала очередного совещания с Гэвином Брюсом, где их группе предстояло спланировать дальнейшие действия.

Дальберг неторопливо проходила мимо первого магазина в ряду, разглядывая товары в витрине. Она хорошо знала настоящую Риджент-стрит, и здешние магазины были дороже. Только представить себе — одиннадцать сотен фунтов за серовато-белое платье для коктейлей, которое в Лондоне можно купить за треть этой цены. Право, пребывание на океанском лайнере, похоже, усыпляло рассудок в человеке.

С блуждающей рассеянной улыбкой на губах она неторопливо прогуливалась по бутафорской авеню, но мысли витали далеко отсюда. Странно: несмотря на панику, замешательство и предчувствие беды, что буквально висели в воздухе, она обнаружила, что думает об изысканном мистере Пендергасте. Эмили не видела его с того самого обеда, в первый день плавания — разве что заметила раз в казино, — но мыслями

возвращалась к нему снова и снова. Она прожила на свете пятьдесят пять лет и трижды состояла в браке, причем каждый из мужей оказывался богаче предыдущего, однако за всю жизнь не встречала столь будоражащего воображение мужчину, как Алоиз Пендергаст. Странно: она не могла даже близко сформулировать, что же такого в нем интригующего, но знала, что эта загадка существует, — вдова поняла это в тот самый миг, как встретилась с ним глазами, с первых медоточивых слов, что слетели с его губ...

Дальберг на минутку задержалась перед одной из витрин полюбоваться трикотажным жакетом от Корнели, пробежалась взглядом по прелестным боковым улочкам и вновь вернулась к прерванным мыслям. Первые два ее мужа были английскими аристократами, принадлежали к земельному дворянству старого толка, и их в конечном счете отпугнули ее ум и независимый характер. В своем третьем муже, американском мясоконсервном бароне, она наконец обрела себе ровню — но тот умер от апоплексического удара во время особенно страстного соития. В этом круизе Эмили надеялась встретить подходящего четвертого мужа: жизнь коротка, а страх остаться на старости лет одной, в обществе лошадей, становился сильнее. Но теперь, при всеобщем смятении после этого страшного убийства, брачные перспективы стали выглядеть как-то тускло.

Ну да ничего. По возвращении в Нью-Йорк ее ожидали прием у Гуггенхаймов, вечеринка в журнале «Эль», обед в клубе «Метрополитен», а также энное количество других мест, где можно встретить подходящего человека. Быть может, придется снизить уровень своих притязаний... но только совсем чуть-чуть.

А с другой стороны, может, и нет. Эмили, например, была уверена, что мистер Пендергаст не потребует от нее снижения стандартов. По крайней мере насколько можно судить об этом, не раздевая мужчину.

Она обозревала медленно движущиеся группы гуляющих. Народу было меньше, чем обычно, — вероятно, из-за штормовой погоды, этих странных исчезновений и убийства. А может, все мучились от похмелья — по ее наблюдениям, количество потребленного спиртного в ресторанах, клубах и барах накануне вечером могло поразить кого угодно.

Дальберг приблизилась к следующему дорогому бутику, последнему в этом торговом ряду; он только-только открывал ставни. Эмили стояла перед ним, лениво наблюдая, как откатываются с противным шумом металлические приспособления — то, что казалось очаровательным на подлинной Риджент-стрит, стало просто несносно на борту теплохода, — и была приятно удивлена, увидев открывшуюся за ставнями витрину мехового магазинчика. Вдова не увлекалась мехами, но могла тем не

менее оценить красивое произведение талантливого кутюрье. Один из магазинных служащих старательно поправлял длинную шубу от Зуки, которая немного топорщилась на старомодном, плетенном из лозы манекене. Эмили задержалась перед витриной полюбоваться на стильную шубку, отороченную бахромой. Достаточно теплая, чтобы согреть хозяйку даже в Сибири.

Пока она глазела, служащий все возился с шубой — суетливо дергал и поправлял с возрастающим раздражением, пока не понял, что пуговицы застегнуты наперекосяк. С комической досадой выкатив глаза, он полностью расстегнул и распахнул шубу. И вдруг на него обрушился поток сиропообразной жидкости, вслед за чем обнажилось нечто вроде красновато-белой веревки. Почувствовав влагу на руках, служащий поднес их к глазам. Они оказались вымазаны чем-то густым и красным, и это не могло быть не чем иным, как...

Кровь...

Эмили Дальберг в ужасе прикрыла рот ладонью. Служащий отреагировал более активно: отпрянул назад, но поскользнулся на залитом кровью полу и покачнулся. Судорожно взмахнув руками, чтобы удержать равновесие, он ухватился за манекен и вместе с ним рухнул наземь. Шуба свалилась, обнажая... труп.

Но нет, сообразила Эмили Дальберг, это не труп — во всяком случае, не труп целиком. Просто клубок внутренних органов — красных, белых и желтых, вывалившихся из неровной дыры, прорезанной в плетеном туловище манекена. Вдова потрясенно уставилась на витрину, не веря глазам и не в силах тронуться с места. Она повидала достаточно туш на мясоконсервном предприятии третьего мужа, чтобы сообразить: органы эти не принадлежат крупному рогатому скоту. Нет, коровьи потроха крупнее. Это что-то совсем другое...

Внезапно оказалось, что тело ее само собой пришло в движение. Поспешно развернувшись, она ватной походкой быстро зашагала в противоположную сторону, и в тот же миг за ее спиной раздались вопли. Но Эмили Дальберг не оглянулась, ни разу.

Глава 42

Три минуты одиннадцатого дверь электроотсека девятой палубы чуть приоткрылась в совершенно пустой коридор. Визг пожарной сирены умолк, и единственное, что напоминало о тревоге, — назойливое радиооповещение. С одной стороны слышались удаляющиеся голоса пожарных командиров, с другой — приглушенный разноязыкий говор из салона. Помедлив для верности несколько секунд, Пендергаст выступил из темноты отсека, точно паук из логова. Бросил взгляд в оба конца устланного плюшем и отделанного дорогими обоями коридора,

после чего с кошачьей грацией устремился вперед, нырнул в апартаменты Блэкберна и защелкнул за собой сверхпрочный замок.

Несколько секунд неподвижно стоял в тишине прихожей. Впереди, в гостиной, из-за опущенных штор в покои пробивался слабый свет ненастного утра. Слышался отдаленный ритмичный гул корабельных турбин, стук дождя и ветра в стекла. Пендергаст потянул воздух, все чувства его обострились до предела. Алоиз уловил тот самый, хотя и очень слабый, запах — воска, смолы и дыма, — описанный таксистом и знакомый ему по внутреннему монастырю Гзалриг Чонгг.

Детектив бросил взгляд на часы — в его распоряжении оставалось двадцать четыре минуты.

Триплекс «Пенсхерст», один из двух крупнейших покоев на судне, скорее походил на элегантный таунхаус, чем на корабельную каюту: с тремя спальнями и тренажерным залом на верхнем уровне, гостиной, кухней, обеденной зоной, балконом внизу и винтовой лестницей, эти уровни соединяющей. Специальный агент вошел из прихожей в темную гостиную. Серебро, золото, бирюза и лакировка смутно поблескивали в полумраке. Пендергаст щелкнул выключателем и ошеломленно моргнул: его взору открылась изумительная, хотя и эклектичная коллекция: ранние кубистские произведения Брака и Пикассо, шедевры азиатской живописи, скульптуры из Индии, Юго-Восточной Азии, Тибета и Китая. Имелись здесь и другие сокровища: на столе был выставлен комплект раннеанглийских табакерок золотой и серебряной чеканки, несколько футляров с древнегреческими золотыми монетами, а также странная коллекция, состоящая, кажется, из римских фибул и поясов.

Собрание этих предметов в целом выдавало коллекционера с отточенным глазом, безупречным вкусом и необычайно глубокими карманами. Более того, сюда был вложен труд человека, обладающего истинной культурой и чутьем, человека, интересы и знания которого лежали далеко за пределами просто бизнеса.

Был ли это, спрашивал себя Пендергаст, тот самый человек, который с такой непонятной жестокостью изувечил труп убитого им Джордана Эмброуза?

Алоиз направился прямиком к большому шкафу из тика в дальнем конце комнаты, где, как сообщила Констанс, помешался каютный сейф. Чтобы открыть шкаф, спецагент вынул магнитную карту-пропуск, которой снабдил его Кемпер, и вставил в паз замка. Через секунду дверца сейфа с легким щелчком отворилась.

Детектив растворил ее пошире и заглянул внутрь. На него повеяло сильным запахом смолы и дыма. Сейф пустовал, если не считать

длинного прямоугольного деревянного ящика, покрытого древними тибетскими письменами.

Спецагент извлек предмет с величайшей осторожностью, отмечая его невесомость. Ящик оказался настолько изъеден насекомыми, что напоминал высушенную губку, которая крошится в пыль при малейшем прикосновении. Пендергаст расстегнул старинный медный запор и осторожно открыл крышку, которая при этом распалась на части. Аккуратно отодвинул в сторону куски и заглянул в ящик. Пусто.

Глава 43

На капитанском мостике прерывисто прозвучал зуммер, возвещая чей-то приход. Через мгновение в дверях появился Кемпер. Ле Сёра поразил внешний вид вошедшего: лицо посерело, волосы слиплись от пота, одежда в беспорядке. Шеф службы безопасности как будто не спал неделю.

— Что случилось, мистер Кемпер? — Первый помощник непроизвольно бросил взгляд на капитана Каттера, который по-прежнему пребывал на мостике и так же вышагивал взад-вперед. Судно двигалось на автопилоте — сложной комбинации компьютерных программ, механики и спутниковой технологии; это в истинном смысле чудо военно-морской техники было способно поддерживать корабль на заданном курсе лучше любого штурмана, сберегая при этом значительное количество горючего. Проблема, подумал Ле Сёр, состояла в том, что автопилот по-прежнему вел теплоход к Нью-Йорку.

— Нашли пропавшую девушку, — тихо промолвил Кемпер. — Или по крайней мере то, что от нее осталось.

Наступило молчание. Ле Сёр ощутил волну ужаса.

— То, что от нее осталось? — повторил он наконец. Горло пересохло.

— Части человеческого тела… внутренности, кишки. Были найдены набитыми в манекен в одном из магазинов на Риджент-стрит. Примерно в то же время одна из моих поисковых групп обнаружила на корме левого борта первой палубы кровавые полосы и там же — полураздавленный браслет и еще кое-какие вещи.

— То есть остальное выбросили за борт, — очень тихо подытожил Ле Сёр. Все это просто дурной сон, ничего больше. Сейчас он проснется, и все будет как прежде.

— Видимо, так, сэр. Наушники девушки нашли на палубе Б, снаружи люка, ведущего в машинно-котельные помещения. Получается, что ее заманили вниз, потом отвели или оттащили выше, убили, разделали на верхней палубе и выбросили за борт — оставив при этом… м-м…

несколько трофеев. А те, в свою очередь, принесли в меховой магазин на Риджент-стрит и засунули в манекен.

— Пассажиры уже знают?

— Да. Похоже, слух быстро распространяется. Люди воспринимают это скверно.

— Насколько скверно?

— Я стал свидетелем многочисленных сцен истерии. Мужчину в казино «Ковент-Гарден» даже пришлось связать. Я предупреждал, насколько опасной может быть паника на судне. Мои рекомендации — надо, чтобы капитан объявил первый уровень тревоги по Кодексу ОСПС[41] и чтобы вы немедленно приняли меры к повышению безопасности на судне.

— Активизируйте предохранительные люки на всех подступах к мостику, — обратился Ле Сёр к второму помощнику. — Никто не должен пройти без разрешения.

— Есть, сэр.

Первый помощник кивнул шефу службы безопасности:

— Я обсужу эти меры с капитаном. Есть какие-нибудь ключи к разгадке убийства?

— Никаких. Кроме того, убийца имеет доступ в служебные помещения, включая техническую зону и магазин на Риджент-стрит.

— Пендергаст говорил, что он каким-то образом ухитрился добыть карточку-пропуск службы безопасности.

— Либо матричный ключ, подходящий ко всем замкам.

— Мотив?

— Это может быть делом рук буйно помешанного. Или того, кто преследует определенную цель.

— Цель? Какую, например?

Кемпер пожал плечами:

— Не знаю. Быть может, посеять на борту панику.

— Но зачем?

У шефа службы безопасности не нашлось ответа.

— Хорошо, мистер Кемпер, благодарю вас, — кивнул Ле Сер. — Не могли бы вы присутствовать, когда я буду докладывать об этом капитану?

Кемпер проглотил ком в горле и кивнул. Первый помощник крупным шагом прошел в центральную часть мостика и встал на пути капитана.

— Капитан Каттер?

Тот остановился, медленно поднял массивную голову.

— В чем дело, мистер Ле Сёр?

— Мистер Кемпер только что сообщил о новом убийстве на борту судна. Молодая девушка.

При этих словах глаза Каттера коротко блеснули и тут же вновь погасли. Он перевел взгляд на офицера безопасности.

— Мистер Кемпер?

— Да, сэр, шестнадцатилетняя девушка. Была убита сегодня ночью на первой палубе. Отдельные части тела убийца поместил в манекен одного из магазинов на Риджент-стрит; это обнаружилось утром, при открытии. Молва о происшествии распространяется, и пассажиры в панике.

— Ваши сотрудники проводят расследование?

— Мои сотрудники, сэр, загружены по максимуму. Сил и возможностей едва хватает на то, чтобы поддерживать порядок, откликаться на заявления о пропажах людей и успокаивать пассажиров. При всем должном внимании к проблеме, мы никак не в состоянии снимать показания, допрашивать подозреваемых и проводить расследование.

Каттер продолжал в упор смотреть на него.

— Что-нибудь еще, мистер Кемпер?

— Я бы рекомендовал объявить на судне первый уровень тревоги по Кодексу ОСПС.

Глаза капитана сфокусировались на Ле Сёре, затем взгляд Каттера перешел на вахтенного офицера.

— Мистер Уортингтон? Каково расчетное время до Нью-Йорка?

— При текущей скорости и направлении — шестьдесят шесть часов, сэр.

— А до Сент-Джонса?

— Двадцать три часа, сэр. Опять-таки если мы сохраним скорость.

На мостике воцарилось долгое молчание. Глаза капитана поблескивали в тусклом свете электронных приборов. Он вновь обратился к начальнику службы безопасности:

— Мистер Кемпер, объявите первый уровень. Я хочу, чтобы вы закрыли два казино и половину ночных клубов. Кроме того, составьте список магазинов и баров, имеющих наименьшую выручку. Отрядите их сотрудников на поддержание порядка на борту в том объеме, в каком позволят навыки. Закройте комнаты для игр и развлечений, оздоровительные клубы, театры и спа-салоны — и опять-таки прикомандируйте их персонал к выполнению мер по поддержанию порядка где только возможно.

— Есть, сэр.

— Опечатайте все зоны, которые могут содержать вещественные улики этого и других преступлений. Я не хочу, чтобы чья-нибудь нога ступала в эти места, даже ваша.

— Будет сделано, сэр.

Капитан перевел взгляд на первого помощника.

— Мистер Ле Сёр, с десяти вечера до восьми утра, вплоть до прибытия, должен действовать комендантский час. В течение этого периода все пассажиры обязаны оставаться в своих каютах. Передвиньте обеденные смены в ресторанах так, чтобы последняя завершалась в девять тридцать.

— Есть, сэр.

— Все обслуживание в номерах и прочие услуги пассажирам должны быть отменены. Прислуге перейти на минимальный график уборки. Члены экипажа, не находящиеся на дежурстве или за едой, должны оставаться в своих жилых помещениях. Никаких исключений. Мистер Ле Сёр, вам надлежит принять меры, дабы сократить до минимума несущественные передвижения персонала по судну.

— Есть, сэр.

— Сделайте соответствующее оповещение пассажиров, объявляя на борту чрезвычайное положение и особо подчеркивая мои приказы. Нарушители будут сурово караться. Эти правила обязательны для всех без исключения, вне зависимости оттого, насколько богатым или влиятельным является или объявляет себя то или иное лицо.

Вновь последовало долгое молчание. Ле Сёр ожидал, когда прозвучит самое существенное распоряжение.

— Это все, мистер Ле Сёр.

Но первый помощник не двигался с места.

— Капитан Каттер, простите, что упоминаю об этом, но вы, конечно, измените курс на Сент-Джонс?

Взгляд Каттера остановился на нем и тут же заледенел.

— Нет.

— Почему, сэр?

— У меня нет обыкновения обсуждать приказы с младшими по званию.

Ле Сёр опять сделал глотательное движение в безуспешной попытке расслабить горло.

— Капитан, если мне будет позволено…

Но Каттер прервал его:

— Мистер Ле Сёр, попросите на мостик старшего помощника и оставайтесь в своем жилом помещении впредь до дальнейших распоряжений.

— Есть, сэр.

— Это все. Мистер Кемпер, вы также можете вернуться к своим обязанностям.

И, не говоря больше ни слова, Каттер продолжил мерить шагами капитанский мостик.

Глава 44

Осторожно, очень осторожно, Пендергаст вынес рассыпающийся ящик на свет и, приладив к глазу ювелирную лупу, при помощи пинцета начал разбирать скопившийся внутри мусор: мертвых насекомых, частички смолы, опилки, волокна, — помещая отобранные предметы в маленькие пробирки, извлеченные из кармана пиджака. Покончив с этим, присоединил крышку к ящику, с величайшей осторожностью собирая конструкцию заново, и убрал обратно в сейф, на то же место, свободное от опилок. Запер сейф, прикрыл дверцы шкафа из тикового дерева и отступил.

Оставалось девятнадцать минут.

Блэкберн припрятал искомый объект где-то в своей обширной каюте.

Пендергаст оглядел салон-гостиную, внимательно изучая каждый находящийся в ней предмет. Размеры многих позволяли сразу их исключить. Но других, более или менее подходящих, было слишком много для того, чтобы должным образом изучить их за четверть часа.

Спецагент поднялся по лестнице и обследовал спальни, ванные и спортивный зал. Блэкберн, как он заметил, отделал заново лишь гостиную; верхние же комнаты, если не считать шелковых покрывал с монограммой в виде большой помпезной буквы Б, сохранили изначальную отделку.

Пендергаст вернулся в гостиную и, стоя в центре комнаты, обвел ее внимательным взглядом, останавливаясь на каждом объекте поочередно. Даже если исключить все предметы, не являющиеся ни тибетскими, ни индийскими, а также изготовленные позже двенадцатого века, все равно их оставалось слишком много. Было здесь, например, железное ритуальное копье, украшенное золотой и серебряной насечкой; ритуальный тибетский кинжал пхур-бу из литого золота, с трехгранным лезвием, выходящим из пасти мифического морского чудища Макара; несколько длинных молитвенных мельниц, искусно вырезанных из слоновой кости, в серебре, с высеченными на них мантрами; серебряный дорже[42], инкрустированный бирюзой и кораллами, а также несколько древних живописных полотен — тханок и мандал.

Вещи из ряда вон, но которая из них — если вообще она здесь присутствовала — Агозиен, ужасный и запретный предмет, что очистит Землю от человеческой заразы?

Взгляд Алоиза остановился на изумительных тханках на стене, изображавших тибетских божеств и демонов. Окаймленные шелковой парчой, эти предметы использовались как объекты медитации. Первый представлял собой изысканный, утонченный образ сострадательного Будды, бодхисатвы Ава-локитешвары[43]; рядом находился свирепый образ демона Ка-лазига, с когтями, тремя глазами, в головном уборе из черепов, неистово пляшущего в пламени костра. Пендергаст изучил тханки с близкого расстояния с помощью лупы, затем выдернул по шелковой ниточке с краю каждой из них и тоже изучил.

Затем перешел к самой крупной из мандал, висящей над газовым камином. Она представляла собой поразительно замысловатое метафизическое изображение космоса, являясь в то же самое время магическим отображением внутреннего состояния просветленного Будды, а также схематическим планом какого-то храма или дворца. Мандалы считались объектами религиозного созерцания, вспомогательным средством при медитации, а их пропорции, магически сбалансированные, очищали и успокаивали. Созерцать мандалу означало прикоснуться, пусть и кратковременно, к изначальной пустоте, ощутить божественное «ничто», которое лежит в сердце просветления.

Пендергаст взирал на прекрасную мандалу, и его взгляд точно магнитом притягивало к центру изображения; при этом детектив ощущал

исходящее от нее знакомое состояние умиротворения и свободы от суетных привязанностей.

Это ли Агозиен? Нет: в этом предмете не было угрозы, не ощущалось опасности.

Детектив посмотрел на часы. Блэкберн вернется через двенадцать минут. Больше не осталось времени обследовать отдельные предметы. Вместо этого спецагент вернулся на середину комнаты и остановился там в напряженном раздумье.

Агозиен находился где-то здесь, в комнате, в этом не было сомнений, но дальнейшие поиски на ощупь стали бы пустой тратой драгоценного времени. На ум пришло буддийское изречение: «Когда перестаешь искать, тогда находишь».

Он опустился на чрезмерно мягкий диван Блэкберна, закрыл глаза и медленно, спокойно освободил ум. Когда пришло умиротворение, когда исчезла тревога за то, найдется ли Агозиен, Пендергаст открыл глаза и еще раз обвел взглядом комнату, сохраняя сознание пустым, ум ясным и спокойным.

И тогда его взгляд потянуло к прелестной картине Жоржа Брака, скромно висящей в углу. Детектив смутно припомнил эту картину, ранний шедевр французского кубиста, недавно выставлявшийся на аукционе «Кристи» в Лондоне и приобретенный, как ему помнилось, неизвестным покупателем.

Со своего места на диване Пендергаст смотрел на картину без напряжения, с раскрепощенным удовольствием.

Оставалось семь минут.

Глава 45

Ле Сёр столкнулся с Мейсон у входа на капитанский мостик. Увидев его лицо, она остановилась.

— Старший помощник Мейсон... — начал Гордон и осекся. Мейсон смотрела на него, но на ее лице не отражалось никаких эмоций. Она выглядела все такой же холодной и уравновешенной, волосы забраны под капитанскую фуражку, ни одна прядь не выбивается. Только глаза выдавали глубокую усталость.

Старпом посмотрела на мостик, быстрым профессиональным взглядом оценивая обстановку, и переключила внимание на первого помощника.

. — Вы хотите мне что-то сказать, мистер Ле Сёр? — Голос звучал подчеркнуто нейтрально.

— Вы слышали о последнем убийстве? — Да.

— Капитан Каттер отказывается повернуть к Сент-Джонсу. Мы продолжаем выдерживать курс на Нью-Йорк. До него шестьдесят пять часов с лишним.

Мейсон не ответила. Ле Сёр уже собрался уйти, но почувствовал, как на его плечо легла рука. Гордон испытал легкое удивление: никогда прежде Мейсон до него не дотрагивалась.

— Офицер Ле Сёр, я хочу, чтобы вы были со мной во время разговора с капитаном.

— Меня удалили с мостика, сэр.

— Считайте себя восстановленным в правах. И пожалуйста, пригласите на мостик второго и третьего помощников капитана, а также старшего механика мистера Холси. Они понадобятся мне в качестве свидетелей.

Ле Сёр почувствовал, как его сердце забилось сильнее.

— Есть, сэр!

Дело пяти минут без лишнего шума созвать младших офицеров и механика и вернуться на мостик. Мейсон встретила их перед входом, в шлюзовой камере безопасности. Через плечо Ле Сёру было видно, как за стеклом капитан по-прежнему меряет шагами помещение, только шаг чуть замедлился. Опустив голову, Каттер аккуратно, с нарочитой точностью ставил одну ступню перед другой, игнорируя все и вся. При их появлении он приостановился и повернул голову. Ле Сёр понимал, что теперь Каттер уже не может игнорировать выстроившийся штатный состав капитанского мостика.

Водянистые глаза Каттера перемещались с Мейсон наЛе Сера и обратно.

— Что делает здесь первый помощник, старпом Мейсон? — требовательно спросил он. — Я его отпустил.

— Я попросила его вернуться на мостик, сэр.

Наступило долгое молчание.

— А другие офицеры?

— Я попросила их присутствовать, сэр.

Каттер продолжал в упор смотреть на нее тяжелым взглядом.

— Вы оказываете неповиновение, старший помощник.

Прошло некоторое время, прежде чем Мейсон ответила:

— Капитан Каттер, я со всем уважением прошу вас обосновать решение выдерживать курс на Нью-Йорк, вместо того чтобы свернуть к Сент-Джонсу.

Взгляд Каттера еще больше затвердел.

— Мы это уже обсуждали. Такое изменение курса не является необходимым, более того — оно непродуманно и опрометчиво.

— Простите, сэр, но большинство ваших офицеров, а также, могу добавить, депутация видных пассажиров придерживаются иного мнения.

— Повторяю: вы оказываете неповиновение. Тем самым отстраняетесь от командования. — Каттер повернулся к двум офицерам службы безопасности, стоящим на страже у выхода: — Препроводите старшего помощника Мейсон с мостика.

Офицеры шагнули на середину.

— Пожалуйста, сэр, следуйте за нами.

Мейсон не обратила на них никакого внимания.

— Капитан Каттер, вы не видели то, что видела я, то, что все мы видели. На борту судна находятся четыре тысячи триста охваченных ужасом пассажиров и членов команды. Личный состав службы безопасности абсолютно не в силах контролировать ситуацию таких масштабов, и мистер Кемпер это полностью признает. А ситуация продолжает обостряться. Контроль над судном, а следовательно, и его безопасность находятся под угрозой. Я настаиваю на том, чтобы свернуть к ближайшему порту — Сент-Джонсу. Любой другой курс поставит судно в опасное положение и явится нарушением служебного долга, подпадающим под пятую статью Кодекса морских перевозок.

Ле Сёр едва мог дышать. Он ожидал взрыва ярости либо холодной отповеди в духе капитана. Блая[44]. Вместо этого капитан Каттер сделал нечто неожиданное. Он как будто расслабился и привалился к панели управления, скрестив руки на груди. Вся его манера поведения изменилась.

— Старпом Мейсон, все мы изрядно растеряны. — Каттер посмотрел на Ле Сёра. — Пожалуй, я немного погорячился и в отношении вас, мистер Ле Сёр. Но у корабля есть капитан и его приказы никогда не оспариваются. Мы не располагаем благословенным временем для того, чтобы затевать между собой споры, обсуждать мотивировки и голосовать подобно какому-то комитету. Тем не менее в сложившихся обстоятельствах я намерен аргументировать свое решение. Сделаю это один раз и навсегда. Я ожидаю, — он обвел взглядом офицеров и

главного механика, и голос его вновь затвердел, — что вы меня выслушаете. Все вы обязаны принять старинную и проверенную временем святость прерогативы капитана брать на себя принятие решений даже в ситуациях, связанных с жизнью и смертью, — таких как эта. Если я не прав, вопрос об этом пусть будет поставлен, как только мы прибудем в порт.

Каттер выпрямился.

— Отсюда двадцать два часа пути до Сент-Джонса, но только в том случае, если мы сохраним текущую скорость. Если же повернем, то попадем в самое сердце шторма. Вместо попутной волны подвергнемся воздействию боковой, а затем, при пересечении Большой Ньюфаундлендской банки, будем двигаться против волны. Нам повезет, если, двигаясь туда, удастся поддерживать скорость в двадцать узлов. Тогда Сент-Джонс окажется уже на расстоянии тридцати двух часов пути — да и то если шторм не усилится. Я могу с легкостью вообразить себе прибытие в Сент-Джонс через сорок часов.

— Все равно это на целые сутки быстрее.

Капитан, потемнев лицом, предостерегающе поднял руку:

— Прошу прощения. Прямой курс на Сент-Джонс приведет нас в опасную близость к Восточному мелководью и скалам Каррион-Рокс. Таким образом, понадобится проложить курс в обход этих препятствий, теряя по меньшей мере еще час или два. Это дает уже сорок два часа. Большая Ньюфаундлендская банка кишит рыболовецкими судами, и некоторые из наиболее крупных будут пережидать шторм в открытом море, стоя неподвижно на якоре, вынуждая нас их обходить. Сбросьте на это два узла скорости и прибавьте необходимость маневра, и вот мы теряем еще несколько часов. Несмотря на то что сейчас июль, сезон айсбергов еще не закончился — сообщают о появлении обломков айсбергов вдоль внешних границ Лабрадорского течения, к северу от Восточного мелководья. Сбросьте еще час. Таким образом, мы находимся не в двадцати двух часах пути от Сент-Джонса, а в сорока пяти.

Капитан выдержал драматическую паузу.

— «Британия» стала ныне местом преступления. Все ее пассажиры и члены команды являются подозреваемыми. Где бы мы ни пристали к берегу, судно будет задержано силами правопорядка и окажется на приколе до окончания судебной экспертизы и допроса всех пассажиров. Сент-Джонс — маленький провинциальный город на острове в Атлантическом океане, с минимальными полицейскими силами и небольшим подразделением канадской конной полиции. Это и близко не соответствует ресурсам, нужным для проведения эффективного

следствия. «Британия» может застрять в Сент-Джонсе на недели, даже на месяц или больше, вместе со всем экипажем и множеством пассажиров. При этом потери для корпорации составят сотни миллионов долларов. Люди с корабля наводнят город.

Он оглядел молчаливую группу и облизнул губы.

— С другой стороны, город Нью-Йорк имеет средства и возможности для проведения адекватного уголовного и судебного расследования. Пассажиры в минимальной степени подвергнутся неудобствам, и судно отпустят через несколько дней. Что более важно, расследование будет проведено на современном уровне науки и техники. Убийцу найдут и накажут. — Каттер медленно прикрыл глаза, затем снова открыл. От этого жутковатого зрелища Ле Сёра передернуло. — Полагаю, я ясно выразил свою мысль, старпом Мейсон?

— Да, — ответила Мейсон; голос ее был холоден как лед. — Но позвольте указать на факт, который вы упустили, сэр: убийца за четыре дня совершил четыре злодеяния. По одному в день, с точностью часового механизма. Ваши двадцать четыре часа до Нью-Йорка будут означать еще одну смерть. Смерть, которой можно избежать. Смерть, ответственность за которую ляжет лично на вас.

Повисло мертвое, замешанное на ужасе молчание.

— Что с того, что пассажиры подвергнутся неудобствам? — продолжала Мейсон. — Или что судно может надолго застрять в порту? Или что корпорация может потерять миллионы? Какое это имеет значение, когда на карту поставлена человеческая жизнь?

— Это правда! — воскликнул Ле Сёр громче, чем предполагал. Он и сам удивился, что этот смелый и внятный голос принадлежит ему. Первому помощнику было тошно и невыносимо — от всех этих убийств, от корабельной бюрократии, от бесконечных разговоров о выгодах корпорации. Гордон просто не мог смолчать. — Деньги — вот к чему все сводится. К тому, сколько денег потеряет корпорация, если судно застрянет в Сент-Джонсе. Что мы намерены спасать — деньги корпорации или человеческую жизнь?

— Мистер Ле Сёр, — сказал Каттер, — вы переходите границы...

Но Ле Сёр оборвал его:

— Послушайте! Последней жертвой стал ребенок, ради всего святого! Невинная шестнадцатилетняя девочка, которая путешествовала вместе с дедушкой и бабушкой. Ее похитили и убили! А если бы это была ваша дочь? — Он повернулся за поддержкой к остальным: — Неужели мы допустим, чтобы подобное повторилось? Следуя курсом, который

рекомендует капитан Каттер, мы, весьма вероятно, приговариваем еще одно человеческое существо к ужасной смерти.

Ле Сёр увидел, что младшие палубные офицеры кивают в знак согласия. Пароходная компания не пользовалась большой любовью, тут Мейсон попала в точку. Лицо старшего механика Холси оставалось непроницаемым.

— Капитан, сэр, вы не оставляете мне выбора. — Голос Мейсон исполнился тщательно взвешенной, почти грозной убедительности. — Либо вы меняете курс, либо я буду вынуждена объявить о принятия чрезвычайных мер в соответствии с пятой статьей кодекса.

Капитан свирепо уставился на нее:

— Это будет крайне неразумно!

— Меньше всего мне хотелось бы к этому прибегать. Но если вы продолжаете упорствовать, не желая видеть очевидного, выбора не остается.

— Чушь собачья! — взорвался Каттер. Эта непривычная в устах капитана брань вызвала ощутимую эмоциональную волну, прокатившуюся по мостику.

— Капитан? — позвала Мейсон.

Но Каттер не ответил. Он уставился куда-то в окно, на далекий, расплывчатый горизонт. Губы его беззвучно шевелились.

— Капитан? — повторила Мейсон.

Ответа не последовало.

— Очень хорошо. — Старпом повернулась к собравшейся группе. — Как второй человек в команде «Британии» я требую применения против капитана Каттера пятой статьи Кодекса морских перевозок за нарушение служебного долга. Кто со мной?

Сердце Ле Сёра стучало так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Он обвел взглядом присутствующих и встретил испуганные, колеблющиеся взгляды младших офицеров. Тогда он выступил вперед:

— Я.

Глава 46

Пендергаст все смотрел и смотрел на картину Брака. Маленький вопрос, ноющее сомнение поселилось на задворках его сознания, распространяясь и заполняя все. Медленно, но неуклонно эта мысль обретала четкость.

В картине что-то не так.

Не возникало сомнения в ее подлинности. Это именно то самое полотно, что выставлялось на аукционе «Кристи» пять месяцев назад. Но при этом нечто исподволь резало глаз. Во-первых, раму сменили. Но дело не только в этом…

Спецагент поднялся с места и подошел к картине, пристально вглядываясь в нее. Полотно потеряло дюйм или два с правой стороны и по меньшей мере три дюйма в верхней части.

Детектив стоял неподвижно, внимательно вглядываясь. Он был уверен, что на аукционе картина выставлялась неповрежденной. Это могло означать только одно: Блэкберн сам изуродовал полотно по каким-то причинам.

Дыхание Пендергаста замедлилось; Алоиз обдумывал этот дикий факт: коллекционер уродует картину, которая стоила ему свыше трех миллионов долларов.

Специальный агент снял картину со стены и перевернул обратной стороной. Холст лишь недавно заново закрепили, как и следовало ожидать, в случае если картину обрезали. Сыщик наклонился и понюхал холст, ощутив при этом известковый запах клея, применяемого при закреплении полотна в раме. Запах очень свежий, много свежее, чем следовало бы через пять месяцев после подклейки. Пендергаст надавил на остатки клея ногтем. Еще не полностью затвердел. Манипуляция с картиной произвели всего день или два назад.

Он посмотрел на часы. Оставалось пять минут.

Быстро уложив картину изображением вниз на толстый ковер, вынул из кармана перочинный нож, вставил лезвие между холстом и подрамником и с величайшей осторожностью надавил, обнажая внутреннюю кромку. В глаза бросилась торчащая с краю темная полоска старого шелка.

Подложка оказалась фальшивой; за ней что-то спрятано. Нечто настолько ценное, что Блэкберн, дабы это спрятать, изувечил картину стоимостью три миллиона.

Спецагент быстро исследовал фальшивую подложку. Она крепко держалась, прижатая холстом и подрамником. Медленно и осторожно Пендергаст поддел холст с одной стороны подрамника, высвобождая подложку, затем повторил процедуру с трех остальных сторон. По-прежнему держа картину на ковре, Алоиз ухватил свободные углы подложки большим и указательным пальцами и отогнул.

Между фальшивой подложкой и настоящей оказалось шелковое живописное полотно, завернутое в кусок шелка попроще. Пендергаст подержал его перед собой на расстоянии вытянутой руки, потом положил на ковер и снял покров.

На миг его разум словно отключили. Будто внезапный шквал ветра вымел из сознания пустопорожнюю суету, оставив абсолютную, кристальную ясность. По мере возвращения способности мыслить образ увиденного приобрел ясность и четкость. То была очень древняя тибетская мандала изумительной, необычайной, непостижимой сложности. Безумно фантастически замысловатая, в золоте и серебре. Будоражащая сознание цветовая гамма на фоне черноты космоса. Она сама несла в себе целую галактику с миллиардами звезд, вихрящихся вокруг центра, и этим центром оказалась черная дыра запредельной плотности и силы...

Пендергаст поймал себя на том, что взгляд неумолимо притягивается к центру мандалы. Прикипев к ней глазами, он обнаружил, что не в силах отвести взгляд. Детектив сделал небольшое усилие, потом побольше, дивясь властной силе образа, удерживающего в рабстве и ум. Это случилось так неожиданно, что он не успел подготовиться. Темная область в центре мандалы пульсировала словно живая, шевелилась самым отвратительным образом, отверзаясь, точно какое-то грязное жерло. Он чувствовал, что такое же отверстие открылось в центре его лба и все воспоминания, опыт, мнения и суждения, которые составляли его неповторимую личность, скручиваются, видоизменяясь. Что сама душа вытягивается из тела и всасывается этой мандалой; при этом он становится ею, а она — им. Будто преображается в метафизическое тело просветленного Будды... Только это был не Будда.

Вот в чем состоял абсолютнейший, неумолимый ужас происходящего.

Некая иная вселенная, анти-Будда, физическое проявление чистейшего зла было здесь, с ним, в этой картине. В этой комнате.

И в его уме...

Глава 47

Голос Ле Сёра на капитанском мостике смолк. В наступившей тишине отчетливо стали слышны завывание ветра и стук дождя в стекло, попискивание электронных приборов и звуковые сигналы курсопрокладчика и радара, проходящих свой рабочий цикл.

Все молчали. Ле Сёра вдруг охватила паника. Он выскочил вперед на повороте, вместе с Мейсон принял вызов, пошел на конфликт. Вероятно, он только что подписал своей карьере смертный приговор.

Наконец от группы отделился вахтенный офицер старой закалки. С опущенными глазами и сцепленными на груди руками он являл собой воплощенный образ мужества. Морской волк, прочищая горло, кашлянул.

— Первая ответственность капитана — жизнь людей на борту, экипажа и пассажиров.

Каттер посмотрел на него в упор, грудь его вздымалась и опадала.

— Я с вами, капитан Мейсон, — продолжал вахтенный офицер. — Мы должны как можно скорее доставить судно в порт.

Он наконец поднял глаза на Каттера. Тот поглядел так свирепо, точно хотел физически сокрушить мятежного подчиненного. Вахтенный офицер опустил взгляд, но не отступил.

Теперь вперед вышел второй помощник капитана, за которым последовали и два младших офицера. Не говоря ни слова, то же самое сделал старший механик Холси. Они стояли плотной группой в центре мостика, нервные, смущенные, отводя глаза от сокрушительного взгляда капитана. Начальник службы безопасности Кемпер оставался стоять на месте, его мясистое лицо было напряжено от тревоги и страха.

— Это вполне легальная процедура в соответствии с пятой статьей, — обратилась к нему Мейсон. — Ваше согласие необходимо, мистер Кемпер. Вы должны сделать выбор — именно сейчас. Если не заявите о том, что вы с нами, это означает, что вы на стороне капитана Каттера. В этом случае мы продолжаем следовать в Нью-Йорк и вы берете на себя бремя ответственности за последствия.

— Я... — хрипло начал Кемпер.

— Это бунт, — угрожающе произнес Каттер. — Самый настоящий бунт. Если вы пойдете у них на поводу, Кемпер, то на вас ляжет вина за мятеж в открытом море, а это есть преступное посягательство. Я позабочусь о том, чтобы вам было предъявлено обвинение по всей строгости. До конца жизни не ступите больше на борт корабля. То же самое относится и к остальным.

Мейсон чуть приблизилась к Кемперу, голос ее немного смягчился.

— Хоть и не по своей вине, вы оказались между молотом и наковальней, мистер Кемпер. С одной стороны, возможное обвинение в бунте, с другой — в преступном попущении убийству. Жизнь — жестокая штука. Выбирайте.

Начальник службы безопасности дышал так тяжело, что ему, пожалуй, грозила гипервентиляция. Он переводил взгляд с Мейсон на Каттера, затравленно метаясь в поисках выхода. Но выхода не было.

— Нам надо добраться до порта как можно скорее, — торопливо и сбивчиво выговорил он.

— Это мнение, а не заявление, — холодно откомментировала Мейсон.

— Я… я с вами.

Старпом удовлетворенно повернулась к капитану.

— Вы позорите свою форму и тысячу лет мореходной традиции! — загремел командор. — Это вам так не пройдет!

— Капитан Каттер, — провозгласила Мейсон, — настоящим вы отстраняетесь от командования согласно пятой статье Кодекса морских перевозок. Я даю вам один шанс удалиться с мостика с достоинством. Затем прикажу удалить вас силой.

— Вы… ведьма! Ходячее доказательство того, что женщине не место на капитанском мостике! — И Каттер бросился на нее с неразборчивым рыком, хватая за лацканы форменного пиджака, но двое охранников его отташили. Он сыпал проклятиями, цепляясь и рыча как медведь, но буяна побороли и прижали к полу, а потом надели наручники. — Рыжая сука! Будешь гореть в аду!

С соседних постов вызвали дополнительную охрану, и капитан с большим трудом был укрощен. Его увели, при этом его громовые проклятия еще какое-то время слышались, пока наконец не затихли вдали.

Ле Сёр посмотрел на Мейсон и немного удивился, увидев румянец плохо скрытого торжества на ее лице. Она посмотрела на часы.

— Я запишу в бортовом журнале, что в десять пятьдесят по Гринвичу командование «Британией» перешло от капитана Каттера к старшему помощнику Мейсон. Мистер Кемпер, мне потребуются все ключи, пароли и коды доступа ко всем электронным системам и системам безопасности.

— Есть, сэр.

Она повернулась к штурману:

— А теперь будьте добры снизить скорость до двадцати четырех узлов и проложить курс на Сент-Джонс, Ньюфаундленд.

Глава 48

Дверь тихо отворилась. Сидевшая в напряженном ожидании Констанс поднялась, резко потянув воздух. Пендергаст деловито проскользнул в дверь, неторопливо подошел к маленькому бару, вытащил бутылку вина, изучающе уставился на этикетку. С легким щелчком вытащил пробку, достал бокал и точным, аккуратным движением налил хересу. Прихватив бутылку и бокал, прошел к дивану, поставил бутылку на боковой столик и сел, изучая вино на свет.

— Ты нашел Агозиен? — спросила Констанс.

Детектив кивнул, по-прежнему разглядывая жидкость в стакане, потом отставил стакан.

— Шторм крепчает, — заметил он.

Констанс бросила взгляд в сторону стеклянных балконных дверей, залитых струями воды. Дождь так усилился, что не стало видно волн — одна только сплошная серая масса, переходящая в черноту.

— И что? — Констанс постаралась унять волнение в голосе. — Что это такое?

— Старая мандала. — Пендергаст налил второй стакан и приветственно поднял в ее сторону: — Не желаешь присоединиться?

— Нет, спасибо. Что за мандала? Где она была спрятана? — Его манерничанье могло кого угодно вывести из себя.

Пендергаст сделал долгий, медленный глоток, выдохнул.

— Наш друг спрятал ее за картиной Брака. Подрезал холст и заново натянул на подрамник, чтобы спрятать под ней Агозиен. Прелестный Брак, из раннекубистского периода. Совершенно испорчен. Позор. И он спрятал там Агозиен совсем недавно. Очевидно, узнал о горничной, которая сошла с ума после уборки в его комнатах. И вероятно, знал также о моем интересе к предмету. Ящик раньше находился в сейфе. Видимо, Блэкберн почувствовал, что сейф недостаточно безопасное место, — и не без оснований, как выяснилось. А может, просто хотел иметь вещь всегда под рукой.

— Как она выглядит?

— Мандала? Обычное прямоугольное полотно, узор из переплетающихся квадратов и окружностей, выполненный в старинной традиции Кадампа[45]. Вещь поразительно замысловатая. но представляющая слабый интерес для кого-либо помимо коллекционера или горстки суеверных тибетских монахов. Констанс, ты не будешь так добра сесть? Не очень приятно разговаривать с человеком, который нависает над тобой.

Девушка опустилась на стул.

— Это все? Просто старая мандала?

— Ты разочарована?

— Я почему-то думала, что мы имеем дело с чем-то экстраординарным. Быть может, даже... — Она запнулась в нерешительности. — Не знаю. С чем-то имеющим почти сверхъестественную силу.

Пендергаст издал сухой смешок.

— Боюсь, ты приняла идеи Гзалриг Чонгг излишне близко к сердцу. — Он опять хлебнул хереса.

— Где она?

— Я пока оставил ее и а месте. Она там в безопасности, и при этом мы знаем, где ее найти. Заберем в конце путешествия, в последнюю минуту, когда у него уже не останется времени на метания.

Констанс откинулась на спинку стула.

— Я как-то не могу в это поверить. Просто мандала...

Пендергаст продолжал с видом знатока разглядывать вино в стакане.

— Наше маленькая общественная миссия почти завершена. Осталось только освободить Блэкберна от добытого нечестным путем имущества, а это, как уже прозвучало, задача пустяковая. Я продумал большую часть деталей. От души надеюсь, что нам не придется его убивать, хотя я бы не счел смерть негодяя большой потерей.

— Убивать? О Господи, Пендергаст, я определенно надеюсь этого избежать!

Спецагент иронически приподнял брови:

— В самом деле? Я-то считал, что ты к этому времени должна была уже привыкнуть к смертям.

Констанс, вспыхнув, возмущенно воззрилась на него:

— Что ты такое говоришь?

Пендергаст улыбнулся и вновь опустил взгляд.

— Прости меня, Констанс, это было неделикатно. Нет, мы не станем убивать Блэкберна. Найдем другой способ забрать у него эту бесценную игрушку.

Последовало долгое молчание. Алоиз потягивал херес.

— Ты слышал о мятеже? — спросила Констанс.

Детектив непонимающе нахмурился.

— Мария только что сообщила. Кажется, старший помощник капитана приняла на себя командование и сейчас мы направляемся на Ньюфаундленд вместо Нью-Йорка. Судно охвачено паникой. Вводится комендантский час, в полдень ожидается важное объявление по радио. — Грин бросила взгляд на часы. — Через час.

Пендергаст поставил пустой стакан и встал.

— Я несколько утомлен после трудов. Пойду отдохну, пожалуй. Будь добра, позаботься о том, чтобы в три часа, когда я встану, меня ждал завтрак из яиц а-ля Бенедикт и зеленого чая «Ходжиа», свежего и горячего.

И, не сказав больше не слова, двинулся по лестнице в свою спальню. Через секунду дверь за ним бесшумно закрылась и замок мягко щелкнул.

Глава 49

Ле Сёр уже отбыл час послеполуденной вахты. Он стоял на капитанском мостике, перед комплектом электронных картплоттеров и векторных радаров, прокладывая курс судна через Большую Ньюфаундлендскую банку, на Сент-Джонс. Движения на море не было — лишь несколько крупных судов пережидали шторм, стоя на якоре, — и судно двигалось быстро и без помех.

С момента смены командования на мостике царила непривычная, даже пугающая тишина. Капитан Мейсон казалась целиком поглощенной грузом легшей на нее ответственности. С момента отстранения Каттера от командования она не покидала мостик, и Гордону подумалось, что она, пожалуй, останется здесь вплоть до прибытия судна в порт. Новый капитан повысила уровень чрезвычайного положения до Второго, по Кодексу ОСПС, затем удалила с мостика всех, кроме самых необходимых членов экипажа, оставив только вахтенного офицера, рулевого и единственного впередсмотрящего. Ле Сёр был удивлен, насколько удачным оказалось это решение: тем самым на мостике сформировался микроклимат спокойной сосредоточенности, чего не было при большем скоплении людей.

Гордон лишь задавался вопросом, как будут расценены их действия корпорацией и как они скажутся на его карьере. Скорее всего отрицательно. Ле Сёр утешал себя тем, что у него не осталось выбора. Он поступил, как было должно, и только это имело значение. «Делай как должно, и будь что будет». Как это воспримут другие — от него не зависит.

Наметанный глаз Ле Сёра следил одновременно за множеством приборов и экранов, за навигаторами и системой спутниковой связи, за четырьмя различными комплектами электронных карт, за гироскопом, радаром, лагами, эхолотами системы дальней радионавигации «Лоран». Какой-нибудь бывший морской офицер, служивший еще лет десять назад, с трудом узнал бы современный капитанский мостик. Но в стороне от всей этой электроники Ле Сёр по-прежнему прокладывал курс старомодным способом — на бумаге, с помощью набора точнейших навигационных инструментов, параллельных линеек и циркулей, доставшихся ему в наследство от отца. Он даже время от времени производил визирование по солнцу и звездам, чтобы определить местоположение судна. В этом не было необходимости, но это давало ощущение живой связи с великими традициями профессии.

Новый старпом посмотрел на индикаторы скорости и курса. Корабль, как обычно, двигался на автопилоте, и Ле Сёру пришлось признать: «Британия» в очередной раз доказывала, что является необычайно ходким судном, — преодолевала океан легко и уверенно, несмотря на тридцатифутовую боковую волну и штормовой ветер скоростью сорок — пятьдесят узлов. Да, имела место довольно неприятная и продолжительная винтообразная качка, но можно без труда вообразить, насколько хуже обстояло бы дело у обычного, чисто круизного лайнера. Вопреки сомнениям, «Британия» отлично держала скорость в двадцать два узла. Они бросят якорь в Сент-Джонсе менее чем через двадцать часов.

Ле Сёр испытал огромное облегчение, видя, как Мейсон, уверенно и без суеты, взяла управление судном в свои руки. В полуденном объявлении по системе громкого оповещения она спокойно объяснила, что капитан был освобожден от своих обязанностей и что старший помощник принял командование на себя. Спокойным, ободряющим тоном объявила чрезвычайное положение, уровень два, и объяснила, что судно поворачивает к ближайшему порту. Также попросила пассажиров, ради их собственной безопасности, проводить большую часть времени в каютах, сохраняя выдержку. Пассажирам также предписывалось, отправляясь на обед, передвигаться группами или парами.

Ле Сёр бросил взгляд на радар. Пока все хорошо. Нет признаков льда, и те немногие суда, что оставались в Большой Ньюфаундлендской банке, стояли в стороне от их курса. Он тронул шкальный диск информационного дисплея морской карты, изменяя показатель на двадцать четыре мили. «Британия» приближалась к определенной точке маршрута, в которой автопилот должен будет выполнить коррекцию курса, в обход скал Каррион-Рокс, с подветренной стороны. После этого путь ляжет прямо на гавань Сент-Джонса. На мостике появился Кемпер.

— Как обстановка на пассажирских палубах? — спросил Ле Сёр.

— Настолько удовлетворительно, насколько можно было ожидать, сэр. — Патрик помолчал. — Я доложил корпорации о смене курса.

Ле Сёр нервно сглотнул.

— Ну и?..

— Много недовольного пыхтения, но пока никакой официальной реакции. Они отрядили группу должностных лиц, чтобы встретить нас в Сент-Джонсе. Вообще-то новость их потрясла. Главное беспокойство — нежелательная реклама. Когда пресса за это ухватится… — Кемпер умолк и покачал головой.

Негромкий звонок картплоттера оповестил о том, что нужная точка маршрута достигнута. Пока автопилот автоматически перестраивался, Ле Сёр чувствовал легчайшую вибрацию: новый курс чуть-чуть изменил угол судна по отношению к волне, и качка усилилась.

— Новое направление два два ноль, — негромко доложил Ле Сёр, обращаясь к Мейсон.

— Подтверждаю новое направление два два ноль.

В окна мостика ударил ветер. Из окон был виден только нос корабля, наполовину скрытый туманом, а за ним — серая бесконечность.

— Мистер Ле Сёр.

— Да, капитан?

— Меня беспокоит мистер Крейк, — тихо сказала она.

— Начальник радиосвязи? Почему?

— Мне кажется, он чувствует себя не совсем в своей тарелке. Похоже, заперся в радиорубке. — Мейсон кивнула в сторону двери в задней части мостика.

Ле Сёр удивился: он редко видел эту дверь закрытой.

— Крейк? Даже не знал, что он на мостике.

— Я должна быть уверена, что все палубные офицеры работают как единая команда. У нас шторм и свыше четырех тысяч испуганных пассажиров и членов экипажа на борту, а впереди нелегкие времена, когда мы достигнем Сент-Джонса. Боюсь, Крейк чувствует себя насильно втянутым во все это. Мы не можем себе позволить иметь в команде хотя бы одного сомневающегося или сеющего разлад. Не то время.

— Да, сэр.

— Мне нужна ваша помощь. Я не намерена поднимать шум, мне бы хотелось перемолвиться словом с мистером Крейком, спокойно, наедине.

— Пожалуй, это было бы разумно, сэр.

— Судно движется на автопилоте, до момента поворота на Каррион-Рокс еще четыре часа ходу. Попрошу вас на время покинуть мостик, чтобы я могла поговорить с Крейком без помех. И мне кажется, особенно важно, чтобы отсутствовал мистер Кемпер.

Ле Сёр колебался. Регламентирующие правила требовали, чтобы мостик постоянно был укомплектован по меньшей мере двумя офицерами.

— Я временно возьму на себя вахту, — сказала Мейсон. — А Крейк может считаться вторым присутствующим офицером.

— Да, сэр, но в условиях шторма...

— Понимаю ваше сомнение. И прошу только пять минут. Не хочу, чтобы мистеру Крейку показалось, что на него все ополчились. Честно говоря, меня беспокоит его эмоциональное состояние. Сделайте это тихо и не говорите никому.

Ле Сёр кивнул:

— Есть, сэр.

— Спасибо, мистер Ле Сёр.

Новый старпом подошел к впередсмотрящему:

— Следуйте за мной на сходной трап. И вы тоже, — кивнул он рулевому.

— Но...

— Приказ капитана.

— Есть, сэр.

Ле Сёр подошел к Кемперу:

— Капитан на несколько минут принимает на себя вахту. Она хочет, чтобы мы покинули мостик.

Шеф службы безопасности бросил на него настороженный взгляд:

— Зачем?

— Приказ, — повторил Ле Сёр тоном, который, как он надеялся, отвратит от дальнейших вопросов. Потом сверился с часами: пять минут,

время пошло. Они вышли на трап, и Ле Сёр проследил за тем, чтобы дверь осталась незапертой.

— Что все это значит? — спросил Кемпер.

— Внутренние дела, — еще больше ужесточил тон Ле Сёр.

Они постояли в молчании. Гордон посмотрел на часы.

Оставалось две минуты.

В дальнем конце сходного трапа, соединяющего палубы, открылась дверь и появилась мужская фигура. Ле Сёр опешил: Крейк.

— Я думал, вы в радиорубке, — проговорил он.

Крейк посмотрел на бывшего первого помощника как на тронутого.

— Только что явился на службу, сэр.

— Но капитан Мейсон…

Его прервала низкая сирена и мигающий красный сигнал. По люку капитанского мостика прокатилась серия негромких щелкающих звуков. Дверные запоры.

— Что за чертовщина? — встревожился рулевой.

Кемпер уставился на мигающий красный свет над дверью.

— Господи, кто-то запустил третий уровень тревоги по Кодексу ОСПС!

Ле Сёр схватился за ручку двери, ведущей на мостик, попытался открыть.

— Она автоматически запирается в случае опасности, — бросил Кемпер. — Изолирует капитанский мостик.

Новый старпом почувствовал, как у него кровь стынет в жилах — капитан Мейсон осталась на мостике одна. Он бросился к устройству селекторной связи.

— Капитан Мейсон, говорит Ле Сёр!

Ответа не последовало.

— Капитан Мейсон! Сработал аварийный сигнал третьей степени. Откройте дверь!

Но он опять не услышал ответа.

Глава 50

В половине второго дня Роджер Майлз обнаружил, что находится во главе возбужденной группы пассажиров с десятой палубы, которые направлялись на ленч в ресторан «Оскар» в последнюю смену. До этого больше часа ему пришлось отвечать — вернее, избегать ответов — на разные вопросы. О том, что будет по прибытии в Ньюфаундленд, как они станут добираться до дома, будут ли произведены к компенсации. Ему самому никто ничего толком не говорил, он ничего не знал и был не в состоянии ничего ответить. И тем не менее в его обязанности входило поддерживать «общественную безопасность», какого бы дьявола этот термин ни означал.

Ничего подобного прежде не случалось. Для Майлза величайшей радостью на борту судна была именно предсказуемость жизни. Но в этом рейсе вообще не было ничего предсказуемого. И сейчас Роджер чувствовал, что приближается к критической точке.

Директор круиза шел по коридору с кривой, вымученной улыбкой на лице, а идущие вслед за ним пассажиры сварливыми, раздраженными голосами толковали все о тех же мучительных, неприятных вещах, о которых говорили весь день: о компенсациях, судебных исках, способах возвращения домой. Шагая, Роджер чувствовал под ногами медленную, основательную качку и старался не смотреть на тянущиеся вдоль коридора широкие окна. Он смертельно устал от дождя, от завывания ветра, от глухих ударов волн, бьющих в корпус судна. Сказать по правде, море всегда его страшило. Ему никогда не доставляло удовольствия смотреть вниз с борта корабля, даже в хорошую погоду, потому что море всегда выглядело таким глубоким и холодным. И таким страшно бесконечным. С тех пор как на судне стали пропадать люди, круизному директору периодически снился кошмар — как ночью он падает в темные воды Атлантики, барахтается в воде и видит, как огни судна удаляются и исчезают в тумане. И всякий раз после этого Роджер просыпался в смятой постели, взвизгивая от страха.

Майлз не представлял себе смерти ужаснее. Один из мужчин сзади ускорил шаг.

— Мистер Майлз?

Роджер обернулся, не замедляя шага, все с той же вымученной улыбкой. Когда же они наконец доберутся до «Оскара»?

— Да, мистер?..

— Вендорф. Боб Вендорф. Послушайте, у меня важная встреча в Нью-Йорке, пятнадцатого. Я хочу знать, как мы доберемся от Ньюфаундленда до Нью-Йорка.

— Мистер Вендорф, уверяю вас, компания примет все надлежащие меры.

— Черт побери, это не ответ! И вот еще что: если вы думаете, что мы поплывем морем, то глубоко ошибаетесь. Я в жизни не ступлю больше на борт судна. Я хочу лететь, первым классом!

Глухой ропот одобрения пробежал по группе пассажиров. Майлз остановился и обернулся.

— Кстати, компания уже подбирает рейсы. — Ни о чем подобном он не слышал, но в этот момент был готов сказать все, что угодно, лишь бы эти олухи от него отвязались.

— Для всех трех тысяч пассажиров? — Вперед протолкнулась женщина с кольцом на каждом морщинистом пальце.

— В Сент-Джонсе имеется международный аэропорт. — Есть ли таковой на самом деле, Майлз не имел ни малейшего понятия.

Женщина не унималась. Она взмахивала руками, унизанными драгоценностями, голос ее скрипел, как циркулярная пила:

— Честно говоря, я нахожу отсутствие информации невыносимым. Мы заплатили уйму денег за этот вояж и заслужили право знать, что происходит.

«Вы заслужили хорошего пинка в свой старый геморроидальный зад, леди», — мысленно ответил Майлз, изо всех сил улыбаясь.

— Корпорация все...

— А как насчет возмещения ущерба? — перебил другой голос. — Надеюсь, вы не думаете, что мы собираемся платить за такое обслуживание?!

— Корпорация обо всем позаботится. Прошу вас, немного терпения, господа.

Роджер поспешно отвернулся, чтобы избежать дальнейших вопросов, и увидел это.

Нечто у поворота напоминало скопление густого дыма. Оно двигалось в их сторону, распространяя вокруг тошнотворное зловоние. Майлз резко остановился, вытаращив глаза на темный, зловещий туман, у которого просматривалась текстура вроде сплетенных волокон, смутная, неопределенная, темнее к середине, посветлее с краев, с легкими грязно-переливчатыми вспышками. Объект приближался, и при движении по его поверхности ходили туда-сюда, набухая и расслабляясь, формы, напоминающие мышцы.

Майлз онемел и прирос к месту. «Неужто это правда? — подумал он. — Но этого не может быть. Не может быть...»

Дымное облако, перетекая, двигалось, как будто с какой-то жуткой целью. Группа людей за спиной у Майлза тоже резко остановилась; какая-то женщина тихо ахнула.

— Какого черта? — остолбенело сказал кто-то.

Люди попятились, сбиваясь в плотную кучку; раздалось несколько испуганных возгласов. Майлз не мог отвести глаз от страшного зрелища, не мог пошевельнуться.

— Это какое-то естественное природное явление, — громко произнес Вендорф, скорее убеждая себя самого. — Как, например, шаровая молния.

Облако двигалось по коридору неравномерно, какими-то рывками.

— О Господи!

Майлз услышал за спиной звуки беспорядочного отступления, быстро переросшего в паническое бегство, и через несколько секунд вопли и восклицания стихли вдали. Но Роджер по-прежнему не мог ни крикнуть, ни тронуться с места. Просто стоял, объятый ужасом.

Дымное облако приближалось, и внутри стало вырисовываться нечто — приземистое, уродливое, зверское, с бешено мечущимися глазами... «Нет, нет, нет, не-е-е-ет...»

Из груди Майлза вырвался низкий вопль. Страшное существо приближалось, и круизный директор чувствовал дыхание сырости и тлена, вонь, как от гнилых грибов... Оно подобралось совсем близко и стало проплывать мимо, не глядя на него, не видя, распространяя дух сырого, осклизлого погреба. Причитание, рвущееся из горла Майлза, переросло в булькающий, пузырящийся поток слизи.

...Следующее, что увидел Роджер, — он лежит на полу и смотрит на склонившегося над ним охранника, который держит в руках кувшин с водой.

Майлз открыл рот, чтобы заговорить, но выходило одно только сипение.

— Мистер Майлз, как вы?

Роджер издал звук, похожий на бульканье в проколотых мехах.

— Мистер Майлз? Сэр?

Круизный директор сглотнул, повел челюстью.

— Оно… было… здесь.

Сильная рука ухватила его за пиджак, помогая сесть.

— Ваша группа в панике промчалась мимо меня. Но мы ничего не нашли. Обыскали все примыкающие коридоры. Никого и ничего.

Роджер судорожно сглотнул, а потом — словно стремясь изгнать из себя всякую память об этом ужасе — перегнулся вперед, и его вырвало на золотистое ковровое покрытие.

Глава 51

— Капитан Мейсон! — Ле Сёр отчаянно жал на кнопку переговорного устройства. — У нас сигнал опасности, код три. Прошу вас, ответьте!

— Мистер Ле Сёр, — вмешался Кемпер, — она прекрасно знает, что у нас код три. Сама же его активировала.

Старпом оторопело уставился на него:

— Вы уверены?

Кемпер кивнул.

Гордон вновь повернулся к двери люка.

— Капитан Мейсон! — крикнул он в переговорное устройство. — Что с вами? Что там у вас?

Никакого ответа.

Он забарабанил в дверь кулаком, затем повернулся к Кем-перу:

— Как нам попасть внутрь?

— Никак.

— Черта с два! Где ручная блокировка сигнала тревоги? С капитаном Мейсон что-то случилось!

— Капитанский мостик укреплен точь-в-точь как кабина экипажа в самолете. Когда сигнал опасности включается изнутри, вход на мостик перекрывается. Полностью. Войти туда можно только с разрешения того, кто внутри.

— Должна же быть ручная блокировка!

Кемпер покачал головой:

— Ничего, что допускало бы проникновение террористов.

— Террористов? — Ле Сёр недоуменно уставился на Кем-пера.

— Вот именно. Новые нормы Кодекса ОСПС требуют возможности принятия на борту судна всесторонних антитеррористических мер. Крупнейший в мире океанский лайнер — это бесспорная мишень террористов. Вы не поверите, какими системами безопасности оснащено это судно. Поверьте, вам не проникнуть внутрь даже с помощью взрывчатых веществ.

Тяжело дыша, Ле Сёр, бессильно привалился к двери. Непостижимо. Может, у Мейсон сердечный приступ? Обморок? Он оглядывал встревоженные, растерянные лица людей, которые смотрели на него в ожидании поддержки — как на старшего, как на командира.

— Идемте на вспомогательный мостик, — скомандовал он. — Тамошние видеомониторы покажут нам, что происходит.

Он побежал по трапу, остальные — за ним; открыл дверь на служебную лестницу. Перепрыгивая через три металлические ступеньки, спустился уровнем ниже, потянул на себя

дверь, затем помчался по коридору, мимо палубного матроса со шваброй к люку, ведущему на вспомогательный мостик. Когда группа вошла, находящийся на посту сотрудник службы безопасности, отслеживающий видеоэкраны, с удивлением вскинул на них глаза.

— Дайте камеры главного мостика, — распорядился Ле Сёр. — Все.

Дежурный нажал несколько клавиш, и на маленьких экранах появилось с полдюжины разнообразных видов капитанского мостика.

— Вот она! — с видимым облегчением произнес Ле Сёр. Мейсон стояла у руля, спиной к камере, по-видимому, такая же собранная и спокойная, как при их последнем разговоре. — Почему она не слышала нас по радио? — спросил он. — И когда мы стучали:

— Слышала, — буркнул Кемпер.

— Но тогда почему?.. — Ле Сёр осекся. Бывалый моряк ощутил легкое изменение вибрации громадного судна, изменение в движении моря. Корабль поворачивал. — Что за дьявол?

В то же самое время судно отчетливо и узнаваемо содрогнулось — двигатель прибавил обороты. Да еще как прибавил.

В груди Ле Сёра образовался и затвердел холодный, ледяной узел. Гордон бросил взгляд на дисплей, отображающий курс и скорость — цифры лавиной сменяли одна другую. Наконец высветились новые параметры. Самый полный ход. Двести градусов относительно истинного меридиана... Ле Сёр взглянул на соседнюю индикаторную панель — панель картплоттера. В великолепном ярком цвете как на

ладони стало видно все: маленький символ корабля, прямую линию его нового курса, отмели и скалы Большой банки...

Старпом почувствовал, как у него подкашиваются колени.

— Что? Что такое? — спрашивал Кемпер, испытующе всматриваясь в лицо Ле Сёра. Потом проследил за его взглядом и тоже увидел картплоттер. — О Боже! — Шеф службы безопасности оторопело смотрел на зеленый экран. — Вы же не думаете...

— Что там? — присоединился к ним только что вошедший на мостик Крейк.

— Капитан Мейсон увеличила скорость до максимума, — произнес Ле Сёр глухим, безжизненным голосом, который ему самому показался чужим. — И сменила курс. Мы идем прямо на Каррион-Рокс.

Он вновь обратился к видеоэкранам, которые показывали капитана Мейсон у руля. Голова Кэрол чуть повернулась так что стал виден профиль, и Ле Сёр заметил на ее губах легчайшую, едва заметную улыбку.

Снаружи, в коридоре, драивший линолеум уборщик Ли Нг прервал на минуту свое занятие и прислушался. Что-то серьезное происходило там, за неплотно закрытой дверью. Но потом голоса смолкли. В любом случае он мог и неправильно понять. Языковая проблема, что поделаешь, несмотря на старательную учебу, его английский все еще не дотягивал до нужного уровня. Трудно в шестьдесят лет учить новый язык. А вдобавок сплошные морские термины, которых даже не было в его дешевом англо-вьетнамском словаре.

Он вновь принялся орудовать шваброй. Молчание за приоткрытой дверью вспомогательного мостика вдруг уступило место взволнованным голосам. Ли Нг подошел ближе, подставил ухо к двери и прислушался, одновременно возя шваброй. Голоса были громкие, настойчивые, и сейчас он понял, что с самого начала не ошибся.

Ручка швабры глухо стукнулась об пол. Л и Нг сделал шаг назад, потом другой. Затем повернулся и зашагал прочь. Потом побежал. Бег не раз спасал ему жизнь в отчаянных ситуациях на войне. Но сейчас, убегая, он понимал, что здесь не так, как на войне: тут нет места, чтобы укрыться, нет защитной стены джунглей за последним рисовым полем.

Здесь кругом океан. Бежать просто некуда.

Глава 52

Констанс Грин внимательно выслушала сделанное новым капитаном объявление по радио, испытав большое облегчение при известии о том, что «Британия» наконец поворачивает к Сент-Джонсу. Ее также обнадежили принятые на судне строгие меры. Иллюзию о том, что рейс по-прежнему является развлекательным, развеяли: теперь речь шла о безопасности и выживании. Возможно, подумалось ей, есть некая справедливость в том, что эта избалованная публика получила какое-то представление о реальной жизни.

Констанс взглянула на часы: час сорок пять. Пендергаст сказал, что намерен спать до трех, и она не собиралась ему мешать. Алоизу явно требовался отдых, хотя бы для того, чтобы выйти из этой странной хандры, в которую он как будто впал. Констанс никогда прежде не видела, чтобы опекун укладывался спать среди дня или пил алкоголь в столь раннее время.

С томиком Монтеня Грин примостилась на тахте, стараясь отвлечься от тревог. Но едва начала погружаться в изысканные французские обороты, как раздался негромкий стук в дверь.

Констанс пошла в прихожую.

— Это Мария, — послышалось из-за двери. — Откройте, пожалуйста.

Констанс отворила, и горничная поспешно вошла в каюту. Ее обычно опрятная форма была в беспорядке, волосы растрепаны.

— Пожалуйста, присядьте, Мария. Что случилось?

Горничная села, провела рукой по лбу.

— Там настоящий дурдом.

— Что, простите?

— Как это по-английски? Бедлам. Послушайте, у меня для вас новости. Очень плохие. На нижних палубах они распространяются как огонь. Молю Бога, чтобы это оказалось неправдой.

— Что именно?

— Говорят, будто новый капитан заперся на мостике и ведет корабль на скалы.

— Что?!

— На скалы. На Каррион-Рокс. Говорят, мы разобьемся меньше чем через три часа.

— Мне это кажется истерическим бредом.

— Может быть, — покачала головой Мария, — но вся команда в него верит. И на вспомогательном мостике творится что-то небывалое. Множество офицеров бегают туда-сюда, суматоха. И еще опять появился тот... как это... дымный призрак. На этот раз его видела целая группа пассажиров, вместе с круизным директором.

Констанс молчала, осмысливая услышанное. Лайнер содрогнулся на очередной мощной волне. Потом девушка посмотрела на Марию.

— Подождите здесь, пожалуйста:

Грин пошла наверх и постучалась в дверь комнаты Пендергаста. Обычно компаньон откликался немедленно, причем голос его бывал таким ясным и собранным, как если бы он вовсе не спал. Но на сей раз ничего подобного. Девушка постучала снова.

— Алоиз?

Изнутри раздалось негромкое, вялое:

— Я же просил разбудить меня в три.

— Возникла чрезвычайная ситуация, о которой тебе надо знать.

Долгое молчание.

— Я спущусь через минуту.

Констанс вернулась в гостиную. Через несколько минут появился и Пендергаст — в черных брюках от костюма, рубашка не застегнута, через руку перекинуты пиджак и галстук. Он бросил пиджак на спинку стула и обвел глазами комнату.

— Где мои яйца а-ля Бенедикт?

Констанс посмотрела ему прямо в глаза.

— Обслуживание в каютах отменено. Еда подается только во время обеденных смен.

— Без сомнения, присутствующая здесь Мария сумеет раздобыть что-нибудь, пока я бреюсь.

— У нас нет времени на еду, — раздраженно бросила Констанс.

Пендергаст отправился в ванную, оставив дверь открытой. Стянул рубашку с белого, скульптурно вылепленного тела, перекинул через стойку душа, включил воду и принялся намыливать лицо. Вытащил длинную прямую бритву и взялся за правку. Констанс хотела было закрыть дверь в ванную, но детектив жестом остановил ее.

— Я жду рассказа о том, что же такое важное помешало моему сну.

— Мария говорит, что капитан, принявший командование от Каттера, после того как он отказался сменить курс на ближайший порт, захватил капитанский мостик и ведет судно на рифы.

Бритва замедлила свое плавное движение вдоль белой щеки. Прошло почти полминуты, прежде чем бритье возобновилось.

— А зачем Мейсон это сделала?

— Никто не знает. Похоже, просто сошла с ума.

— Сошла с ума, — повторил Пендергаст.

— В довершение всего опять появилась та странная штука, так называемый дымовой призрак. Его видели несколько человек, в том числе директор круиза. Такое впечатление, что... — Констанс замолчала, пытаясь сформулировать пришедшую на ум мысль, потом махнула рукой. Определенно все это. лишь ее воображение.

Пендергаст продолжал бриться. Тишину нарушали отдаленный гул и удары волн да время от времени взволнованные голоса в коридоре. Констанс и Мария ждали. Наконец детектив закончил. Он ополоснул, вытер и сложил бритву, вымыл лицо, натянул рубашку, застегнул, вставил в манжеты золотые запонки, набросил на шею галстук, завязал. После чего вышел в гостиную.

— Куда ты собираешься? — спросила Констанс, одновременно и раздосадованная, и немного испуганная. — У тебя есть какое-нибудь представление о том, что происходит?

— Ты хочешь сказать, что сама еще не поняла?

— Конечно, нет! — Констанс почувствовала, что теряет терпение. — Не говори мне, что ты понял!

— Безусловно, понял. — Спецагент ловко и неторопливо надел пиджак и направился к двери.

— Так что же это такое?

Пендергаст задержался у двери.

— Все связано, как я и предполагал вначале. Кража Агозиена, убийство Джордана Эмброуза, исчезновения и убийства людей на борту, а теперь еще и безумный капитан, ведущий судно на рифы. — Он издал иронический смешок. — Не говоря уже о вашем дымовом призраке.

— Каким образом связано? — разозлилась Констанс.

— Ты располагаешь той же информацией, что и я. А объяснения так утомительны. Кроме того, сейчас все это уже не имеет значения. Если то,

что ты говоришь, правда, то вскоре все это, — он неопределенно обвел рукой комнату, — опустится на самое дно Атлантики. И в данный момент мне нужно провернуть одно важное дело. Я вернусь самое большее через час. Возможно, тем временем ты сможешь организовать мне простой, незатейливый завтрак из яиц а-ля Бенедикт и зеленого чая.

Констанс уставилась на захлопнувшуюся за Пендергастом дверь и еще долго на нее таращилась. Затем медленно повернулась к Марии и молча посмотрела на нее.

— Да? — спросила Мария.

— Я хотела бы попросить вас кое о чем. Горничная молчала в ожидании.

— Я хочу, чтобы вы нашли мне врача, и как можно скорее.

— Вы заболели? — встревожилась та.

— Я — нет. Но вот он, думаю, да.

Глава 53

Гэвин Брюс и люди, которых он стал называть «своей командой», собрались в салоне восьмой палубы, в средней части судна, чтобы обсудить новую обстановку и дополнительные шаги, которые они могли бы предпринять. Недавно минул полдень, и для этого времени суток на «Британии» было необычайно тихо и спокойно. Несмотря на то что комендантский час распространялся только на ночные часы, похоже, многие из пассажиров предпочитали вообще не выходить из кают — либо из страха перед убийцей, либо от усталости после крайне неспокойного утра.

Брюс задумчиво шевельнулся на стуле. При том что их миссия добиться аудиенции у капитана Каттера провалилась, приятным известием явилось то, что этого человека отстранили от командования и теперь выполнялись внесенные им, Брюсом, рекомендации. Гэвин чувствовал, что в конечном счете его вмешательство принесло плоды.

Каттеру ситуация оказалась явно не по плечу. Он был командиром того типа, который Брюсу был хорошо знаком по многим годам его службы в Королевском военно-морском флоте, — командиром, который путает упрямство с решительностью, а следование инструкциям — с мудростью. Такие люди часто становились препятствием, когда обстоятельства приобретали непредсказуемый характер. Новый капитан взялась за дело очень хорошо; Гэвин одобрил ее речь по внутреннему радио — в ней чувствовались профессионализм и компетентность.

— Мы движемся прямо в зубы шторму. — Найлз Уэлч кивнул в сторону окон, по которым струился дождь.

— Не хотел бы при такой заварухе оказаться на борту судна меньших размеров, — откликнулся Брюс. — Поразительно, насколько хорошими мореходными качествами обладает эта громадина.

— Не то что эсминец, на котором я служил гардемарином во время фолклендской войны, — добавил Квентин Шарп. — Вот уж был шальной корабль.

— Меня удивляет, что капитан решил прибавить скорость, — заметила Эмили Дальберг.

— Не могу сказать, что осуждаю такой шаг, — усмехнулся Брюс. — На ее месте я бы изо всех сил постарался привести эту проклятую посудину в порт как можно скорее — и черт бы с ним, с комфортом пассажиров! Хотя все же прикрыл бы дроссели. Судно изрядно потряхивает. Кстати, Эмили, хотел поздравить вас с тем, как вы утихомирили ту истеричную девушку. Это уже четвертый человек, которого вам удалось успокоить за последний час.

Дальберг закинула ногу на ногу.

— Все мы здесь с одной и той же целью, Гэвин, — поддерживать порядок и помогать любым доступным нам способом.

— Да, но я бы с этим не справился. Думаю, никогда в жизни не видел человека в столь растрепанных чувствах.

— Я просто руководствовалась материнским инстинктом.

— У вас же никогда не было детей.

— Верно, — слабо улыбнулась Дальберг. — Но у меня хорошее воображение.

В коридоре послышался настойчивый звук шагов, прокатились сбивчивые крики.

— Неужели очередная группа пьяных негодяев? — пробормотал Шарп.

Голоса делались все громче, и вскоре появилась разнузданная толпа пассажиров, ведомая кем-то, явно пьяным. Они рассыпались по коридору и колошматили в двери кают, обитатели которых испуганно выскакивали в коридор.

— Вы слышали? — заплетающимся языком кричал предводитель группы. — Слышали? — Остальные продолжали барабанить в двери, призывая всех выйти из кают.

Брюс тревожно выпрямился.

— Что произошло? — резко спросила Дальберг. Пьяный остановился, покачиваясь.

— Мы мчимся на рифы!

Послышался ропот испуганных голосов. Человек взмахнул руками, стараясь удержать равновесие.

— Капитан захватил мостик и хочет разбить корабль о скалы!

Новый всплеск криков, вопросов.

Брюс встал.

— Такие заявления на борту корабля, сэр, являются подстрекательскими. Думайте, что говорите!

Мужчина посмотрел на Гэвина мутным взором:

— Я-то думаю. Лучше сам подумай, приятель. Весь корабль уже знает, вся команда толкует об этом.

— Это правда! — выкрикнул голос откуда-то сзади. — Она взяла курс на Каррион-Рокс!

— Что за чушь! — возмутился Брюс, но ему стало не по себе при упоминании о Каррион-Рокс. Скалы были ему хорошо знакомы по морской службе: широкая полоса отмелей и острых, похожих на клыки рифов, выступающих с поверхности североатлантического дна; гибельная помеха для мореплавания.

— Это правда! — крикнул пьяный, так сильно взмахивая руками, что почти потерял равновесие. — Все болтают об этом!

Брюс увидел, как паника охватывает толпу.

— Друзья мои, — произнес он твердым голосом, — это невозможно. Капитанский мостик на таком судне, как это, не может управляться одним человеком. И должны быть тысячи способов перехватить управление судном из машинного отделения или с запасных мостиков. Я знаю — я был капитаном в британском флоте.

— Теперь все по-другому, старый ты осел! — заорал пьяный. — Корабль полностью автоматизирован! Капитан взбунтовался и захватил управление, а теперь собирается потопить судно!

Какая-то женщина стремительно протолкнулась вперед и схватила Брюса за костюм.

— Вы были во флоте! Ради всего святого, вы должны что-то сделать!

Гэвин высвободился и успокаивающим жестом поднял руки. Он обладал импозантной внешностью, и испуганный гам немного утих.

— Прошу внимания! — воззвал Брюс.

Водворилась тишина.

— Мы с командой единомышленников выясним, имеют ли эти слухи какую-то почву.

— Имеют!

— Тихо! Если так и есть, мы примем меры — я вам обещаю. Тем временем все оставайтесь здесь и ждите дальнейших указаний.

— Если я правильно помню, — подала голос Эмили, — в Адмиральском клубе на десятой палубе есть монитор, который показывает местонахождение судна, курс и скорость.

— Превосходно, — кивнул Брюс. — Это дает нам возможность сделать независимую проверку.

— А что потом? — истерически взвизгнула женщина, которая хватала его за пиджак.

Гэвин повернулся к ней:

— Как я уже сказал, оставайтесь здесь и велите всем остальным, кто подойдет, делать то же самое. Поддерживайте спокойствие и препятствуйте распространению этих слухов. Меньше всего нам нужна паника. Если сказанное вами правда, мы поможем остальным офицерам взять управление судном в свои руки. И будем держать вас в курсе. — Затем он повернулся к своей маленькой группе. — Пойдем и проверим?

И быстрым шагом повел единомышленников по коридору, к лестнице. Что за бредовая история? Это не может быть правдой…

Конечно, не может!

Глава 54

Вспомогательный мостик был до отказа набит членами экипажа, и обстановка накалялась с каждой минутой. Ле Сёр созвал совещание штаба по чрезвычайным ситуациям — пригласил начальников всех служб, и как раз подошли шеф гостинично-развлекательной службы, а также главный эконом, боцман и главный стюард. Ле Сёр бросил взгляд на часы, потом отер пот со лба и, вероятно, в сотый раз, посмотрел на спину капитана на экране системы видеонаблюдения. Мейсон стояла у руля, как всегда прямая и спокойная, ни один волосок не выбивается из-под фуражки. Офицеры уже запросили курс «Британии» на главном

картплоттере спутниковой навигационной системы, и вот она, картина, как на ладони, в холодных электронных тонах — новое направление, скорость… и скалы Каррион-Рокс.

Первый помощник посмотрел на Мейсон, с ледяным спокойствием стоящую у руля. Что же с ней произошло? Какая-то болезнь, удар, наркотики? Что творилось в ее голове? Ее действия являли собой полную противоположность приказам и командам в такой ситуации.

Рядом, в наушниках, стоял у дисплейного терминала Кемпер. Ле Сёр тихонько подтолкнул его, и шеф службы безопасности сиял наушники.

— Вы абсолютно уверены, Кемпер, что она нас слышит?

— Все каналы связи открыты. Я даже слышу обратную связь, звуки оттуда.

Ле Сёр обратился к Крейку:

— Есть какие-нибудь отклики на наши сигналы бедствия?

Крейк поднял взгляд от системы спутниковой телефонной связи.

— Да, сэр. Отзываются службы береговой охраны США и Канады. Ближайшее к нам судно — корабль Канадской береговой охраны «Уилфред Гренфелл», из порта Сент-Джонс. Шестидесяти восьми метровый сторожевой катер, с девятью офицерами, командой в одиннадцать человек, шестнадцатью койками плюс еще десять в судовом госпитале. Они движутся перехватывающим курсом и подойдут к нам примерно в пятнадцати морских милях к востоку-северо-востоку от Каррион-Рокс… около трех часов сорока пяти минут пополудни. Больше нет никого на достаточно близком расстоянии, чтобы успеть к нам раньше… э… расчетного времени столкновения.

— Какой у них план?

— Они еще рассматривают возможные варианты.

Ле Сёр повернулся к третьему помощнику:

— Попросите сюда доктора Грэндайна. Мне нужно мнение медика по поводу того, что происходите Мейсон. И спросите Майлза, нет ли на борту, среди пассажиров, психиатра. Если есть, пригласите и его тоже.

— Есть, сэр.

Далее пришла очередь старшего механика.

— Мистер Холси, я хочу, чтобы вы лично пошли в машинное отделение и отключили автопилот. Перережьте кабели, если потребуется,

пройдитесь кувалдой по платам контроллера. В качестве крайней меры выведите из строя одну из силовых установок.

Старший механик покачал головой:

— Автопилот особо защищен против внешнего вмешательства. Он сконструирован так, чтобы быть изолированным от ручного управления. Даже если вывести из строя один из силовых комплексов — что невозможно, — автопилот произведет компенсирующее действие. Судно может идти и на единственной силовой установке, если понадобится.

— Мистер Холси, не говорите мне, что ничего нельзя сделать, пока не попытаетесь.

— Есть, сэр.

Затем новоиспеченный старпом обратился к начальнику радиослужбы.

— Попробуйте вызвать Мейсон по шестнадцатому каналу УКВ с портативной рации.

— Есть, сэр. — Офицер снял с пояса ручную рацию, поднес к губам, нажал кнопку передачи. — Начальник службы связи вызывает капитанский мостик, начальник службы связи вызывает капитанский мостик. Пожалуйста, ответьте.

— Видите? — воскликнул Ле Сёр, указывая на видеоэкран. — Видите эту зеленую лампочку приема? Она нас слышит, громко и ясно!

— Об этом я вам и твержу, — отозвался Кемпер. — Слышит каждое слово.

Гордон покачал головой. Он знал Мейсон много лет. Да, несколько строга и чопорна; быть может, излишне привержена правилам и инструкциям, не особенно сердечна, но всегда абсолютно профессиональна. Он ломал голову, пытаясь что-нибудь придумать. Должен быть какой-то способ пообщаться с ней с глазу на глаз. Его чертовски бесило, что капитан все время держится к ним спиной.

Быть может, если бы он смог увидеть ее лицо, получилось бы капитана урезонить. Или по крайней мере понять.

— Мистер Кемпер, прямо под окнами капитанского мостика проходит брус для крепления оборудования и мытья окон — я прав?

— Полагаю, что так.

Ле Сёр сорвал со спинки стула китель, натянул на себя.

— Я иду туда.

— Вы с ума сошли! — сказал Кемпер. — Это сто футов над палубой.

— Я должен посмотреть ей в лицо и спросить, какого дьявола она делает.

— Там шторм!

— Второй помощник Уортингтон, заступите на вахту, пока я не вернусь. — И, рванув дверь, Ле Сёр выбежал из помещения.

Гордон стоял у левого переднего ограждения наблюдательной платформы тринадцатой палубы, ветер рвал его одежду, дождь сек лицо. Ле Сёр смотрел вверх, на мостик, расположенный на самом высоком уровне судна; выше были только дымовые трубы и мачты. Два крыла мостика далеко выдавались в стороны, к правому и левому бортам; их концы выступали над корпусом. Стоя под стеной из тускло сияющих окон, он мог лишь с трудом различать тот самый брус — одиночную, в дюйм толщиной медную трубу, закрепленную стальными скобками на расстоянии примерно шести дюймов от судовой надстройки. Брус огибал нижнюю часть мостика. Узенький трап бежал с наблюдательной платформы вверх, к левому крылу, где примыкал к брусу.

Сгибаясь под ветром, Ле Сёр подошел к трапу, секунду помедлил в нерешительности, потом крепко, словно утопающий, ухватился за перекладину на уровне плеча. Чуть помедлил; мышцы рук и ног напряженно подрагивали в ожидании грядущего испытания.

Старпом поставил ногу на нижнюю перекладину и вытолкнул себя вверх. Его окатил сноп брызг, и Гордон с неприятным удивлением ощутил на губах соленый вкус морской воды, поднявшейся на двести футов выше ватерлинии. Сквозь пелену дождя и морской пыли не было видно океана, зато слышался глухой гул и ощущалось тяжелое биение волн о корпус. На такой высоте каждый крен судна был особенно резко выражен и тошнотно отдавался в животе.

Надо ли предпринимать эту попытку? Кемпер был прав: это чистое безумие. Но даже задавая себе этот вопрос, Ле Сёр уже знал, каким будет ответ. Он должен заглянуть ей в глаза.

Сжимая перекладины изо всей мочи, старпом тащил себя вверх по отвесной лестнице. Постепенно, сначала рука, потом нога, потом все заново. Ветер хлестал так сильно, что Ле Серу приходилось временами закрывать глаза и продвигаться ощупью; грубые руки моряка словно клещи сжимали шероховатые перекладины. Корабль вдруг ухнул под какую-то особенно яростную волну, и старпом почувствовал, что повис над пустотой, а сила тяжести тащит его вниз, в кипящий морской котел.

Одна рука, потом другая.

После, казалось, бесконечного восхождения он наконец достиг вожделенного бруса и вытянул шею. Всмотрелся, но отсюда было

слишком далеко до средней части мостика и не удалось увидеть ничего, кроме тусклого свечения электронных приборов.

Чтобы подобраться к средним окнам, предстояло обогнуть мостик.

Окна мостика отличались легкой покатостью. Над ними имелся выступ верхней палубы с собственным фальшбортом. Дождавшись затишья между шквалами, Ле Сёр подтянулся и ухватился за верхнюю кромку, одновременно переставив ноги на брус. В таком положении он застыл на довольно долгое время — с колотящимся сердцем, чувствуя себя полностью беззащитным, под ветром и дождем, над самой бездной. Распластавшись на окнах мостика, выпростав руки и ноги во все стороны, он еще острее ощущал качку.

Старпом перевел дух, а затем начал медленно, осторожно пробираться вдоль мостика — цепляясь за верхний бортик замерзающими пальцами, напряженно замирая с каждым порывом ветра. Сто шестьдесят футов длины мостика означали восемьдесят футов пути до дисплейного терминала и руля.

Медленно, фут за футом, он продвигался по наружному периметру мостика. Брус не предназначался для подобных физических упражнений, был гладким и дьявольски скользким. Ле Сёр двигался медленно, осторожно, опасливо перебирая ногами по гладкому брусу; пальцы едва цеплялись за мокрый край фальшборта. Внезапно мощный порыв ветра с ревом снес ноги Гордона с металлической трубы, и на какой-то момент смельчак повис, охваченный ужасом, над бурлящей бездной. Старпом судорожно задергался, ища точку опоры, и, обретя ее, вновь опасливо замер на некоторое время — ловя ртом воздух, с бешено колотящимся сердцем. Через минуту он заставил себя двигаться дальше.

Но вот наконец и середина мостика. И вот перед ним капитан Мейсон. Стоя у руля, она спокойно смотрела на своего подчиненного.

Ле Сёра поразило выражение ее лица — на нем даже не отразилось удивление при его невероятном появлении за окном: странный призрак на фоне шторма, прильнувший снаружи к окнам капитанского мостика.

Перехватившись поудобнее за кромку фальшборта левой рукой, Гордон правой забарабанил в окно:

— Мейсон! Мейсон!

Она встретилась с ним взглядом — все таким же, почти рассеянным.

— Мейсон, что вы делаете?

Нет ответа.

— Проклятие, Мейсон, поговорите со мной! — Ле Сёр так сильно грохнул в окно кулаком, что ушиб руку.

Тем не менее она смотрела все так же бесстрастно.

— Мейсон!

Наконец Кэрол обошла штурвал и подошла к окну. Ее голос доносился слабо, еле пробиваясь через стекло и рев бури.

— Вопрос в том, мистер Ле Сёр, что делаете бы.

— Разве вы не понимаете, что судно идет прямо на скалы?

Ее губы дрогнули, и она что-то произнесла, но Ле Сёр не расслышал из-за шторма.

— Я вас не слышу! — Гордон про себя задался вопросом как скоро пальцы сдадут и он полетит вниз, в свирепую серую пену.

— Я сказала, — Мейсон приблизилась к стеклу и заговорила громче, — что мне это прекрасно известно.

— Но зачем?

Улыбка наконец появилась на ее губах, как отблеск солнца на льду.

— Хороший вопрос, не правда ли?

Ле Сёр прижался к стеклу, изо всех сил стараясь удержаться. Надолго его не хватит.

— Почему? — прокричал он.

— Спросите у корпорации.

— Но вы же… вы же не можете делать это намеренно!

— Отчего же нет?

Старпом удержался от того, чтобы обвинить капитана в сумасшествии. Ему надо было достучаться до нее, понять ее мотивы, договориться.

— Ради всего святого, вы же не хотите угробить ни за что четыре тысячи человек!

— Я не имею ничего против пассажиров или команды. Тем не менее действительно намерена уничтожить судно.

Ле Сёр сам не понимал, что катится по его лицу — капли дождя или слезы.

— Капитан, послушайте! Если у вас в жизни какие-то проблемы, проблемы с компанией, мы сможем их уладить. Но это… на борту тысячи ни в чем не повинных людей, много женщин и детей. Я умоляю вас, пожалуйста, не делайте этого. Пожалуйста!

— Люди умирают каждый день.

— Это что-то вроде террористической атаки? Я хочу сказать, — Гордон с трудом сглотнул, стараясь облечь мысль в нейтральные слова, — вы представляете какую-то… особую политическую или религиозную точку зрения?

Ее улыбка оставалась холодна и спокойна.

— Коль скоро спрашиваете, я вам отвечу: нет. Это чисто личное.

— Если вы хотите уничтожить только корабль, хотя бы остановите его сначала. По крайней мере позвольте нам спустить на воду спасательные шлюпки!

— Вам прекрасно известно, что, если я снижу скорость, сюда сможет высадиться группа захвата. Несомненно, половина пассажиров уже отослали во внешний мир электронные сообщения. Несомненно, готовится мощный ответ. Нет, мистер Ле Сёр, скорость — мой союзник, а место назначения «Британии» — скалы Каррион-Рокс. — Мейсон бросила взгляд на картплоттер. — До которых осталось сто сорок девять минут.

— Нет! — Он в отчаянии ударил кулаком в стекло.

Это усилие едва не стоило ему жизни. Ле Сёр кое-как восстановил равновесие, обламывая ногти и беспомощно наблюдая, как Мейсон возвращается на свое место у руля, а глаза ее устремляются в серую штормовую мглу.

Гпава 55

Раздался звук открываемой двери, и Констанс настороженно выпрямилась на стуле. Снаружи влетел в комнату шум паники: крики, проклятия, топот ног. Пендергаст вошел в каюту и закрыл за собой дверь.

Он прошел через прихожую, с его плеча свисало что-то большое и тяжелое. Когда детектив приблизился, Констанс увидела, что это некий холшовый мешок цвета слоновой кости, сложенный и туго перевязанный тесемками. Спецагент остановился у двери в кухню, снял с плеча свою ношу, отряхнул руки, затем вошел в гостиную.

— Ты приготовила чай, — отметил он, наливая себе чашку и опускаясь в кожаное кресло. — Превосходно.

Грин ответила ему холодным взглядом.

— Я все еще надеюсь услышать твое объяснение происходящему.

Пендергаст сделал медленный оценивающий глоток.

— Ты знала, что рифы Каррион-Рокс — одна из величайших помех для мореходства в Северной Атлантике? Настолько, что после катастрофы с «Титаником» сначала грешили на них.

— Как интересно. — Констанс смотрела на спутника, так спокойно сидящего в кресле и попивающего чай, словно вовсе и не было никакого чрезвычайного положения. А потом ей подумалось: может, и в самом деле нет? — У тебя есть какой-то план, — уверенно сказала она.

— Действительно, есть. И пожалуй, сейчас самое время ознакомить тебя с деталями. Это сэкономит усилия в дальнейшем, когда нам, возможно, придется реагировать на меняющуюся ситуацию довольно быстро.

Сделав еще один медленный глоток, он отставил чашку, поднялся и вытащил из мешка что-то большое. Отступив в гостиную, положил это на пол.

Констанс с любопытством смотрела на предмет: продолговатый твердый контейнер из белой резины и пластика, фута четыре натри, перетянутый нейлоновыми стропами. На лицевой его стороне были наклеены многочисленные ярлыки с предупреждениями. Грин смотрела, как Пендергаст распускает нейлоновые стропы и снимает переднюю стенку. Внутри находилось какое-то плотно уложенное приспособление из люминесцентно-желтого полиуретана.

— Самонадувающийся плавучий аппарат, — пояснил Пендергаст. — Известный в просторечии как аварийно-спасательный поплавок. Оснащен в соответствии со стандартом СОЛАС[46] радиомаяком, одеялами и провизией. Каждая из имеющихся на «Британии» спасательных шлюпок свободного падения оснащена таким комплектом. Я... э... реквизировал его из одной.

Констанс переводила ошеломленный взгляд с контейнера на Пендергаста.

— Если окажется, что офицеры не в состоянии обуздать капитана, они могут попытаться спустить на воду спасательные шлюпки, — продолжал он. — При такой скорости это опасно, пожалуй, даже безрассудно. С другой стороны, мы будем иметь дело с минимальным риском, если спустимся в этой штуке на воду с кормы корабля. Конечно, нам придется быть осторожными при эвакуации.

— Эвакуации, — тупо повторила Констанс.

— Разумеется, это должно быть проделано с той палубы, что расположена низко над ватерлинией. — Алоиз протянул руку к маленькому столику, взял оттуда судовую брошюру и вытащил глянцевую фотографию «Британии». — Я бы предложил вот эту точку, — указал он на ряд больших окон низко на корме. — Судя по всему, это бальный зал «Король Георг Второй». Он скорее всего будет пустовать, учитывая нынешнюю ситуацию. Мы могли бы выбить окно стулом или столом и через него выбраться. Конечно, мы перенесем туда аппарат в этом мешке, дабы избежать внимания. — Детектив на секунду задумался. — Будет мудро выждать примерно с полчаса, чтобы оказаться достаточно близко от места столкновения — на разумном расстоянии от спасательных судов, но не настолько близко, чтобы нам помешала паника последних минут. Если мы выберемся через одно из боковых окон бального зала, вот здесь или здесь, мы избежим самого сильного воздействия кильватерной струи. — Облегченно вздохнув, спецагент отложил фотографию, явно очень довольный своим планом.

— Ты говоришь «мы», — медленно произнесла Констанс. — Это значит — мы двое?

Пендергаст глянул на нее в легком удивлении:

— Да, конечно. Ноты не беспокойся; я понимаю, может показаться, что внутри этой штуки мало места, но, полностью надутая, она, безусловно, будет достаточно вместительна для нас обоих. Плотик рассчитан на то, чтобы выдержать четверых, так что, увидишь, мы легко разместимся.

Девушка глядела на спутника, не веря своим ушам.

— Ты предлагаешь нам спастись, а остальных бросить здесь на верную гибель?

Пендергаст нахмурился:

— Констанс, прекрати, я не люблю, когда со мной разговаривают в таком тоне.

Грин поднялась с места, в холодной ярости.

— Ты... — Она подавила готовое сорваться слово. — Украсть это плавсредство из спасательной шлюпки... Ты пошел туда не затем, чтобы найти способ отвести беду и спасти «Британию». Ты просто делал приготовления, чтобы спасти собственную шкуру!

— Как ни странно, я довольно-таки привязан к своей шкуре. И хотелось бы напомнить тебе, Констанс, что я предлагаю спасти также и твою.

— Это совсем на тебя не похоже. — В голосе девушки звучала смесь недоверия, потрясения и гнева. — Это махровый эгоизм! Что с тобой,

Алоиз? С тех пор как ты вернулся из каюты Блэкберна, ведешь себя… непонятно! Словно другой человек.

Детектив посмотрел на нее долгим взглядом. Медленно отставив переднюю панель пластикового контейнера, встал и подошел к ней.

— Сядь, Констанс, — негромко велел он. И было в этом голосе нечто столь странное, чуждое, незнакомое, что, несмотря на весь свой гнев и шок, она немедленно подчинилась.

Глава 56

Ле Сёр опустился на стул в комнате для совещаний, примыкающей к вспомогательному мостику. Он все еще был мокрым до нитки, но чувствовал, что задыхается от жары в комнате, битком набитой разгоряченными людьми. Помещение, предназначенное для полудюжины моряков, до отказа заполнили палубные офицеры и начальники различных служб, и народ все подходил.

Ле Сёр даже не стал ждать, пока все рассядутся; встал и постучал костяшками пальцев по столу.

— Я только что говорил с Мейсон. Она подтвердила, что в ее планы входит швырнуть «Британию» на Каррион-Рокс на предельной скорости. На данный момент нам не удалось проникнуть на мостик или заблокировать автопилот. И мне не удалось найти достаточно компетентного врача, чтобы диагностировать ее состояние или предложить аргументы, которые подействовали бы на нее.

Гордон обвел взглядом присутствующих.

— Я говорил несколько раз с капитаном «Гренфелла», единственного корабля, находящегося достаточно близко, чтобы попытаться нас спасти. Все другие суда — гражданские и корабли береговой охраны — не поспеют. Канадские силы береговой охраны также отправили к нам два самолета для наблюдения и связи. У них есть эскадрилья вертолетов в состоянии боевой готовности, но на данный момент мы все еще вне досягаемости для аппаратов с берега. Мы не можем рассчитывать на какую-то помощь с этой стороны. А «Гренфелл» совершенно не приспособлен для того, чтобы осуществить эвакуацию четырех тысяч человек.

Ле Сёр помолчал, перевел дыхание.

— Мы в центре шторма, при волнении моря в сорок футов и скорости ветра в двадцать шесть узлов. Но наша самая трудноразрешимая проблема — это скорость судна относительно воды: двадцать девять узлов. Если бы мы не двигались, у нас имелся бы выбор: например, перемещение людей

на «Гренфелл», высадка на борт десанта спецназа. Но все это невыполнимо при такой скорости. — Ле Сёр огляделся. — Поэтому, друзья, мне нужны идеи, причем немедленно.

— Что, если вывести из строя двигатели? — спросил кто-то. — Просто повредить их.

Ле Сёр бросил взгляд на старшего механика:

— Мистер Холси?

Старший механик нахмурился:

— У нас четыре дизельных двигателя, поддерживаемые двумя газовыми турбинами «Дженерал электрике ЭлЭм две тысячи пятьсот». Если отключить один дизель, ничего не произойдет. Если отключить два — придется отключить и турбины, иначе произойдет взрыв газа.

— Тогда, может, сначала вывести из строя турбины? — спросил Ле Сёр.

— Они представляют собой реактивные двигатели высокого давления, сэр, со скоростью вращения три тысячи шестьсот оборотов в минуту. Всякая попытка вмешаться, пока эти штуковины вертятся на высокой скорости, была бы… м-м… самоубийственной. Вы сорвете днище судна.

— Тогда срезать валы? — предложил второй помощник.

— Там нет валов, — сказал механик. — Каждый винтовой комплекс представляет собой автономную движительную систему. Дизель и турбины генерируют электричество, которое приводит винт в движение.

— Заклинить приводной механизм? — предложил Ле Сёр.

— Я рассматривал эту возможность. Он недоступен на ходу.

— Что, если просто перерезать подачу электроэнергии к двигателям?

Старший механик опять нахмурился:

— Это невозможно. То же самое, что с мостиком и с автопилотом, — защищено на случай террористической атаки. Гении министерства внутренних дел решили изобрести судно, которое никакие террористы не смогут вывести из строя и не смогут им управлять. Они хотели, чтобы при любых обстоятельствах запертые на капитанском мостике офицеры имели возможность привести судно в порт, даже если террористы захватят все остальное.

— Кстати, о мостике, — включился третий помощник. — Что, если просверлить отверстие в двери люка безопасности и закачать туда газ? Какой-нибудь, чтобы вытеснил изнутри воздух и воздействовал на

Мейсон. Черт, на кухне есть несколько баллонов с цэ-о-два. Ну, понимаете, вырубить ее ко всем чертям!

— И что дальше? Мы все равно на автопилоте.

Наступило короткое молчание. Потом начальник подразделения информационно-технологических систем Хуфнагель, человек в очках и лабораторном халате, кашлянул, прочищая горло.

— Автопилот — это набор программ, как и всякое другое, — проговорил он тихим голосом. — Его можно взломать — теоретически по крайней мере. Взломать и перепрограммировать.

Старпом резко обернулся в его сторону.

— Как? Он ведь защищен системой сетевой защиты, брандмауэром.

— Нет такого брандмауэра, через который нельзя было бы проникнуть.

— Немедленно отрядите на это вашего лучшего сотрудника!

— Тогда это будет Пеннер, сэр. — Компьютерщик поднялся.

— Доложите мне как можно скорее.

— Да, сэр.

Хуфнагель покинул конференц-зал.

— Есть еще какие-нибудь идеи?

— Что, если привлечь военных? — спросил Краули, еще один третий помощник. — Они могли бы срочно поднять по тревоге отряд спецназа, взять мостик с помощью ракет. Или вызвать подводную лодку, чтобы она срезала нам винты торпедой.

. — Мы думали об этом, — кивнул Ле Сёр. — Нет способа достаточно точно нацелить ракету, а никаких подлодок поблизости нет; да и при нашей скорости подводная лодка все равно не сможет нас перехватить.

— Есть ли какая-то возможность спустить на воду спасательные шлюпки? — раздался голос из задних рядов.

Ле Сёр повернулся к боцману Лью:

— Это возможно?

— При скорости тридцать узлов и такой волне... Господи, я даже представить себе не могу, как бы это удалось.

— Не хочу слышать о том, чего вы не можете себе представить. Если есть хоть отдаленная возможность, мы ее рассмотрим.

— Есть, сэр. Я проверю такую возможность. Но для этого мне понадобится команда аварийного спуска в полном составе, а они все загружены работой.

Ле Сёр чертыхнулся. Чего им не хватало — так это опытных палубных матросов. Зато на борту до черта всяких никчемных болванов — от крупье до массажистов и эстрадных певцов. Вот уж балласт так балласт!

— Тот человек, что приходил сюда недавно, как его там? Брюс. Он бывший морской офицер, и его друзья тоже. Разыщите их. Возьмите в помощники.

— Но он пожилой человек, ему за семьдесят, — возразил Кемпер.

— Мистер Кемпер, я знал бывших морских офицеров семидесяти лет, которые могли бы нокаутировать вас в два раунда. — Гордон опять повернулся к Краули: — Принимайтесь за дело.

Со стороны двери послышался глубокий низкий голос с сильным шотландским акцентом. Это Брюс проталкивался через скопище людей.

— Нет нужды меня искать, мистер Ле Сёр. Гэвин Брюс в вашем распоряжении.

— Мистер Брюс, вы осведомлены о текущей ситуации?

— Да, осведомлен.

— Нам надо выяснить, можно ли спустить на воду спасательные шлюпки при таких погодных условиях и скорости. У вас есть опыт в этой области? Это новый тип спасательных шлюпок — свободнопадающие.

Брюс задумчиво потер подбородок.

— Нам придется на них внимательно взглянуть. — Он помолчал. — Можно попробовать спустить их после столкновения.

— Мы не можем ждать. При столкновении с рифами на скорости тридцать узлов… половина людей на борту погибнут или серьезно пострадают только от одного удара.

Это заявление было встречено молчанием. Через некоторое время бывший морской офицер медленно кивнул.

— Мистер Брюс, я даю вам и вашей группе все полномочия в этом деле. Боцман, мистер Лью, и третий помощник, мистер Краули, сориентируют вас — они полностью знакомы с процедурой.

— Есть, капитан.

Ле Сёр обвел взглядом комнату.

— И еще одно. Нам нужен капитан Каттер. Он знает судно лучше, чем любой из нас И еще — он единственный, кто знает код отмены режима чрезвычайной ситуации. Я намерен призвать его обратно на мостик.

— В качестве капитана? — спросил Кемпер.

Ле Сёр замялся.

— Давайте сначала просто посмотрим, что он скажет. — Гордон бросил взгляд на часы.

Оставалось восемьдесят девять минут.

Глава 57

Кэрол Мейсон стояла у дисплейного терминала капитанского мостика, спокойно и внимательно глядя на тридцатидвухдюймовый плазменный экран. Она размышляла об этом чуде электронной техники и новейшей технологии, которое делало ненужными прежние штурманские навыки, знание математики и глубокую интуицию, когда-то необходимые для кораблевождения. С этим новым приспособлением любой сообразительный двенадцатилетний школьник мог бы управлять «Британией», используя большую цветную карту с маленьким корабликом на ней и линией, обозначающей курс, удобно размеченной контрольными точками расчетного местоположения судна с десяти минутным и интервалами и промежуточными точками для изменения курса.

Она бросила взгляд на автопилот. Еще одно чудо современной техники: постоянно отслеживает и фиксирует скорость судна как относительно воды, так и относительно дна, обороты двигателя, развиваемую мощность, угол перекладки руля и угол атаки винта, а также производит бесчисленные поверки и поправки, настолько тонкие, что они окажутся не по силам даже самому опытному и знающему морскому офицеру. Система поддерживала судно на заданном курсе и заданной скорости лучше, чем самый искусный капитан, сберегая при этом топливо. Вот почему регламентирующие правила диктовали, чтобы автопилот применялся почти во всех водах, кроме внутренних и прибрежных.

Десять лет назад мостик на таком судне, как это, потребовал бы присутствия как минимум трех высококвалифицированных офицеров, а теперь было достаточно одного, да и тому по большей части ничего не приходилось делать.

Мейсон переключила внимание на навигационный стол Ле Сёра, с бумажными картами, параллельными линейками, компасами, карандашами, маркерами и футляром, в котором содержался секстант. Мертвые инструменты, мертвые навыки…

Она обошла дисплейный терминал, вернулась к штурвалу и положила руку на стильное красное дерево. Штурвал находился здесь исключительно для внешнего эффекта. Справа от него располагался пульт рулевого, где осуществлялась подлинная работа по управлению судном: шесть маленьких рычажков, которые управляли двумя неподвижно закрепленными и двумя вращающимися винторулевыми комплексами и дросселями двигателя. Поворотные винты, вращающиеся на триста шестьдесят градусов, делали судно настолько маневренным, что оно могло бы войти в док без помощи буксира.

Мейсон провела рукой по гладкой лакированной поверхности штурвала, подняла взгляд к стене окон. Ветер усилился, а дождь, напротив, ослаб, и теперь стали видны очертания носа, разрезающего с содроганием гигантские сорокафутовые волны так, что морская пена перекатывалась через бак белыми бурунами.

Мейсон чувствовала некий абсолютный покой, совершенную пустоту, которая перевесила все испытанное ею прежде. Большую часть жизни Кэрол была поглощена самобичеванием, ощущением несостоятельности, неуверенности в себе, сомнением в собственных силах, злостью, всепоглощающим честолюбием. Теперь все ушло — благословенно ушло. Ни одно решение не давалось ей столь же легко, а теперь, после его принятия, совершенно не было тех мучительных сомнений, которые всегда изводили ее. Решение уничтожить корабль далось Мейсон спокойно и без эмоций; теперь оставалось только его выполнить.

«Почему?» — вопрошал Ле Сёр. Если он сам не мог это сообразить, бесполезно ему разжевывать. Для нее все слишком очевидно. Не было никогда ни одной женщины-капитана ни на одном из крупнейших трансатлантических лайнеров. Какая же она дура, надеялась поломать эту «традицию». Кэрол знала — пустым тщеславием тут и не пахло, — что заслуживала гораздо большего. Успешнее других студентов своего потока окончила Морскую академию в Ньюкасле, с одними из лучших показателей за всю историю учебного заведения. Она даже не вышла замуж, несмотря на несколько превосходных возможностей, — только лишь ради того, чтобы отмести всякие вопросы о декретных отпусках. С изощренным старанием завязывала полезные связи в корпорации, тщательно выискивала нужных наставников как молодой специалист, при этом постоянно заботясь о том, чтобы никогда не проявлять карьеристских наклонностей. Усердно культивировала в себе свойственную лучшим капитанам четкую, профессиональную, но ни в коем случае не обидную манеру поведения и всегда искренне радовалась успехам коллег.

Она легко взошла по карьерной лестнице до должностей второго, затем первого и, наконец, старшего помощника капитана. Да, на пути к этому

звучали разные комментарии, обидные ремарки, а также случались нежелательные сексуальные домогательства от начальства, но она всегда встречала их с достоинством, никогда не раскачивая лодку, никогда не жалуясь, всегда относясь к грубым или фиглярствующим начальникам с предельной корректностью, притворяясь, что не слышит их вульгарных замечаний и отвратительных предложений. Она относилась к ним с добрым юмором, как если бы те изрекали что-то остроумное.

Четыре года назад, когда со стапелей сошла «Океания», Мейсон и два других старших помощника, Каттер и Трейл, оказались кандидатами на должность капитана. Должность получил Трейл, наименее компетентный из троих и вдобавок имеющий проблемы с алкоголем. Каттер потерпел неудачу из-за колючего, неуживчивого характера. Но ее — заведомо лучшую из всех претендентов — обошли. Почему?

Потому что она женщина.

Но это еще не самое худшее. Все ее коллеги выражали сочувствие Каттеру, несмотря на то что многие его откровенно недолюбливали. Каждый отводил его в сторону и высказывался в том духе, что это, мол, полное безобразие, его обошли незаслуженно, звание капитана по праву принадлежит ему, а компания совершила ошибку, — и все уверяли его, что он непременно получит эту должность в следующий раз.

Никто из них никогда не говорил ничего подобного ей. Никто ей не соболезновал. Все приняли как должное тот факт, что, будучи женщиной, она и не могла рассчитывать на эту должность, а уж тем более с ней справиться. Большинство из них были ее добрыми товарищами по военно-морскому флоту, и никто не задумался о том, как жгуче она чувствует это пренебрежение — зная, что является лучшим из кандидатов, с наибольшим трудовым стажем и высшими показателями.

Еще тогда следовало это понять.

А потом пришла очередь «Британии». Крупнейший, самый роскошный океанский лайнер в мире. Он стоил компании почти миллиард фунтов. И уж теперь-то выбор был очевиден. Капитанство принадлежало ей…

Но только получил его Каттер. А затем, словно усугубляя оскорбление, наверху почему-то решили, что она будет благодарна за брошенную кость в виде должности старпома.

Каттер был не глуп и хорошо понимал, что она заслуживает большего. Всегда знал, что профессионально Мейсон сильнее, и ненавидел ее за это. Чувствовал в ней угрозу. Еще прежде чем взойти на борт, он не упускал ни одного случая придраться к ней, принизить, умалить достоинства. А затем ясно дал понять, что, в отличие от большинства других капитанов, не станет проводить время в светских беседах с

пассажирами в роли хозяина на шумных обедах за капитанским столом. Постоянно будет на мостике — узурпируя ее законное место.

И она сама же не замедлила вложить ему в руки оружие против себя. Единственный раз в жизни нарушила дисциплину — и это случилось еще до того, как «Британия» покинула порт. Должно быть, уже тогда подсознательно почувствовала, что никогда ей не командовать большим судном.

Странно, что именно на этот рейс «Британии» вздумалось купить билет Блэкберну, человеку, который первым сватался к ней и которого она отвергла из-за своих жгучих амбиций. По иронии судьбы за те десять лет, что миновали со времен их связи, Скотт сделался миллиардером.

Что за поразительные три часа провели они вместе! Каждый их момент запечатлелся в ее памяти. Его каюта была удивительной. Блэкберн уставил гостиную любимыми сокровищами, картинами стоимостью в миллионы долларов, скульптурой, редкими древностями. Особенно он был взволнован по поводу одного произведения тибетской живописи, которое только что приобрел, — кажется, лишь накануне. В приливе возбуждения и гордости даже вытащил полотно из футляра и развернул перед ней на полу, в каюте. Она уставилась на картину точно громом пораженная. Онемела и упала на колени, чтобы получше рассмотреть, провести и взглядом, и пальцами по каждой из мельчайших деталей. Это произведение втягивало в себя, взрывало сознание. И пока она таращилась на картину — загипнотизированная, потерявшая голову, — Скотт задрал ей юбку, содрал трусики и, точно бешеный жеребец, взобрался на нее. Такого наслаждения она никогда прежде не испытывала и никогда не забудет — малейшую подробность, каждую капельку пота, каждое объятие. Одна только мысль об этом заставляла ее заново трепетать от страсти.

Как жаль, что больше это никогда не повторится!

После секса Блэкберн скатал волшебную картину и убрал обратно в футляр. Все еще разгоряченная после совокупления, она стала умолять не делать этого, позволить ей взглянуть на это чудо еще разок. Скотт обернулся и, конечно, увидел голодное выражение ее лица. Тотчас глаза его сузились, превратившись в две маленькие щелки, горящие ревнивым огнем. Он начал глумиться над ней, мол, увидела раз — и хватит. И тут — так же стремительно, как вспыхнуло в ней вожделение, — ее наполнил темный, всепоглощающий гнев. Они стали кричать друг на друга, с жаром и яростью, каких она никогда за собой не знала и даже не подозревала, что на такое способна. Вспышка эмоций была столь же шокирующей, сколь и возбуждающей. А потом Блэкберн приказал ей убираться. Она поняла, что никогда больше не поговорит с ним, никогда не увидит эту картину.

Ну а дальше судьба зло пошутила над ней. Их крики разозлили пассажира из соседней каюты, и он пожаловался. Кто-то видел, как она покидала триплекс Блэкберна, донес на нее, и капитан Каттер получил в руки шанс, которого не мог упустить. Он прилюдно унизил ее на мостике, перед всеми палубными офицерами. Кэрол не сомневалась, что все это отражено в ее досье и станет известно руководству компании.

Многие из офицеров и рядовых членов экипажа, даже женатые, имели сексуальные связи на борту; это же так легко, ничего не было проще. Эти нарушители никогда не попадали в рапорты — опять же потому, что были мужчинами. Априори предполагалось, что мужчинам извинительно делать такие вещи — конечно, негласно и в свое личное время: точь-в-точь как это сделала она. Но для женщины все обстояло по-другому… или, во всяком случае, так считали в компании.

Ее карьера кончена. Все, на что она могла теперь рассчитывать, — командование небольшим круизным судном, из самых обветшалых. Из тех, что никогда не видят синей океанской воды и вечно убегают от шторма. Из тех, что болтаются бессмысленно по Средиземному морю или Карибскому бассейну, набитые жирными, белыми толстосумами средней руки, выбравшимися на плавучую экскурсию за деликатесами и шопингом.

Каттер… Что ж, это будет славной местью — отобрать у него судно и, вспоров кораблю брюхо о рифы, отправить на дно Атлантики.

Глава 58

В течение нескольких минут Констанс наблюдала, как Пендергаст ходит взад-вперед по гостиной тюдоровских покоев. Один раз он остановился, собираясь заговорить, но тут же снова принялся шагать. Наконец повернулся к ней:

— Ты обвиняешь меня в эгоистичном поведении, в желании спасти свою шкуру за счет других пассажиров «Британии». Скажи мне кое-что, Констанс: кого именно на борту ты считаешь достойным спасения?

Спецагент опять замолчал, ожидая ответа, и в глазах его притаился огонек любопытства. Меньше всего Грин ожидала услышать от него такое.

— Я задал вопрос, — подстегнул он, когда девушка не ответила. — Кого из вульгарной, алчной, отвратительной публики на борту этого судна ты считаешь заслуживающим спасения?

И опять Констанс ничего не ответила.

Выждав несколько секунд, Пендергаст усмехнулся:

— Вот видишь? У тебя нет ответа. Потому что его нет вообще.

— Это неправда.

— Правда… неправда… Сама себя морочишь. «Что есть истина?» — саркастически спросил Пилат и не стал дожидаться ответа. С того самого момента как мы взошли на борт этого судна, ты бунтуешь против скандальной невоздержанности и напыщенного самодовольства богатых и избалованных. Отметила ужасающее неравенство между обслуживающими и обслуживаемыми. Твое поведение за обедом в первый вечер, уколы, которыми отвечала бестактным филистерам за нашим столом, показали, что ты уже вынесла приговор «Британии». И совершенно справедливо. Так вот, я спрашиваю тебя еще раз: разве не является этот теплоход плавучим памятником человеческой алчности, пошлости и глупости? Разве этот дворец похоти в полной мере не заслуживает разрушения?

И развел руки, как если бы ответ был самоочевиден. Констанс взирала на спутника в замешательстве. То, что он говорил, поражало своей горькой правдой. У нее и впрямь вызывали отвращение высокомерный эгоизм и псевдоаристократические замашки большинства пассажиров. И онабыла шокирована и возмущена бесчеловечными условиями жизни и работы обслуживающего персонала. Многое из того, что говорил Пендергаст, задевало в ней чувствительную струну, будоража и укрепляя давние человеконенавистнические настроения.

— Нет, Констанс, — продолжал детектив. — Единственные два человека, достойные спасения, — это мы сами.

Девушка покачала головой:

— Ты имеешь в виду пассажиров. А как насчет экипажа и прислуги? Они просто стараются заработать себе на хлеб. Разве они заслуживают смерти?

Пендергаст нетерпеливо отмахнулся:

— Просто бессмысленные существа, расходный материал, часть великого океана трудовых ресурсов человечества, волны которого накатывают на земной берег и откатывают подобно прибою, не оставляя следа.

— Ты не можешь так думать. Люди и гуманизм для тебя все. Ты всю жизнь спасал чужие жизни.

— В таком случае я растратил свою жизнь в пустых, бесполезных хлопотах. Единственное, в чем мы всегда сходились с Диогеном, — нет более отвратительной науки, чем антропология. Только представь себе — посвятить всю жизнь изучению своего собрата человека. — Алоиз взял

со стола художественную монографию Брока, полистал ее и протянул Констанс: — Взгляни вот на это.

Констанс бросила взгляд на открытую страницу. Там была представлена черно-белая репродукция живописного полотна: очаровательный ангел, склонившись над озадаченным мужчиной, водил его рукой по странице рукописи.

— «Святой Матфей и ангел». Знаешь эту картину?

Констанс недоуменно посмотрела на него:

— Да, и что?

— Тогда ты знаешь, как мало было на этой Земле изображений более возвышенных. И более прекрасных. Посмотри на выражение напряженного старания на лице Матфея — словно каждое слово Евангелия, которое он пишет, прорывается из самой глубины его сердца. И сравни это с вялой, апатичной манерой помогающего ему ангела: с тем, как наклонена его голова, с жеманным положением ног, с почти скандально чувственным лицом. Взгляни, как пыльная левая нога Матфея отставлена в сторону, почти выбиваясь из плоскости полотна. Неудивительно, что заказчик отказался от картины! Но если ангел кажется изнеженным и женоподобным, достаточно лишь мельком взглянуть на мощь и великолепие этих роскошных крыльев, чтобы вспомнить, что мы находимся в присутствии божественного. — Он помолчал. — Ты знаешь, почему из всех репродукций, представленных в этой монографии, только одна эта черно-белая?

— Нет, не знаю.

— Потому что не существует ни одной цветной фотографии этой картины. Картина была уничтожена. Да, этот блистательный образчик творческого гения погиб и канул в Лету во время Второй мировой войны. А теперь скажи: если бы мне пришлось выбирать между этой картиной и жизнями миллиона бесполезных, невежественных, призрачных людей-однодневок — того самого человечества, которое, по твоим словам, для меня так важно, — что, по-твоему, я обрек бы на гибель в пожаре войны? Погляди хорошенько.

Констанс воззрилась на него, потрясенная:

— Как ты можешь говорить такие гнусные вещи? И что дает тебе право так говорить? Что в тебе самом особенного?

— Моя дорогая Констанс! Не думай ни минуты, что я считаю себя лучше остального сброда. Я точно так же подвержен всем порокам этого грубого животного под названием «человек», как и всякий другой. И одним из этих пороков является своекорыстие, свой личный интерес. Я

достоин спасения, потому что желаю, чтобы моя жизнь продолжалась, и потому что мое положение позволяет что-то сделать для этого. Это уже не цветочки: мы мчимся к гибели на предельной скорости. Да и, рассуждая практически, каким образом мог бы я спасти корабль? Как в любой катастрофе, тут каждый за себя.

— Ты действительно думаешь, что сможешь жить с собой в ладу, если бросишь всех этих людей на произвол судьбы?

— Конечно, смогу. И ты сможешь. Констанс неуверенно замолчала.

— Я не так убеждена в этом, — пробормотала она. Глубоко внутри какая-то часть ее существа нашла что-то очень соблазнительное в его словах. И это беспокоило девушку больше всего.

— Эти люди ничего для нас не значат, как и те жертвы, о которых ежедневно читаешь в газетах. Мы просто оставим эту плавучую Гоморру и вернемся в Нью-Йорк. Погрузимся в интеллектуальные занятия, философию, поэзию, высокие беседы. Дом номер восемьсот девяносто один по Риверсайд-драйв исключительно хорошо приспособлен для уединения, размышления, отдохновения. — Алоиз выждал паузу. — И разве не таков был путь твоего первого опекуна, моего дальнего родственника Еноха Ленга? Его преступления куда более чудовищны, чем наш маленький момент эгоизма. И тем не менее ему удавалось вести жизнь, полную физического комфорта и интеллектуального удовлетворения. Долгую, долгую жизнь. — И Пендергаст кивнул, как если бы это был самый убийственный аргумент в его доводах.

— Это правда. Я жила там и видела, как угрызения совести медленно проедают его душевный комфорт, словно черви — гнилое дерево. И в конечном счете так мало осталось от некогда блестящего человека, что почти благословением явилось… — Она умолкла, не в силах больше говорить, но теперь знала, что Пендергасту не убедить ее нигилистической проповедью. — Алоиз, мне все равно, что ты скажешь. Это чудовищно неправильно. Ты всегда помогал другим и посвятил этому всю свою жизнь.

— Вот именно! А что толку? Что это мне дало, кроме разочарований, бессильного сожаления, отчуждения, горьких обид, боли и нареканий? Если бы мне пришлось покинуть ФБР, думаешь, о моем отсутствии кто-нибудь пожалел бы? Отчасти из-за моей некомпетентности единственный мой друг погиб весьма неприятной смертью. Нет, Констанс, я наконец постиг горькую правду. Все эти годы трудился впустую, стараясь спасти то, что в принципе спасти невозможно. Сизифов труд. — С этими словами он опустился в кожаное кресло и взял со стола чашку с чаем.

Констанс смотрела на него в ужасе.

— Это не тот Алоиз Пендергаст, которого я знала. Ты изменился. С тех пор как вернулся из каюты Блэкберна, ты ведешь себя непонятно.

Детектив отхлебнул глоток и презрительно фыркнул:

— Я расскажу тебе, что произошло. С моих глаз наконец упали шоры. — Спецагент аккуратно поставил чашку на стол и выпрямился в кресле. — Он открыл мне правду.

— «Он»?

— Агозиен. Это воистину необыкновенный предмет, Констанс. Мандала, которая дает человеку возможность прозреть истину. Истину как она есть, истину, лежащую в центре мироздания, чистую, нефальсифицированную. Истину столь мощную, что она ломает слабый ум, но для людей с сильным интеллектом это откровение. Теперь я знаю самого себя, знаю, кто я есть, а главное — чего хочу.

— Разве ты не помнишь, что сказал монах? Агозиен — это зло, инструмент темных сил возмездия, чья цель — очистить мир.

— Да, помню. Довольно туманный набор слов, тебе не кажется? Очистить мир. Я, конечно же, не употреблю его в таких целях. Скорее помещу в библиотеку особняка на Риверсайд-драйв, где смогу провести целую жизнь, созерцая его чудеса. — Пендергаст откинулся на спинку кресла и снова взялся за чашку. — Таким образом, Агозиен отправится вместе со мной в индивидуальное спасательное плавсредство. Так же как и ты — если найдешь мой план привлекательным.

Грин судорожно сглотнула.

— Время поджимает. Тебе пора что-то решать, Констанс: ты со мной или против меня?

Детектив сделал неторопливый глоток, а его светлые глаза спокойно и внимательно смотрели на нее поверх краев чашки.

Глава 59

Ле Сёр посчитал, что лучше всего пойти одному.

Теперь он стоял перед простой металлической дверью каюты капитана Каттера, стараясь расслабить лицевые мускулы и упорядочить дыхание. Более-менее овладев собой, он негромко постучал два раза.

Дверь отворилась так быстро, что Ле Сёр едва не отскочил назад. Еще больше Гордон удивился, увидев капитана в штатской одежде, сером костюме и галстуке. Бывший командор судна стоял в дверях, его холодный взгляд был направлен в лоб Ле Сёра, а невысокая фигура наводила на мысль о граните.

— Капитан Каттер, — начал Ле Сёр, — я пришел как человек, временно исполняющий обязанности капитана этого судна, чтобы… просить вас о помощи.

Каттер продолжал смотреть в ту же точку, и этот взгляд давил, точно палец, приставленный ко лбу.

— Могу я войти?

— Если угодно. — Каттер сделал шаг назад, впуская гостя. Помещение, в котором раньше Ле Сёр не бывал, выглядело спартанским — функциональным, аккуратным и обезличенным. Здесь не было семейных фотографий, морских или навигационных безделушек, никаких характерно мужских аксессуаров вроде коробки для сигар, бара или красных кожаных кресел, которые можно встретить в капитанских каютах.

Каттер не пригласил гостя присесть и остался стоять сам.

— Капитан, — медленно начал Ле Сёр, — насколько вы осведомлены о нынешней ситуации на судне?

— Мне известно только то, что объявляли по радио, — ответил Каттер. — Никто ко мне не приходил. Никто не удосужился поговорить со мной.

— Значит, вы не знаете, что капитан Мейсон захватила мостик, взяла на себя единоличное командование, увеличила скорость до предела и собирается бросить «Британию» на Каррион-Рокс?

Краткий миг — и Каттер бесшумно, одними лишь губами ответил:

— Нет.

— Мы не можем придумать, как ее обезвредить. Она заперлась на мостике, запустив механизм аварийной блокировки. Через час с небольшим мы разобьемся о скалы.

При этих словах капитан Каттер отпрянул на шаг, покачнулся, но равновесие удержал. Лицо его чуть побледнело.

Ле Сёр вкратце обрисовал детали. Каттер слушал не перебивая, с бесстрастным лицом.

— Капитан, только вы и старший помощник знаете код отмены сигнала тревоги. Даже если мы сможем пробраться на мостик и взять Мейсон под стражу, нам все равно придется отключить этот сигнал, чтобы перехватить контроль над автопилотом. Помогите.

Молчание. Затем капитан Каттер произнес:

— Коды есть у корпорации.

Ле Сер поморщился:

— Они утверждают, что ищут. Откровенно говоря, корпорация в полном замешательстве. Похоже, никто не знает где коды, и каждый указывает пальцем на другого.

Краска вернулась на лицо капитана. Ле Сёр спрашивал себя, что она означает. Страх за вверенное ему судно? Злость на Мейсон?

— Сэр, дело не только в коде. Вы знаете судно лучше, чем кто-либо другой. Налицо кризисная ситуация, и жизнь четырех тысяч человек висит на волоске. У нас есть лишь семьдесят минут до столкновения. Нам действительно нужна ваша помощь.

— Мистер Ле Сёр, вы просите меня вновь принять командование судном? — последовал тихий, вкрадчивый вопрос.

— Если вопрос ставится так — да.

— Скажите это.

— Я прошу вас, капитан Каттер, вновь принять на себя командование «Британией».

Темные глаза капитана сверкнули. Когда он заговорил, голос его был негромок и полон эмоций.

— Мистер Ле Сёр, вы с палубными офицерами — бунтовщики. Являете собой гнуснейший тип человеческих существ, который можно встретить в открытом море. Некоторые ваши действия настолько богопротивны, что их нельзя отыграть назад. Вы подняли мятеж и отдали командование психопатке. Вы и бесчестные, безответственные прихвостни за вашей спиной замыслили это вероломство против меня с тех самых пор, как мы покинули порт. Посеешь ветер — пожнешь бурю. Нет, сэр, я не стану вам помогать. Ни с кодами, ни с командованием, ни даже с носовым платком, чтобы утереть вам сопли. Теперь мои обязанности сводятся к одному: если корабль пойдет на дно, я разделю его судьбу. Всего хорошего, мистер Ле Сёр.

Румянец на лице Каттера разгорелся, и Гордон внезапно понял, что это не было результатом гнева, ненависти или страха. Нет, то был триумф, нездоровый триумф собственной реабилитации.

Глава 60

Скотт Блэкберн, облаченный в желто-оранжевые одежды тибетского монаха, задернул шторы на раздвижных балконных дверях, отгораживаясь от мрачной пелены шторма. Сотни масляных свечей наполняли гостиную мерцающим желтым светом, две медные

курильницы источали изысканный аромат сандалового дерева и цветов кевра.

На маленьком боковом столике настойчиво зазвонил телефон. Блэкберн некоторое время хмуро смотрел на него, потом все же подошел и снял трубку.

— В чем дело?

— Скотти? — послышался высокий запыхавшийся голос. — Это я, Джейсон. Мы уже несколько часов пытаемся с тобой связаться! Послушай, тут все стоят на ушах — говорят, мы скоро…

— Заткнись, придурок! Если еще раз мне позвонишь, я вырву у тебя глотку и спущу в сортир. — И аккуратно положил трубку на рычаг.

Его ощущения никогда не были так обострены, а органы восприятия — так чувствительны. За дверями его покоев слышались крики и проклятия, топот ног, восклицания и глухой гул моря. Что бы ни происходило, его это не касалось. Здесь он в безопасности — вместе с Агозиеном.

Делая приготовления, Блэкберн думал о причудливых событиях последних семи дней и о том, как радикально изменилась его жизнь. Звонок из ниоткуда о древнем живописном полотне; первая встреча с картиной в номере отеля; освобождение ее от неискушенного и недостойного владельца; доставка на борт лайнера. А затем, в тот же самый день неожиданная встреча с Кэрол Мейсон, ставшей на этом же судне помощником капитана. Какие, однако, повороты делает жизнь! В порыве горделивой эйфории он показал ей Агозиен, похвастался своей драгоценностью, а потом они трахались так неистово, с таким полнейшим самозабвением, что это, казалось, потрясло самые основы их существа. Но затем он увидел в ней перемену — точно так же как ощутил оную в самом себе. Безошибочно узнал алчный, хищный огонек в ее глазах, жажду обладания, хмельной и безудержный отказ от всех старых и закоснелых моральных устоев.

Только тут он понял то, что должен был сообразить раньше: следует оберегать трофей со сверхъестественной тщательностью. Каждый, кто его увидит, возжелает им обладать. Потому что Агозиен — эта поразительная мандала-вселенная — имеет уникальную власть над человеческим разумом. Это мощная энергия, которая может быть выпущена на волю. И он, Блэкберн, находится в идеальном положении, чтобы эту энергию высвободить, благо располагает капиталом, здравым смыслом и, что самое главное, — технологией. Со своей технологией оперативного доступа к графической информации он сможет донести графический объект в мельчайших деталях до всего мира, приобретая большую выгоду и личную власть. С его талантом и безграничным

доступом к капиталу, он сможет раскрыть секреты этого графического изображения и постичь механику поразительного воздействия на разум и тело человека, применить это знание к созданию других графических образов. Каждый на Земле — по крайней мере каждый, кто хоть в малейшей степени что-то значит, — полностью подвергнется изменению. А он, Блэкберн, владелец оригинала, станет контролировать распространение копий. Мир станет иным — это будет его мир!

Но существует человек, который знает о совершенном им убийстве, — сыщик, последовавший за ним на борт этого судна. Сейчас Блэкберн был совершенно уверен в этом. Человек, который использует все доступные средства, даже обслуживающий персонал «Британии», чтобы отобрать у Блэкберна самую драгоценную его собственность. При одной только мысли об этом Скотт чувствовал, как у него ускоряется сердцебиение, а кровь бешено пульсирует в жилах. Он чувствовал ненависть настолько оглушительную, что начинало звенеть в ушах. Каким образом сыщик узнал про Агозиен, Блэкберн понять не мог. Быть может, Эмброуз еще раньше пытался продать мандалу этой ищейке? Быть может, это еще один посвященный? Но в конце концов, не имеет значения, как он узнал об Агозиене; так или иначе, часы его сочтены. Блэкберну уже приходилось видеть разрушительную работу тульпы[47], а тульпа, которую он недавно вызвал к жизни одной лишь силой своей воли, необычайно мощна и коварна. Ни одно человеческое существо не в состоянии от нее спастись!

Блэкберн сделал глубокий, трепетный вздох. Нельзя приближаться к Агозиену в таком состоянии: ненависти, страха, во власти низменных эмоций. Пытаться осуществить мирские, суетные желания — все равно что носить воду решетом; задача невыполнимая и абсолютно бессмысленная.

Дыша глубоко и размеренно, он сел и закрыл глаза, концентрируясь на пустоте, а когда почувствовал, что зыбь в голове сходит на нет, поднялся. Подойдя к дальней стене, Блэкберн снял картину Брака, перевернул и, отсоединив фальшивую подложку, обнажил спрятанную под дней тханку. С величайшей осторожностью извлек и, старательно отводя взор, повесил с помощью шелкового шнурка на золотой крючок, специально вбитый в стену.

Затем Блэкберн уселся перед картиной в позе лотоса. Правая ладонь покоится на левой, большие пальцы соединены так, что образовался треугольник. Шея слегка наклонена, кончик языка касается нёба над верхними зубами. Взор устремлен куда-то в пол и расфокусирован. Только после этого Скотт медленно поднял глаза на Агозиен-мандалу.

Волшебный образ освещало мерцающее пламя свечей на серебряных подставках; оттенки желтого и золотого дивно играли на поверхности

тханки, переливаясь точно жидкий металл. Постепенно, очень постепенно, мандала открылась Блэкберну. Он чувствовал, как ее мощь течет сквозь него медленным потоком.

Агозиен-мандала представляла собой целый мир, отдельную вселенную — не менее сложную, замысловатую и глубокую, чем наша, только запертую в двухмерное пространство с четырьмя краями. Но, глядя на Агозиен, посвященный магически высвобождал его образ из плоской темницы. Он приобретал внутри сознания форму и очертания; удивительные, переплетающиеся линии становились подобием электрических проводков, наполненных током души. По мере того как Блэкберн сливался с картиной, а картина сливалась с ним, время замедлялось, растворялось и наконец полностью перестало существовать. Мандала заполнила сознание и душу, полностью им овладевая. То было пространство без пространства, время без времени — все и ничего одновременно...

Глава 61

Тишина, повисшая в неярко освещенной гостиной тюдоровских покоев, противоречила царящему в каюте затаенному напряжению. Грин стояла перед Пендергастом, наблюдая, как специальный агент спокойно пьет чай.

— Ну и?.. Мы не можем сидеть так весь день. — Констанс сделала глубокий вдох. — Алоиз, я не могу поверить, что ты сейчас так спокойно отстаиваешь то, что отвергал всю жизнь.

Пендергаст вздохнул с плохо скрытым нетерпением:

— Пожалуйста, защити мой интеллект от столь бессмысленного спора.

— Каким-то образом Агозиен отравил твой ум.

— Агозиен ничего подобного не делал. Он освободил мой ум. Очистил от бесплодных и закоснелых условностей морали.

— Агозиен — инструмент зла. Монахи знали это.

— Ты имеешь в виду монахов, которые сами были слишком боязливы, чтобы даже взглянуть на него?

— Да, и они оказались мудрее тебя. Похоже, Агозиен отнимает у человека все хорошее и доброе и... как-то влияет на тех, кто на него посмотрит. Вспомни, что он сделал с Блэкберном; как тот пошел на убийство, чтобы им овладеть. Посмотри, что он делает с тобой.

Пендергаст усмехнулся, презрительно и самодовольно.

— Он ломает слабый ум, но укрепляет сильный. Достаточно вспомнить ту горничную или капитана.

— Что?!

— Право же, Констанс, я ожидал от тебя большего. Конечно же, Мейсон видела Агозиен, какое еще объяснение тут может быть? Каким образом — это уж я не знаю, да и не хочу знать. Именно она стоит за исчезновениями и убийствами, которые тщательно планировались, как ты можешь заметить. И делалось все лишь затем, чтобы спровоцировать бунт, овладеть судном и повернуть его к гибели.

Грин смотрела на спецагента как громом пораженная. Гипотеза казалась совершенно фантастической. Или же все-таки нет? Почти вопреки самой себе, девушка почувствовала, как детали начинают укладываться в схему.

— Но все это уже не имеет никакого значения, — нетерпеливо взмахнул рукой Пендергаст. — Я не потерплю больше никаких проволочек. Решай, и немедленно.

Констанс медлила в нерешительности.

— При одном условии.

— И что же это за условие, позволь спросить?

— Давай сначала помедитируем вместе. По системе Чонгг Ран.

Глаза Пендсргаста сузились.

— Чонгг Ран? Что за капризы? Сейчас нет времени.

— Время есть. Мы оба владеем техникой, позволяющей достигать шуньяты[48] быстро. Чего ты боишься? Что эта медитация вернет тебя к нормальному состоянию?

Констанс горячо на это рассчитывала.

— Ну, уж это абсурд, — криво усмехнулся Пендергаст. — Назад пути нет.

— Тогда сделай, как я прошу.

Некоторое время детектив оставался неподвижен, затем выражение его лииа изменилось. Оно вновь сделалось спокойным и холодно-отстраненным.

— Хорошо, я согласен. Но тоже при одном условии.

— Назови.

— Я настаиваю на изъятии Агозиена прежде, чем мы покинем судно. Если Чонгг Ран тебе не поможет, тогда сама взгляни на Агозиен. Он освободит тебя, как освободил меня. Это будет мой великий дар тебе, Констанс.

При этих словах у девушки перехватило дыхание. Пендергаст холодно улыбнулся:

— Ты назвала свои условия. Теперь и я назвал свои. Еще несколько мгновений она не могла ничего сказать, затем обрела дыхание и посмотрела в ясные глаза опекуна:

— Хорошо. Я согласна.

— Превосходно. Тогда начнем?

Именно в этот момент раздался стук в дверь. Констанс подошла и отворила. За дверью стояла встревоженная Мария.

— Простите, мисс Грин, но совершенно невозможно найти врача. Я искала везде, но этот корабль словно взбесился — все кричат, пьянствуют, грабят...

— Ничего страшного. Не окажете ли мне еще одну, последнюю услугу? Не могли бы вы несколько минут постоять у двери, чтобы нас не беспокоили?

Мария кивнула.

— Большое вам спасибо.

Тихонько затворив дверь, Констанс вернулась в гостиную. Пендергаст ждал, усевшись на ковре — ноги скрещены, кисти рук тыльной стороной лежат на коленях — и преисполнившись благодушного самодовольства.

Глава 62

Кори Пеннер, второй помощник главы службы информационных технологий, сидел в центральном серверном помещении, на палубе Б, у терминала доступа к данным.

Из-за плеча Пеннера смотрел в дисплей сквозь тонированные стекла очков сам глава службы Хуфнагель.

— Ну так что? Справишься?

Вопрос сопровождался волной кислого дыхания, и Пеннер брезгливо поджал губы.

— Едва ли. Уж больно хорошая защита.

Втайне же Кори был уверен, что справится. Не много на «Британии» систем — если таковые вообще имелись, — которые он не мог бы взломать. Но зачем это афишировать, особенно перед боссом? Чем на большее ты способен в глазах начальства, тем большего от тебя требуют — уж это компьютерщик постиг на собственном опыте. Ему вовсе не улыбалось, чтобы кто-то знал, как он на досуге преодолевает запретные сервисные зоны. Пристальное внимание к закодированным платным телеканалам позволило ему, например, собрать неплохую фильмотеку из кинопремьер.

Пеннер нажал несколько клавиш. На экране появилось:

ТЕПЛОХОД «БРИТАНИЯ» — ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

АВТОНОМНЫЕ СЕРВИСЫ (РЕЖИМ ПОДДЕРЖКИ)

ДВИГАТЕЛЬНАЯ УСТАНОВКА

УПРАВЛЕНИЕ

ОТОПЛЕНИЕ, ВЕНТИЛЯЦИЯ,

СИСТЕМА КОНДИЦИОНИРОВАНИЯ ВОЗДУХА

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ФИНАНСЫ

БАЛАНСИРОВКА/УСПОКОИТЕЛИ КАЧКИ

АВАРИЙНЫЙ РЕЖИМ

Кори щелкнул мышкой по «Аварийному режиму», и из

выскочившего меню выбрал «Автопилот». На экране всплыло предупреждение об ошибке:

РЕЖИМ ПОДДЕРЖКИ АВТОПИЛОТА НЕДОСТУПЕН,

СИСТЕМА ЗАНЯТА

Что ж, он этого ждал. Выйдя из системы меню, перешел в режим командной строки и быстро застучал по клавишам. На экране появилось несколько маленьких окон.

— Что ты сейчас делаешь? — спросил Хуфнагель.

— Собираюсь использовать диагностический вход, чтобы получить доступ к автопилоту. — Только как именно он собирается этого достичь, не скажет — незачем Хуфнагелю все знать.

В дальнем углу комнаты зазвонил телефон, и один из техников снял трубку.

— Мистер Хуфнагель, это вас, сэр. — На лице техника застыло встревоженное выражение.

Пеннер понимал, что и сам он, вероятно, тоже перепугался бы не на шутку, не будь такого высокого мнения о собственных способностях.

— Иду.

Слава Богу. Пеннер быстро выхватил из кармана халата компакт-диск, вставил в дисковод и загрузил в память три утилиты: монитор системных процессов, криптографический анализатор и шестнадцатиричный дизассемблер. Быстро вынул диск, сунул в карман и успел свернуть окна программ как раз перед возвращением Хуфнагеля.

Несколько щелчков мышью — и на экране появилось новое меню:

ПАССАЖИРСКОЕ СУДНО «БРИТАНИЯ» —

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

АВТОНОМНЫЕ СЕРВИСЫ (РЕЖИМ ПОДДЕРЖКИ)

ПОДСИСТЕМА VII

ПОДСТРУКТУРА ЯДРА ДЛЯ ОБРАБОТКИ АВТОПИЛОТА

Он подумал, что надо успеть задать вопрос до того, как Хуфнагель опять встрянет.

— Когда я… то есть если я войду в систему управления, что делать дальше?

— Дезактивируй автопилот. Аннулируй его полностью и перекинь ручное управление рулем на вспомогательный капитанский мостик.

Пеннер облизнул губы.

— А это правда, что Мейсон захватила?..

— Правда. А теперь давай за дело.

Кори в первый раз ощутил неприятный укол, что-то вроде дурного предчувствия. Убедившись, что монитор процессов активен, выбрал автопилот и щелкнул по иконке «Диагностика». Открылось новое окно, и по экрану понесся шквал чисел.

— Что это такое? — спросил начальник.

Пеннер смотрел на монитор процессов, внутренне вздыхая. Типичный шеф службы информационных технологий, подумал он. Хуфнагель знал все новые модные словечки вроде «балансировки загрузки блейд-серверов» и «визуализации серверов» и мог до посинения грузить такими терминами морских офицеров, но ни хрена не смыслил в подлинной механике обращения со сложной системой обработки данных. Вслух Пеннер сказал:

— Это данные по автопилоту, полученные в реальном времени.

— И?..

— И я собираюсь по ним воспроизвести алгоритм, найти стек прерываний, затем использовать внутренние спусковые события для прерывания процесса.

Хуфнагель кивнул с умным видом, будто на самом деле понял, что за штуку сейчас услышал. Прошло изрядное время, Пеннер изучал данные.

— Ну? — поторопил Хуфнагель. — Чего ты ждешь? У нас меньше часа.

— Это не так-то просто.

— Почему? Кори указал на экран:

— Взгляните сами. Это не шестнадцатиричные команды. Они зашифрованы.

— А можешь расшифровать?

Нашел о чем спрашивать, подумал Пеннер. Внезапно до него дошло: если правильно все разыграть, то вполне возможно, что он и сам получит изрядный куш; может, даже повышение. Станет, например, помощником первого класса. «Кори Пеннер — первый класс, спас «Британию» и всех нас!»

Ему очень понравилось, как это звучит. Компьютерщик начал успокаиваться — пустячное дело, проще пареной репы.

— Н-да, это будет непросто… Даже по-настоящему трудно. — Он придал голосу ноту мелодраматизма. — Тут закодировано на совесть. Есть какая-нибудь документация?

Хуфнагель покачал головой:

— Для кодирования автопилота была привлечена немецкая фирма. Корпорация не может найти у себя документацию или специалистов. А в Гамбурге рабочий день уже кончился.

— Тогда, чтобы понять, какую стратегию дешифровки применить, мне придется проанализировать кодирующую сигнатуру.

Под неусыпным взором Хуфнагеля он прогнал поток данных через криптографический анализатор.

— Здесь используется родная криптографическая система аппаратной поддержки, — объявил он.

— Это плохо?

— Нет, это хорошо. Обычно шифрование аппаратными средствами довольно слабое, может, с тридцатидвухбитным ключом. Если только это не улучшенный стандарт шифрования «Эй-И-Эс» или какой-нибудь многобитный алгоритм, то скорее всего через некоторое время я его взломаю… то есть дешифрую.

— У нас нет «некоторого времени». Я сказал, у нас меньше часа.

Пеннер проигнорировал это замечание, внимательно вглят дываясь в окно анализатора. Кори уже втянулся в проблему, и его теперь не заботило, видит ли босс неординарные приемы, которые используются.

— Ну? — подстегнул Хуфнагель.

— Подождите чуток, сэр. Анализатор как раз определяет, насколько сложна шифровка. В зависимости от битовой глубины я могу предпринять атаку с резервного канала или, может…

Анализатор как раз закончил, и на экране появился стек чисел. Хотя в серверном помещении было тепло, Пеннер почувствовал озноб.

— Господи Иисусе, — пробормотал он.

— Что такое? — немедленно среагировал шеф.

Кори таращился на экран как громом пораженный.

— Сэр, вы сказали, меньше часа. До чего именно?

— До того как «Британия» врежется в Каррион-Рокс.

Компьютерщик судорожно проглотил ком в горле.

— А если не получится, каков запасной план?

— Тебя не касается. Давай дальше.

— Стандартно используется криптография на основе эллиптической кривой. Новейшая штуковина. Клиент с тысяча двадцати четырехбитным публичным ключом и сервер с пятьсот двенадцатибитным симметричным ключом.

— И что? — спросил начальник. — Сколько времени тебе понадобится?

В наступившей тишине Пеннер явственно услышал рокот корабельных двигателей, вой воды и ветра, мерные удары волн в носовую часть судна, на полной скорости мчащегося в открытом море. Эти звуки доносились сюда, в комнату без окон, даже несмотря на гул вентиляторов системы охлаждения.

— Пеннер! Проклятие! Говори сколько!

— Столько лет, сколько песчинок на всех пляжах мира, — пробормотал тот, поперхнувшись от сдавившего горло ужаса.

Глава 63

Сущность, не имеющая названия, двигалась в призрачной и мрачной пустоте. Субстанция принадлежала смутному метамиру, лежащему в сером пространстве между уровнем людей, обитающих на «Британии», и уровнем чистой мысли. Призрак не относился к миру живых существ. У него не было сознания и органов чувств. Он не слышал, не ощущал запахов, не осязал, не думал и ведал только одно — всепоглощающее желание.

Фантом брел по схожим с лабиринтами коридорам и переходам «Британии», медленно, будто на ощупь. Здешний мир был для него всего лишь тенью, нереальным пейзажем, неопределенной структурой, состоящей из мглы и безмолвия, которую надо преодолевать до тех пор, пока жажда не утолена. Время от времени призрак сталкивался с мутным свечением живых существ, но не реагировал на их беспорядочные движения. Они были так же иллюзорны для призрачной субстанции, как она сама для них.

Неким неясным образом странная сущность улавливала приближение добычи. Субстанция, подобно магниту, умела распознавать колебания ауры живых существ. По еле заметным следам призрак беспорядочно продвигался сквозь палубы, коридоры и стальные переборки, выискивая то, ради чего был призван, — поглотить, истребить, уничтожить добычу. Он жил в ином времени, чем остальной мир; для него время представало податливой паутиной, которую можно растягивать, разрывать, отбрасывать прочь. Сущность обладала упорством вечности.

Призрак ничего не знал о силе, что его вызвала. Эта сила больше не имела значения. Тот, кто его вызвал, уже не мог остановить; призрачная субстанция теперь существовала независимо, сама по себе. И точно так же субстанция не имела представления об объекте поиска. Она знала только позыв — стремление найти, вырвать душу живого существа из материальной ткани, поглотить и насытиться. А затем просто отшвырнуть мусор.

Существо тихо кралось по призрачному серому туннелю, тонущему в полутьме, с мелькающими тут и там признаками присутствия живых существ. Оно кралось сквозь мутные облака, наполненные человеческим страхом и ужасом. Здесь аура его добычи стала сильнее, намного сильнее. Призрак чувствовал, как его вожделение растет и распространяется, притягиваясь к теплу в поисках контакта.

Тульпа находилась очень близко от своей добычи.

Глава 64

Гэвин Брюс и его маленькая команда: НайлзУэлч, Квентин Шарп и Эмили Дальберг— шагали за боцманом Лью и третьим помощником Краули к люку левого борта, выводящему на седьмую полупалубу. На двери люка алела надпись «Спасательные шлюпки»; аналогичный люк можно было обнаружить и на палубе правого борта. Перед дверью толпились пассажиры, и при появлении новых лиц толпа устремилась к ним.

— Вот они!

— Посадите нас в шлюпки!

— Смотрите, два офицера команды! Хотят спасти собственные шкуры!

Маленькую группу окружили. Какая-то грузная женщина в мятом спортивном костюме, взвизгнув, кинулась к Лью.

— Это правда? — выкрикнула она. — Правда, что мы несемся на скалы?

Толпа надвинулась, в воздухе стоял запах пота и паники.

— Это правда?

— Вы должны нам сказать!

— Нет, нет, нет! — воскликнул Лью, поднимая руки вверх и стараясь изобразить на лице улыбку. — Этот слух абсолютно ложный. Мы движемся курсом на...

— Они врут! — закричал какой-то мужчина.

— Тогда что вы делаете здесь, у спасательных шлюпок?

— И какого дьявола мы так мчимся? Теплоход трясется как бешеный!

Краули повысил голос, чтобы перекричать толпу:

— Послушайте! Капитан просто хочет доставить нас к Сент-Джонсу как можно быстрее.

— Ваши люди говорят иное! — взревела женщина в тренировочном костюме, хватая Лью за лацканы форменного пиджака и яростно разворачивая к себе. — Не врите нам!

Теперь коридор весь запрудили возбужденные пассажиры. Брюса поразило то, насколько дикими и неуправляемыми сделались люди.

— Прошу вас! — кричал Лью, стряхивая с себя женщину. — Мы только что с капитанского мостика. Все под контролем. Это просто штатная проверка спасательных шлюпок...

Вперед протолкнулся молодой мужчина в распахнутом пиджаке и расстегнутой рубашке.

— Что ты нам врешь, сукин сын! — Он с размаху нанес боцману скользящий удар в голову. — Обманщик!

Лью покачнулся и как бы обмяк, но в следующую секунду, развернувшись, нанес противнику удар в солнечное сплетение. Со стоном пассажир тяжело повалился на пол. На его место выдвинулся тучный человек; колыхаясь всей тушей, он бросился на Лью, в то время как еще один паникер схватил боцмана сзади. Вперед шагнул Брюс и аккуратно вырубил толстяка, а Крауди взял на себя второго пассажира.

Толпа, на момент ошеломленная, замолчала и дрогнула.

— Возвращайтесь в свои каюты! — тяжело дыша, крикнул Лью.

Гэвин Брюс выступил перед толпой.

— Вы! — указал он на возбужденную женщину в тренировочном костюме. — Немедленно отойдите от люка!

Его голос, в котором звучали властность и авторитет человека, привыкшего командовать, возымел свой эффект. Толпа нехотя отступила, примолкшая. Лью подошел и отпер дверь люка.

— Они идут к шлюпкам! — закричал тучный мужчина. — Возьмите меня! О Боже, не бросайте!

Толпа, вновь пробудившись, начала напирать, воздух наполнился криками и мольбами.

Брюс бортанул какого-то мужчину вдвое моложе себя, старавшегося прорваться к двери, и выиграл таким образом время для того, чтобы его группа успела выйти наружу. В течение нескольких секунд сводный отряд дружно наваливался на дверь, не давая открыть с той стороны. Оттесненная толпа охваченных паникой пассажиров принялась дубасить в дверь и кричать.

Брюс развернулся лицом к морю. По открытой палубе неслись мелкие холодные брызги. Грохот волн был здесь намного сильнее, а ветер гудел и стонал, врезаясь в распорки.

— Господи, — пробормотал Лью. — Эти люди совсем ошалели, мать их так.

— Где охрана? — спросила Эмили Дальберг. — Почему она не сдерживает толпу?

— Охрана? — переспросил Лью. — У нас два десятка сотрудников службы безопасности на четыре с лишним тысячи пассажиров и команды. На борту царит анархия.

Брюс покачал головой и переключил внимание на длинный ряд спасательных шлюпок. Его воображение было потрясено. В дни своей морской службы он никогда не видел ничего подобного: вереница гигантских, полностью закрытых торпедообразных судов, выкрашенных в ярко-оранжевый цвет, с иллюминаторами по бокам. Они больше походили на космические корабли, чем на шлюпки. Более того, вместо того чтобы свисать со шлюпбалок, каждая шлюпка покоилась на наклонных рельсах, нацеленных вниз и в сторону от судна.

— Как это действует? — спросил он у Лью.

— Спасательные шлюпки свободного падения, — ответил боцман. — Они уже в течение ряда лет размещаются на нефтепромысловых платформах и грузовых судах, но «Британия» — первое пассажирское судно, которое ими оснащено.

— Шлюпки свободного падения? Вы шутите. Здесь до воды шестьдесят футов!

— Пассажиры усаживаются в кресла, сконструированные так, чтобы амортизировать динамические нагрузки при ударе. Шлюпки соскакивают в воду носом вниз, затем выныривают на поверхность. К моменту всплытия они уже на расстоянии трех сотен футов от судна и удаляются от него.

— Что за двигатели на них стоят?

— Мощностью тридцать пять лошадиных сил и развиваемой скоростью восемь узлов. Все шлюпки обеспечены пищей, водой, теплом и даже десяти минутным запасом воздуха, на случай если на воде произойдет возгорание.

Брюс пораженно смотрел на Лью.

— Боже милостивый, да ведь это совершенство! Я-то думал, нам придется спускать на воду старомодные шлюпки со шлюпбалок, что

было бы невозможно при такой волне. Мы можем спустить их хоть сейчас!

— Боюсь, это не так уж просто, — покачал головой Лью.

— Почему, черт возьми?

— Проблема в нашем поступательном движении. Тридцать узлов. Это почти тридцать пять миль в час…

— Черт, мне известно, что такое узел!

— Дело в том, что невозможно узнать, как наше движение скажется на шлюпках. В правилах особо подчеркивается, что шлюпки должны спускаться на воду с неподвижного судна.

— В таком случае запустим пробную лодку, пустую.

— Это не прояснит вопрос, как подействуют на пассажиров динамические нагрузки.

Гэвин Брюс нахмурился.

— Понимаю. Значит, нам требуется подопытная морская свинка. Не проблема. Дайте мне портативную рацию УКВ и посадите в шлюпку. Я сообщу вам, насколько силен удар.

Краули покачал головой.

— Вы можете пострадать.

— А у нас есть выбор?

— Мы не можем позволить пассажиру пойти на это, — ответил Лью. — Это сделаю я.

— Ни в коем случае, — решительно возразил Брюс. — Вы боцман. Ваша профессиональная компетенция нужна здесь.

Лью и Краули переглянулись.

— Приводнение может оказаться жестким. Это как в машине получить боковой удар от другой машины, движущейся со скоростью тридцать пять миль в час.

— Мы говорим о воде, а не об ударе стали о сталь. Послушайте, кто-то так или иначе должен сыграть роль морской свинки. Мне доводилось рисковать и сильнее. Если я получу травму, по крайней мере буду уже вне судна. Я смотрю на это дело так: мне нечего терять. Давайте не тратить время.

Лью не решался.

— Должен идти я.

Брюс раздраженно нахмурился:

— Мистер Лью, сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— А вам, мистер Краули?

— Тридцать девять.

— Дети?

Оба кивнули.

— А мне шестьдесят восемь. Я лучшее подопытное животное, потому что мой возраст и состояние здоровья ближе к кондициям других пассажиров. Вы нужны на судне. И еще вы нужны вашим детям.

Подала голос Эмили Дальберг:

— Один пассажир в шлюпке — недостаточно показательный опыт. Нам нужны по крайней мере двое.

— Вы правы, — кивнул Брюс. Он бросил взгляд в сторону Найлза Уэлча: — Что скажете на это, Найлз?

— Можете на меня рассчитывать, — отозвался тот.

— Погодите! — энергично запротестовала Дальберг. — Я не это имела в виду…

— Я знаю, что вы имели в виду, — ответил Брюс. — И глубоко признателен вам, Эмили. Но что скажет Абердинский банк, если я подвергну опасности одного из самых важных его клиентов? — И с этими словами Гэвин взял из руки Лью радиотелефон, а сам боцман, не споря, двинулся к кормовому люку ближайшего оранжевого звездолета и повернул ручку. Люк с мягким шипением легко отворился на пневматических петлях. Брюс шагнул в темную утробу шлюпки, кивком велев Уэлчу следовать за ним. Через секунду он снова высунулся. — Эта штука оснащена лучше, чем роскошная яхта. Какой канал?

— Используйте семьдесят второй. На борту спасательной шлюпки имеются еще стационарная радиостанция УКВ и однополосный передатчик, а также радар, картплоттер, эхолот, система дальней радионавигации…

Брюс кивнул:

— Отлично. А теперь довольно стоять вокруг как стадо овец. Как только мы подадим сигнал, прочтите «Аве Мария» и тяните на себя чертов рычаг!

И, не сказав больше ни слова, он закрыл и задраил люк.

Глава 65

Констанс Грин открыла старинную коробку сандалового дерева и вынула серый шелковый шнур, завязанный сложным, причудливым узлом. По-тибетски он назывался «дгонгз», то есть «распутывающий», или «выводящий из затруднения».

Узел она получила от Цзеринга при отъезде из монастыря Гзалриг Чонгг. Он был завязан в восемнадцатом столетии одним глубоко почитаемым ламой, для использования в особом медитативном упражнении, целью которого являлось освобождение от злых помыслов или влияний и помощь в соединении двух умов. С его помощью Констанс очищала себя от пятна убийства; сейчас же девушка надеялась вывести с души Пендергаста клеймо Агозиена. В реальном мире узел никогда не развязывался: это высвободило бы его энергию и превратило бы его вновь в простой шелковый шнур. Всего лишь упражнение для ума и духа.

В каюте было темно, плотно задернутые занавеси закрывали окна балкона.

Констанс положила узел на маленькую шелковую подушечку, лежащую на полу и окруженную горящими свечами. Затем посмотрела на Пендергаста. С холодной улыбкой агент занял место по одну сторону узла, тогда как девушка села по другую. Узел лежал между ними: один конец шнура указывал на Грин, другой — на Пендергаста. Это был духовный и физический символ взаимосвязи всех сторон жизни, а в частности, двух людей, сидящих друг против друга.

Констанс уселась в позу лотоса, так же как и Пендергаст. Какое-то время она сидела, не приступая к медитации, просто давая телу расслабиться. Затем, пристально вглядываясь в узел, замедлила дыхание и уменьшила частоту биений сердца, как ее научили монахи. Девушка позволила сознанию сосредоточиться на сиюминутном, отбросив прошлое и будущее и отстранившись от бесконечного потока мыслей. Освобожденное от ментальной трескотни сознание начало очень остро и тонко воспринимать окружающее: глухие удары волн, бьющих в корпус судна, капли дождя, стучащие в стекло балконной двери, слабый аромат воска от свечей и запах сандалового дерева от шелкового узла. Особенно отчетливо Констанс ощутила присутствие темной фигуры напротив, на периферии зрительного восприятия.

Глаза же ее оставались прикованными к узлу.

Медленно, по очереди раздражители внешнего мира растворились в темноте — так бывает, когда закрывают ставни в доме. Сначала — комната, потом — огромный корабль, а затем — и весь безбрежный океан, по которому ползла маленькая точка, судно «Британия». Ушли наполнявшие комнату звуки, запахи, медленная качка судна, собственные телесные ощущения. Сама Земля исчезла, растворилась, как и солнце, звезды, Вселенная… Все ушло, провалившись в небытие. Остались только она, узел и существо по другую сторону узла.

Время перестало существовать. Констанс достигла состояния под названием «тхан шин гха», то есть «порог совершенной пустоты».

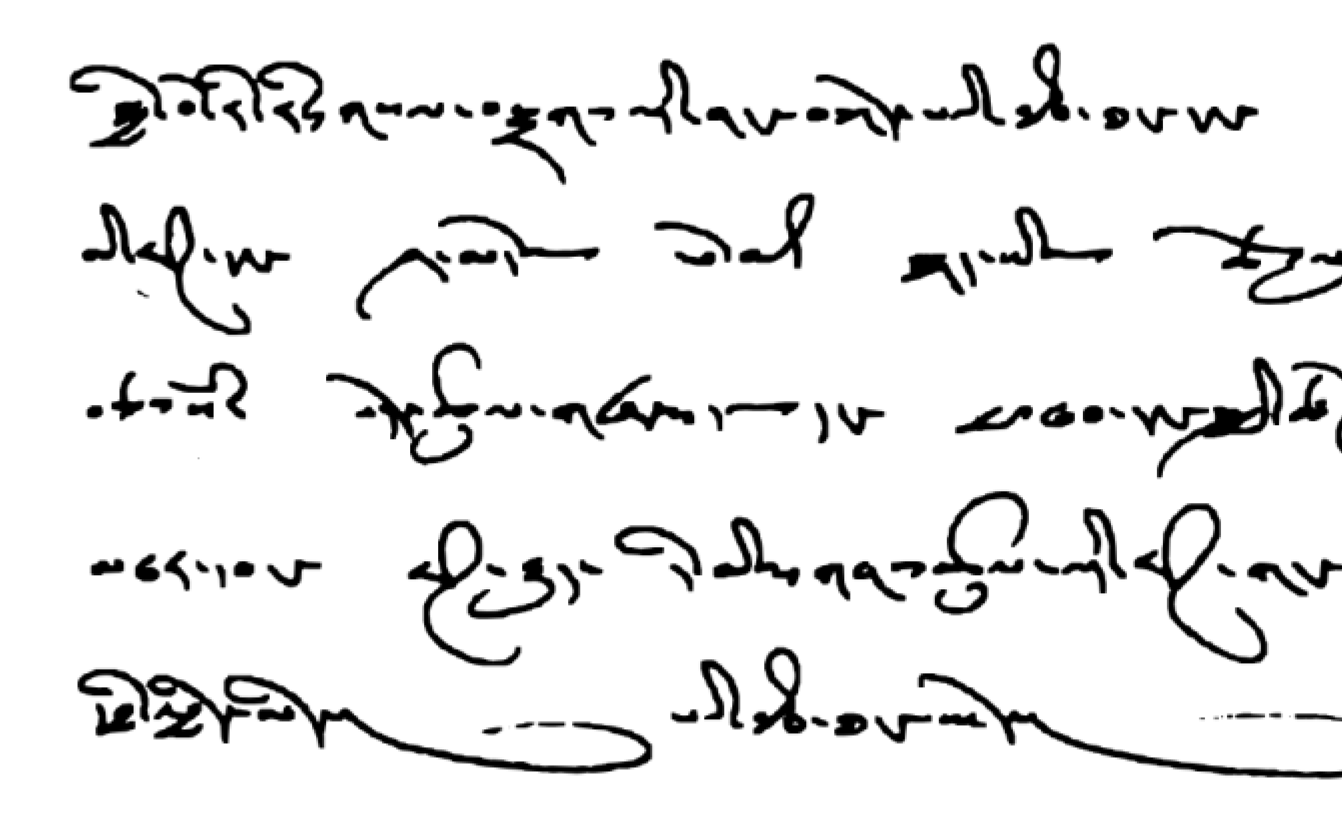
В диковинном медитативном состоянии предельной концентрации и вместе с тем полного отсутствия усилий или желаний девушка сфокусировалась на узле. Сначала он оставался без изменений. Затем, медленно, равномерно, подобно змее, развертывающей свои кольца, узел в воображении начал развязываться. Фантастически замысловатые петли и извивы шнура начали распускаться. Концы веревки втягивались внутрь узла, повторяя траекторию, пройденную три века назад, только в обратном порядке. То был процесс колоссальной сложности, символизирующий распутывание собственного эго, которое должно совершиться прежде, чем будет достигнуто «стонг па нийд», то есть состояние чистой пустоты, и медитирующий сольется со вселенским разумом.

На всем свете остались только она и Пендергаст, а посередине между ними — распутываемый узел.

Прошло неопределенное время — это могла быть одна секунда или тысяча лет, — и по его истечении серый шнур лег на подушке в виде мягкой шелковой груды, развязанный, напоминающий свободную спираль. И в середине ее обнаружился маленький сморщенный кусочек шелка, на котором была написана тайная молитва, вплетенная в узел древним монахом.

Констанс внимательно прочла ее про себя. Затем начала медленно читать нараспев, по-тибетски, снова и снова…

Читая, она направляла сознание к ближнему свободному концу веревки. Одновременно же осознавала свечение от существа, сидящего напротив, и это свечение подобным же образом тянулось к развязанному шнуру.

Констанс все читала и читала нараспев, и негромкие, успокаивающие звуки распутывали ее эго, осторожно разрезая все связи с физическим миром. Она мысленно коснулась шнура и двинулась по нему, притягиваемая к существу на другом конце, а тот человек, в свою очередь, притягивался к ней. Возник поток сродни потоку электрической энергии. Грин двигалась вдоль витых спиралью волокон, едва дыша, а ее сердце при этом билось в темпе похоронного оркестра. Все ближе, ближе… И вот наконец мысль слилась с мыслью того, другого, и завершающий этап был достигнут.

…Внезапно Констанс оказалась в некоем месте, одновременно и чуждом, и знакомом. Она стояла на вымощенной булыжником улице между изящными газовыми фонарями, уставившись на темный особняк с закрытыми ставнями. Воображаемая картина отличалась необычайной яркостью; созданная одной только силой мысли, но более реальная и цельная, чем любой сон, который ей приходилось видеть. Констанс даже осязала кожей холодный и липкий ночной туман, слышала писк и шуршание насекомых, обоняла угольный дым и сажу. Сквозь кованую чугунную решетку смотрела снизу вверх на особняк; взгляд скользил по крыше с мансардой, эркерам, пешеходным дорожкам подокнами.

После минутного колебания Грин шагнула в ворота, в темный влажный сад, наполненный запахами увядших цветов и земли. Прошла по дорожке, взошла на порог. Впереди виднелись приоткрытые двойные двери, и через них она шагнула в холл, а затем — в величественный вестибюль. С потолка свисала хрустальная люстра, темная и

угрожающая слегка позвякивая, как будто волнуемая ветром, несмотря на спертый воздух в доме. Одна массивная дверь вела в обширную библиотеку с высоким потолком, пустующими креслами и диванами и темным, холодным камином, через другую можно было попасть в нечто вроде трапезной. Возможно, то был выставочный зал, безмолвный, настороженный.

Стуча каблуками по мраморному полу, она пересекла вестибюль и по широкой лестнице поднялась на второй этаж. Стены здесь украшали гобелены и какие-то таинственные живописные полотна, простираясь в темную глубину дома до самых дубовых дверей, почерневших от времени.

Констанс двинулась вперед, поглядывая на левую стену. Впереди, примерно на середине длинного коридора, одна дверь оказалась открыта, или, скорее, выломана — дверная рама перекошена, а пол вокруг усеян деревянными щепками и обрывками электропроводки. Зияющий черный проем источал погребной дух плесени, мертвечины и отвратительных, скользких сороконожек.

Содрогнувшись, Констанс быстро прошла мимо. Ее притягивала к себе дверь впереди. До нее оставалось совсем немного.

Девушка взялась за дверную ручку и повернула. С негромким скрипом дверь отворилась внутрь, и гостеприимное тепло окутало Грин, словно с холодной улицы она вошла в уютное жилье.

Перед ней стоял Алоиз Пендергаст, одетый в черное, как обычно, со скрещенными на груди руками, улыбающийся.

— Добро пожаловать.

Комната была большой и красивой, с деревянной панельной обшивкой. В мраморном камине горел огонь, а на каминной полке, рядом со старинным сифоном для газирования напитков и хрустальными стаканами для вина, гулко шли старинные часы. Со стены на письменный стол, заваленный бумагами и книгами в кожаных переплетах, взирала стеклянными глазами голова оленя. Дубовый паркетный пол устилало ковровое покрытие, поверх которого бросили дорогие персидские ковры. Тут и там стояло несколько удобных кресел, на некоторых лежали раскрытые книги.

— Войди и обогрейся у камина, — гостеприимно предложил хозяин, указывая на очаг.

Констанс подошла ближе к огню, не отводя глаз от Пендергаста. Было в нем что-то новое, необычное. Даже странное. Несмотря на полнейшую реальность комнаты и дома, очертания его фигуры казались нечеткими,

расплывчатыми, чуть прозрачными, как если бы он не полностью был здесь.

Дверь затворилась с глухим стуком.

Хозяин протянул ей руку, Грин ответила тем же. Он сжал ее, неожиданно очень сильно, и девушка попыталась высвободиться, но Алоиз тянул к себе. Его голова будто задрожала, заколыхалась, раскололась, и изнутри показалось свечение. А затем его лицо слетело, как шелуха, распалось на горящие нити, обнажая образ, который Констанс узнала, — не поддающееся описанию лицо демона Калазиги.

Грин смотрела во все глаза, чувствуя тепло, притягиваясь к нему со смешанным чувством страха и вожделения. Казалось, оно наполняло ее огнем: несказанным, всепоглощающим, торжествующим огнем, который она некогда чувствовала в своей безумной погоне за Диогеном Пендергастом. В этом огне звенела чистота, которая наполняла ее благоговением.

— Я есть воля. — Голос демона был не звуком, а мыслью. — Я — чистая мысль, из которой выжжен всякий след человеческого чувства. Я свобода. Идем со мной.

Очарованная и одновременно испуганная, Констанс опять попыталась высвободить руку, но хватка оказалась крепкой. Лицо, ужасное и в то же время красивое, приближалось. Оно ненастоящее, говорила себе Констанс, это всего лишь продукт ее ума, образ с одной из тханок, что она созерцала часами, воссозданный сейчас усиленной медитацией.

Демон Калазига повлек ее к огню.

— Идем. В огонь. Сожги мертвую шелуху моральных ограничений. Ты возродишься подобно бабочке из кокона, свободная и красивая.

Она сделала в сторону огня шаг, помедлила в нерешительности, сделала второй, почти паря над ковром к теплу.

— Да, — согласился Пендергаст. — Это хорошо. Это правильно. Иди в огонь.

Когда Грин приблизилась к языкам пламени, тяжелая вина и горечь от убийства, которые до тех пор лежали на ее плечах, растаяли, улетучились, сменившись приятным возбуждением — тем самым опьянением и темной радостью, которые Констанс испытала, когда увидела, как брат Пендергаста Диоген падает с обрыва гигантской расщелины Сциара-дель-Фуоко прямо в раскаленную лаву. Испытанный в тот момент исступленный восторг предлагался теперь навсегда.

Единственное, что от нее требовалось, — шагнуть в огонь.

Еще один шаг. Огонь источал тепло, проникающее в каждую клеточку тела. Грин вспомнила Диогена, стоявшего на самом краю пропасти; их обоих, слившихся в смертельной схватке, словно в жутких пародийных объятиях, на краю ревущей Сциара-дель-Фуоко; вспомнила свой неожиданный финт; выражение лица Диогена, когда тот понял, что оба падают. Выражение его лица... Самое ужасное, самое жалкое и в то же время самое восхитительное из всего когда-либо ею виденного — выражение лица человека, который знает, знает без тени сомнения, что сейчас умрет. Что надежды больше нет. И эту горькую радость Констанс могла сейчас получить в вечное пользование; могла получить возможность переживать ее по собственному желанию, когда угодно. И в качестве морального оправдания даже не потребуется жажда мести; она сможет просто убивать, кого и когда захочет, и всякий раз вновь испытывать в пылком буйстве кипящей крови исступленное торжество-Больше нет надежды...

Пронзительно вскрикнув, девушка скорчилась в объятиях демона и вдруг нечеловеческим усилием воли вырвалась прочь. Отпрянув от огня, Констанс повернулась и выбежала в дверь. И вот она уже летит куда-то вниз, сквозь перекрытия дома, сквозь подвалы, погреба... падает... падает... падает...

Глава 66

Шторм бушевал за перилами седьмой полупалубы. Хотя дело происходило шестьюдесятью футами выше ватерлинии, палубный настил был мокрым от брызг. От грохота моря и рева ветра Лью едва мог внятно соображать.

Подошел Краули, такой же насквозь вымокший.

— Мы действительно проведем этот эксперимент, сэр?

— У вас есть идея получше? — раздраженно спросил Лью. — Дайте мне рацию.

Краули повиновался.

Боцман Лью переключил рацию на 72-й канал и нажал кнопку передачи.

— Лью вызывает Брюса, прием.

— Это Брюс.

— Как слышите?

— Отлично.

— Хорошо. Пристегнитесь к рабочему месту рулевого. Уэлч пусть займет место по другую сторону прохода.

— Готово.

— Нужны какие-то инструкции?

— По-моему, они все здесь.

— Спасательная шлюпка почти полностью автоматизирована, — продолжал Лью. — Двигатель заводится автоматически при ударе о воду. Шлюпка отойдет в сторону от судна по прямой. Вы должны сбросить газ до наименьшей скорости хода — так вас быстрее найдут. Панель управления не должна представлять трудности для моряка.

— Вас понял. На этой безумной лодке есть аварийный радиобуй — указатель местоположения?

— Целых два, и новейшего поколения, они передают ваши координаты по глобальной спутниковой системе. При ударе о воду радиобуи автоматически активируются на частотах четыреста шесть и сто двадцать один с половиной мегагерца — никаких действий с вашей стороны не требуется. Держите стационарную рацию в шлюпке настроенной на шестнадцатый канал. Со мной связь поддерживайте по семьдесят второму каналу через ручную рацию. Вы будете предоставлены сами себе, пока вас не подберут. Оба постоянно оставайтесь пристегнутыми — при таком шторме шлюпку по меньшей мере несколько раз развернет вокруг оси.

— Вас понял.

— Вопросы есть?

— Нет.

— Готовы?

— Готовы! — проскрежетало голосом Брюса в радиотелефоне.

— Хорошо. Сейчас произойдет пятнадцатисекундный автоматический обратный отсчет. Зафиксируйте в нажатом положении кнопку радиопередачи, чтобы мы могли слышать, что происходит. Подайте голос как можно скорее после приводнения.

— Понял. Спускайте.

Лью повернулся к контрольной панели спуска шлюпки. Имелось тридцать шесть спасательных шлюпок: восемнадцать с левого борта и восемнадцать с правого, каждая вместимостью до ста пятидесяти человек. Даже при запуске одной шлюпки практически пустой, как

сейчас, все остальные без труда вмешали пассажиров. Боцман посмотрел на часы. Если все получится, на эвакуацию остальных у них остается еще пятьдесят минут. Вполне реальный план.

Он пробормотал короткую молитву.

Чуть затаив дыхание, Лью произвел, одну за другой, необходимые манипуляции для запуска. Должно сработать. Эти проклятые шлюпки, шедевр инженерной мысли, сконструированы в расчете на падение с шестидесятифутовой высоты и обязаны выдержать дополнительную нагрузку.

Путь свободен. Боцман разблокировал рычаг, посредством которого запустится обратный отсчет на спасательной шлюпке номер один, открыл закрывающий его щиток. Внутри поблескивал свежей краской маленький красный рычажок прерывателя. Все это гораздо проще, чем в старину, когда спасательную шлюпку спускали на шлюпбалках, которые как сумасшедшие качались из-за ветра и волн. Теперь стоило только нажать на рычажок — и шлюпка высвобождалась из креплений, съезжала по рельсам и с высоты шестидесяти футов носом вперед падала в море. Через несколько секунд выскакивала на поверхность и продолжала двигаться, удаляясь от корабля.

— Вы меня слышите, Брюс?

— Громко и ясно.

— Держитесь. Я нажимаю на рычаг.

Из громкоговорителя над головой раздался заплаканный женский голос:

— Спасательная шлюпка номер один спускается через пятнадцать секунд. Десять секунд. Девять, восемь…

Голос звучно отдавался от металлических стен полупалубы. Обратный отсчет закончился. Послышался громкий глухой щелчок — отошли стопоры. Лодка скользила вперед по рельсам, вылетела носом вперед в открытое пространство, и Лью перегнулся через борт, чтобы посмотреть, как она грациозно, точно ныряльщик, входит в бурлящее море.

Шлюпка ударилась о воду с мириадами брызг; их было гораздо больше, чем Лью видел во время учений. Просто гейзер, взметнувшийся на сорок — пятьдесят футов и разлетевшийся назад неровными лепестками под действием неистового ветра. Канал связи высокочастотного радиотелефона разразился визгом и скрежетом атмосферных помех.

Но вместо того чтобы зарыться в воду, а потом вынырнуть, шлюпка повела себя иначе. Инерция движения самой шлюпки в сочетании с

добавочной скоростью судна отбросили ее в сторону, и лодка уподобилась камешку, который скачет по поверхности пруда. Она всей своей длиной второй раз ударилась о воду, с новым взрывом брызг, который на миг скрыл оранжевую лодку. А затем спасательный кораблик начал выплывать на поверхность — медленно, лениво, сверкая ярко-оранжевым флуоресцирующим корпусом. Атмосферные помехи в радиотелефоне вдруг резко смолкли.

Эмили Дальберг вскрикнула и отвела глаза.

Лью смотрел на спасательную шлюпку, которая быстро отдалялась. Сперва боцману показалось, что он видит ее под каким-то странным углом. Но нет, просто очертания шлюпки изменились — корпус был деформирован. От корпуса отделялись оранжевые и белые хлопья, и поток воздуха из прорванного шва выбрасывал вверх струю пены.

С тошнотворным ужасом Лью понял, что корпус шлюпки разорвался, треснул, точно гнилой арбуз, и теперь терял потроха.

— Боже… — выдохнул стоящий рядом Краули. — О Боже…

В ужасе Лью взирал на разбитую, словно бочка, спасательную шлюпку. Она не выравнивалась, а тяжело и неуклюже колыхалась на волнах, а винт бесполезно месил воду, оставляя за собой шлейф масла и обломков. Потом лодка окончательно завалилась на корму и стала исчезать в сером штормовом море.

Боцман схватил рацию, нажал кнопку передачи.

— Брюс! Уэлч! Это Лью! Ответьте!

Но ответа не было. Лью понимал, что его и не будет.

Глава 67

На вспомогательном мостике Ле Сёр отбивался от шквала вопросов.

— Спасательные шлюпки! — перекрывая остальных, кричал один из офицеров. — Что со спасательными шлюпками?

Гордон покачал головой:

— Пока нет известий. Я жду донесений от Лью и Краули. Заговорил старший радист:

— Я связался с «Гренфеллом» на шестьдесят девятом канале.

Ле Сёр немедленно распорядился:

— Передайте ему по факсу однополосной модуляции, чтобы переключился на семьдесят девятый канал.

Как знать, подумал он, может, выбор для связи с «Гренфеллом» высокочастотного 79 канала, обычно предназначаемого для коммуникации между прогулочными катерами на Великих озерах, сохранит их переговоры в тайне от Мейсон? Ле Сёр от всего сердца надеялся, что она не станет сканировать сверхвысокочастотные каналы. Эта психопатка, конечно, уже видела профиль «Гренфелла» на радаре и слышала по шестнадцатому каналу все разговоры о чрезвычайной ситуации.

— Каково расчетное время встречи?

— Девять минут, — ответил старший радист и добавил, помолчав: — На семьдесят девятом канале — капитан «Гренфелла».

Ле Сёр подошел к пульту радиосвязи, надел наушники и негромко заговорил:

— «Гренфелл», с вами на связи первый помощник капитана Ле Сёр, временно исполняющий обязанности капитана «Британии». У вас имеется какой-нибудь план действий?

— Это трудная ситуация, «Британия», но есть пара идей.

— Будет лишь один шанс что-то сделать. Мы движемся быстрее вас по крайней мере на десять узлов, и как только поравняемся, это будет тот самый момент.

— Понятно. У нас на борту есть рабочий вертолет «Би-О-сто пять», который мог бы доставить вам несколько снарядов кумулятивного действия, которые мы обычно используем для пробивания брешей в корпусах.

— При нашей скорости и при таком состоянии моря и ветра вы не сможете его посадить.

Молчание.

— Мы надеемся на «окно» в шторме.

— Маловероятно, но пусть «птичка» будет наготове, на всякий случай.

— Мы также подумали, что, проходя мимо вас, могли бы зацепить «Британию» нашей буксирной лебедкой и попытаться стащить с курса.

— Что за лебедка?

— Семидесятитонная электрогидравлическая буксирная лебедка с сорокамиллиметровым стальным тросом…

— Он лопнет как струна.

— Вероятно, да. Еще один вариант — сбросить буй и протянуть трос поперек вашего курса в надежде повредить винты.

— Ничего не выйдет. Никогда сорокамиллиметровый стальной трос не заблокирует винты мощностью двадцать один с половиной мегаватт. Разве вы не везете на борту спасательный катер?

— К сожалению, невозможно при таком шторме спустить два спасательных катера. И в любом случае мы никак не сможем стать с вами бок о бок, чтобы пойти на абордаж или произвести эвакуацию, потому что не можем поддерживать ту же скорость.

— Есть еще какие-нибудь идеи?

Пауза.

— Это все, что мы смогли придумать.

— Тогда придется следовать моему плану.

— Выкладывайте.

— Вы же ледокол, не так ли?

— Видите ли, «Гренфелл» — ледостойкое судно, но не ледокол. Нам иногда приходится вскрывать лед — в гаванях например, но...

— Этого достаточно. «Гренфелл», я хочу, чтобы вы проложили курс, который пройдет поперек носа нашего корабля, — с таким расчетом, чтобы его срезать.

Молчание, затем Ле Сёр услышал:

— Извините, «Британия», кажется, я вас не понял.

— Вы поняли меня правильно. Идея заключается в том, чтобы путем пробоя затопить передние отсеки — первый, второй и третий. Это погрузит нашу переднюю часть в воду в достаточной мере, чтобы приподнять винты и почти вынуть их из воды. «Британия» потеряет ход.

— Вы просите вас протаранить? Боже милостивый, это сумасшествие! Есть большой риск, что я потоплю собственное судно!

— Это единственный способ. Если вам двигаться не слишком быстро — скажем, от пяти до восьми узлов — и при этом держать курс в несколько румбов к нашему правому борту, а прямо перед самым столкновением резко дать одним винтом задний ход, одновременно задействовав носовые подруливающие устройства, вы сможете срезать нашу носовую часть своей усиленной стальной обшивкой, мгновенно высвободиться и мы сможем разойтись правыми бортами. Да, почти вплотную, но это

может сработать. Конечно, в том случае, если у вас есть рулевой, способный справиться с задачей.

— Я должен посоветоваться с командованием.

— У нас пять минут до точки максимального сближения, «Гренфелл». Вам чертовски хорошо известно, что мы не получим «добро» вовремя. Послушайте, вопрос в том, хватит ли у вас на это духу.

На сей раз молчание длилось гораздо дольше.

— Хорошо, «Британия». Мы попытаемся.

Глава 68

Глаза Констанс распахнулись, а окружающий мир стремительно возвращался — корабль, качка, стук дождя в стекло, рев моря и стоны ветра.

Она уставилась на дгонгз. Тот лежал мягкой кучкой вокруг древнего клочка сморщенного шелка. Узел развязался — по-настоящему!

Грин ошеломленно посмотрела на Пендергаста. Голова ее спутника чуть приподнялась, и глаза вернулись к жизни — серебристые радужки поблескивали в пламени свечей. По лицу его расползлась странная улыбка.

— Ты оборвала медитацию, Констанс.

— Ты пытался... затащить меня, в огонь.

— Естественно.

Девушка почувствовала прилив отчаяния. Вместо того чтобы вытащить его из тьмы, она едва не оказалась втянута туда сама.

— Я стараюсь освободить тебя от прежних оков.

— Освободить меня, — горько повторила она.

— Да. Чтобы ты стала тем, чем сама желаешь стать: свободной от цепей сентиментальности, морали, принципов! благородства, добродетели и прочих ничтожных вещей, которые придуманы, с тем чтобы держать нас в цепях на галерах человечества, вместе с другими гребущими в никуда.

— Вот что сделал с тобой Агозиен, — с горечью проговорила Грин. — Сорвал все моральные и этические тормоза. Развязал и дал зеленую улицу самым темным и социопатическим желаниям. И то же самое он предлагает мне.

Пендергаст встал и протянул ей руку. Констанс ее не приняла.

— Ты развязал узел.

— Я до него не дотрагивался, — ответил Пендергаст негромким, но дрожащим от ликования голосом. — Абсолютно.

— Но тогда каким образом...

— Развязал силой мысли.

Она продолжала удивленно взирать на него.

— Это невозможно.

— Не только возможно, но и произошло, как видишь.

— Медитация не удалась. Ты остался таким же, как прежде.

— Медитация удалась, дорогая моя Констанс. Я изменился — и весьма. Благодаря твоей настойчивости я теперь в полной мере осознал власть, даваемую Агозиеном. Это власть чистой мысли, власть сознания над материей. Я получил доступ к необозримому, безграничному резервуару могущества, и то же самое можешь сделать ты. — В глазах его блестела страсть. — Это выдающаяся демонстрация возможностей Агозиен-мандалы, ее способности трансформировать человеческий ум и человеческую мысль в инструмент колоссальной силы.

Констанс смотрела на опекуна, не отводя глаз, и ужас, заползал в ее сердце.

— Ты хотела вернуть меня обратно, — продолжал он. — Ты хотела вернуть меня к старой, противоречивой, глупой, нелепой сущности. Но вместо этого перенесла вперед. Ты отворила мне дверь. И теперь, моя дорогая Констанс, твоя очередь освободиться. Помнишь наше маленькое соглашение?

Девушка не могла вымолвить ни слова.

— Вот видишь. Теперь твоя очередь взглянуть на Агозиен.

Но она все еще не могла решиться.

— Как хочешь. — Пендергаст встал и взялся за горловину холщового мешка. — Больше не стану о тебе заботиться и за тобой приглядывать. — Спецагент закинул мешок на плечо и двинулся к двери, не глядя на воспитанницу.

С удивлением и ужасом Грин поняла, что перестала для него что-то значить.

— Погоди.

Ее прервал раздавшийся из-за двери крик. Дверь распахнулась, и в каюту влетела Мария. За ней Констанс увидела нечто серое, аморфное, похожее на дым, и это нечто двигалось к ним.

Откуда взялся дым? Неужели на судне пожар?

Пендергаст уронил мешок и невольно отступил на шаг. Констанс удивленно отметила на его лице изумление, даже страх.

Нечто заполнило собой весь дверной проем. Мария вскрикнула, но сущность обволокла ее, заглушая вскрики.

Проплыв в каюту, призрак на мгновение заслонил собою коридорную лампу, и ошеломленная Констанс увидела внутри дымного силуэта что-то странно раздувающееся, с двумя налитыми кровью глазами и третьим глазом на лбу, посередине. Какое-то демоническое существо словно калека дергалось, колыхалось, качалось при движении, а может, пританцовывало…

Мария вскрикнула еще раз и упала на пол с шумом, похожим на звон бьющегося стекла. Горничная дико вращала глазами и дергалась в конвульсиях.

Существо миновало ее и вплыло в гостиную, наполняя комнату сырым, зловонным духом плесени, при этом оттесняя Пендергаста в угол. И вот призрак уже наплывает, поглощая, и у спецагента вырвался сдавленный крик, полный такого первобытного ужаса, такого агонизирующего отчаяния, что этот вопль ледяным холодом пробрал Констанс до самых костей.

Глава 69

Ле Сёр стоял посреди заполненного людьми вспомогательного мостика, уставившись на экран сверхчастотного радара, где показалось изображение приближающегося корабля. Прибор зафиксировал суммарную скорость сближения тридцать семь узлов.

— Две тысячи пятьсот ярдов, — сообщил второй помощник капитана.

Ле Сёр быстро подсчитал в уме: до сближения две минуты.

Он бросил взгляд на более чувствительный прибор частотного диапазона X, но на его показания наводило помехи отражение от морской поверхности и рассеяние в дожде. Перед этим капитан поневоле быстро и без лишнего шума вкратце посвятил остальных офицеров в свой план. Гордон понимал: очень возможно, что Мейсон слышала его разговор с капитаном «Гренфелла»; не было стопроцентного способа изолировать ее от информации. Но в любом

случае, когда «Гренфелл» начнет действовать, «Британии» придется очень туго. К Ле Сёру подошел старший механик Холси.

— У меня есть расчеты, о которых вы просили. — Он говорил тихо, так чтобы остальные не слышали.

Значит, все настолько плохо, подумал Ле Сёр. Он отозвал Холси в сторону.

— Цифры основаны на допущении прямого столкновения с центром отмели, чего мы и ожидаем.

— Изложите быстро.

— При заданной силе ожидаемый показатель смертности составит от тридцати до пятидесяти процентов — при том что у остальных будут серьезные травмы: переломы, контузии, ушибы.

— Понятно.

— При осадке судна в тридцать пять футов первоначальное соприкосновение «Британии» с малой отмелью произойдет на некотором расстоянии от главного массива рифа. К тому моменту, когда судно столкнется со скалами, оно уже будет пропорото от носа до кормы. Все водонепроницаемые отсеки и переборки окажутся пробиты. Расчетное время погружения — менее трех минут.

Ле Сёр судорожно сглотнул.

— Нет ли шанса, что оно может повиснуть на скалах?

— Обрыв очень крутой. Корма съедет с него и погрузится очень быстро.

— Боже милостивый.

— Учитывая масштабы смертности и травматизма, а также скорость, с которой «Британия» погрузится, невозможно будет принять какие-то меры по организованной эвакуации. Это означает, что при столкновении ни у кого на борту не останется шансов выжить. В том числе, — тут он запнулся, обводя взглядом комнату, — у личного состава вспомогательного мостика.

— Тысяча пятьсот ярдов до сближения, — объявил второй помощник, не отводя глаз от радара. По лицу его катился пот. Вспомогательный мостик погрузился в молчание, взоры всех были прикованы к маячившему на индикаторе зеленому пятнышку.

Ле Сёр ранее уже взвешивал, стоит ли объявлять пассажирам и экипажу общую команду морально приготовиться к удару «Гренфелла», но принял решение этого не делать. Во-первых, объявление по радио

оповестило бы и Мейсон. Но, что более важно, — если «Гренфелл» выполнит задачу хорошо, сила бокового удара поперек носа «Британии» большей частью поглотится неимоверной массой судна. Полученная встряска всего лишь напугает пассажиров, в худшем случае — собьет кого-то с ног. Приходилось идти на такой риск.

— Тысяча двести ярдов.

Глава 70

Спешно шагающий по девятой палубе Роджер Майлз услышал топот бегущей толпы и вжался в нишу. Мимо, крича и жестикулируя, промчалось стадо охваченных истерией пассажиров — Бог ведает куда и зачем. В потной руке Майлз, как талисман, сжимал магнитную карточку-ключ, другой рукой вытащил из кармана фляжку и сделал долгий глоток виски — восемнадцатилетнего «Макалана» — и сунул флягу обратно. Глаз распух после удара, полученного в драке с психованным пассажиром в ресторане «Оскар»: круизный директор чувствовал себя так, словно кто-то надувал глаз воздухом, всесильнее и сильнее. Белая рубашка и смокинг были испачканы кровью из разбитого носа, который все еще кровоточил. Не директор, а настоящее пугало.

Роджер сверился с часами. Если информация, которую он получил, верна, до столкновения оставалось полчаса — а у него имелись все основания ей верить. Он еще раз проверил, свободен ли путь, затем неверной походкой выбрался из укрытия. Необходимо любой ценой избежать встречи с пассажирами. На «Британии» настало время Повелителя мух[49], когда каждый сам за себя, а никто не скатывается к скотоподобному состоянию быстрее, чем кучка богатых засранцев.

Майлз опасливо пробирался по палубному коридору. Хотя в поле зрения никого не было, отовсюду доносились пронзительные крики, визг, мольбы и отчаянные рыдания. Он не мог поверить, что судовые офицеры и сотрудники службы безопасности как будто вовсе исчезли, оставив работников гостиничного хозяйства вроде него на милость перетрусивших пассажиров. Никто ни о чем не информировал, не давал никаких инструкций. Было ясно, что никто просто не знает, как справиться с катастрофой такого масштаба. Судно превратилось в сумасшедший дом, в котором царила анархия, и самые дикие слухи распространялись, как лесной пожар на ветру.

Директор круиза продолжал осторожно шагать по коридору, зажав в руке магнитный ключ. Это его билет на выход из этого сумасшедшего дома, и он намеревался незамедлительно им воспользоваться. Четыре тысячи триста пассажиров ждет незавидная участь — быть перемолотыми в мясной фарш, когда корабль нарвется на страшные рифы Большой банки. Счастливчики, выжившие после удара, проживут в ледяной воде еще минут двадцать, пока не скончаются от гипотермии.

На этот праздник он не собирался, благодарим покорно.

Роджер глотнул еще виски и проскользнул в дверь, помеченную значком выхода. Быстро перебирая коротенькими ножками, побежал вниз по металлической лестнице и, остановившись двумя площадками ниже, заглянул в коридор, ведущий на полупалубу со спасательными шлюпками. При том что сам коридор был пуст, крики злых, обезумевших пассажиров слышались здесь громче. Майлз не понимал, почему командование не эвакуирует людей в шлюпках. Он сам участвовал в спасательных учениях и пару раз даже спускался на воду в такой шлюпке свободного падения. Эти плавсредства способны выдержать практически любой удар; просто падают в воду, а человек спокойно сидит, пристегнутый, в мягком кресле, и все приключение не опаснее, чем езда на «американских горках» в Диснейленде.

Когда директор завернул за угол и двинулся к внешней полупалубе, шум толпы усилился. Кто бы мог подумать: у запертых люков, ведущих к шлюпкам, собралась группа пассажиров. Они кричали и стучали в двери люков, пытаясь пробиться к лодкам.

Существовал только один путь к шлюпкам левого борта, и этот путь лежал через толпу. Без сомнения, у шлюпок правого борта точно так же собрались обезумевшие пассажиры. Майлз приблизился, крепко сжимая в руке карту-ключ. Может, никто его не узнает?

— Эй, смотрите! Это директор круиза!

— Директор круиза! Эй вы! Майлз!

Толпа хлынула к Роджеру, и какой-то пьяный с красным лицом поймал его за рукав.

— Что происходит, черт подери? Почему не спускают шлюпки? — Он дернул Майлза за руку. — Почему? Отвечайте!

— Я знаю не больше, чем вы! — воскликнул директор высоким звенящим голосом. — Мне ничего не сообщают!

— Вранье! Он идет к шлюпкам — как те, другие!

Еще кто-то схватил его за руку и потащил в сторону. Раздался треск рвущейся одежды.

— Пустите меня! — взвизгнул Майлз, пытаясь вырваться. — Говорю вам, я ничего не знаю!

— Черта с два!

— Хотим в спасательные шлюпки! Вам нас больше не обдурить!

Толпа неистовствовала, его дергали со всех сторон, как дети, дерущиеся из-за игрушки. С громким треском рукав рубашки оторвался.

— Дайте пройти! — взмолился он.

— Мы не останемся здесь тонуть, вы, ублюдки!

— Они уже все уплыли, вот почему не видно никого из команды!

— Это правда, ты, сволочь?

— Я впущу вас внутрь! — охваченный ужасом, крикнул Майлз, поднимая над головой ключ. — Только отцепитесь от меня!

Толпа примолкла, переваривая это сообщение. Затем все разом закричали: — Он сказал, что впустит нас!

— Вы слышали, что он сказал? Дайте пройти!

Толпа протолкнула Роджера вперед, внезапно чуть успокоившись в ожидании. Трясущейся рукой Майлз вставил ключ в замок, открыл дверь, прыгнул в проем, а затем попытался быстро захлопнуть дверь за собой, но безрезультатно: толпа хлынула в дверь, отшвырнув его в сторону.

Роджер торопливо поднялся на ноги. В лицо ему ударил порыв ревущего ветра, оглушил бешеный гул моря. Огромные рваные клочья тумана, гонимые ветром, неслись по волнам, а в промежутках виднелся черный, вспененный океан. Тучи водяной пыли гуляли по внутренней палубе, в мгновение ока промочив до костей. Он углядел Лью и Краули, которые стояли у приборной панели спуска шлюпок вместе с человеком, в котором он узнал руководителя банка. Все в замешательстве уставились на ворвавшуюся толпу. Там же стояла наследница империи мясных полуфабрикатов Эмили Дальберг. Несколько пассажиров ринулись к первой по ходу шлюпке, и Лью с Краули и банкиром бросились им наперерез. Воздух наполнился криками и восклицаниями, а также мерзким звуком бьющих в живую плоть кулаков. Радиотелефон выскочил у Краули из руки и, подпрыгивая, куда-то покатился.

Майлз приостановился поодаль. Он знал порядок. Знал, как обращаться со шлюпками, знал последовательность действий, и будь он проклят, если разделит шлюпку с кучкой очумелых придурков. Схватка между разъяренной оравой и командой Лью была ожесточенной, и пассажиры, в своем рвении забраться в ближайшую шлюпку, похоже, забыли о его существовании. Наверное, получится удрать прежде, чем они поймут, что происходит.

По лицу Лью обильно текла кровь.

— Сообщите на вспомогательный мостик! — успел крикнуть он Дальберг, и в следующий момент разъяренная толпа накрыла боцмана.

Майлз прошел мимо сцены расправы в дальний конец полупалубы. Проходя, как бы невзначай нажал пару кнопок на приборной панели управления запуском. Он заберется в шлюпку, спустит ее и скоро будет в безопасности, далеко отсюда. Шлюпка выбросит аварийный радиобуй-указатель со встроенным приемником системы спутниковой навигации, и его подберут еще до наступления ночи.

Майлз достиг самой дальней шлюпки, дрожащей рукой открыл контрольную панель и начал выставлять настроечные параметры. Одновременно боковым зрением наблюдал, как толпа в конце площадки сражается с банкиром и топчет теперь уже неподвижные тела Лью и Крауди. Но вот кто-то из буянов повернул голову в его сторону. За ним — другой.

— Эй! Он собирается спустить шлюпку!

— Сукин сын!

— Стой!

Майлз увидел, как к нему рванули несколько человек.

В судорожной поспешности Роджер надавил оставшиеся кнопки, и на корме распахнулся на гидравлических шарнирах посадочный люк. Круизный директор было ринулся внутрь, но толпа подбежала раньше. Его схватили, оттащили назад.

— Подонок!

— Здесь достаточно места для всех! — взвизгнул он. — Пустите, вы, болваны! По одному!

— Ты последний! — Какой-то жилистый старый козел с нечеловеческой силой кулаком отшвырнул его в сторону, исчез в недрах шлюпки, а за ним хлынула остальная вопящая окровавленная орда. Майлз тоже попытался сунуться вслед но его опять схватили и отбросили.

— Ублюдок!

Он поскользнулся на мокрой палубе, упал, его пнули отпихивая к ограждению палубы. Цепляясь за поручни, Роджер подтянулся вверх, вскарабкался на ноги. Им его здесь не оставить. Схватил ближайшего к себе человека, из тех, что протискивались в лодку, швырнул его наземь, опять сам поскользнулся; соперник вскочил и кинулся на него, и оба, сцепившись, навалились на палубное ограждение. Упершись ногой в перекладину, Майлз обрел равновесие, а тем временем люди, борясь друг с другом и напирая, старались втиснуться в узкий люк.

— Я вам нужен! — кричал Майлз, отбиваясь. — Я знаю, как управлять!

Он наконец оттолкнул противника и рванулся клюку, но люди внутри лодки теперь боролись с оставшимися на палубе, стараясь закрыть дверь.

— Я знаю, как ею управлять! — вопил круизный директор, цепляясь за спины тех, кто силился удержать дверь в открытом состоянии.

А затем произошло страшное, будто кошмарный сон стал явью. К своему несказанному ужасу, Майлз увидел, как начал поворачиваться маховик, запечатывая люк. Роджер отчаянно ухватился за колесо, пытаясь повернуть его обратно. Послушался глухой щелчок — отошли стопоры, — и вслед за этим спасательная шлюпка сорвалась с места и устремилась вниз по спусковой аппарели, сдергивая за собой Майлза и с полдюжины других неудачников. Круизный директор покатился по смазанным металлическим рельсам, беспомощный, не в силах остановить падение, и в следующий миг — с неожиданным, захватывающим дух рывком — оказался в воздухе и почувствовал, что летит прямо в черный бушующий океан, медленно переворачиваясь…

Последнее, что он увидел, перед тем как удариться о воду, — силуэт корабля, вылетающего из тумана прямо навстречу «Британии».

Глава 71

На вспомогательном капитанском мостике Ле Сёр неотрывно смотрел в окна переднего обзора. Ветер усилился, дождь ослаб и туман время от времени позволял видеть что-то впереди, за пеленой шторма. Гордон вглядывался так напряженно, что уже сам не понимал, видит ли вообще хоть что-нибудь.

Но внезапно вот оно, появилось! Из пелены тумана вырвался тяжело скачущий по волнам «Гренфелл» с тупым носом.

Он шел прямо на «Британию», и все находящиеся на вспомогательном мостике в едином порыве затаили дыхание.

— Восемьсот ярдов.

«Гренфелл» приступил к действию. Появление пены вдоль кормовой части правого борта просигналило об изменении направления вращения правого винта. Одновременно бурная струя слева по носу оповестила о том, что заработали носовые подруливающие устройства. Расстояние между кораблями сокращалось, при этом гигантская «Британия» двигалась гораздо быстрее, чем канадское судно, и по мере их сближения красная морда «Гренфелла» начала поворачивать к правому борту.

— Приготовиться! — скомандовал Ле Сер, хватаясь за край стола.

Маневр «Гренфелла» был почти тотчас встречен громким рокотом глубоко в брюхе «Британии». Это Мейсон сняла судно с автопилота, молниеносно среагировав на ситуацию. Корабль затрясло, и палуба заметно накренилась.

— Она убирает успокоители качки! — воскликнул Ле Сёр не отрываясь от приборной панели и не веря своим глазам, — И… О Боже! Она развернула кормовые винты под прямым углом к правому борту!

— Нельзя этого делать! — завопил старший механик. — Она сорвет винторулевой комплекс!

Гордон пробежал глазами по выведенным на экран параметрам двигателя, отчаянно силясь понять, что задумала Мейсон.

— Она разворачивает «Британию» боком… намеренно… чтобы «Гренфелл» ударил нас в борт, — потрясенно сообщил он. Мгновенный и страшный образ ярко вспыхнул в его мозгу: сменившая направление «Британия» подставляет среднюю часть ледоколу «Гренфелл». Но получится не строго боковой удар: «Британия» не успеет настолько развернуться. Выйдет еще хуже: «Гренфелл» вонзится в нее под углом в сорок пять градусов, вспарывая корпус по диагонали, и на линии атаки ледокола окажется основная масса кают и общественных помещений. Это будет мясорубка.

Ему мгновенно стало ясно, что Мейсон продумала эту контрмеру с величайшей тщательностью. Этот маневр окажется столь же эффективен, как и столкновение с Каррион-Рокс. Едва увидев такую возможность, беспринципная авантюристка тут же ухватилась за нее.

— «Гренфелл»! — закричал Ле Сёр, нарушая радиомолчание. — Назад второй винт! И носовые подруливатели! Она разворачивается!

— Вас понял, — послышался странно спокойный голос капитана.

«Гренфелл» отреагировал немедленно, вспенивая воду вокруг корпуса. Корабль словно запнулся в нерешительности, прекратив тяжеловесный разворот, и поступательное движение замедлилось.

На «Британии» возникла и стала нарастать визжащая, скрежещущая вибрация — это Мейсон прибавила оборотов, запустив кормовые винты на полную мощность — 43 000 киловатт — и развернув под углов 90 градусов к продольной оси лайнера. Маневр безумца. Без успокоителей качки, да еще при волне с траверза, «Британия» накренялась все больше: пять градусов от вертикали, десять, пятнадцать… Такое ее конструкторам не могло присниться и в страшном сне. Навигационные приборы, кофейные кружки и другие незакрепленные предметы на

вспомогательном мостике посыпались на пол, а люди, чтобы не последовать за ними, цеплялись за все, что можно.

— Проклятая сука кренит палубу! — закричал Холси, чувствуя, как пол выскакивает из-под ног.

Вибрация усилилась до оглушительного рева; лайнер почти лег на воду левым бортом, и нижняя рабочая палуба нырнула. Вздыбившееся море гигантской стеной обрушилось на судовые надстройки, доставая до нижних кают и балконов левого борта. Ле Сёр услышал отдаленный звон бьющегося стекла, шум воды, заливающей пассажирские палубы, глухие удары падающих тяжелых предметов. Он мог только вообразить себе ужас и хаос, что царят среди пассажиров, когда они сами, обстановка их кают и вообще все на судне кувырком летит к левому борту.

От неистового напряжения двигателей содрогался весь мостик, дребезжали окна, корпус корабля протестующе стонал. За полубаком неясно маячил «Гренфелл»: быстро приближаясь, он продолжал усиленно отворачивать влево, но было слишком поздно — «Британия», со своей поразительной маневренностью, развернулась так, что патрульный корабль вот-вот ударит в среднюю часть — 2,5 тысячи тонн столкнутся со 165 тысячами при общей скорости 45 миль в час. Ледокол пропорет «Британию», как щука марлина.

Ле Сёр стал молиться.

Глава 72

Переводя дыхание, Эмили Дальберг приостановилась в коридоре, ведущем со шлюпочной палубы. Сзади, мешаясь с ревом ветра, слышались пронзительные крики и вопли обезумевшей орды, именно орды, черни, причем самого примитивного, смертоносного толка. Множеству людей пришло в голову броситься к спасательным шлюпкам, и устойчивый поток пассажиров в панике мчался мимо, не обращая внимания на ее присутствие.

Дальберг собственными глазами увидела достаточно, чтобы понимать: всякая попытка воспользоваться спасательными шлюпками при такой скорости судна есть чистое самоубийство. Теперь на вдове лежала миссия донести эту важнейшую информацию до вспомогательного мостика. Ради получения этой информации пожертвовали жизнями Гэвин Брюс и Найлз Уэлч — как пассажиры, что набились во вторую лодку, — и Эмили была полна решимости передать сведения по назначению.

Она двинулась дальше, пытаясь сориентироваться, но тут мимо по коридору пронесся грузный мужчина с красным лицом и выпученными глазами.

— К шлюпкам! — громко вопил он.

Дальберг попыталась увернуться, но не успела — толстяк подрезал ее, и Эмили неуклюже растянулась на ковровом покрытии. К тому времени как она поднялась на ноги, человек уже скрылся из виду.

Вдова привалилась к стене, восстанавливая дыхание и стараясь уклониться от потока паникеров. Ее потрясло, насколько склонны люди к самым нелепым проявлениям эгоизма, даже привилегированная публика — или, быть может, она в особенности. Дальберг не замечала, чтобы экипаж или обслуживающий персонаж вели себя так безобразно: вопили, визжали, скулили и суетились. Она невольно подумала о контрасте происходящего сейчас на «Британии» с полной сдержанного достоинства гибелью «Титаника». Мир, бесспорно, изменился.

Отдышавшись, Эмили двинулась дальше, держась поближе к стене. Вспомогательный мостик располагался в носовой части судна, прямо под основным — кажется, на тринадцатой палубе или четырнадцатой, как ей помнилось. Сейчас она находилась на седьмой полупалубе — и это означало, что надо подняться.

Дальберг шла мимо опустевших кафе и магазинов, следуя указателям, ведущим к Гранд-атриуму. Там будет легче сориентироваться. Через несколько минут, пройдя в арку, вдова достигла полукруглого парапета галереи, откуда открывался вид на широкое шестиугольное пространство, занявшее несколько палуб. Даже в этот, в высшей степени критический, момент Дальберг невольно восхитилась зрелищем: восемь уровней в высоту, со стеклянными лифтами по обеим сторонам пролета, с бесчисленными маленькими балкончиками и парапетами, увитыми страстоцветом.

Перегнувшись через перила, Эмили заглянула вниз. Картина повергала в шок. «Королевский герб», элегантный ресторан пятью уровнями ниже, стал почти неузнаваем. Казалось, здесь пронесся торнадо. Столы были перевернуты, на полу валялись столовые приборы, недоеденная пища, помятые цветы, битое стекло. Одни пассажиры бежали через атриум, другие бесцельно кружили, третьи накачивались алкоголем. Отовсюду доносились испуганные крики и восклицания.

Стеклянные лифты все еще действовали, и Эмили направилась к ближайшему. Но внезапно все широкое пространство атриума наполнилось рокотом, грохотом, рычанием, исходящими откуда-то из недр судна.

И вдруг атриум начал опрокидываться.

Сначала вдове подумалось, что это лишь игра воображения, но нет: бросив взгляд наверх, на большую люстру, Дальберг увидела, что та отклонилась от вертикальной оси. По мере нарастания рокота люстра кренилась все сильнее, звеня и дребезжа. Отважная пассажирка торопливо попятилась под защиту арки, и тут же вниз дождем посыпались кусочки хрусталя и застучали градом по столам, стульям, перилам.

«Боже милостивый! — подумала Эмили. — Что происходит?!»

Крен делался все сильнее, и вдова ухватилась за медное ограждение, укрепленное на колонне по одну сторону арки. Со скрежетом столы и стулья расположенного внизу ресторана начали съезжать влево, поначалу медленно, затем — все быстрее. Через несколько секунд раздался грохот и звон стекла — это обрушилась стена из бутылок в элегантном баре.

Дальберг вцепилась в ограждение, не в силах оторвать взор от зрелища разора внизу. Теперь пришел в движение огромный концертный рояль «Стейнвей» в центре атриума — он с ускорением катился на своих роликах, пока не влетел в громадную статую Британии, разбив ее вдребезги и превратив в груду мрамора.

Впечатление создавалось такое, что лайнер угодил в железные тиски какого-то великана и, несмотря на протестующий стон двигателей, тот переворачивал корабль на бок. Вдова изо всех сил держалась за брус, потому что наклон все усиливался и все незакрепленные предметы: стулья, вазы, столы, стеклянная посуда, фото — и видеокамеры, — кувыркаясь, летели с расположенных выше балконов. Вдруг сквозь несмолкаемый хор вскриков и душераздирающих воплей прорвался истошный вой откуда-то сверху: приземистая женщина с завитыми светлыми волосами, в форме администраторши, слетела вниз с верхнего балкона и с ужасающим треском врезалась в рояль. Брызнули в разные стороны клавиши из слоновой кости, а струны разорвались гнусавой какофонией высоких и низких нот.

С металлическим скрежетом ближайший лифт содрогнулся в своем вертикальном кожухе, а затем, со звуком выстрела, стеклянная облицовка раскололась и обрушилась, будто сверкающий занавес. Остов лифта — теперь всего лишь стальная рама — с неприятным звуком выскочил из шахты и свободно повис на одном только стальном тросе. Дальберг увидела в лифте двух пассажиров, которые с истошным криком цеплялись за медные поручни в кабине. Пока Эмили в ужасе наблюдала за этим, остов лифта качнулся и со стуком врезался в ряд балконов на противоположной стороне. Находившихся внутри людей выбросило в воздух, и они полетели вверх тормашками вниз, вниз…

пока наконец не исчезли в хаотичной мешанине из мебели и крепежных конструкций у стены «Королевского герба».

Пол продолжал крениться, и вдова что есть силы стиснула медный поручень. Вдруг снизу раздался странный звук, сопровождаемый напором холодного соленого воздуха — такого сильного, что он почти сдул Эмили с «насеста», где она примостилась. В следующий момент на самый нижний уровень атриума хлынула клокочущая, вскипающая вода. Злобный прилив бурлил, швыряя туда-сюда мебель и искалеченные тела. В это же самое время гигантская люстра над головой с треском сорвалась и всей сверкающей массой рухнула, с грохотом ударившись в парапет с противоположной стороны от Дальберг, затем съехала по наклонной, рассеивая массы сверкающих кристаллов, похожих на раздробленный лед.

В ноздри ударил холодный, мертвый запах моря. Медленно, словно издалека, до Эмили начало доходить, что, несмотря на весь происходящий ужас, судно вроде бы не тонет — во всяком случае, пока: оно просто накренилось и черпает воду. Двигатели продолжали реветь, «Британия» рвалась вперед.

Дальберг собралась с мыслями, постаравшись отодвинуть в дальний угол сознания звуки бьющегося стекла, ревущей воды и человеческих страданий. При всем желании она ничем и никому не могла здесь помочь. Но вот что Эмили могла и должна была сделать — это сообщить на мостик, что спасательные шлюпки нельзя спускать на воду, пока судно движется. Вдова огляделась и заметила неподалеку пролет лестницы. Крепко держась за поручни, где ползком, где по-обезьяньи, она добралась до пролета, наклонившегося под безумным углом. Изо всех сил ухватившись за перила, Дальберг начала подтягиваться вверх, по направлению к вспомогательному мостику.

Глава 73

Специальный агент Пендергаст изумленно смотрел на странную субстанцию, состоящую из тумана и тьмы, которая принялась его обволакивать. Одновременно Алоиз почувствовал, как каюта вздрогнула и наклонилась; где-то в глубине судна что-то мощно и громко завибрировало. С кораблем явно творилось что-то неладное. Детектив опрокинулся назад, перекатился через кресло и врезался в книжный шкаф. Корабль кренился все сильнее, и можно было слышать пронизавшую его звучную фугу разрушения и отчаяния: пронзительные вопли, треск, звон, утробный рокот воды, бьющейся о корпус. Книги попадали с полок, свидетельствуя о том, что каюта накренилась под опасным углом.

Пендергаст выбросил все это из сознания, фокусируясь на причудливом явлении — самом несообразном из всего происходящего. Внутри живого,

движущегося дыма различался некий призрак, исчадие потустороннего мира: красные глаза, клыкастая улыбка, когтистые руки, протянувшиеся, чтобы его обнять, выражение неутоленного голодного желания.

Несколько важных мыслей мгновенно пронеслись в мозгу Пендергаста. Он знал, что перед ним такое, и знал, кто это создал и зачем. Знал, что предстоит битва — не только за свою жизнь, но и за душу. Детектив мысленно собрался с силами, а существо тем временем схватило его в липкие, холодные объятия, подавляя чувства и рассудок удушающим запахом гнилостного погреба, мерзостных насекомых и разлагающихся трупов.

Но тут спецагента вдруг накрыла волна спокойствия — рассудительного, освобождающего спокойствия, которое он так недавно в себе обрел. Его застигли врасплох — у него не было времени подготовиться, но имелся доступ к экстраординарным возможностям разума, которые Агозиен в нем высвободил и таким образом сделал непобедимым. Эта схватка окажется проверкой его сил и возможностей, чем-то вроде крещения огнем.

Существо старалось проникнуть в его разум, зондируя влажными щупальцами стремления и вожделения. Пендергаст очистил ум от всех мыслей. Не дать призраку никакой точки опоры, ничего, на чем он сможет закрепиться. С фантастической быстротой детектив привел ум сначала в состояние тхан шин гха, что означает «преддверие абсолютной пустоты», а затем — в состояние шуньяты, то есть «абсолютной пустоты». Призрак войдет и найдет дом пустым. Нет, не останется даже дома, куда можно войти.

Спецагент смутно почувствовал, как темная сущность обыскивает пустоту, блуждающая, злобная, с глазами как горящие кончики сигарет. Она металась в поиске точки привязки, точки опоры, словно кошка, тонущая в бездонном океане. Существо уже потерпело крах.

Но вот незваный гость перестал метаться — и внезапно, словно вспышка молнии, обвил жертву слизистыми щупальцами, впиваясь когтями в душу и мозг.

Укол ужасной боли пронзил Алоиза. Он тут же ответил — принялся выжигать огоньогнем, строить непроходимый ментальный барьер. Попытался отгородиться стеной чистого интеллектуального шума, оглушающего и непроницаемого.

В темной пустоте он призвал на помощь сотню самых знаменитых философов и вовлек их в разговор: Парменида и Декарта, Гераклита и Канта, Сократа и Ницше. Тотчас же пустили побеги, развернулись десятки дискуссий: о природе и сознании, свободе и чистом разуме,

истине и божественной природе чисел, — создавая интеллектуальную бурю, разразившуюся от горизонта до горизонта. Едва дыша, Пендергаст поддерживал ментальную конструкцию силой чистой воли.

Но вот рябь пробежала через вселенский шелест диалогов, словно капля воды упала на поверхность черного пруда. Из эпицентра пошли круги, и голоса философов поочередно замолкали.

Тотчас Пендергаст обеззвучил бесчисленные дебаты, удалил из ментального пространства спорщиков. С великим усилием еще раз очистился от оформленных мыслей. Если чисто рациональный подход не срабатывает, быть может, подойдет более абстрактный.

Алоиз быстро выстроил в уме тысячу величайших живописных полотен западной традиции. Одному за другим, в хронологическом порядке, он позволил им до краев заполнить всю внутреннюю вселенную, повелел, чтобы цвета, мазки, символы, скрытые намеки, явные и едва различимые аллегории заполнили все его сознание. «Маэста» Дуччо, «Рождение Венеры» Боттичелли, «Троица» Мазаччо, «Поклонение волхвов» Фабриано, «Портрет четы Арнольфини» Ван Эйка вновь и вновь вспыхивали в памяти, заглушая всякую мысль своей многозначностью, своей упоительной красотой. Пендергаст продолжал скольжение по художественным образам со стремительной быстротой, пока не дошел до Руссо, Кандинского и Марина. Тогда Алоиз пошел обратно, двигаясь на сей раз еще быстрее, пока все не превратилось в некое размытое пятно, сочетание цвета и формы, причем каждый образ удерживался в мозгу во всей своей сокрушительной сложности, не оставляя демону точки опоры...

Пятно красок дрогнуло и начало таять. Сквозь калейдоскоп образов просачивался низменный, грубый силуэт тульпы, всасывающей все в себя и разраставшейся.

Пендергаст следил за ее приближением, словно мышь под взглядом кобры. Гигантским усилием воли он вырвал, высвободил свои мысли. Спецагент явственно ощущал жаркую, лихорадочную тягу этого существа к его душе. Вожделение буквально источалось из дымного призрака, словно тепло. Понимание этого сопровождалось паническим покалыванием, этакими маленькими хлопками, вздувающимися и лопающимися пузырьками по краям сознания.

Призрак оказался гораздо сильнее, чем спецагент мог себе вообразить. Совершенно ясно, что другой человек, не обладающий уникальной ментальной броней, которой сейчас обладал он, был бы поглощен, умерщвлен тульпой немедленно, без борьбы.

С чувством, близким к отчаянию, Пендергаст обратился за помощью к миру абсолютной логики, высвобождая стремительный поток числовых

истин и направляя его во все более разрушающийся ландшафт собственного сознания. Тульпа проскользнула сквозь этот заслон еще быстрее, чем прежде.

На нее не действовали методы, которые Алоиз применял. Быть может, она и впрямь неодолима…

Весь масштаб опасности открылся ему в полной мере. Ибо эта сущность атаковала не только ум, но и тело. Пендергаст чувствовал, как мышцы подергиваются в безотчетных судорогах, ощущал, как тяжко трудится его сердце, как судорожно сжимаются и разжимаются руки. Мысленную отстраненность от собственного тела, столь необходимую для поддержания состояния шуньяты, становилось все труднее сохранять. Плоть больше подпадала под власть тульпы.

А потом настал момент, когда сопротивление сделалось вовсе невозможным. Все тщательно выстроенные оборонительные рубежи, отвлекающие маневры, тактические уловки и военные хитрости потерпели крах. И Пендергасту приходилось заботиться уже просто о выживании.

Перед ним вдруг возник старый фамильный особняк на Дофин-стрит, тот самый дворец воспоминаний, островок безопасности, который прежде всегда сулил прибежище и утешение. И Алоиз бросился бежать к нему изо всех своих сил, со всей быстротой отчаяния. В мгновение ока пересек двор, одним махом взлетел по ступенькам. И вот он внутри — тяжело дыша, возится с дверными замками и цепочками.

В следующий момент детектив судорожно привалился спиной к двери, дико озираясь. Особняк Мэзон де ля Рош-Нуар был погружен в настороженную тишину. Впереди, в конце длинного, словно населенного тенями вестибюля, виднелся фрагмент большого зала с бесчисленными коллекциями антикварных диковинок и предметов искусства. Там же просматривалась разветвляющаяся надвое лестница, ведущая на второй этаж. Еще дальше, окутанная сумраком, располагалась библиотека с тысячами томов в кожаных переплетах, дремлющих под тонкой мантией пыли. Обычно этот пейзаж наполнял его безмятежной, идиллической радостью.

Но сейчас Пендергаст чувствовал лишь первобытный ужас травимого зверя.

Он промчался сквозь трапезный зал, направляясь к большому холлу, усилием воли заставляя себя не оглядываться. Дальше повернулся вокруг своей оси в отчаянных поисках места, где мог бы укрыться.

Сзади веяло сырым холодом.

Взгляд агента упал на арочный дверной проем в дальней стене — едва заметное пятно черного на темном. За ним, как он знал, находилась лестница, ведущая вниз, в цокольный этаж и далее — в хаотичный лабиринт покоев нижнего подвального этажа. Детектив помнил множество тайников и переходов, в которых он мог бы укрыться.

Алоиз двинулся к закрытой двери, но вдруг остановился. Мысль о том, чтобы забиться от страха в каком-нибудь темном сыром чулане, точно загнанная в угол крыса, была нестерпима.

С нарастающим отчаянием он понесся дальше по темному коридору, миновал несколько дверей и попал в кухню. Здесь также имелось хитросплетение пыльных кладовок и комнаток для прислуги, куда беглец и метнулся в поиске безопасной гавани. Но все тщетно. Пендергаст развернулся, тяжело хватая ртом воздух. Преследователь где-то здесь, рядом, — он это чувствовал.

Не медля ни секунды, Алоиз кинулся обратно в холл. Он колебался один только миг, дико озирая блестящие, отполированные, тонкой работы деревянные шкафчики, посверкивающую люстру, ложный куполообразный потолок. Имелось только одно убежище, одно место, где можно спастись.

Пендергаст помчался вверх по лестнице, взбежал по левой ее стороне на второй этаж и припустил со всех ног по гулкой галерее, эхом подхватившей топот. Добежав до открытой двери на середине коридора, прыгнул в проем и захлопнул ее за собой, яростно поворачивая ключ и набрасывая засов.

Его комната, его собственная комната! Пусть особняк давным-давно сгорел, но здесь он всегда чувствовал себя в безопасности. Это настоящая тихая гавань в его памяти, это место в недалеком прошлом было так хорошо защищено, что никто — даже его брат Диоген — не мог туда проникнуть.

Потрескивал огонь в камине, и оплывали свечи на пристенных столиках. Воздух полнился древесным дымом. Пендергаст ждал, и дыхание постепенно приходило в норму. Уже само «купание» в этом теплом свете оказывало целительное действие. Сердце начало замедлять лихорадочный бег. Подумать только, совсем недавно он сидел в этой комнате, медитируя с Констанс, взяв на вооружение новые, невообразимые ментальные силы. Сейчас это казалось ироничным, даже слегка унизительным. Но не важно. Скоро, очень скоро, опасность минует и он опять сможет выйти на свет божий. Ужас имел под собой все основания, та сущность, которая уже поглотила его в физическом мире, почти поглотила и в мире души. Только что он находился всего в нескольких минутах от того, чтобы жизнь, воспоминания, душа — все, что определяло его как человеческое существо, было разодрано на

куски. Но эта сущность никогда не проникнет сюда. Не сможет, ни за что и никогда…

Внезапно Пендергаст вновь испытал то же ощущение, где-то на затылке: промозглое, знобящее дыхание холодного липкого тумана, насыщенного запахом мокрой земли и вонью кишащих скользких многоножек.

С криком беглец вскочил на ноги. Оно проникло сюда, в комнату, клубясь, приближалось; на красно-черном лице кривилось в жуткой улыбке ротовое отверстие; зыбкие серые руки тянулись к нему, и движение это было бы нежным, если бы не когти…

Алоиз отпрянул, упал навзничь, и существо немедленно оказалось на нем, терзая самым жутким образом. Трепало и таскало туда-сюда, впивалось и высасывало, пока Пендергаст не почувствовал, как нечто внутри — некая глубинная квинтэссенция его бытия, о существовании которой он даже не подозревал, — начинает вздуваться, отъединяться, деформироваться… И тогда он понял, содрогаясь в страхе и отвращении, что больше нет надежды — никакой.

* * *

Пока опекун лежал на полу у стены гостиной, недвижимый, безмолвный, как смерть, окутанный туманной мглой, Грин сидела, пригвожденная страхом, вцепившись в книжные полки. Корабль продолжал крениться, вокруг падали вещи, рев забортной воды делался все сильнее. Несколько раз девушка хотела протянуть к Пендергасту руку, но увеличивающийся крен и хаос в виде летающих вокруг книг и прочих предметов мешали удержать равновесие.

Но вот она заметила, что непонятное и страшное существо, окутавшее Пендергаста словно болотное испарение, шевельнулось и как будто стало отделяться. Надежда, уже покинувшая ее сердце во время краткого и кошмарного бдения, вдруг вернулась: Пендергаст одержал верх, тульпа побеждена.

Но потом, с новым содроганием ужаса, Констанс увидела, что тульпа не исчезает, а, напротив, проникает в тело Алоиза.

Одежда его вдруг зашевелилась, как если бы под ней забегали бесчисленные тараканы. Руки и ноги стали корчиться в конвульсиях, лицевые мышцы судорожно сокращались. Глаза на краткий миг открылись, уставившись в никуда, и в этом серебристом просвете, как в окне, девушка увидела всю глубину ужаса и отчаяния, бездонную, как сама Вселенная.

Чужое присутствие…

Внезапно Констанс перестали раздирать внутренние сомнения. Она поняла, что ей надо делать.

Грин встала и кое-как двинулась по комнате. По накренившейся лестнице добралась до комнаты Пендергаста и принялась обыскивать, один за другим, выдвижные ящики, пока руки не нащупали «баер». Девушка оттянула затвор, дабы убедиться, что пистолет заряжен, потом сняла с предохранителя.

Констанс знала, как именно Пендергасту хотелось бы жить — и как именно умереть. Если она не может помочь ему никаким иным способом, то воспользуется хотя бы этим.

С пистолетом в руке она выбралась из спальни и, крепко держась за перила, стала спускаться в гостиную.

Глава 74

Ле Сёр не отводил глаз от бронированного красного носа «Гренфелла». Канадский корабль отчаянно сдавал назад, стараясь уйти от столкновения с «Британией».

Палуба вспомогательного мостика содрогнулась — движительные комплексы подобрались к «красной зоне», выполняя навязанный судну крутой маневр. Ле Сёру даже не требовалось сверяться с приборами, чтобы понять: все кончено. Он мог представить мысленно траектории обоих кораблей, просто глядя в окно. Каждое из судов находилось на таком курсе, который сведет их вместе худшим из возможных вариантов. Даже несмотря на то что скорость движения «Гренфелла» упала при маневрировании на три или четыре узла, «Британия» все равно рвалась к нему на полной мощности на двух фиксированных винтах, тогда как кормовые винты, развернутые на девяносто градусов, придавали ей боковой импульс. Поворотные винты, подобно удару бейсбольной биты, подкручивали судно вокруг оси, подставляя борт «Гренфеллу».

— Господи, Господи, Господи… — услышал Ле Сёр бормотание старшего механика.

Вспомогательный мостик содрогнулся, накренившись под еще более безумным углом. Загорелись лампочки палубных систем предупредительной сигнализации, сообщая о том, что нижние палубы зачерпнули воды. Ле Сёр услышал какофонию жутких звуков: скрежет разрывающейся обшивки, пулеметную очередь отлетающих стальных заклепок, низкий, утробный стон колоссального остова судна.

— О Боже! — прошептал механик.

Снизу раздался глубокий и низкий гул, сопровождаемый бешеной вибрацией, — корпус корабля зазвенел словно массивный колокол.

Силой встряски Ле Сёра отбросило к двери, а когда он попытался подняться, вспомогательный мостик сотряс второй удар и капитана швырнуло вбок. Он налетел головой на угол навигационного стола и в кровь рассек лоб. Оправленная в рамку фотография, запечатлевшая момент спуска «Британии» на воду, в присутствии самой королевы Елизаветы, выскочила из креплений и заскользила по полу, остановившись перед лицом Ле Сёра. С ощущением нереальности происходящего он смотрел на безмятежную улыбку королевы — рука, затянутая в перчатку, поднята в приветственном жесте, — и на момент его охватило острое чувство поражения. Гордон подвел свою королеву, свою страну, все, что отстаивал и во что верил. Он позволил чудовищу захватить корабль. Это его личный провал.

Ле Сёр ухватился за край стола и с трудом поднялся на ноги. Теплый ручеек крови бежал ему прямо в глаз. Моряк свирепо смахнул его и постарался прийти в себя.

В следующий момент он понял, что с судном произошли какие-то изменения. Палуба с нарастающей быстротой выпрямлялась, и «Британия» больше не отклонялась от курса, а двигалась точно вперед. Снова зазвучали сигналы тревоги.

— Какого дьявола? Холси, что происходит?

Старший механик, с трудом поднявшись на ноги, воззрился на приборную доску управления двигателем, лицо его побелело от ужаса.

Но Ле Сёру уже не требовалось никаких разъяснений. Он понял, что случилось: «Британия» сорвала оба поворотных винта — а проще говоря, руль. «Гренфелл» находился почти прямо по курсу, в нескольких десятках секунд от столкновения. «Британия» прекратила рыскать и сейчас неслась по прямой.

Ле Сёр схватился за рацию:

— «Гренфелл»! Прекратите задний ход и выравнивайтесь! Мы потеряли управление!

Призыв оказался излишним; Ле Сёр увидел мощное кипение воды вокруг кормы «Гренфелла» — канадец и без того понял, что надо делать. В тот момент как корабли почти сошлись, «Гренфелл» выровнялся параллельно «Британии».

Раздался шквал адских звуков — нос «Гренфелла» прошел мимо «Британии», и корабли расходились так близко, что слышался вой воды, зажатой в узком пространстве между двумя корпусами. Послышалась целая серия взрывоподоб-ных хлопков и скрежет металла о металл — левое крыло мостика «Гренфелла» вошло в соприкосновение с нижней

палубой «Британии», рассыпая целые гейзеры искр… А затем все закончилось. Два корабля разошлись.

Нестройные крики ликования разразились на вспомогательном мостике, заглушая сигналы тревоги, и Ле Сёр через радиопередатчик мог разобрать такие же возгласы на мостике «Гренфелла».

Старший механик бросил на теперешнего капитана ошалелый взгляд, лицо его было залито потом.

— Мистер Ле Сёр, мы потеряли оба кормовых винта, их только что сорвало…

— Я знаю, — отозвался Ле Сёр. — И в корпусе пробоина. — Он чувствовал прилив ликования. — Мистер Холси, затопите кормовые трюмные пространства и отсеки пять и шесть. Распечатайте трюмные переборки в средней части корабля.

Но Холси не трогался с места.

— Действуйте! — рявкнул Ле Сёр.

— Не могу.

— Почему, черт возьми?

Стармех развел руками:

— Невозможно. Переборки герметизируются автоматически. — Он указал на приборную панель.

— Так разгерметизируйте их! Возьмите людей, чтобы открыть люки вручную!

— Невозможно, — беспомощно повторил Холси. — Не тогда, когда они затоплены. Ручной процедуры не существует.

— Черт бы побрал эту автоматику! Каково состояние двух остальных винтовых комплексов?

— Состояние оперативное. Каждый развивает полную мощность. Но наша скорость снизилась до двадцати узлов.

— И при отсутствии кормовых винтов судно теперь будет управляться лишь двумя установками. — Ле Сёр бросил взгляд на вахтенного офицера: — Расчетное время до Каррион-Рокс?

— При данных скорости и курсе тридцать пять минут, сэр

Офицер посмотрел сквозь окна мостика на полубак «Британии», по-прежнему грузно и упорно рвущейся вперед по океанским волнам.

Даже при двадцати узлах им крышка. Какие остались еще варианты? Таковых на горизонте не наблюдалось.

— Я отдаю приказ покинуть корабль, — наконец распорядился Гордон.

Мостик окутала тишина.

— Простите, сэр… на чем? — спросил старший механик.

— На спасательных шлюпках, конечно.

— Это невозможно, — послышался женский голос.

Ле Сёр оглянулся и увидел, что на вспомогательный мостике входит Эмили Дальберг, член команды Гэвина Брюса. Одежда ее была порвана и насквозь промокла. Капитан уставился на нее в изумлении.

— Вы не сможете запустить спасательные шлюпки. Гэвин и Найлз Уэлч сделали попытку провести пробный запуск — лодку разорвало.

— Разорвало? — повторил Ле Сёр. — А где Лью и Краули? Почему не они мне доложили?

— На шлюпочную палубу прорвалась разъяренная толпа, — тяжело дыша, пояснила вдова. — Лью и Краули попали в перепалку. Вероятно, погибли. Пассажиры запустили вторую шлюпку, которая также не выдержала удара о воду.

Это известие встретили молчанием. Ле Сёр повернулся к старшему радисту:

— Объявите команду покинуть корабль.

— Сэр, вы же слышали, что она сказала! — громко и решительно возразил Кемпер. — Эти шлюпки окажутся просто плавучими гробами. Вдобавок, чтобы загрузить и запустить шлюпки, даже в идеальных условиях требуется сорок пять минут. У нас же только тридцать. Мы столкнемся со скалами, и столкновение произойдет в тот момент, когда все пассажиры столпятся на шлюпочных палубах. — которые, как вы знаете, открыты и где сплошь стальные конструкции. Это будет мясорубка. Половина полетит за борт, а остальных размолотит в фарш.

— Мы погрузим как можно больше людей и задержим шлюпки до столкновения, а потом спустим.

— Сила удара, вероятно, сорвет лодки с рельсов. Их заклинит на полупалубе, и не будет никакой возможности спустить их с корабля. Лодки потонут вместе с судном.

Ле Сёр повернулся к Холси:

— Это правда?

Лицо того стало белым.

— Думаю, правда, сэр.

— Какова альтернатива?

— Загоним пассажиров в каюты и велим приготовиться к удару.

— А что потом? Судно затонет в течение пяти минут.

— Вот тогда загрузим и запустим шлюпки.

— Но я только что слышал, что при ударе шлюпки может сорвать с рельсов! — Ле Сёр осознал, что учащенно дышит. Усилием воли он заставил себя успокоить дыхание.

— При двадцати узлах удар и повреждения будут меньше. По крайней мере некоторые лодки останутся на рельсах, готовые к спуску. А при меньшем ударе скорее всего у нас и времени будет больше, прежде чем… мы затонем.

— Скорее всего? Этого недостаточно.

— Все, чем располагаем, — развел руками Холси.

Ле Сёр отер кровь с глаза, отряхнул пальцы и обратился к главному радисту.

— Объявите по судовому радио: всем пассажирам без исключения вернуться в свои каюты. Всем надлежит надеть индивидуальные спасательные средства, находящиеся под койками. Затем лечь на койки, в позе эмбриона, по возможности ногами вперед по ходу движения, и обложиться подушками и одеялами. Кто не сможет добраться до каюты, пусть заберется в ближайшее кресло, какое сможет найти, и примет защитную позу — руки сцеплены за головой, голова между колен.

— Есть, сэр.

— Сразу же после удара всем надлежит проследовать к эвакуационным пунктам сбора — точно так, как на учениях. Не брать с собой абсолютно ничего, кроме индивидуальных спасательных средств. Все ясно?

— Да, сэр. — Радист повернулся к терминалу. Через мгновение включилась сирена и по системе радиооповещения зазвучали команды.

Ле Сёр обратился к Эмили Дальберг:

— Полагаю, это касается также и вас. Вам лучше вернуться в каюту.

Она внимательно посмотрела на него и кивнула.

— И еще, миссис Дальберг… Спасибо вам. Эмили покинула мостик.

Гордон посмотрел, как закрывается за ней дверь. Затем бросил угрюмый взгляд на экран системы видеонаблюдения — зернистая картинка отображала происходящее на главном мостике. Мейсон по-прежнему стояла у руля; одна рука небрежно покоится на штурвале, другая — на двух рукоятках управления двигателями; курс поддерживался легкой корректировкой скорости винтов.

Ле Сёр нажал кнопку передачи на внутреннем переговорном устройстве и наклонился к микрофону:

— Мейсон? Я знаю, что вы меня слышите. Ответа нет.

— Вы действительно собираетесь это сделать? Словно в ответ ее рука переместилась с рукояток на маленькую, прикрытую крышкой панель, откинула крышку и передвинула рычаги, отводя оба как можно дальше вперед.

Послышался рокот взревевших двигателей.

— Господи, — проговорил Холси, уставившись на информационный дисплей. — Она выводит газовые турбины на предельные нагрузки.

Корабль рванулся вперед. С тошнотворным чувством наблюдал Ле Сёр, как показатель индикатора скорости ползет вверх. Двадцать два узла. Двадцать четыре. Двадцать шесть…

— Как такое возможно? — вопросил он ошарашенно. — Мы только что потеряли половину двигателей!

— Психопатка нагружает турбины сверх технических нормативов, — ответил Холси.

— Сколько они продержатся?

— Не могу точно сказать. Мейсон выжимает из них больше пяти тысяч оборотов в минуту. — Механик наклонился и дотронулся до одного из дисков, словно не веря собственным глазам. — А сейчас нагружает сверх нормы все четыре дизеля, направляя избыточную мощность на два оставшихся движительных комплекса.

— Это их не разнесет?

— Черт! Да, конечно! Но не так скоро!

— Сколько они протянут?

— Так может продолжаться еще… минут тридцать… может, сорок.

Ле Сёр посмотрел на картплоттер. «Британия» вернулась к скорости в тридцать узлов, и Каррион-Рокс находились сейчас в двенадцати морских милях.

— А требуется ей, — медленно проговорил он, — всего лишь двадцать четыре.

Глава 75

Пендергаст лежал простертый, в изнеможении, мучимый кошмарами. Он только что сделал последнее, почти сверхчеловеческое усилие защитить себя, собрав те новообретенные интеллектуальные силы, что даровал ему Агозиен, — и истощив их в этом рывке. Все тщетно. Тульпа проникла до самого мозга костей и в самую сердцевину разума. Детектив чувствовал внутри себя отвратительную чужеродную сущность, словно собственное неуправляемое «я» при наихудшем приступе паники. Враждебная сущность неумолимо пожирала его, и, подобно человеку, парализованному ночным кошмаром, спецагент был не способен к сопротивлению. Агония оказалась гораздо хуже, чем самая ужасающая физическая пытка.

Алоиз выдерживал ее на протяжении бесконечного, не поддающегося счету времени. А затем, совершенно неожиданно, обрушилась благословенная тьма.

Как долго он лежал — не способный мыслить, не в силах пошевельнуться, — и сам не знал. А затем из темноты раздался голос. Узнаваемый голос.

— Не думаешь ли ты, что пришла пора поговорить?

Медленно, нерешительно Пендергаст открыл глаза и обнаружил себя в маленьком, плохо освещенном помещении с наклонным сводом. По одну сторону высилась оштукатуренная стена, увешанная детскими географическими картами с изображением островов и пиратских кладов, а также небрежными копиями знаменитых картин, в цветном карандаше и пастели, по другую — виднелась решетчатая дверь. Слабый послеполуденный свет сочился сквозь решетку, высвечивая лениво кружащие в воздухе пылинки и придавая этому потаенному месту загадочное сияние подводного грота. Книги Говарда Пайла, Артура Рэнсома и Бута Таркингтона лежали, небрежно сваленные в углах. Приятно пахло старым деревом и мастикой для натирки полов.

Напротив сидел Диоген Пендергаст. Руки и ноги его тонули в глубокой тени, но падающий сквозь решетку свет резко очерчивал контуры лица. Оба его глаза были карими, как до *события*.

Это место когда-то считалось их убежищем, которое они приспособили для себя и отделали по-своему. Крохотная комнатка под задней

лестницей в старом доме — та самая, что они когда-то называли Пещерой Платона. Ее обустройство стало одним из последних дел, которым Пендергасты занимались сообща, до того как настали скверные времена.

Алоиз смотрел на брата.

— Ведь ты же умер.

— Умер… — Диоген перекатывал слово во рту, словно пробуя на вкус. — Может, да. Может, нет. Но я всегда буду живым в твоей памяти. И в этом доме.

Неожиданность— Спецагент чуть помедлил, прислушиваясь к собственным ощущениям. Он вдруг осознал, что отвратительная, зондирующая боль, причиняемая тульпой, ушла — по крайней мере на данный момент. Алоиз не испытывал ничего: ни удивления, ни даже чувства нереальности. Просто догадался, что находится в некоей непостижимо глубокой нише собственного подсознания.

— Ты в довольно отчаянном положении, — продолжал его брат. — Пожалуй, более отчаянном, чем любое, в котором я видел тебя раньше. С досадой должен признать, что на сей раз я к нему не причастен. И поэтому спрашиваю вновь: не думаешь ли, что настала пора поговорить?

— Я не могу ее осилить, — произнес детектив.

— В том-то и дело.

— И ее нельзя уничтожить.

— Верно. Она уйдет лишь тогда, когда ее миссия будет выполнена. Но это не означает, что ею нельзя управлять.

Алоиз помолчал, пытаясь осмыслить сказанное.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же изучал соответствующую литературу. Ты проходил обучение. Тульпы — ненадежные, неверные штуки.

Спецагент не ответил.

— Их можно вызвать для какой-то конкретной цели. Но однажды вызванные, они имеют склонность сбиваться с задания, начинают жить по собственным законам. Вот почему они могут быть бесконечно опасными, если их использовать… скажем так, безответственно. Это обстоятельство ты можешь обратить в свою пользу.

— Не уверен, что понимаю.

— Неужели я должен разжевывать это для тебя, frater[50]? Я же сказал: тульпу можно подчинить своей воле. Все, что требуется, — это изменить цель.

— Я не в состоянии ничего изменить. Боролся с ней, боролся, пока не кончились силы. И вот поражение.

Диоген самодовольно ухмыльнулся:

— Как это на тебя похоже, Алоиз! Ты так привык, что тебе все легко дается, что при первых признаках трудностей поднимаешь лапки вверх словно капризный ребенок.

— Все, что делало меня сильным, все мои уникальные способности, высосано, как костный мозг из кости. Ничего не осталось.

— Ты ошибаешься. Сорван только внешний панцирь — то интеллектуальное супероружие, которое ты недавно приобрел. Ядро, сердцевина твоего существа остается — во всяком случае, пока. Если бы она исчезла, ты бы об этом знал, сам понимаешь. И мы бы сейчас с тобой не разговаривали.

— Что я могу сделать? Я больше не в силах бороться.

— В том-то и проблема. Ты смотришь на дело не с той стороны, смотришь как на борьбу. Забыл, чему тебя учили?

Какое-то время детектив сидел, непонимающе уставившись на брата. Потом, совершенно неожиданно, до него дошло.

— Лама, — выдохнул он.

Диоген усмехнулся:

— Браво.

— Откуда... — Спецагент осекся, потом начал заново: — Откуда тебе известны такие вещи?

— Тебе они тоже известны. Но в какой-то момент ты просто перенапрягся и не смог их увидеть. А теперь иди и не греши.

Алоиз кинул взгляд в сторону от брата, к полоскам золотого света, падающим сквозь решетчатую дверь. С легким удивлением он осознал, что боится; меньше всего на свете ему хотелось выходить наружу.

Вздохнув поглубже, детектив усилием воли заставил себя толкнуть дверь.

Зияющая, неистовая чернота в очередной раз окружила его. Вновь возникла голодная, обволакивающая субстанция; вновь он почувствовал

внутри себя страшную и отвратительную чужеродность, которая проталкивалась через его мысли, вторгаясь в самые сокровенные чувства. Это насилие казалось более глубоким, опустошительным и ненасытным, чем все, что он прежде мог вообразить. Пендергаст почувствовал себя абсолютно, немыслимо одиноким; каким-то образом это вышло хуже всякой боли.

Спецагент сделал глубокий вдох, призывая на помощь последние ресурсы физических и эмоциональных сил. Детектив знал, что у него есть только один шанс; после этого он погибнет навсегда, будет полностью поглощен.

Постаравшись как можно лучше освободить ум, Алоиз вспомнил учение ламы о вожделении. Представил себя на поверхности озера неопределенного цвета, очень соленого и точно соответствующего температуре тела. Представил, как лежит на поверхности воды совершенно неподвижно. Затем — и это оказалось труднее всего — перестал бороться с прожорливым, алчущим добычи существом.

— Ты боишься уничтожения? — спросил он себя.

Пауза.

— Нет.

— Ты беспокоишься о том, чтобы сделаться пустотой?

Пауза.

— Нет.

— Ты желаешь от всего отказаться?

— Да.

— Отдаться этому полностью?

Теперь уже быстрее:

— Да.

— Тогда ты готов.

Тело его свела долгая судорога, затем отпустила. Всем своим существом — каждым мускулом, каждым синапсом — он ощутил, как тульпа запнулась, приостановилась, точно в сомнении. Последовал странный, неописуемый момент статического равновесия. Потом, очень медленно, чужеродная сущность ослабила хватку.

И когда это произошло, Алоиз услышал голос брата:

— Vale, frater[51].

На миг Диоген вновь сделался видимым. Потом, так же быстро, как и появился, образ его начал исчезать, истаивать.

— Погоди, не уходи, — окликнул детектив.

— Но я должен.

— Мне надо знать. Ты действительно умер?

Диоген не ответил.

— Почему ты сейчас это сделал? Почему мне помог?

— Я сделал это не ради тебя, а ради своего ребенка.

И, прежде чем раствориться в темноте, напоследок улыбнулся — тонко, едва различимо, загадочно.

Грин сидела в кресле в ногах Пендергаста. Уже с десяток раз она поднимала пистолет, целилась опекуну в сердце — и всякий раз отступала, колеблясь. Девушка вряд ли заметила, что корабль выровнялся и, как раньше, устремился вперед на высокой скорости. Для нее окружающее перестало существовать.

Больше ждать невозможно. Жестоко позволять ему страдать. Алоиз всегда был добр к ней; нужно проявить уважение к его желанию. Ибо то, что она собиралась сейчас сделать — в этом Констанс была уверена, — было бы и его желанием. Крепче сжав в руке пистолет, она подняла его со вновь обретенной решимостью.

Яростная судорога сотрясла тело Пендергаста. Через мгновение веки его дрогнули и глаза открылись.

— Алоиз? — позвала Констанс.

Некоторое время детектив не двигался. Потом чуть кивнул, почти неприметно.

Внезапно Констанс почувствовала присутствие дымного призрака. Существо материализовалось за плечом ожившего Пендергаста. Несколько мгновений демон оставался неподвижным, затем начал дергаться: сперва в одну сторону, потом — в другую, почти как собака, берущая след, и наконец стал медленно удаляться.

— Не вмешивайся, — одними губами произнес Алоиз. И на миг Констанс испугалась, что опекун все еще во власти чудовищной перемены. Но вот он снова открыл глаза, посмотрел на нее, и девушка тотчас поняла правду.

— Ты вернулся, — прошептала она.

Спецагент кивнул.

— Как?

Голос его был очень слаб, едва слышен.

— То, что я воспринял, когда узрел Агозиен, сгорело в борьбе. Немного похоже на процесс литья по восковым моделям. Воск выгорает, металл остается. Все, что теперь осталось, является… подлинным.

Слабым, болезненным движением детектив поднял руку. Не говоря ни слова, Констанс опустилась рядом на колени и крепко ее сжала.

— Дай мне отдохнуть, — прошептал он. — Две минуты, не больше. Потом мы должны идти.

Грин кивнула, бросила взгляд на часы над камином. Тульпа за ее плечом плавно удалялась прочь. Когда девушка обернулась, та уже перебиралась через неподвижное тело бесчувственной Марии. Дымная тварь перемещалась медленно, будто гонимая ветерком, но с неумолимой целью — сквозь дверь каюты куда-то дальше, в свой таинственный мир.

Глава 76

Ле Сёр неотрывно вглядывался в окна мостика. Корабль на высокой скорости рвался сквозь бушующее море, корпус резал волны, вода то и дело перехлестывала через полубак. Туман рассеивался, дождь истончился, и видимость возросла почти до мили.

Никто не разговаривал. Гордон ломал голову в поисках выхода и не находил. Единственное, что оставалось им доступно, — отслеживать показания электроники, изменить которые было не в их власти. Картплоттер свидетельствовал, что смертоносные скалы находятся в двух морских милях прямо по курсу. Капитан чувствовал, как по лицу его текут пот и кровь.

— Расчетное время до Каррион-Рокс — четыре минуты, сообщил третий помощник.

Впередсмотрящий стоял у окна, не отрывая от глаз бинокль, с побелевшими костяшками пальцев. Ле Сёр спрашивал себя, почему этому человеку так важно видеть приближение рифов — ведь все равно поделать нельзя ничего. Ничего.

Кемпер положил руку ему на плечо.

— Сэр, я думаю, вам надо отдать распоряжение личному составу принять защитную позу для… для приближающегося столкновения.

Ле Сёр кивнул, чувствуя дурноту, повернулся и сделал знак, призывая к вниманию.

— Офицеры и экипаж мостика, — произнес он. — Приказываю всем опуститься на пол и принять позу эмбриона ногами вперед, обхватив голову руками. Момент столкновение будет долгим. Не поднимайтесь до тех пор, пока судно полностью не потеряет ход.

— Мне тоже, сэр? — спросил впередсмотрящий.

— Вам тоже.

Нехотя и неуклюже все легли на пол и приняли защитную позу.

— Сэр? — обратился шеф службы безопасности к стоящему Ле Сёру. — Мы не можем позволить себе в критический момент иметь раненого капитана.

— Еще минуту.

Гордон бросил последний взгляд на экран системы видеонаблюдения, настроенной на основной мостик. Мейсон продолжала спокойно стоять у руля, словно во время самого обычного океанского рейса — одна рука небрежно покоится на штурвале, другая теребит выбившуюся из-под фуражки прядь волос.

Уголком глаза он ухватил нечто за окнами и перевел взгляд туда.

Капитан увидел, как прямо по ходу, на расстоянии примерно мили, из тумана появилось неясное светлое пятно, которое вскоре превратилось в рваную белую линию пониже размытого горизонта. Он тотчас понял, что это громадные донные волны, разбивающиеся о кромку Каррион-Рокс. Зачарованный ужасом, бывалый моряк смотрел, как белая линия превратилась в огромное пространство, состоящее из неистово бушующих волн, и вздымающихся на высоту небоскреба. А за пенящейся водой он увидел скопление скалистых утесов, чернеющих, как мрачные башни полуразрушенного морского замка.

Самое ужасающее зрелище из всех виденных за годы морской службы.

— Ложитесь, сэр! — крикнул Кемпер с пола.

Но Ле Сёр не мог. Оказался просто не в силах оторвать взгляд от маячащего вдали и надвигающегося все ближе конца. Очень немногим довелось заглянуть прямо в ад — а для него этот кипящий котел в зазубренных утесах стал воистину адом, самым настоящим адом, хуже, чем просто огонь и сера. Холодный, черный, водяной ад.

Кого они дурачат? Никто здесь не выживет — никто.

«Прошу тебя, Боже, пусть это будет быстро».

Взгляд его упал на экран видеонаблюдения. Мейсон тоже увидела скалы. Она стояла, напряженно подавшись вперед всем телом, точно подгоняла корабль силой воли, горя нетерпением поскорее привести судно к водной могиле. Но вдруг произошло нечто странное: сумасшедшая подпрыгнула и обернулась, в страхе уставившись на что-то, находящееся вне поля видимости. А потом, с выражением полнейшего ужаса, попятилась прочь. Это движение вывело ее за пределы экрана, и какое-то время ничего не было видно. Потом на экране возникла странная вспышка электростатических помех, очень похожая на облако дыма, и это облако пересекало поле обзора, двигаясь в ту же сторону, куда отступила Мейсон. Ле Сёр постучал по прибору, предполагая «спецэффект» в видеосигнале. Но тут в наушниках, настроенных на волну основного мостика, раздался леденящий душу крик — крик Мейсон. Она вновь появилась на экране и теперь шла шатаясь. Облако, больше похожее на дым, вихрилось вокруг, и некогда образцовый офицер вдыхала его и выдыхала, судорожно хватаясь руками за грудь, за горло. Капитанская фуражка свалилась с головы, волосы беспорядочно разметались. Конечности несчастной двигались конвульсивно, странными рывками, будто боролись с собственным телом. Оторопевшему Ле Сёру пришла на ум марионетка, кукла на ниточках, сражающаяся против своего кукловода. Терзаемая судорогами, Мейсон приблизилась к приборной панели. Ее окутанные дымом конечности задергались в новом приступе спазма. Потом Ле Сёр увидел, как она протягивает вперед руку — явно нехотя, явно против воли — и нажимает кнопку. Облако как будто сильнее прильнуло к ней, проникая в горло, а Мейсон словно цеплялась за воздух, жадно хватая его руками и дергаясь точно в агонии. Упала на колени, воздела руки в карикатурном подобии молитвы, а потом, пронзительно вскрикнув, осела на пол и исчезла из поля зрения видеокамеры.

Несколько секунд Ле Сёр стоял как громом пораженный, изумленно и недоверчиво таращась на экран. Потом схватил рацию и переключился на частоту охраны, дежурившей у входа на основной мостик.

— Ле Сёр вызывает охрану мостика! Какого дьявола там происходит?

— Не знаю, сэр, — последовал ответ. — Но третий уровень тревоги снят. Замки безопасности на входном люке только что расцепились.

— Так чего же ты ждешь?! — завопил он. — Марш туда, и лево руля! Лево руля, мать твою, быстро, быстро, быстро!

Глава 77

Эмили Дальберг покинула вспомогательный мостик и, как было велено, направилась к себе в каюту. Ей показалось, что корабль по-прежнему

движется на максимальной скорости. Она спустилась по лестнице на девятую палубу и по коридору вышла на балкон самого высокого уровня Гранд-атриума.

Там вдова задержалась, пораженная открывшимся зрелищем. Вода стекла на нижние палубы, оставив после себя поломанную мебель, провода, куски деревянной обшивки, разбитое стекло, вздыбленное и порванное ковровое покрытие. Тут и там лежали безжизненные тела.

Эмили знала, что должна вернуться в каюту и приготовиться к катастрофе — слышала спор на вспомогательном мостике, слышала объявление по радио, — но ей вдруг пришло в голову, что, возможно, каюта на девятой палубе не самое подходящее место и лучше было бы находиться на одной из нижних палуб, ближе к корме, где она окажется дальше всего от столкновения и где, возможно, удастся после удара спрыгнуть в море. Конечно, жалкая надежда, но по крайней мере это казалось менее рискованным, чем оказаться в ловушке, в ста двадцати футах над водой.

Эмили побежала по ступенькам, спустилась на восемь уровней, прошла под аркой и, прокладывая путь среди вымокших обломков, разбросанных на полу Гранд-атриума, двинулась в сторону кормы. Элегантные обои ресторана «Королевский герб» потемнели; стены понизу облепили бурые водоросли, обозначая уровень стоявшей здесь воды. Вдова прошла мимо изломанного рояля, отвернувшись при виде торчащей из его корпуса искалеченной ноги.

Сейчас, когда пассажиры разошлись по каютам, корабль казался странно тихим, безлюдным и призрачным. Но потом Эмили услышала где-то рядом рыдания и, обернувшись, заметила перепачканного, насквозь промокшего мальчика лет одиннадцати, без рубашки, который скрючился посреди мусора и обломков. Сердце ее сжалось.

— Здравствуйте, молодой человек. — Дальберг подошла, стараясь говорить обычным, ровным и непринужденным, тоном.

Ребенок вскинул глаза, и она протянула ему руку:

— Пойдем со мной. Я уведу тебя отсюда. Меня зовут Эмили.

Мальчик взялся за руку, и вдова помогла ему подняться.

Сняла с себя жакет и бросила ему на плечи. Маленький путешественник весь дрожал от холода и страха. Вдова обняла его.

— Где твои родные?

— Мама и папа… — произнес он с английским акцентом. — Я не могу их найти.

— Обопрись на меня. Я тебе помогу. Нам надо спешить. Он еще раз громко всхлипнул, и Эмили поспешно повела его из Гранд-атриума, мимо закрытых и заброшенных магазинов Риджент-стрит, по боковому коридору, к открытой палубе. Они сделали остановку у спасательного пункта, чтобы взять два комплекта спасательных жилетов, которые тут же на себя надели. Затем Дальберг повела его к выходному люку.

— Куда мы идем? — спросил мальчик.

— Наружу, на палубу. Там будет безопаснее.

За те несколько мгновений, что открывала люк и помогала мальчику выйти на палубу, она вымокла до нитки от несомой ветром водяной пыли. Над головой кружили бесполезные самолеты.

Крепко взяв ребенка за руку, Дальберг потянула его к перилам ограждения, намереваясь пройти вдоль палубы к корме. Двигатели в глубине корабля пронзительно гудели и вибрировали, сотрясая судно, словно терьер, треплющий крысу. Эмили повернулась к подопечному:

— Пойдем… — и осеклась. Слова застряли у нее в горле. За спиной мальчика, впереди, по носу «Британии», она увидела линию клокочущих белых бурунов под грудой похожих на зубы скал. Непроизвольный крик сорвался с ее губ. Мальчик обернулся. Стена смерти надвигалась с огромной скоростью. Они не успеют достичь кормы, не успеют ничего, кроме как приготовиться к удару.

Гул бьющихся о скалы кипящих волн донесся до нее — низкий резонирующий звук, который словно пронзал тело. Дальберг обняла мальчика.

— Давай лучше просто останемся здесь, — предложила вдова, тяжело дыша. — Мы пригнемся под стеной.

Они поникли, прижавшись к палубным надстройкам. Мальчик в ее объятиях опять заплакал. Откуда-то сверху донесся душераздирающий крик, отчаянный крик живого существа, распрощавшегося с надеждой, — словно крик погибающей чайки.

Если ей суждено умереть, по крайней мере она умрет с достоинством, поддерживая и укрывая собой другое человеческое существо. Дальберг прижала голову мальчика к груди, закрыла глаза и начала молиться.

Но вдруг звук двигателей изменился. Корабль вздрогнул. Глаза Эмили невольно открылись. Она хотела и почти боялась надеяться. Но это оказалось правдой: корабль поворачивал. Вскочив, Дальберг повлекла мальчика обратно к парапету, едва веря глазам — рокочущая линия бурунов все еще приближалась, но уже не так быстро. По мере того как корабль отклонялся от курса, все сильнее бились о корпус донные волны

и вздымались вверх водные облака. В просветах между ними Эмили увидела, как черные скалы уходят — «сворачивают», огибая нос корабля. И вот они уже проходят мимо, чудовищной белой полосой удаляясь параллельно правому борту, а корабль несется дальше, по крутым, похожим на отвесные стены волнам.

Последний зубчатый риф унесся к корме, и гул бурунов заглох вдали. Судно продолжало двигаться, но уже заметно медленнее, и в жалобном вое двигателей и отголосках бурунов Дальберг различала другой звук — ликующие возгласы и аплодисменты.

— Ну что ж, — улыбнулась она мальчику, — пойдем поищем папу и маму?

И, шагая обратно клюку на подгибающихся, ватных ногах, Эмили позволила себе слабую улыбку облегчения.

Глава 78

Скотт Блэкберн сидел, скрестив ноги, на развалинах «Триплекс "Пенсхерст"». Гостиная роскошных покоев имела такой вид, словно по ней пронесся торнадо, — все полностью разрушено. Редкий фарфор, драгоценный хрусталь, изысканные полотна масляной живописи, мраморные и нефритовые скульптуры — все рассеяно и свалено у одной из стен жалкой грудой.

Но Блэкберн всего этого не замечал. Все время кризиса он провел в стенном шкафу, баюкая и охраняя самое драгоценное сокровище. И теперь, когда худшее осталось позади и корабль направлялся в порт — а он всегда знал, что так и будет, — любовно перенес драгоценную собственность обратно на золотой крюк в гостиной.

Его собственность… Определение было неверным. Ибо уж если на то пошло, скорее наоборот — это она пладела им.

Поплотнее закутав атлетическую фигуру в монашеские одеяния, Блэкберн сидел на полу перед Агозиеном в позе лотоса, ни на секунду не позволяя взгляду метнуться в сторону мандалы. Один, в блаженном одиночестве: прислуга куда-то исчезла — погибла, вероятно, — и теперь никто не мог помешать его общению с вечным и бесконечным. Тело дрожало от наслаждения в предвкушении того, что должно наступить. Воздействие мандалы походило на наркотик — самый совершенный, самый экстатичный, полностью освобождающий наркотик, — и Скотт все никак не мог полностью им насладиться. Скоро и весь остальной мир разделит его жажду. Блэкберн сидел мирно, спокойно; биение сердца замедлялось, и умственное возбуждение постепенно сходило на нет. Наконец, с нарочитой медлительностью, столь восхитительной и

сводящей с ума, он поднял голову и устремил взгляд на бесконечное чудо и тайну Агозиена.

Но в этот самый момент что-то вторглось в его пространство. Необъяснимый озноб заставил тело вздрогнуть под шелковыми покровами. Завоеватель мира почувствовал, что комнату наполняет затхлая вонь — грибов и сырого дремучего леса, — полностью заглушая густой и пряный аромат масляных свечей. Сладостное желание и предвкушение сменились тревогой и смятением. Как будто… но нет, такое невозможно-Движимый дурным предчувствием, он обернулся и, к своему неописуемому ужасу, увидел это. Оно вовсе не преследовало его врага, а, напротив, с совершенно явным вожделением приближалось к нему. Блэкберн стремительно вскочил на ноги, но существо уже набросилось на него, проникая внутрь, наполняя тело и мысли все выжигающим, все истребляющим голодным желанием. Издав булькающий звук, миллиардер отшатнулся, споткнулся и, перелетев через боковой столик, рухнул на пол. Он еще успел ощутить, как его жизненная сила высасывается, вытягивается в глухую и черную пустоту, откуда нет возврата…

Вскоре спокойствие вновь воцарилось в покоях. Гортанные крики и звуки борьбы затихли, истаяли в дымном, тяжелом воздухе. Прошла минута, за ней другая. Потом входная дверь номера отворилась. В номер вошел специальный агент ФБР Пендергаст. Он помедлил в прихожей, взглядом светлых глаз окидывая картину опустошения. Затем, с кошачьей фацией перешагивая через нагромождение искореженных предметов искусства, вошел в гостиную. Скотт Блэкберн лежал распростертый на ковре, неподвижный, неестественно вывернутый — как если бы какая-то неведомая сила вытянула из него все кости, мышцы, жилы и внутренние органы, оставив пустой, обвисший кожаный мешок.

Детектив удостоил жертву лишь самым беглым взглядом. Переступив через тело, он приблизился к Агозиену. Тщательно избегая смотреть на него, протянул руку — осторожно, словно перед ним не кусок ткани, а ядовитая змея. Набросив на лицевую сторону картины шелковый покров, он тщательно ощупал полотно по краям, дабы убедиться, что каждый дюйм мандалы закрыт. Затем — и только затем — повернул голову, снял полотно с золотого крючка, аккуратно скатал в свиток и сунул под мышку. Постоял немного и бесшумно удалился из каюты.

Глава 79

Патрик Кемпер, шеф службы безопасности «Британии», стоял на капитанском мостике и смотрел, как проплывает мимо башня Кэбот-тауэр гавани Сент-Джонс. Раздался глухой, монотонный рокот винта — очередной спасательный вертолет взлетел с полубака

«Британии» с еще семьюдесятью пострадавшими на борту. Полеты продолжались безостановочно с того времени, как шторм ослабел, а корабль вошел в пределы досягаемости береговой санитарной авиации. Тембр винтов изменился — вертолет, набирая высоту, на мгновение появился в поле видимости капитанского мостика, потом круто развернулся и ушел вверх. Создавалось впечатление, будто судно находилось в зоне военных действий, Кемпер и впрямь ощущал себя контуженым солдатом, возвращающимся с фронта.

Продолжая терять скорость, огромный лайнер миновал вход в гавань. Два его винта дрожали от напряжения. Ле Сёр и лоцман из Сент-Джонса как могли маневрировали тяжелым и теперь неуклюжим судном — лишенная части винтов «Британия» обрела маневренность дохлого кита. Единственное место у причала, способное принять такое большое судно, было в контейнерном порту. Два буксирных катера отворачивали корабль туда, и в поле зрения медленно выплывала длинная, вся в ржавых полосах платформа, окруженная лесом гигантских контейнерных кранов. Место у причала только что в спешном порядке освободили, а занимавший его раньше большегрузный танкер стоял сейчас на якоре в гавани.

«Британия» продолжала выруливать к месту стоянки, и Кемпер увидел, что пристань выглядит как сцена из фильма катастроф. Сюда стянули десятки экипажей аварийных служб, карет «скорой помощи», труповозок, пожарных и полицейских машин — целое море мигалок и сирен.

Кемпер вымотался сверх всякой меры. В висках стучало, а перед глазами все расплывалось из-за недосыпа и непрерывного стресса. Теперь, когда суровое испытание закончилось, Патрик обнаружил, что размышляет по поводу мрачных и неотвратимых последствий. Он думал о предстоящих слушаниях в Морской комиссии по расследованиям, свидетельских показаниях, судебных исках, беспощадной прессе, скандале и поисках виновных. Первоочередной задачей станет поиск виновного. Яснее ясного, что ему, как начальнику службы безопасности, на пару с Ле Сёром — одним из самых славных парней, с которыми Кемперу доводилось работать, — придется принять главный удар. Им еще повезет, если дело не дойдет до уголовного обвинения; особенно не поздоровится Ле Сёру. Каттер остался жив, и теперь они непримиримые враги.

Кемпер смотрел на первого помощника капитана, который вместе с местным лоцманом склонился над электронными приборами, и задавался вопросом, о чем тот думает. Знает ли, что ждет его впереди? Конечно, знает — Гордон далеко не дурак.

Теперь «Британию» целиком тащили буксиры, медленно проводя к пристани. Вдали, над башней, у дальнего конца гавани нарезали круги вертолеты СМИ. Держась в стороне от воздушного пространства судна, они вели съемку с расстояния. Несомненно, поврежденный грузный силуэт «Британии» передавался в этот момент на миллионы телеэкранов. Ведь все случившееся стало одной из самых страшных — и уж точно самой экстравагантной — катастроф Нового времени.

Кемпер тяжело сглотнул: уж лучше ему сразу привыкнуть к тому, что отныне и впредь произошедшее станет неотъемлемой частью его жизни. Патрик Кемпер, шеф службы безопасности в первом рейсе «Британии» — вот как его станут звать до конца дней. Такая будет отныне у него сомнительная слава.

Отогнав эти мысли, он сосредоточил внимание на мониторах системы безопасности судна — хорошо хоть они функционировали стабильно, чего не скажешь о корабле в целом. Кемпер мог только догадываться, как лайнер выглядит со стороны: выбитые волной иллюминаторы и балконы левого борта; шестая палуба, точно банка сардин, вскрытая с правого борта крылом мостика «Гренфелла»... Внутренние повреждения еще хуже. Пока они тащились до Сент-Джонса, Кемпер провел инспекцию нижних палуб. Море расколотило все стеклянное по левому борту палуб ниже четвертой: иллюминаторы, панорамные окна, балконные двери. Разрушительная вода ворвалась в магазины, рестораны, казино и коридоры, не хуже наводнения круша все, что попадалось на пути, громоздя груды обломков в углах, оставляя после себя разор и смерть. На нижних палубах воняло морской водой, протухшей пищей и трупами. Кемпер пришел в ужас, увидев, сколько людей погибло в нахлынувшей воде; изуродованные тела лежали тут и там, многие оказались погребены под мусором и обломками, несколько трупов даже свисало с потолочных креплений. Больше ста пятидесяти человек, пассажиров и экипажа, расстались с жизнью, и еще около тысячи были ранены.

Буксиры медленно доставили громадное судно до места. Сквозь окна мостика неясно доносились звуки сирен и мегафонов — это аварийно-спасательные службы готовились принять сотни травмированных пассажиров и членов экипажа, все еще оставшихся на борту.

Кемпер отер лицо и еще раз пробежался взглядом по приборной панели систем безопасности. Ему еще необходимо было понять, осмыслить тот факт, что большинство из них остались в живых благодаря чуду. Чуду, которое произошло на капитанском мостике прямо перед казавшейся неминуемой катастрофой. Чуду, которое он не мог объяснить, да и никогда не сможет.

Корабль медленно двигался вдоль пристани к месту якорной стоянки. Огромные стальные тросы сбросили на причал, и команда портовых рабочих вручную закрепила их на массивных кнехтах. Ле Сёр оторвался от векторного радара.

— Мистер Кемпер, — позвал он бесконечно усталым голосом, — через десять минут мы войдем в док. Пожалуйста, сделайте объявление, о котором мы говорили, относительно порядка проведения эвакуации.

Кемпер кивнул, включил систему громкого оповещения и заговорил в микрофон:

— Вниманию всех пассажиров и команды: корабль войдет в док через десять минут. Получившие серьезные травмы будут эвакуированы первыми. Все остальные должны оставаться в своих каютах или в театре «Белгравия» и дожидаться дальнейших инструкций. Спасибо за внимание.

Шеф службы безопасности слышал по радио собственный голос и не узнавал. Он звучал точно из загробного мира.

Глава 80

Стояло раннее утро, с неба капал мелкий дождь. Ле Сёр, прислонившись к тиковым поручням на носу «Британии», смотрел, как темная масса пассажиров с гигантского судна проталкивается вдоль палуб к выходу; слышались раздраженные голоса, каждый старался первым пробиться к сходням, каждый стремился сойти с корабля как можно скорее. Большинство машин технической помощи уже покинуло порт, и теперь настала очередь высадки на берег оставшихся людей. На пристани, вытянувшись в линию, стояли автобусы, готовые к перевозке бедолаг в местные отели и частные дома, добровольно предоставленные ньюфаундлендцами.

Палубные матросы готовились перемещать рабочие тросы, и выкрики корабельной команды смешивались с визгливыми возгласами недовольства и угроз со стороны пассажиров. Ле Сёра поражало, откуда у них только берутся силы возмущаться. Им чертовски повезло, что они вообще выжили.

В ускоренном темпе натянули тросы, ограждающие ленты, установили передвижные стойки, чтобы обеспечить быструю и надежную высадку пассажиров. У сходного трапа Гордон увидел Кемпера, который давал людям последние наставления, — согласно распоряжениям Канадской конной полиции, каждого пассажира надлежало идентифицировать, сфотографировать и препроводить в автобус. Каждого, без исключений.

Ле Сёр знал, что им это не понравится. Но корпорация, как ни крути, обязана была составить официальный документ, список тех, кто сошел с

корабля на берег, — чтобы разобраться, кто погиб, кто ранен, кто остался цел. Корпорации, как ему сказали, нужно было получить фотографии и прочее, дабы впоследствии физически не пострадавшие пассажиры не вчиняли иски о возмещении ущерба здоровью. Даже после того, что случилось, речь по-прежнему в первую очередь шла о деньгах.

Шлюз над сходными мостками был поднят, и темный ручеек пассажиров потек вниз. И кто бы мог подумать: первым у выхода оказался упитанный джентльмен в запачканном смокинге, рвущийся вперед и расталкивающий женщин и детей. С громким криком ринулся он вниз по сходням, в безветренном воздухе его пронзительный голос разносился аж до самого носа корабля.

— Проклятие, я хочу поговорить с человеком, который тут за все отвечает! Я не стану фотографироваться, как какой-нибудь преступник!

Буян прорвался сквозь заслон из членов экипажа, отвечающих за высадку пассажиров, но с портовыми грузчиками Сент-Джонса и офицерами Канадской конной полиции, вызванными помогать при эвакуации, шутки были плохи. Они преградили ему путь, и когда толстяк оказал сопротивление, стражи порядка просто защелкнули на нем наручники и оттащили его в сторону.

— Руки прочь от меня! — орал дебошир. — Как вы смеете?! Я заправляю двадцатипятимиллиардным фондом в Нью-Йорке! Здесь что, коммунистическая Россия?

Его проворно оттащили в сторону, к поджидающему полицейскому фургону, и под непрекращающиеся крики затолкали внутрь. Его пример подействовал отрезвляюще на всех, кто также хотел устроить скандал.

Ле Сёр заставил себя отвлечься и перестал прислушиваться к нервным голосам, исполненным претензий и жалоб. Он понимал, почему люди недовольны, и сочувствовал им, но это был самый быстрый способ эвакуировать их с потерпевшего бедствие судна. К тому же еще предстояло разыскать серийного убийцу.

К нему подошел Кемпер, также прислонился к ограждению и стал наблюдать за высадкой людей с более выигрышной позиции. Оба переживали схожее чувство усталого, молчаливого сострадания.

Мысли Ле Сёра перенеслись к предстоящей Морской комиссии по расследованиям, к дознанию, которое ждало впереди. Он задавался вопросом, как станет рассказывать про ту странную сущность, которая на его глазах набросилась на Мейсон. Поневоле то зрелище наводило на мысль об одержимости бесами. С тех самых пор как это произошло, Гордон десятки раз прокручивал в голове последовательность событий и все равно ни на йоту не приблизился к пониманию, что же за

дьявольщину видел. И что он скажет? «Я видел, как на Мейсон напал призрак»? Как ни рассказывай, подумают, что он уклоняется от ответа или вообще спятил. Нет, невозможно и помыслить о том, чтобы сказать правду. Придется сказать, что с Мейсон случился какой-то припадок, например эпилептический, и умолчать об остальном. Пусть медэксперты гадают, что произошло с ее телом, почему оно сделалось мягким и обвисшим точно спущенная шина.

Капитан вздохнул, глядя на нескончаемую вереницу людей под моросящим дождем. Сейчас, конечно, пассажиры не выглядели сильными и преуспевающими, а напоминали скорее беженцев.

Его мысли продолжали возвращаться к происшествию с Мейсон. Быть может, он всего этого вовсе и не видел? Быть может, то был просто сбой в питании видеосистемы? В конце концов, это же могла быть какая-нибудь пылинка, попавшая в камеру и увеличенная в сотни раз, которая стала перемешаться толчками под действием вибрации судовых двигателей. Наверное, нервное напряжение и усталость побудили его увидеть то, чего не было.

Да, так оно все и было. Ничего другого и быть не могло.

Ле Сёр опять вспомнил то, что потом обнаружили на мостике: обмякший труп старшего помощника Мейсон, странно исковерканный, похожий на пустой мешок, в котором кости превратились в кашу…

Первого помощника отвлекло появление знакомой фигуры. К нему приближался дородный осанистый мужчина с тростью и белой гвоздикой на безупречно чистом лацкане. При виде его Кемпер издал негромкий сдавленный звук, а Ле Сёр почувствовал, как холодеет в груди: Йен Эллиотт, генеральный директор пароходной компании «Северная звезда». Несомненно, этот человек прилетел сюда, чтобы лично председательствовать на публичном процессе. Ле Сёр судорожно сглотнул — похоже, все гораздо хуже, чем он предполагал. Эллиотт энергичным шагом подошел к ним.

— Капитан Ле Сёр?

Гордон напряженно выпрямился.

— Сэр?

— Я хотел вас поздравить.

Это прозвучало так неожиданно, что на какой-то момент Ле Сёр растерялся. Наверное, галлюцинация. Бог свидетель, он так устал, что ему вполне может мерещиться.

— Сэр? — переспросил он.

— Благодаря вашему мужеству, искусству судовождения и хладнокровию «Британия» до сих пор на плаву. Я еще не знаю всех подробностей, но, судя по тому, что мне известно, все могло обернуться совершенно иначе. Мне захотелось поблагодарить вас лично, и вот я здесь.

И глава корпорации протянул ему руку. С чувством нереальности происходящего Ле Сёр ее пожал.

— Даю вам возможность закончить эвакуацию. Но как только все пассажиры покинут корабль, пожалуй, вы могли бы просветить меня относительно деталей.

— Конечно, сэр.

— А кроме того, существует еще вопрос «Британии».

— Вопрос, сэр? Не уверен, что понимаю.

— Что ж, как только судно отремонтируют и приведут в порядок, ему потребуется новый капитан, не так ли? — И, чуть улыбнувшись, Эллиотт повернулся и зашагал прочь.

Молчание нарушил Кемпер.

— Вот это номер! Не могу поверить, черт подери, — пробормотал он.

Ле Сёр тоже едва верил собственным ушам. Очевидно, именно такой смысл хотят придать событиям пиарщики «Северной звезды». Выставить экипаж героями, спасшими более двух с половиной тысяч жизней. А может, и нет. В любом случае он не станет допытываться. И будет рад рассказать Эллиотту все, что знает, — ну почти все…

Его сбил с мысли офицер Канадской конной полиции.

— Кто из вас мистер Кемпер?

— Я.

— Здесь находится джентльмен из ФБР, который хочет поговорить с вами.

Ле Сёр увидел, как из тени судовых надстроек выступил худой человек. Он узнал в нем специального агента ФБР Пендергаста.

— Что вам угодно? — спросил шеф службы безопасности.

Алоиз вышел вперед, на свет. Черный костюм сидел на нем безупречно, лицо было мрачным ему под стать, похожим на лицо покойника. Впрочем, так выглядел любой сходящий со злополучного корабля. Под мышкой у детектива торчал длинный узкий ящик красного дерева. По

другую сторону, опираясь на его руку, шла. молодая женщина с короткими темными волосами и мертвенно-серьезными глазами.

— Благодарю вас, мистер Кемпер, за чрезвычайно интересный вояж. — И с этими словами Пендергаст высвободил руку и запустил в саквояж.

Кемпер настороженно следил за его манипуляциями.

— Нет нужды давать на чай корабельным офицерам, — грубо отрезал он.

— Я думаю, вы с удовольствием примете эти чаевые, — ответил Пендергаст, извлекая на свет сверток в непромокаемой ткани.

— Что это? — спросил Кемпер, принимая пакет.

Но спецагент больше ничего не сказал. Просто повернулся на каблуках и вместе со спутницей растворился в полумраке раннего утра, направляясь в сторону людского потока.

Ле Сёр смотрел, как Кемпер разворачивает сверток.

— Похоже на ваши триста тысяч долларов, — заметил он, а Кемпер в молчаливом изумлении пялился на грязные пачки банкнот.

— В жизни не встречал более странного человека, — пробормотал Кемпер, будто разговаривая сам с собой.

Ле Сёр его не слышал. Он все думал о заколдованном, демоническом облаке, которое поглотило капитана Мейсон.

эпилог

Лето наконец пришло в долину Лльолунг. Река Цангпо ревела в каменном русле, питаясь талыми снегами с великих гор. Трещины и впадины на дне ущелья наполнились цветами. Черные орлы парили над утесами; их пронзительные крики эхом отдавались от громадной стены из гранита в верховьях долины, смешиваясь с рокотом водопада, увенчанного плюмажем водяной пены. Вырываясь из теснин русла, поток перистыми гребешками низвергался на разбросанные внизу камни. И надо всем высились три горные громады: Дхаулагири, Аннапурна и Манаслу — в мантиях из вечных льдов и снегов, словно три холодных далеких властелина.

Пендергаст и Констанс ехали бок о бок по узкой тропе, ведя в поводу черного пони, к спине которого был привязан длинный ящик, завернутый в парусину.

— Мы окажемся на месте еще до заката, — обронил Пендергаст, глядя на едва заметную тропу, вьющуюся вверх по открытому гранитному склону.

Некоторое время они ехали в молчании.

— Я нахожу любопытным, — вновь заговорил спецагент, — что Запад, настолько продвинутый во многих отношениях, все еще находится во тьме Средневековья, когда дело касается понимания глубин человеческого разума. Агозиен — превосходный пример того, насколько более продвинут Восток в этой области.

— У тебя есть какие-то соображения о том, как он может функционировать?

— На самом деле, по странному совпадению, я как раз прочел статью в «Тайме», которая может пролить на это некоторый свет. Статья о недавно открытом математическом объекте под названием «Е-восемь».

— «Е-восемь»?

— Да, «Е-восемь» открыла группа ученых Массачусетского технологического института. Суперкомпьютер, постоянно работая в течение четырех лет, должен был решить двести миллиардов уравнений, с тем чтобы вывести некий образ — надо сказать, весьма несовершенный, по общему признанию. Я был поражен его сходством с Агозиеном.

— Что же он собой представляет?

— Нечто довольно неопределенное. Чрезвычайно сложное изображение, состоящее из взаимосвязанных линий, точек и поверхностей, сфер внутри сфер. Оно занимает около двухсот пятидесяти математических измерений. Говорят, что «Е-восемь» самый симметричный из возможных объектов. Более того, физики считают, что «Е-восемь» может быть отображением глубокой внутренней структуры самой Вселенной — реально существующей геометрией пространственно-временного континуума. Трудно себе представить, что тысячу лет назад монахи в Индии каким-то образом открыли этот удивительный и уникальный образ и перенесли его на полотно.

— Пусть даже так, я все равно не понимаю. Как может простое созерцание чего-либо изменить разум?

— Точно не знаю. Геометрия этого образа каким-то образом активизирует нервную сеть мозга. Это создает резонанс, если угодно. Возможно, на глубинном уровне наш мозг сам отражает фундаментальную геометрию Вселенной. Агозиен — редкое пересечение неврологии, математики и мистицизма.

— Поразительно.

— В восточной философии и мистицизме существует много такого, что неповоротливому западному уму еще предстоит постичь. Но мы начинаем наверстывать упущенное. Ученые, такие как Харвард, к

примеру, едва приступив к изучению воздействия тибетской медитативной практики на ум, к своему изумлению, обнаружили, что она действительно вызывает долговременные физические изменения в мозгу и теле.

Путники достигли переправы через Цангпо. Мелкая и широкая у брода, она весело скакала по галечному руслу воздух полнился веселым журчанием. Лошади опасливо ступили в стремительный поток, осторожно нащупывая дорогу.

— А дымный призрак? Этому тоже есть какое-то научное объяснение?

— Научное объяснение есть всему, Констанс. Не существует чудес или волшебства, — только научные знания, которые мы еще не открыли. Дымный призрак, так называемая тульпа, или мыслеформа — сущность, созданная путем интенсивной фокусировки воображения.

— Монахи обучали меня некоторым техникам создания тульпы и предостерегали от таящейся здесь опасности.

— Это крайне опасно. Данный феномен впервые описала французский исследователь Александра Давид-Неэль. Она изучала секреты создания тульпы не так далеко отсюда, возле тибетского озера Маносавар. Француженка упорно и энергично экспериментировала и, похоже, начала визуализировать пухлого жизнерадостного маленького монашка по имени брат Тук[52]. Поначалу монах существовал только в ее воображении, но постепенно начал жить собственной жизнью и время от времени делался виден, когда мелькал над лагерем и пугал спутников Давид-Неэль. Далее дела пошли хуже: Александра потеряла контроль над монахом, и тот начал видоизменяться в нечто высокое, сухощавое и гораздо более зловещее. Порождение фантазии вышло из-под контроля — точь-в-точь как наш дымный призрак. Исследовательница попыталась уничтожить его, но тульпа энергично сопротивлялась, и конечным результатом стало физическое единоборство, в котором Давид-Неэль едва не погибла. Тульпу на борту «Британии» создал наш друг Блэкберн — и она же его и убила.

— Значит, он был мастером, адептом?

— Да. В молодости путешествовал и изучал эти науки в Сиккиме. Он сразу же понял, что такое Агозиен и как его можно использовать — к большому несчастью для Джордана Эмброуза. То, что дело кончилось именно Блэкберном, отнюдь не простое совпадение. В передвижении этого предмета по миру нет ничего случайного. Можно сказать, что Агозиен старался выйти на Блэкберна, используя Эмброуза в качестве посредника. Блэкберн, с его миллиардами и смекалкой владельца интернет-компании, находился в идеальном положении для того, чтобы распространить образ Агозиена по всему земному шару.

Некоторое время путники ехали в молчании.

— Знаешь, — проговорила Констанс, — ты никогда не объяснял мне, каким образом тебе удалось натравить тульпу на капитана Мейсон.

Пендергаст ответил не сразу. Было совершенно очевидно, что это воспоминание для него до сих пор болезненно.

— Когда я высвободился из его волчьей хватки, то позволил сформироваться в сознании одному-единственному образу — образу Агозиена. В двух словах: я внедрил этот образ в тульпу и дал ей новый объект желания.

— Ты поменял ее цель.

— Именно. Когда тульпа нас покинула, она стала выискивать тех, кто зачарованным взором смотрел на Агозиен. А в случае Мейсон — и стремившихся к разрушению. И тульпа истребила обоих.

— А потом?

— Понятия не имею, куда она ушла. Если считать, что события совершили полный цикл и все вернулось на круги своя, возможно, она вернулась на тот самый план тонкого мира, с которого была вызвана. А может, просто растворилась со смертью своего создателя. Интересно услышать точку зрения монахов по этому поводу.

— То есть в конце концов она послужила во благо.

— Можно сказать и так, хотя сомневаюсь, что добро — та идея, которую она была способна понять или которой озаботиться.

— Тем не менее ты воспользовался ею, чтобы спасти «Британию».

— Верно. И в результате чувствую себя чуть менее подавленным по поводу того, что оказался не прав.

— Не прав? В чем?

— В том, что полагал, будто все убийства — дело рук одного и того же лица — пассажира. В действительности же Блэкберн виновен лишь в одном убийстве — на суше.

— Причем весьма эксцентрично. Похоже, Агозиен словно приподнимает крышку, выпуская на волю наиболее потаенные, жестокие и атавистические из человеческих импульсов.

— Да. Вот это и сбило меня с толку — схожий почерк преступников. Я исходил из того, что все убийства совершены одним и тем же лицом, хотя следовало понять, что убийц было двое, но оба действовали под одним и тем же злобным влиянием — Агозиена.

Они достигли подножия тропы, взбирающейся по утесу. Пендергаст спешился и благоговейным жестом положил руку на установленный здесь огромный камень-мани. Констанс последовала его примеру, а потом они стали подниматься по тропе, ведя лошадей в поводу. Через некоторое время путешественники достигли вершины, миновали разрушенную деревню и обогнули выступ горы, за которым, уже привычно, взору открылись остроконечные крыши, башни и скошенные крепостные валы монастыря Гзалриг Чонгг. Путники проехали каменистую осыпь, усеянную побелевшими костями — стервятники улетели, — и наконец прибыли в монастырь.

Ворота во внешней каменной стене открылись едва ли не прежде, чем прибывшие их достигли. Встречали два монаха; один увел верховых лошадей, а Пендергаст развьючил пони. Детектив сунул длинный ящик под мышку, и они с Констанс последовали за вторым монахом через окованные железом двери по темным коридорам, пропахшим сандаловым деревом и дымом благовоний. С медным подсвечником появился еще один монах и повел гостей в недра монастыря.

В комнате с золотой статуей Падмасамбхавы, тантрического Будды, монахи только что расселись на каменных скамьях, под председательством древнего настоятеля.

Пендергаст поместил ящик на пол и сам опустился на одну из скамей. Констанс села рядом.

Поднялся Цзеринг:

— Друг Пендергаст и друг Грин, мы рады вновь приветствовать вас в монастыре Гзалриг Чонгг. Пожалуйста, выпейте с нами чаю.

Принесли чаши со сладким, сдобренным маслом чаем, и все молча наслаждались трапезой. Затем Цзеринг заговорил вновь:

— Что вы нам привезли?

— Агозиен.

— Это не тот ящик.

— Подлинный ящик не уцелел.

— А Агозиен?

— Находится внутри — в первоначальном состоянии.

Некоторое время все молчали, потом заговорил древний настоятель, а Цзеринг стал переводить:

— Настоятель хотел бы знать: кто-нибудь смотрел на него?

— Да.

— Сколько человек?

— Пятеро.

— И где они теперь?

— Четверо мертвы.

— А пятый?

— Пятым был я.

Когда эти слова были переведены, настоятель резко поднялся с места и вперился в Алоиза взглядом. Затем приблизился к Пендергасту, схватил его костлявой рукой и с удивительной силой потянул вверх, заставляя подняться на ноги. Патриарх смотрел прямо в глаза, и несколько минут прошли в напряженном безмолвии. Наконец старик нарушил тишину.

— Настоятель говорит, что это поразительно, — перевел Цзеринг. — Ты выжег демона. Но ущерб остался, поскольку тот, кто испытал экстаз полной свободы зла, уже никогда не сможет забыть эту радость. Мы поможем тебе, но не сумеем вернуть всю целостность.

— Мне это известно.

Настоятель поклонился и, подняв ящик, передал подошедшему монаху.

— Тебе наша бесконечная благодарность, друг Пендергаст. Ты совершил великий подвиг — дорогой ценой.

Спецагент остался стоять.

— Боюсь, дело еще не совсем закончено. Среди вас есть вор. Судя по всему, один из монахов счел, что мир уже созрел для очищения, и организовал кражу Агозиена. Мы должны найти этого человека и остановить — не то Агозиен снова вырвется на волю.

Как только это перевели, настоятель повернулся и посмотрел на Пендергаста, чуть приподняв бровь. На лице его явно читалось замешательство. Потом он заговорил.

— Настоятель говорит, что ты прав, дело еще не завершено. Это не конец, а начало. Он просит меня сообщить тебе некоторые важные факты. Пожалуйста, сядь.

Пендергаст опустился на скамью, настоятель — тоже.

— После вашего отъезда мы выяснили, кто выпустил Агозиен в большой мир и зачем.

— Кто же это?

— Святой лама, заточенный в стене. Тот древний старец.

— Затворник?

— Да.

Джордан Эмброуз был очарован этим человеком и беседовал с ним. Лама позволил Эмброузу войти во внутренний монастырь и уговорил похитить Агозиен. Но не для того, чтобы очистить мир. Лама преследовал другую цель.

— Какую?

— Это трудно объяснить. Прямо перед вашим предпоследним приездом умер его святейшество Раланг Ринпоче. Он являлся восемнадцатой реинкарнацией того Ринпоче, который давным-давно основал этот монастырь. Монастырь не может продолжать существование без нашего реинкарнированного учителя. И потому, когда Ринпоче умирает, мы обязаны выйти в мир, чтобы найти его перевоплощение. Приводим в монастырь ребенка, которого растим и воспитываем как следующего Ринпоче. Таков был всегда наш путь. В 1919 году, когда умер семнадцатый Ринпоче, Тибет оставался еще свободной страной и было возможно выйти в мир и найти его перевоплощение. Но вот умер восемнадцатый Ринпоче, а Тибет оккупирован. Свободное перемещение монахов очень затруднено и опасно. Китайцы арестовывают наших братьев, посланных с этой миссией, бьют их, иногда даже убивают. Святой человек, замурованный в стене, знает очень много. Он знает предсказание, которое гласит: когда мы не сможем выйти и найти нового Ринпоче, тогда новый Ринпоче сам придет в Гзалриг Чонгт. Мы узнаем его, потому что он исполнит пророчество, данное в основополагающем священном тексте нашего монастыря.

Когда Агозиен двинется по Западному морю,

И тьма накатит волна за волной,

И воды яростно восстанут

И ударят в великий дворец пучин,

Тогда вы узнаете Ринпоче по его защитнику,

Который вернется с Зеленой Тарой,

Сквозь волны Западного моря.

Из разоренного дворца пучин.

Таким образом, дабы исполнить пророчество, святой праведник выпустил Агозиен в мир, чтобы увидеть, кто принесет его обратно. Ибо человек, который вернет его, является попечителем девятнадцатого Ринпоче.

Спецагент испытал редкую для себя эмоцию — полнейшее изумление.

— Да, друг Пендергаст, ты привел нам девятнадцатого Ринпоче. — Цзеринг смотрел на Алоиза с веселыми искорками в глазах. А потом устремил внимательный взгляд на Констанс.

Та поднялась с места.

— Опекун… простите, вы хотите сказать, что я перевоплощение Ринпоче? Но это абсурд — я родилась задолго до его смерти.

Улыбка монаха обозначилась явственнее.

— Я говорю не о тебе. Я говорю о ребенке, которого ты носишь.

Изумление Пендергаста удвоилось. Он повернулся к спутнице, которая смотрела на монаха с непередаваемым, загадочным выражением на лице.

— О ребенке? — повторил Пендергаст. — Но ты же ездила в Февершем. Я думал… я полагал…

— Да, — ответила Констанс, — я ездила в клинику. Но, приехав туда, поняла, что не смогу этого сделать. Даже… даже зная, что это его ребенок.

Воцарившееся молчание нарушил Цзеринг:

— Древняя молитва гласит: «Введи меня во все возможные несчастья. Только таким путем смогу я превратить зло в добро».

Констанс кивнула, бессознательно поглаживая припухлость на запястье, а потом улыбнулась — полутаинственно-полусмущенно.

ОТ АВТОРОВ

Дуглас Престон и Линкольн Чайлд хотели бы выразить величайшую признательность тем, кто оказал бесценную помощь при создании книги: Джейми Ливайну, Джейми Раабу, Эрику Симоноффу, Иди Клемму, Эвану Бурстину, Дженнифер Романелло, Курту Раушеру, Кпаудии Рюльке и Лауре Гоуллер. Мы также выражаем благодарность капитану Ричарду Халлюску из корпорации «Ай-си-эм солюшенс», а также организации «Видеотел марин интернэшнл» (Великобритания).

Книга являет собой художественный вымысел. Все персонажи, корпорации, места действия, события, суда, религиозные практики и ритуалы, иконография, описанные на этих страницах, полностью вымышлены, и любое сходство с реальными событиями, судами, лицами, религиозными и правительственными организациями либо корпорациями является непреднамеренным и чисто случайным. В частности, судовая компания «Северная звезда», судно «Британия» и все, кто служит или совершает плавание на ее борту, есть всего лишь каприз нашего воображения.

Нас часто спрашивают, в каком порядке следует читать наши книги, если вообще существует какой-то порядок.

Этот вопрос в большей степени относится к романам, героем которых является специальный агент Пендергаст. Хотя большинство наших романов написаны как самостоятельные повествования, очень немногие из них оказались обособленными. Совсем напротив: похоже, чем больше становится совместно написанных книг, тем явственнее прослеживается связь между их персонажами и событиями. Персонажи одной книги появятся затем в более поздней, или события из одного романа могут перетечь в последующий. Короче говоря, мы медленно выстраиваем некую вселенную, в которой находят место все персонажи наших романов, а переживаемые ими события взаимосвязаны.

Читать романы в определенном порядке едва ли является необходимостью. Мы приложили немало усилий, чтобы сделать почти каждую нашу книгу самостоятельным произведением, которым можно наслаждаться в отрыве от остальных, разве что за немногими исключениями.

Итак, вашему вниманию предлагается схема хронологической организации наших книг.

Романы о Пендергасте

«Реликт» был нашим первым совместным романом, а также первым, в котором выведен агент Пендергаст, и в этом качестве не имеет предшественников.

«Реликварий» является продолжением «Реликта».

«Кабинет диковин» — наш следующий роман о Пендергасте, и он является самостоятельным произведением.

«Натюрморт с воронами» — следующая книга. Также самостоятельная история (хотя читатели, интересующиеся Констанс Грин, найдут здесь о ней чуть больше информации — так же как и в «Кабинете диковин»).

Далее идет роман «Огонь и сера», первый из так называемой трилогии о Диогене. Хотя книга также самодостаточна, она все-таки подхватывает некоторые сюжетные линии, начатые в «Кабинете диковин».

«Танец смерти» — второй роман трилогии о Диогене, при том что его можно читать как самостоятельную книгу.

«Книга мертвых» — завершающий роман трилогии. Для более полного удовольствия можно посоветовать читателю ознакомиться сначала с «Танцем смерти».

«Штурвал тьмы», который вы сейчас держите в руках, является самостоятельной историей, которая продолжает развивать тему Пендергаста и события которой разворачиваются хронологически вслед за событиями «Книги мертвых».

Романы без Пендергаста

Мы также написали совместно ряд приключенческих романов, не связанных со специальным агентом ФБР Пендергастом. Выходили они в такой последовательности: «Гора Дракон», «Остров», «Грозовой фронт» и «Граница льдов».

Героиня «Грозового фронта» Нора Келли появляется в большинстве позднейших романов о Пендергасте. «Граница льдов» знакомит читателя с Эли Глинном, который действует также в «Танце смерти» и в «Книге мертвых».

В заключение хотим заверить наших читателей, что это примечание задумано не как обременительное наставление, а скорее как ответ на вопрос: «В каком порядке следует читать ваши книги?» Мы необычайно счастливы, что есть такие люди, как вы, которые наслаждаются чтением наших романов в той же мере, в какой мы наслаждаемся их написанием.

С наилучшими пожеланиями,

Дуглас Престон и Линкольн Чайлд.

Примечания

1

Тибетское название реки Брахмапутры. — Здесь и далее примеч. пер.

2

В тибетском буддизме — молитвенная принадлежность, в виде каменных плиток, валунов или камней-голышей.

3

Колесо или цилиндрический валик, содержащий молитвы и мантры. В тибетском буддизме молитвенные мельницы принято крутить, чтобы сочетать физическую активность с духовным содержанием.

4

Индийский мастер, основавший тибетский буддизм и тантрическую школу буддизма в VIII в.; в Бутане и на Тибете он также известен как гуру Ринпоче (Драгоценный Мастер). Одна из буддийских школ почитает его как второго Бухту.

5

Дзогчен, или Дзогпа Ченпо («Полное Совершенство»), — учение об изначальном состоянии бытия, которое представляет собой неотъемлемую природу каждого человека.

6

Традиционное тибетское блюдо, основная пища тибетских монахов; изготавливается из прожаренной ячменной муки голозерного ячменя, замешанной на тибетском чае.

7

Произведение буддийской религиозной живописи.

8

От санскр. «круг», «диск» — геометрический сакральный символ сложной структуры, ритуальный предмет в буддизме; символизирует сферу обитания божеств; интерпретируется как модель Вселенной.

9

Имя Констанс означает «постоянство», «неизменность»; «грин» — по-английски «зеленый».

10

Японская золотая монета.

11

Средневековый духовой музыкальный инструмент типа гобоя.

12

Тибетский ритуальный рожок.

13

Тибетский священный жезл или скипетр с прикрепленными к нему колокольчиками; символ высшей власти, правосудия и мудрости.

14

Т. н. Золотой дом. дворец в Венеции.

15

Доктор (*ит.*).

16

Зал (*ит.*).

17

Безумец (*ит.*).

18

Вторая в мире по высоте горная вершина после Эвереста.

19

Однобортный сюртук со скругленными фалдами.

20

Английские художники и писатели середины XIX в., опиравшиеся в своем творчестве на искусство Средних веков Раннего Возрождения. Создали в изобразительном искусстве новый тип женской красоты — отрешенный, спокойный, таинственный. Ярким представителем прерафаэлитов был поэт и живописец Данте Габриел Россетти (1828–1882).

21

В римской мифологии — бог подземного мира и царства мертвых; Прозерпина — его жена.

22

Т. н. белый кедр, произрастающий в США, Японии и на Тайване.

23

Тонкие жареные ломтики из середины филе.

24

Популярный американский телесериал, действие которого происходит на круизном корабле.

25

Сосуд с широким горлом, двумя ручками и ножкой, служивший для смешивания вина с водой.

26

Грязный, поганый (*греч.*).

27

1 морская сажень = 6 футам, или 183 см.

28

Водовыпускное отверстие.

29

Большое окно, обычно из цельного стекла.

30

Спокойно, спокойно (*фр.*).

31

Сумма числовых значений всех карт, вышедших из колоды.

32

Специальный яшичек для сдачи карт; обычно используется в тех играх, где употребляется несколько колод одновременно (например в блэкджеке).

33

Место непосредственно слева от крупье; сидящий там игрок получает карты первым.

34

Парадокс Монти Холла — одна из известных задач теории вероятностей и гипотетическая игра на американском телешоу. Формулировка задачи начинается следующим образом: «Представьте, что вам нужно выбрать одну из трех дверей. За одной находится автомобиль, за двумя другими — козы…»

35

Игрок, который получает карты последним.

36

Истинный счет, в отличие от текущего, учитывает также количество оставшихся в шузе колод.

37

Формула, показывающая оптимальную долю капитала, которой можно рискнуть в одной сделке; применяется в управлении капиталом при игре на финансовых рынках, в азартных играх и др.

38

Особый вариант игры: если две исходные карты имеют одинаковое достоинство, игрок может разделить их и сыграть на две независимых руки, удвоив ставку.

39

Горловое пение; состоит из низкочастотного жужжания и мелодии на высокой частоте, как у флейты.

40

Фильм по одноименному роману Германа Вука.

41

Международный кодекс по охране судов и портовых средств.

42

Священное оружие, палица, жезл или скипетр, используемый в тибетском буддизме как символ высшей власти и правосудия.

43

В буддизме — воплощение бесконечного сострадания всех Будд.

44

Уильям Блай — вице-адмирал королевского флота Великобритании; наибольшую известность получил в связи с мятежом на судне «Баунти», когда был низложен командой.

45

Одна из школ буддизма Ваджраяны.

46

Международная организация «Безопасность на море».

47

Материализованное воплощение мысли; у тибетских йогов некий видимый и даже осязаемый образ, создаваемый воображением.

48

Букв.: «пустота, ничто, не-сушествование»; одно из понятий философии буддизма.

49

Буквальный перевод с древнееврейского имени дьявола — Вельзевул.

50

Брат (*лат.*).

51

Прощай, брат (*лат.*).

52

Духовник Робина Гуда.